В.В. Кусков

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Издание шестое, исправленное и дополненное

Рекомендовано
Министерством общего и профессионального образования
Российской Федерации
В качестве учебника для студентов
Высших учебных заведений

Москва
«Высшая школа»
1998

Содержание	№ файла	стр.
Введение		
Возникновение древнерусской литературы	**1**	
Литература Киевской Руси (серединаXI – первая треть XII в.в.)		
«Повесть временных лет»	**3**	
Ораторское красноречие		**2**
«Поучение» Владимира Мономаха		**26**
Житийная литература		**29**
«Хождение» игумена Даниила		**34**
Переводная литература		**39**
		42
Литература периода феодальной раздробленности (вторая треть XII– первая половина XIII в.в.)	**4**	
«Слово о полку Игореве»		**2**
Областные литературы		**24**
Повести о монголо–татарском нашествии		**36**
«Слово о погибели Русской земли»		**41**
«Житие Александра Невского»		**43**
Переводная литература		**46**
Литература периода борьбы русского народа с монголо–татар-скими завоевателями и начала формирования централизованного государства (вторая половина XIII – XV в.в.)	**5**	
Московская литература		**2**
Новгородская литература		**20**
Псковская литература		**29**
Тверская литература		**32**
Переводная литература		**34**
Литература централизованного государства (конец XV– XVI в.в.)	**6**	
Публицистика		**10**
Обобщающие произведения		**25**
«Повесть о Петре и Февронии»		**32**
Литература формирующейся русской нации (XVII в.)		
Литература первой половины XVII века	**7**	
Повести «смутного времени»		**3**
Эволюция агиографической литературы		**12**
Эволюция жанров исторического повествования		**14**
Литература второй половины XVII века	**8**	
Бытовые повести		**2**
Демократическая сатира		**10**
Исторические повести		**17**
Переводная литература		**20**
Старообрядческая литература		**26**
Появление и развитие поэзии		**37**
Начало русского театра и драматургии		**45**

Заключение	**9.1**	
Список рекомендуемой литературы	**9.2**	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее, шестое, издание истории древнерусской литературы предназначено в качестве учебника для студентов филологических специальностей вузов.

Основное внимание в книге обращено на процесс становления и развития древнерусской литературы, начиная с XI и кончая XVII столетием. Автор стремился показать художественную специфику древнерусской литературы, характер ее жанров и стилей, а также ее роль в патриотическом, нравственном и эстетическом воспитании.

По сравнению с пятым изданием в текст внесены незначительные изменения, связанные с уточнением отдельных положений; новейшими работами русских медиевистов пополнена рекомендательная библиография.

Каждый раздел завершается контрольными вопросами, помогающими студенту в организации самостоятельной работы над материалом.

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусская литература является тем прочным фундаментом, на котором возводится величественное здание национальной русской художественной культуры XVIII—XX вв. В ее основе лежат высокие нравственные идеалы, вера в человека, в его возможности безграничного нравственного совершенствования, вера в силу слова, его способности преобразования внутреннего мира человека, патриотический пафос служения Русской земле — государству —Родине, вера в конечное торжество добра над силами зла, всесветное единение людей и его победу над ненавистной рознью.

Не зная истории древнерусской литературы, мы не поймем всей глубины творчества А. С. Пушкина, духовной сущности творчества Н. В. Гоголя, нравственных исканий Л. Н. Толстого, философской глубины Ф. М. Достоевского, своеобразия русского символизма, словесных исканий футуристов.

Хронологические границы древнерусской литературы и ее специфические особенности. Русская средневековая литература является начальным этапом развития русской литературы. Ее возникновение тесно связано с процессом формирования раннефеодального государства. Подчиненная политическим задачам укрепления основ феодального строя, она по-своему отразила различные периоды развития общественных и социальных отношений на Руси XI—XVII вв. Древнерусская литература — это литература формирующейся великорусской народности, постепенно складывающейся в нацию.

Вопрос о хронологических границах древнерусской литературы окончательно не решен нашей наукой. Представления об объеме древнерусской литературы до сих пор остаются неполными. Много произведений погибло в огне бесчисленных пожаров, во время опустошительных набегов степных кочевников, нашествия монголо-татарских захватчиков, польско-шведских интервентов! Да и в более позднее время, в 1737 г., остатки библиотеки московских царей были уничтожены пожаром, вспыхнувшим в Большом Кремлевском дворце. В 1777 г. от огня погибла Киевская библиотека. Во время

Отечественной войны 1812 г. в Москве сгорели рукописные собрания Мусина-Пушкина, Бутурлина, Баузе, Демидова, Московского общества любителей русской словесности.

Основными хранителями и переписчиками книг в Древней Руси, как правило, были монахи, менее всего заинтересованные в хранении и переписке книг мирского (светского) содержания. И это во многом объясняет, почему подавляющее большинство дошедших до нас произведений древнерусской письменности носит церковный характер.

Произведения древнерусской письменности разделялись на «мирские» и «духовные». Последние всячески поддерживались и распространялись, так как содержали непреходящие ценности религиозной догматики, философии и этики, а первые, за исключением официальных юридических и исторических документов, объявлялись «суетными». Благодаря этому мы и представляем нашу древнюю литературу в большей степени церковной, чем она была на самом деле.

Приступая к изучению древнерусской литературы, необходимо учитывать ее специфические черты, отличные от литературы нового времени.

Характерной особенностью древнерусской литературы является р у к о п и с н ы й характер ее бытования и распространения. При этом то или иное произведение существовало не в виде отдельной, самостоятельной рукописи, а входило в состав различных сборников, преследовавших определенные практические цели. «Все, что служит не ради пользы, а ради прикрасы, подлежит обвинению в суетности». Эти слова Василия Великого во многом определяли отношение древнерусского общества к произведениям письменности. Значение той или иной рукописной книги оценивалось с точки зрения ее практического назначения, полезности.

«Велика бо бываеть ползa от ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных; се бо суть рекы, напаяюще вселеную, се суть исходищя мудрости, книгам бо есть неищетная глубина, сими бо в печали утешаемы есмы, си суть узда въздержанью... Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши велику ползу души своей...» — поучает летописец под 1037 г.

Другой особенностью нашей древней литературы является а н о н и м н о с т ь, имперсональность ее произведений. Это было следствием религиозно-христианского отношения феодального общества к человеку, и в частности к труду писателя, художника, зодчего. В лучшем случае нам известны имена отдельных авторов, «списателей» книг, которые скромно ставят свое имя либо в конце рукописи, либо на ее полях, либо (что гораздо реже) в заглавии произведения. При этом писатель не приминет снабдить свое имя такими оценочными эпитетами, как *«худый», «недостойный», «многогрешный».* В большинстве же случаев автор произведения предпочитает оставаться неизвестным, а порой и скрыться за авторитетным именем того или иного «отца церкви» — Иоанна Златоуста, Василия Великого и др.

Биографические сведения о известных нам древнерусских писателях, объеме их творчества, характере общественной деятельности весьма и весьма скудны. Поэтому если при изучении литературы XVIII—XX вв. литературоведы широко привлекают биографический материал, раскрывают характер политических, философских, эстетических взглядов того или иного писателя, используя авторские рукописи, прослеживают историю создания произведений, выявляют творческую индивидуальность писателя, то к памятникам древнерусской письменности приходится подходить по-иному.

В средневековом обществе не существовало понятия авторского права, индивидуальные особенности личности писателя не получили такого яркого проявления,

как в литературе нового времени. Переписчики зачастую выступали в роли редакторов и соавторов, а не простых копиистов текста. Они изменяли идейную направленность переписываемого произведения, характер его стиля, сокращали или распространяли текст в соответствии со вкусами, запросами своего времени. В результате создавались новые редакции памятников. И даже когда переписчик просто копировал текст, его список всегда чем-то отличался от оригинала: он допускал описки, пропуски слов и букв, невольно отражал в языке особенности своего родного говора. В связи с этим в науке существует особый термин — «извод» (рукопись псковско-новгородского извода, московского, или —шире —болгарского, сербского и др.).

Как правило, авторские тексты произведений до нас не дошли, а сохранились их более поздние списки, подчас отстоящие от времени написания оригинала на сто, двести и более лет. Например, «Повесть временных лет», созданная Нестором в 1111—1113 гг., вовсе не сохранилась, а редакция «повести» Сильвестра (1116) известна только в составе Лаврентьевской летописи 1377 г. «Слово о полку Игореве», написанное в конце 80-х годов XII в., было найдено в списке XVI в.

Все это требует от исследователя древнерусской литературы необычайно тщательной и кропотливой текстологической работы: изучения всех имеющихся в наличии списков того или иного памятника, установления времени и места их написания путем сопоставления различных редакций, вариантов списков, а также определения, в какой редакции список более всего соответствует первоначальному авторскому тексту. Этими вопросами занимается особая отрасль филологической науки — *т е к с т о л о г и я.*

Решая сложные вопросы о времени написания того или иного памятника, его списков, исследователь обращается к такой вспомогательной историко-филологической науке, как п а л е о г р а ф и я. По особенностям начертания букв, почерков, характеру писчего материала, бумажным водяным знакам, характеру заставок, орнамента, миниатюр, иллюстрирующих текст рукописи, палеография дает возможность относительно точно установить время создания той или иной рукописи, количество писцов, ее писавших.

В XI—первой половине XIV в. основным писчим материалом был пергамен, изготовлявшийся из кожи телят. На Руси пергамен часто называли «телятиной», или «харатьей». Этот дорогостоящий материи был, естественно, доступен только имущим классам, а ремесленники, торговцы пользовались для своей ледовой переписки берестой. Береста также выполняла функцию ученических тетрадей. Об этом свидетельствуют замечательные археологические открытия новгородских берестяных грамот.

Для экономии писчего материала слова в строке не разделялись, и только абзацы рукописи выделялись красной киноварной буквицей — инициалом, заголовком — «красной строкой» в буквальном смысле этою слова. Часто употребляемые, широко известные слова писались сокращенно под особым надстрочечным знаком—т и т л о м. Например, *глет (глаголет* — говорит), бгъ (бог), бца (богородица).

Пергамен предварительно разлиновывался писцом при помощи линейки с цепочкой. Затем писец клал его на колени и тщательно выписывал каждую букву. Почерк с правильным почти квадратным начертанием букв назывался у с т а в о м. Работа над рукописью требовала кропотливого труда и большого искусства, поэтому, когда писец завершал свой нелегкий труд, он с радостью это отмечал. *«Радуется купецъ прикуп створив и кормьчии в отишье пристав и странник в отечьство свое пришед, тако ж радуется и книжный писатель, дошед до конца книгам...»* — читаем в конце Лаврентьевской летописи.

Написанные листы сшивались в тетради, которые переплетались в деревянные доски. Отсюда фразеологический оборот — «прочитать книгу от доски до доски». Доски переплета обтягивались кожей, а иногда облекались в специальные изготовленные из серебра и золота оклады. Замечательным образцом ювелирного искусства является, например, оклад Мстиславова евангелия (начало XII в.).

В XIV в. на смену пергамену пришла бумага. Этот более дешевый писчий материал облепил и ускорил процесс письма. Уставное письмо сменяется наклонным, округлым почерком с большим количеством выносных надстрочных знаков — п о л у у с т а в о м. В памятниках деловой письменности появляется с к о р о п и с ь, которая постепенно вытесняет полуустав и занимает господствующее положение в рукописях XVII в.

Огромную роль в развитии русской культуры сыграло возникновение книгопечатания в середине XVI в. Однако вплоть до начала XVIII в. печатались книги преимущественно церковные, а произведения мирские, художественные по-прежнему бытовали и распространялись в рукописях.

При изучении древнерусской литературы следует учесть одно весьма важное обстоятельство: в средневековый период художественная литература еще не выделилась в самостоятельную область общественного сознания, она была неразрывно связана с философией, наукой, религией.

В связи с этим к древнерусской литературе нельзя механически применять те критерии художественности, с которыми мы подходим при оценке явлений литературного развития нового времени.

Процесс исторического развития древней русской литературы представляет собой процесс постепенной кристаллизации художественной литературы, ее выделения из общего потока письменности, ее демократизации и «обмирщения», т. е. высвобождения из-под опеки церкви.

Одной из характерных особенностей древнерусской литературы является ее связь с церковной и деловой письменностью, с одной стороны, и устным поэтическим народным творчеством — с другой. Характер этих связей на каждом историческом этапе развития литературы и в отдельных ее памятниках был различным.

Однако чем шире и глубже литература использовала художественный опыт фольклора, тем ярче отражала она явления действительности, тем шире была сфера ее идеологического и художественного воздействия.

Характерная особенность древнерусской литературы — и с т о р и з м. Ее героями являются преимущественно исторические лица, она почти не допускает вымысла и строго следует факту. Даже многочисленные рассказы о «чудесах» — явлениях, кажущихся средневековому человеку сверхъестественными, не столько вымысел древнерусского писателя, сколько точные записи рассказов либо очевидцев, либо самих лиц, с которыми произошло «чудо».

Историзм древнерусской литературы носит специфически средневековый характер. Ход и развитие исторических событий объясняется Божьим изволением, волей провидения. Героями произведений являются князья, правители государства, стоящие наверху иерархической лестницы феодального общества. Однако, отбросив религиозную оболочку, современный читатель без труда обнаруживает ту живую историческую действительность, подлинным творцом которой был русский народ.

Основные темы древнерусской литературы. Древнерусская литература, неразрывно связанная с историей развития Русского государства, русской народности, проникнута героическим и патриотическим пафосом. Тема красоты и величия Руси,

родины, *«светло светлой и украсно украшенной»* русской земли, которая *«знаема»* и *«ведома»* во всех концах мира,— одна из центральных тем древнерусской литературы. Она прославляет созидательный труд отцов и дедов наших, самоотверженно защищавших великую землю Русскую от внешних врагов и крепивших могучее суверенное государство *«велико и пространно»,* которое сияет *«светло», «аки в небе солнце».*

В ней звучит резкий голос осуждения политики князей, сеявших кровавые феодальные раздоры, ослаблявших политическое и военное могущество государства.

Литература прославляет моральную красоту русского человека, способного ради общего блага поступиться самым дорогим — жизнью. Она выражает глубокую веру в силу и конечное торжество добра, в способность человека возвысить свой дух и победить зло.

Древнерусский писатель менее всего был склонен к беспристрастному изложению фактов, «добру и злу внимая равнодушно». Любой жанр древней литературы, будь то историческая повесть или сказание, житие или церковная проповедь, как правило, включает в себя значительные элементы публицистики.

Касаясь преимущественно вопросов государственно-политических или моральных, писатель верит в силу слова, в силу убеждения. Он обращается не только к своим современникам, но и к далеким потомкам с призывом заботиться о том, чтобы славные деяния предков сохранились в памяти поколений и чтобы потомки не повторяли горестных ошибок своих дедов и прадедов.

Литература Древней Руси выражала и защищала интересы верхов феодального общества. Однако она не могла не показать острой классовой борьбы, которая выливалась либо в форму открытых стихийных восстаний, либо в формы типично средневековых религиозных ересей. В литературе ярко отразилась борьба прогрессивных и реакционных группировок внутри господствующего класса, каждая из которых искала опоры в народе.

И поскольку прогрессивные силы феодального общества отражали интересы общегосударственные, а эти интересы совпадали с интересами народа, мы можем говорить о народности древнерусской литературы.

Проблема художественного метода. Вопрос о специфике художественного метода древнерусской литературы впервые поднят советскими исследователями И. П. Ереминым,
В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачевым, С. Н. Азбелевым, А. Н. Робинсоном.

Д. С. Лихачев выдвинул положение о многообразии художественных методов не только во всей древнерусской литературе, но и у того или иного автора, в том или ином произведении. «Всякий художественный метод,— отмечает исследователь,— составляет целую систему крупных и мелких средств к достижению определенных художественных целей. Поэтому каждый художественный метод имеет множество признаков, и эти признаки определенным образом соотносятся между собой». Он полагает, что художественные методы различаются по индивидуальностям писателей, по эпохам, по жанрам, по различным типам соединения с деловой письменностью. При таком расширительном понимании художественного метода этот термин лишается определенности своего литературоведческого содержания и о нем нельзя говорить как о **принципе** образного отражения действительности.

Более правы исследователи, которые полагают, что древнерусской литературе присущ один художественный метод, С. Н. Азбелев определил его как синкретический, И. П. Еремин — как предреалистический, А.Н.Робинсон — как метод символического

историзма. Однако эти определения не совсем точны и не являются исчерпывающими. И. П. Еремин весьма удачно отметил две стороны художественного метода древнерусской литературы: воспроизведение единичных фактов во всей их конкретности, «чисто эмпирической констатации», «достоверности» и способ «последовательного преображения жизни».

Чтобы понять и определить своеобразие художественного метода древнерусской литературы, необходимо остановиться на характере миросозерцания средневекового человека.

Оно вбирало в себя, с одной стороны, умозрительные религиозные представления о мире и человеке, а с другой — конкретное видение действительности, вытекавшее из трудовой практики человека феодального общества.

В своей повседневной деятельности человек сталкивался с реальной действительностью: природой, социальными, экономическими и политическими отношениями. Окружающий человека мир христианская религия считала временным, преходящим и резко противопоставляла миру вечному, невидимому, нетленному.

Присущее средневековому мышлению удвоение мира во многом определяло специфику художественного метода древнерусской литературы, его ведущий принцип — с и м в о – л и з м. «Вещи явленные суть воистину образы вещей незримых»,— подчеркивал псевдо-Дионисий Ареопагит. Средневековый человек был убежден, что символы скрыты в природе и самом человеке, символическим смыслом наполнены исторические события. Символ служил средством раскрытия смысла, обретения истины. Как многозначны знаки окружающего человека видимого мира, так многозначно и слово: оно может быть истолковано не только в своем прямом, но и в переносных значениях. Этим определяется характер символических метафор, сравнений в древнерусской литературе.

Религиозная христианская символика в сознании древнерусского человека тесно переплеталась с народнопоэтической. И та и другая имели общий источник— окружающую человека природу. И если трудовая земледельческая практика народа придавала этой символике земную конкретность, то христианство вносило элементы абстрактности.

Характерным свойством средневекового мышления являлись ретроспективность и традиционализм. Древнерусский писатель постоянно ссылается на тексты «писания», которые он истолковывает не только исторически, но и аллегорически, тропологически и аналогически. Иначе говоря, то, о чем повествуют книги Ветхого и Нового заветов,— это не только повествование об «исторических событиях», «фактах», но каждое «событие», «факт» — аналог современности, образец морального поведения и оценки и содержит в себе скрытую сакраментальную истину. «Приобщение» к Истине осуществляется, по учению византийцев, посредством любви (их важнейшая гносеологическая категория), созерцания божества в себе и вне себя—в образах, символах, знаках: путем подражания и уподобления богу, наконец, в акте слияния с ним».

Древнерусский писатель творит свое произведение в рамках устоявшейся традиции: он взирает на образцы, каноны, не допускает *«самомышления»,* т. е. художественного вымысла. Его задача — передать *«образ истины».* Этой цели подчинен средневековый историзм древнерусской литературы, который неразрывно связан с провиденциализмом. Все события, происходящие в жизни человека и общества, рассматриваются как проявление божественной воли. Бог посылает людям знаки своего гнева — небесные знамения, предупреждая их о необходимости покаяния, очищения от грехов и предлагая изменить свое поведение — оставить «беззакония» и обратиться на

стезю добродетели. *«Грех ради наших»* Бог, по убеждению средневекового писателя, наводит иноплеменных завоевателей, посылает стране «немилостивого» правителя или дарует победу, мудрого князя в награду за смирение и благочестие.

История являет собой постоянную арену борьбы добра и зла. Источником добра, благих помыслов и поступков является Бог. На зло же толкает людей дьявол и его слуги бесы, *«искони ненавидяй роду человеческого».* Однако древнерусская литература не снимает ответственности с самого человека. Он волен избрать себе либо тернистый путь добродетели, либо просторную дорогу греха. В сознании древнерусского писателя категории этического и эстетического органически сливались. Добро всегда прекрасно, оно исполнено света и сияния. Зло связано с тьмой, помрачением ума. Злой человек подобен дикому зверю и даже хуже беса, так как бес креста боится, а злой человек «ни креста не боится, ни людей не стыдится».

Свои произведения древнерусский писатель обычно строит на контрасте добра и зла, добродетелей и пороков, должного и сущего, идеального и отрицательного героев. Он показывает, что высокие моральные качества человека — результат упорного труда, нравственного подвига, *«высокого жития».* Древнерусский писатель убежден, что «имя *и слава честнее е человеку нежели красота личная, зане слава в век пребывает, а лице по умертвии увядает».*

На характер средневековой литературы накладывает печать господство сословно-корпоративного начала. Героями ее произведений, как правило, выступают князья, правители, полководцы либо церковные иерархи, «святые», прославившиеся своими подвигами благочестия. Поведение, поступки этих героев определяются их общественным положением, *«чином».*

«Чинность» и *«урядство»* составляли характерную особенность общественной жизни средневековья, которая была строго регламентирована *«порядком»,* системой правил, ритуалом, церемониями, традицией. Порядок должен был строго соблюдаться с момента появления человека на свет и сопровождать его всю жизнь до смерти. Каждый человек обязан занимать подобающее ему место в общем ряду, т. е. общественном порядке. Соблюдение порядка — *«чинность»,* красота, его нарушение — *«бесчиние»,* безобразие. Древнерусское слово «чин» соответствует греческому «ритмос». Строгое соблюдение ритма, заведенного предками порядка составляет жизненную основу этикетности, церемониальности древнерусской литературы. Так, летописец, прежде всего, стремился *«положить числа по ряду»,* т. е. отобранный им материал изложить в строгой временной последовательности. Нарушение порядка всякий раз специально оговаривалось автором. Ритуал и символ являлись ведущими принципами отражения действительности в средневековой литературе.

Таким образом, символизм, историзм, ритуальность, или этикетность, и дидактизм являются ведущими принципами художественного метода древнерусской литературы, вбирающего в себя две стороны: строгую фактографичность и идеальное преображение действительности. Будучи единым, этот художественный метод по-разному проявляется в конкретных произведениях. В зависимости от жанра, времени создания, степени талантливости его автора эти принципы получали различное соотношение и стилистическое выражение. Историческое развитие древнерусской литературы шло путем постепенного разрушения цельности ее метода, освобождения от этикетности, дидактизма и, христианской символики.

Система жанров. Д. С. Лихачев ввел в научный оборот понятие системы жанров. «Жанры, — отмечал исследователь,— составляют определенную систему в силу того, что они порождены общей совокупностью причин, и потому еще, что они вступают во

взаимодействие, поддерживают существование друг друга и одновременно конкурируют друг с другом».

Специфическими особенностями средневекового миросозерцания была обусловлена система жанров древнерусской литературы, подчиненная практическим утилитарным целям — как нравственным, так и политическим. Вместе с христианством Древняя Русь приняла и ту систему жанров церковной письменности, которая была разработана в Византии. Здесь еще не было жанров в современном литературоведческом понимании, а существовали каноны, закрепленные постановлениями вселенских соборов, преданием —традицией и уставом. Церковная литература была связана с ритуалом христианского культа, монастырского обихода. Ее значимость, авторитетность строилась на определенном иерархическом принципе. Верхнюю ступень занимали книги «священного писания». Вслед за ними шла гимнография и «слова», связанные с толкованиями «писания», разъяснениями смысла праздников. Такие «слова» обычно объединялись в сборники — «торжественники», Триоди цветные и постные. Затем следовали жития — рассказы о подвигах святых. Жития объединялись в сборники: Прологи (Синаксари), Четьи-Минеи, Патерики. Каждому типу героя: мученику, исповеднику, преподобному, столпнику, юродивому — соответствовал свой тип жития. Композиция жития зависела от его употребления: богослужебная практика диктовала определенные условия его составителю, адресуя житие читателям-слушателям.

Опираясь на византийские образцы, древнерусские писатели создали целый ряд выдающихся произведений агиографической оригинальной литературы, отразившей существенные стороны жизни и быта Древней Руси. В отличие от византийской агиографии древнерусская литература создает оригинальный жанр княжеского жития, ставившего своей целью укрепить политический авторитет княжеской власти, окружить ее ореолом святости. Отличительной особенностью княжеского жития является «историзм», тесная связь с летописными сказаниями, воинскими повестями, т. е. жанрами светской литературы.

Так же, как и княжеское житие, на грани перехода от церковных жанров к мирским стоят «хождения» — путешествия, описания паломничества к «святым местам», сказания об иконах.

Система жанров мирской (светской) литературы более подвижна. Она вырабатывается древнерусскими писателями путем широкого взаимодействия с жанрами устного народного творчества, деловой письменности, а также церковной литературы.

Господствующее положение среди жанров мирской письменности занимает историческая повесть, посвященная выдающимся событиям, связанным с борьбой против внешних врагов Руси, злом княжеских усобиц. К повести примыкают историческое сказание, предание. В основе сказания лежит какой-либо сюжетно завершенный эпизод, в основе предания — устная легенда. Эти жанры обычно входят в состав летописей, хронографов.

Особое место среди мирских жанров занимает «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли» и «Слово» Даниила Заточника. Они свидетельствуют о высоком уровне литературного развития, достигнутом Древней Русью в XI — первой половине XIII в.

Развитие древнерусской литературы XI—XVII вв. идет путем постепенного разрушения устойчивой системы церковных жанров, их трансформации. Жанры же мирской литературы подвергаются беллетризации. В них усиливается интерес к внутреннему миру человека, психологической мотивировке его поступков, появляется занимательность, бытовые описания. На смену историческим героям приходят

вымышленные. В XVII в. это приводит к коренным изменениям внутренней структуры и стиля исторических жанров и способствует рождению новых чисто беллетристических произведений. Возникают виршевая поэзия, придворная и школьная драма, демократическая сатира, бытовая повесть, плутовская новелла.

Каждый жанр древнерусской литературы обладал устойчивой внутренней композиционной структурой, своим каноном и имел, как справедливо отмечал А. С. Орлов, «свой стилистический шаблон».

Д. С. Лихачев обстоятельно рассмотрел историю развития стилей древнерусской литературы: в XI—XII вв. ведущим является стиль средневекового монументального историзма и одновременно с ним существует народный эпический стиль, в XIV—XV вв. стиль средневекового монументального историзма сменяет эмоционально-экспрессивный, а в XVI — стиль идеализирующего биографизма, или второго монументализма.

Однако картина развития стилей, нарисованная Д. С. Лихачевым, несколько схематизирует более сложный процесс развития нашей древней литературы.

Основные этапы изучения. Собирание памятников древнерусской письменности начинается еще в XVIII в. Много внимания их изучению уделяют В. Татищев, Г. Миллер, А. Шлецер. Замечательный труд В. Н. Татищева «Российская история с древнейших времен» не потерял своего источниковедческого значения и в наши дни. Его создатель пользовался целым рядом таких материалов, которые затем были безвозвратно утрачены.

Во второй половине XVIII в. начинается публикация некоторых памятников древней письменности. Отдельные произведения нашей старинной литературы включает в свою «Древнюю российскую вифлиофику» Н. И. Новиков (первое издание вышло в 1773—1774 гг. в 10 частях, второе —в 1778—1791 гг. в 20 частях). Ему же принадлежит «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), в котором были собраны сведения о жизни и творчестве более трехсот писателей XI—XVIII вв.

Важным событием в истории изучения древнерусской литературы явилась публикация в 1800 г. «Слова о полку Игореве», пробудившая в русском обществе живой интерес к прошлому.

«Колумбом древней России», по определению А. С. Пушкина, явился Н. М. Карамзин. Его «История государства Российского» создавалась на основе изучения рукописных источников, а в комментариях помещались драгоценные выписки из этих источников, часть которых затем погибла (например, Троицкая летопись).

Большую роль в собирании, публикации и изучении памятников древнерусской письменности сыграл в первую треть прошлого столетия кружок графа Н. Румянцева.

Члены румянцевского кружка опубликовали ряд ценных научных материалов. В 1818 г. К. Калайдович издал «Древнероссийские стихотворения Кирши Данилова», в 1821 г.— «Памятники российской словесности XII века», а в 1824 г. вышло в свет исследование «Иоанн экзарх болгарский».

Научное издание русских летописей начал осуществлять П. Строев, опубликовавший в 1820 г. «Софийский временник». Он же в течение ряда лет, с 1829 по 1835 г., возглавлял археографические экспедиции в северные районы России.

Колоссальный труд по созданию библиографических справочников взял на себя Евгений Болховитинов. Опираясь на изучение рукописного материала, он в 1818 г. публикует «Словарь исторический бывших в России писателей духовного чина греко-российской церкви», в 2 томах, включающий 238 имен («Словарь» был переиздан в 1827 г. и в 1995 г.). Вторая его работа — «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» — была издана уже посмертно:

начало «Словаря» — в 1838 г., а полностью — в 1845 г. М. П. Погодиным (репринтное переиздание 1971 г.).

Начало научному описанию рукописей было положено А. Востоковым, выпустившим в свет в 1842 г. «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума».

К концу 30-х годов XIX в. ученые-энтузиасты собрали огромное количество рукописного материала. Для его изучения, обработки и публикации при Российской Академии наук в 1834 г. была создана Археографическая комиссия. Эта комиссия начала публикацию важнейших памятников: полного собрания русских летописей (с 40-х годов прошлого века до наших дней опубликовано 39 томов), юридических, агиографических памятников, в частности начата публикация «Великих Четьих-Миней» митрополита Макария.

Сообщения о вновь найденных рукописях, материалы, связанные с их изучением, публиковались в специально издаваемой «Летописи занятий Археографической комиссии».

В 40-х годах XIX в. при Московском университете активно действует «Общество истории и древностей российских», публиковавшее свои материалы в специальных «Чтениях» (ЧОИДР). Возникает «Общество любителей древней письменности» в Петербурге. Трудами членов этих обществ издаются серии «Памятники древней письменности», «Русская историческая библиотека».

Первую попытку систематизации историко-литературного материала предпринял в 1822 г. Н. И. Греч в «Опыте краткой истории русской литературы».

Значительным шагом вперед явилась «История древней русской словесности» (1838) М. А. Максимовича, профессора Киевского университета. Здесь дана периодизация литературы в соответствии с периодизацией гражданской истории. Основная часть книги посвящена изложению общих библиографических сведений о составе письменности данного периода.

Популяризации произведений древней русской литературы и народной словесности способствовала публикация И. П. Сахаровым «Сказаний русского народа» во второй половине 30-х — начале 40-х годов. Характер этого издания был обстоятельно прорецензирован на страницах «Отечественных записок» В. Г. Белинским.

Древнерусской литературе был посвящен специальный курс лекций, прочитанный в Московском университете профессором С. П. Шевыревым. Этот курс под названием «История русской словесности, преимущественно древней» впервые увидел свет во второй половине 40-х годов и затем был дважды переиздан: в 1858—1860 гг. и в 1887 г. С. П. Шевырев собрал большой фактический материал, но к его трактовке подходил со славянофильских позиций. Однако его курс обобщал все, что было накоплено исследователями к 40-м годам.

Систематическое изучение древнерусской литературы начинается с середины прошлого столетия. Русская филологическая наука в это время представлена выдающимися учеными Ф. И. Буслаевым, А. Н. Пыпиным, Н С. Тихонравовым, А. Н. Веселовским.

Наиболее значительными работами Ф. И. Буслаева в области древней письменности являются «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» (1861) и «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» в 2 томах (1861).

Хрестоматия Ф. И. Буслаева стала выдающимся явлением не только своего времени. В ней были помещены тексты многих памятников древней письменности на

основании рукописей с приведением их вариантов. Ученый старался представить древнюю русскую письменность во всем многообразии ее жанровых форм, включал в хрестоматию наряду с литературными произведениями памятники деловой и церковной письменности.

«Исторические очерки» посвящены исследованию произведений устной народной словесности (1-й том) и древнерусской литературы и искусства (2-й том). Разделяя точку зрения так называемой «исторической школы», созданной братьями Гримм и Боппом, Буслаев, однако, пошел дальше своих учителей. В произведениях фольклора, древней литературы он не только искал их «историческую» — мифологическую — основу, но и связывал их анализ с конкретными историческими явлениями русской жизни, бытом, географической средой.

Буслаев одним из первых в нашей науке поставил вопрос о необходимости эстетического изучения произведений древнерусской литературы. Он обратил внимание на характер ее поэтической образности, отметив ведущую роль символа. Много интересных наблюдений было сделано ученым в области взаимосвязей древней литературы и фольклора, литературы и изобразительного искусства, он по-новому попытался решить вопрос народности древней русской литературы.

К 70-м годам Буслаев отходит от «исторической» школы и начинает разделять позиции школы «заимствования», теоретические положения которой были разработаны Т. Бенфеем в «Панчатантре». Свою новую теоретическую позицию Ф. И. Буслаев излагает в статье «Перехожие повести» (1874), рассматривая историко-литературный процесс как историю заимствования сюжетов, мотивов, которые переходят от одних народов к другим.

Основные труды Ф. И. Буслаева были опубликованы в собрании его сочинений в 3 томах, изданном в 1908—1930 гг., и сборнике «Мои досуги».

С изучения древней русской литературы начал научную деятельность А. Н. Пыпин. В 1858 г. он опубликовал свою магистерскую диссертацию «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», посвященную рассмотрению преимущественно переводных древнерусских повестей.

Затем внимание А. Н. Пыпина привлекли к себе апокрифы, и он первым ввел в научный оборот этот интереснейший вид древнерусской письменности, посвятив апокрифам ряд научных статей и опубликовав их в третьем выпуске «Памятников старинной русской литературы», издаваемых Кушелевьш-Безбородко, «Ложные и отреченные книги русской старины».

Итог своего многолетнего изучения русской литературы А. Н. Пыпин подвел в четырехтомной «Истории русской литературы», первое издание которой вышло в 1898—1899 гг. (первые два тома были посвящены литературе древнерусской).

Разделяя взгляды культурно-исторической школы, А. Н. Пыпин фактически не выделяет литературу из общей культуры. Он отказывается от хронологического распределения памятников по векам, утверждая, что «вследствие условий, в каких образовалась наша письменность, она почти не знает хронологии». В своей классификации памятников А. Н. Пыпин стремится «соединить однородное, хотя разновременное по происхождению».

Книга А. Н. Пыпина богата историко-культурным и литературным материалом, его истолкование дается с позиций либерального просветительства, художественная специфика произведений древнерусской литературы остается вне поля зрения ученого.

В разработке научной текстологии не только древней, но и новой русской литературы большое значение имеют труды академика Н. С. Тихонравова. С 1859 по

1863 г. им было издано семь выпусков «Летописей русской литературы и древностей», где был опубликован целый ряд памятников. В 1863 г. Н. С. Тихонравов выпускает 2 тома «Памятников отреченной русской литературы», выгодно отличающееся по полноте и качеству текстологической работы от публикации А. Н. Пыпина. Тихонравовым было начато изучение истории русского театра и драматургии конца XVII — первой четверти XVIII в., результатом чего явилась публикация в 1874 г. текстов русских драматических произведений 1672—1725 гг. в 2 томах.

Важное методологическое значение имела опубликованная Н. С. Тихонравовым в 1878 г. рецензия на «Историю русской словесности» А. Д. Галахова (1-е издание этой книги вышло в начале 60-х годов). Тихонравов подверг критике концепцию Галахова, рассматривавшего историю литературы как историю образцовых словесных произведений. Этому вкусовому, «эстетическому» принципу оценки литературных явлений Тихонравов противопоставил принцип исторический. Только соблюдение этого принципа, утверждал ученый, даст возможность создать подлинную историю литературы. Основные работы
Н. С. Тихонравова были изданы посмертно в 1898 г. в 3 томах, 4 выпусках.

Огромный вклад в отечественную филологическую науку был внесен академиком А. Н. Веселовским.

Развивая принципы сравнительно-исторического изучения литературы, в первый период своей научной деятельности в 1872 г. Веселовский публикует докторскую диссертацию «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине», где устанавливает связи восточного апокрифического сюжета о царе Соломоне с западноевропейскими рыцарскими романами, посвященными королю Артуру и рыцарям круглого стола.

Большое внимание уделял Веселовский вопросам взаимосвязи литературы и фольклора, посвятив им такие интересные работы, как «Опыты по истории развития христианской легенды» (1875—1877) и «Разыскания в области русского духовного стиха» (1879—1891). В последней работе он применил принцип социологического изучения литературных явлений, ставший ведущим в наиболее значительных теоретических работах ученого.

Общая литературоведческая концепция Веселовского носила идеалистический характер, но в ней содержалось много рациональных зерен, много верных наблюдений, которые затем были использованы советским литературоведением. Говоря об истории изучения древнерусской литературы в конце XIX—начале XX вв., нельзя не сказать о таком замечательном русском филологе и историке, как академик А. А. Шахматов. Широта познаний, необычайная филологическая одаренность, скрупулезность текстологического анализа дали ему возможность добиться блестящих результатов в изучении судеб древнейшего русского летописания.

Успехи, достигнутые русской филологической наукой в области изучения древней письменности к началу XX столетия, были закреплены в историко-литературных курсах П. Владимирова «Древняя русская литература киевского периода (XI—XIII вв.)» (Киев, 1901), А. С. Архангельского «Из лекций по истории русской литературы» (т. 1-й, 1916), Е. В. Петухова «Русская литература. Древний период» (3-е изд. Пг., 1916), М.Н.Сперанского «История древней русской литературы» (3-е изд. М., 1920). Здесь уместно отметить книгу В. Н. Перетца «Краткий очерк методологии истории русской литературы», последний раз изданную в 1922 г.

Все эти труды, отличающиеся большой содержательностью помещенного в них фактического материала, давали лишь статическое представление о древней русской

литературе. Историю древней литературы рассматривали как историю смены влияний: византийского, первого южнославянского, второго южнославянского, западноевропейского (польского). К литературным явлениям не применялся классовый анализ. Такие важные факты развития демократической литературы XVII в., как сатира, вовсе не рассматривались.

После Октябрьской революции перед советской филологической наукой встала задача марксистского осмысления курса истории древней русской литературы.

К числу первых интересных опытов в этой области следует отнести работу академика П. Н. Сакулина «Русская литература» в 2 частях (1929). Первая часть была посвящена литературе XI—XVII вв.

П. Н. Сакулин главное внимание уделил рассмотрению стилей. Все литературные стили ученый разделил на две группы: реалистические и ирреалистические. Он рассматривал литературу средневековья как выражение культурного содержания эпохи и ее культурного стиля. Выдвигая положение об обусловленности стилей психологией и идеологией господствующих классов, П. Н. Сакулин выделял в древней литературе два больших стиля: церковный, ирреальный по преимуществу, и светский, реальный по преимуществу. В свою очередь в церковном стиле он выделял апокрифический и агиографический стили. Каждому из них, утверждал ученый, соответствуют свои жанры и свои типовые образы, определяющие художественную телеологию данного стиля.

Таким образом, в плане изучения художественной специфики нашей древней литературы книга П. Н. Сакулина явилась значительным шагом вперед. Правда, концепция П. Н. Сакулина схематизировала историко-литературный процесс, многие явления оказывались гораздо сложнее и не укладывались в прокрустово ложе двух стилей.

Большое значение в создании научной истории древнерусской литературы имели труды академиков А. С. Орлова и Н. К. Гудзия. «Древняя русская литература XI—XVI вв. (курс лекций)» А. С. Орлова (книга была дополнена, переиздана и получила название «Древнерусская литература XI—XVII веков» /1945/) и «История древней русской литературы» Н. К. Гудзия (с 1938 по 1966 г. книга выдержала семь изданий) сочетали историзм подхода к явлениям литературы с их классовым и социологическим анализом, обращали внимание, особенно книга А. С. Орлова, на художественную специфику памятников. Каждый раздел учебника
Н. К. Гудзия был снабжен богатым справочным библиографическим материалом, который систематически пополнялся автором.

Выход в свет десятитомной истории русской литературы, изданной Академией наук СССР, подвел итог достижениям советского литературоведения за двадцать пять лет существования Советского государства. Первые два тома посвящены рассмотрению исторических судеб нашей литературы XI—XVII вв.

Новых значительных успехов добилась наша литературоведческая наука в изучении древнерусской литературы за последние тридцать лет. Эти успехи связаны с той большой работой, которую ведет сектор древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский дом), возглавляемый Д. С. Лихачевым, и сектор по изучению древнерусской литературы ИМЛИ им. А. М. Горького, руководимый А. С. Деминым.

Систематически проводятся археографические экспедиции в различные районы страны. Они дают возможность пополнять рукописные собрания новыми ценными рукописями и старопечатными книгами. В организацию этой работы много труда, энтузиазма вложил археограф В. И. Малышев.

Начиная с 30-х годов сектор издает «Труды отдела древнерусской литературы» (к 1997 г. вышло 50 томов), где публикуются вновь найденные рукописи, помещаются исследовательские статьи.

В последние годы в качестве центральной была выдвинута проблема изучения художественной специфики древнерусской литературы: метода, стиля, жанровой системы, взаимосвязей с изобразительным искусством. В разработку этих вопросов большой вклад был внесен В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзием, О. А. Державиной, Л. А. Дмитриевым, И. П. Ереминым, В. Д. Кузьминой, Н. А. Мещерским, А. В. Позднеевым, Н. И. Прокофьевым, В. Ф. Ржигой.

Неизмеримы заслуги в разработке этих проблем Д. С. Лихачева. Его книги «Человек в литературе Древней Руси», «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X—XVII вв.» имеют принципиально важное значение в постановке и решении как теоретических, так и историко-литературных вопросов, связанных не только с нашей древней, но и новой литературой.

Под руководством Д. С. Лихачева научным коллективом сектора древнерусской литературы Пушкинского дома завершена публикация текстов под общим названием «Памятники литературы Древней Руси» издательством «Художественная литература» (в 12 томах, знакомящая читателей с произведениями XI—XVII вв.).

Большую помощь в изучении древнерусской литературы оказывает «Словарь книжников и книжности Древней Руси», первый выпуск обнимает XI —первую половину XIV в. (Л., 1987); 2-й вып.— вторая половина XIV—XVI в. / Ч. 1. А—К. Л., 1988. Вып. 3. Ч. 1. А—З. СПб., 1992; Ч. 2. И—О. СПб., 1993. Под общей ред. Д. С. Лихачева. Издание не завершено.

Работы ученых Р. П. Дмитриевой, А. С. Демина, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, Г. М. Прохорова, О. В. Творогова углубляют и расширяют наши представления о характере и художественной специфике литературы XI—XVII вв. Эти достижения литературоведческой науки облегчают задачу построения учебного курса истории древнерусской литературы.

Периодизация. По установившейся традиции в развитии древнерусской литературы выделяют три основных этапа, связанных с периодами развития Русского государства:

I. Литература древнерусского государства XI — первой половины XIII вв. Литературу этого периода часто именуют литературой Киевской Руси.

II. Литература периода феодальной раздробленности и борьбы за объединение северо-восточной Руси (вторая половина XIII —первая половина XV вв.).

III. Литература периода создания и развития централизованного Русского государства (XVI—XVII вв.).

Однако при периодизации литературного процесса необходимо учитывать:

1. Круг оригинальных и переводных памятников, появившихся в тот или иной период.

2. Характер идей, образов, отразившихся в литературе.

3. Ведущие принципы отображения действительности и характер жанров, стилей, определяющих специфику литературного развития данного периода.

Первые дошедшие до нас памятники древнерусской письменности известны лишь со второй половины XI в.: Остромирово евангелие (1056—1057 гг.), «Изборник великого князя Святослава 1073 г.», «Изборник 1076 г.». Большинство произведений, создававшихся в XI—XII вв., сохранились лишь в поздних списках XIV—XVII вв.

Однако интенсивное развитие письменности на Руси началось после официального принятия христианства в 988 г. Тогда же возникла определенная система образования. В 30-е годы XI в. в Киеве работают «писцы многи», которые не только переписывают книги, но и переводят их с греческого языка на *«словеньское письмо».* Все это позволяет выделить конец X — первую половину XI в. в качестве первого, начального, периода формирования древнерусской литературы. Правда, о круге произведений этого периода, их тематике, идеях, жанрах и стилях можно говорить лишь гипотетически.

Преобладающее место в литературе этого периода занимали, по-видимому, книги религиозно-нравственного содержания: Евангелия, Апостол, Служебные Минеи, Синаксари. В этот период был осуществлен перевод греческих хроник, на основе которых был составлен «Хронограф по великому изложению». Тогда же возникли записи устных сказаний о распространении христианства на Руси. Художественной вершиной данного периода и началом нового явилось «Слово о законе и благодати» Илариона.

Второй период — середина XI — первая треть XII столетия — литература Киевской Руси. Это период расцвета оригинальной древнерусской литературы, представленной жанрами дидактического «слова» (Феодосии Печерский, Лука Жидята), жанровыми разновидностями оригинальных житий («Сказание» и «Чтение» о Борисе и Глебе, «Житие Феодосия Печерского», «Память и похвала князю Владимиру»), историческими сказаниями, повестями, преданиями, составившими основу летописи, которая в начале XII в. получает название «Повести временных лет». Тогда же появляется первое «хождение» — путешествие игумена Даниила и такое самобытное произведение, как «Поучение» Владимира Мономаха.

Переводная литература в этот период широко представлена философско-дидактичес-кими и нравственно-дидактическими сборниками, патериками, историческими хрониками, апокрифическими произведениями.

Центральной темой оригинальной литературы становится тема Русской земли, идея ее величия, целостности, суверенности. Духовными светочами Русской земли, идеалом нравственной красоты выступают ее подвижники. Своим *«трудом и потом»* созидают отечество грозные князья — *«добрые страдальцы за Русскую землю».*

В этот период развиваются различные стили: эпический, документально-исторический, дидактический, эмоционально-экспрессивный, агиографический, которые подчас присутствуют в одном и том же произведении.

Третий период падает на вторую треть XII —первую половину XIII в. Это литература периода феодальной раздробленности, когда «лоскутная империя Рюриковичей» распалась на ряд самостоятельных феодальных полугосударств. Развитие литературы приобретает областной характер. На основе литературы Киевской Руси создаются местные литературные школы: Владимиро-Суздальская, Новгородская, Киево-Черниговская, Галицко-Волынская, Полоцко-Смоленская, Турово-Пинская, которые затем станут источником формирования литературы трех братских славянских народов — русского, украинского и белорусского.

В этих областных центрах развиваются местное летописание, агиография, жанры путешествий, исторических повестей, эпидейктического красноречия («слова» Кирилла Туровского, Климента Смолятича, Серапиона Владимирского), начинает складываться «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери». Трудами Владимирского епископа Симона и монаха Поликарпа создается «Киево-Печерский патерик». Вершиной литературы этого периода стало «Слово о полку Игореве», прочно связанное с уходящими традициями героического дружинного эпоса. Оригинальными яркими

произведениями являются «Слово» Даниила Заточника и «Слово о погибели Русской земли».

Состав переводной литературы пополняется творениями Ефрема и Исаака Сириных, Иоанна Дамаскина. Формируется четий сборник «Торжественник» и «Измарагд». В результате культурных связей с южными славянами появляются эсхатологическая повесть «Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши» и утопическое «Сказание об Индии богатой».

Четвертый период — вторая половина XIII—XV вв.— литература периода борьбы русского народа с монголо-татарскими завоевателями и начала формирования централизованного Русского государства, становления великорусской народности. Развитие литературы в этот период протекает в таких ведущих культурных центрах, как возвышающаяся Москва, Новгород, Псков, Тверь.

Осознание необходимости борьбы с иноземными поработителями привело к сплочению народных сил, и эта борьба идет рука об руку с политическим объединением Руси вокруг единого центра, которым становится Москва. Важной вехой в политической и культурной жизни Руси явилась победа, одержанная русским народом на поле Куликовом в сентябре 1380 г. над полчищами Мамая. Она показала, что у Руси есть силы для решительной борьбы с поработителями, и эти силы способна сплотить и объединить централизованная власть великого князя московского.

В литературе этого времени главными становятся тема борьбы с иноземными поработителями — монголо-татарами и тема укрепления Русского государства, прославления ратных и нравственных подвигов русских людей, их деяний. Литература и изобразительное искусство раскрывают нравственный идеал личности, способной преодолеть *«рознь века сего»* — главное зло, препятствующее сплочению всех сил для борьбы с ненавистными завоевателями.

Епифаний Премудрый возрождает и поднимает на новую ступень художественного совершенства эмоционально-экспрессивный стиль, разрабатывавшийся литературой Киевской Руси. Развитие этого стиля было обусловлено историческими потребностями самой жизни, а не только вторым южнославянским влиянием, хотя опыт болгарской и сербской литературы был учтен и использован литературой конца XIV—начала XVв.

Дальнейшее развитие получает стиль исторического повествования. Он испытывает воздействие демократических посадских слоев населения, с одной стороны, и церковных кругов — с другой. В историческое повествование шире начинают проникать занимательность, художественный вымысел. Появляются вымышленные сказания, принимаемые за исторические (повести о Вавилоне граде, «Повесть о мутьянском воеводе Дракуле», «Повесть об Иверской царице Динаре», «Повесть о Басарге»). В этих сказаниях усиливаются публицистические, политические тенденции, подчеркивающие значение Руси и ее центра Москвы — политической и культурной преемницы правящих мировых держав.

В XV в. достигает своего расцвета новгородская литература, ярко отразившая острую борьбу классов внутри феодальной городской республики. Новгородское летописание и агиография с ее демократическими тенденциями сыграли важную роль в развитии древнерусской литературы.

Развитие стиля «идеализирующего биографизма» намечается в литературе Твери. С демократической городской культурой связано «Хожение за три моря» Афанасия Никитина.

Возникновение и развитие рационалистического еретического движения в Новгороде, Пскове и затем Москве свидетельствует о тех сдвигах, которые произошли в

сознании посада, об усилении его активности в идеологической и художественной сферах.

В литературе возрастает интерес к психологическим состояниям человеческой души, динамике чувств и эмоций.

Литература этого периода отразила основные черты характера складывающейся великорусской народности: стойкость, героизм, умение переносить невзгоды и трудности, воля к борьбе и победе, любовь к родине и ответственность за ее судьбу.

Пятый период развития древнерусской литературы падает на конец XV—XVI вв. Это период литературы централизованного Русского государства. В развитии литературы он отмечен процессом слияния местных областных литератур в единую общерусскую литературу, которая давала идеологическое обоснование централизованной власти государя. Острой внутриполитической борьбой за укрепление единодержавной власти великого князя, а затем государя всея Руси обусловлен небывалый доселе расцвет публицистики.

Официальным стилем эпохи становится репрезентативный пышный велеречивый стиль макарьевской литературной школы. Полемическая публицистическая литература рождает более свободные, живые литературные формы, связанные с деловой письменностью, повседневным бытовым укладом.

В литературе этого времени отчетливо прослеживаются две тенденции: одна— соблюдение строгих правил и канонов письменности, церковного обряда, бытового уклада; другая — нарушение этих правил, разрушение традиционных канонов. Последняя начинает проявляться не только в публицистике, но и в агиографии и историческом повествовании, подготавливая торжество новых начал.

Шестой период развития древнерусской литературы падает на XVII век. Характер литературного развития позволяет выделить в этом периоде два этапа: 1-й —от начала века до 60-х годов, 2-й —60-е годы —конец XVII, первая треть XVIII вв.

Первый этап связан с развитием и трансформацией традиционных исторических и агиографических жанров древнерусской литературы. Событиями первой Крестьянской войны и борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией был нанесен удар по религиозной идеологии, провиденциалистским воззрениям на ход исторических событий. В общественной, политической и культурной жизни страны усилилась роль посада —торгово-ремесленного населения. Появился новый демократический читатель. Отвечая на его запросы, литература расширяет сферу охвата действительности, изменяет ранее сложившуюся жанровую систему, начинает освобождаться от провенденциализма, символичности, этикетности — ведущих принципов художественного метода средневековой литературы. Житие превращается в бытовое жизнеописание, демократизируется жанр исторической повести.

Второй этап развития русской литературы второй половины XVII в. связан с церковной реформой Никона, с событиями исторического воссоединения Украины с Россией, после чего начался интенсивный процесс проникновения в древнерусскую литературу литературы западноевропейской. Историческая повесть, утрачивая связи с конкретными фактами, становится занимательным повествованием. Житие становится не только бытовым жизнеописанием, но и автобиографией — исповедью горячего мятежного сердца.

Традиционные жанры церковной и деловой письменности становятся объектами литературной пародии: церковная служба пародируется в службе кабаку, житие святого — в житии пьяницы, челобитная и «судное дело» в «Калязинской челобитной» и «Повести о Ерше Ершовиче». Широкой волной в литературу устремляется фольклор.

Жанры народной сатирической сказки, эпоса, песенной лирики органически включаются в литературные произведения.

Самосознание личности находит отражение в новом жанре — бытовой повести, в которой появляется новый герой — купеческий сын, захудалый безродный дворянин. Изменяется характер переводной литературы.

Процесс демократизации литературы встречает ответную реакцию со стороны господствующих сословий. В придворных кругах насаждаются искусственный нормативный стиль, церемониальная эстетика, элементы украинско-польского барокко. Живой народной лирике противопоставляется искусственная силлабическая книжная поэзия, демократической сатире — нравоучительная абстрактная сатира на нравы вообще, народной драме — придворная и школьная комедия. Однако появление силлабической поэзии, придворного и школьного театра свидетельствовало о торжестве новых начал и подготавливало появление классицизма в русской литературе XVIII в.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы хронологические границы древнерусской литературы и каковы ее специфические особенности?
2. Перечислите основные темы древнерусской литературы.
3. Как решается современной наукой проблема художественного метода древнерусской литературы?
4. Каков характер средневекового миросозерцания и какова его связь с методом и системой жанров древнерусской литературы?
5. Какой вклад в изучение древнерусской литературы внесли русские и советские ученые?
6. Каковы основные периоды развития древнерусской литературы?

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исторические предпосылки. Литература зарождается лишь в условиях развития классового общества. Необходимыми предпосылками ее возникновения являются образование государства, появление письменности, существование высокоразвитых форм устного народного творчества.

Возникновение древнерусской литературы неразрывно связано с процессом создания раннефеодального государства. Советская историческая наука опровергла норманнскую теорию происхождения древнерусского государства, доказав, что оно возникло не в результате призвания варягов, а в результате длительного исторического процесса разложения родового общинного строя восточнославянских племен. Характерная особенность этого исторического процесса в том, что восточнославянские племена приходят к феодализму, минуя стадию рабовладельческой формации.

Новая система общественных отношений, основанная на классовом господстве меньшинства над большинством трудового населения, нуждалась в идеологическом обосновании. Этого обоснования не могли дать ни племенная языческая религия, ни устное народное творчество, обслуживавшее ранее идеологически и художественно базис родового строя.

Развитие экономических, торговых и политических связей вызывало потребность в письменности, существование которой является одной из необходимейших предпосылок появления литературы.

Данные советской лингвистической и исторической науки свидетельствуют о том, что письменность на Руси появилась задолго до официального принятия христианства. О существовании каких-то форм письменности у славян уже во второй половине IX в. свидетельствуют черноризец Храбр и «Паннонское житие Кирилла».

Создание славянской азбуки Кириллом и Мефодием в 863 г. явилось актом величайшего культурно-исторического значения, способствовавшим быстрому культурному росту как южных, так и восточных славян. К концу IX—первой четверти X столетия древняя Болгария переживает замечательный период расцвета своей культуры. В этот период здесь появляются выдающиеся писатели: Иоанн экзарх болгарский, Климент, Константин и сам царь Симеон. Созданные ими произведения сыграли важную роль в развитии древнерусской культуры. Близость древнерусского языка древнеславянскому *(«...славянский язык и русский един»,* — подчеркивал летописец) способствовала постепенному усвоению новой письменности восточными славянами.

Мощный толчок широкому распространению и развитию письменности на Руси дало официальное принятие христианства в 988 г., которое помогло закрепить идеологически новые общественные отношения складывающегося феодального общества.

Для развития самобытной древнерусской культуры немаловажное значение имело то обстоятельство, что Русь приняла христианство из Византии, являвшейся в то время носителем самой высокой культуры. Византийская православная церковь, уже фактически к тому времени обособившаяся от западной римской католической (формальное разделение церквей произошло в 1054 г.), давала гораздо больший простор формированию национальных особенностей культуры. Если католическая церковь выдвинула в качестве литературного языка латинский, то греческая православная церковь допускала свободное развитие национальных литературных языков. Литературным церковным языком Древней Руси стал язык древнеславянский, близкий по своему характеру, грамматическому строю языку древнерусскому. Возникшая оригинальная литература способствовала развитию этого языка, обогащая его за счет разговорной устной народной речи.

С конца X в. можно говорить о появлении определенной системы образования на Руси — *«книжного учения».*

Христианство сыграло прогрессивную роль в становлении культуры Древней Руси. Киевская Русь выдвигается в число передовых государств Европы. В конце X — начале XI в., как свидетельствует Адам Бременский, Киев по своему богатству, населенности соперничает с Константинополем.

В 30—40-е годы XI столетия в Киеве уже много искусных переводчиков, которые *«перелагают»* книги непосредственно с греческого языка на *«словенский».* Сын Ярослава Всеволод владеет пятью иностранными языками, его сестра Анна, став французской королевой, оставляет собственноручную подпись — «Анна регина», в то время как ее царственный супруг вместо подписи ставит крестик.

В развитии книжной образованности, в том числе и литературы, большую роль играли монастыри, являвшиеся в первые годы своего существования очагом новой христианской культуры. Особенно велика была в этом отношении роль Киево-Печерского монастыря, созданного в середине XI столетия.

Итак, образование раннефеодального древнерусского государства и возникновение письменности явились необходимыми предпосылками появления литературы.

Основные источники. В формировании литературы активно участвуют, с одной стороны, устное народное поэтическое творчество, и с другой — книжная христианская культура, идущая как от южных славян, в частности болгар, так и от Византии.

Начавшееся сравнительно недавно историческое изучение фольклора показывает, что у восточных славян к X в. существовали высокоразвитые формы устного народного творчества. Исследователи полагают, что в это время в фольклоре происходит переход от мифологических сюжетов к историческим. Историческое родовое предание, топонимическая легенда, предание, связанное с могильниками, героическое сказание, песни о военных походах занимают ведущее место в устной поэзии той поры.

К этому периоду относится, по-видимому, формирование народного эпоса, сыгравшего исключительно важную роль в становлении оригинальной древнерусской литературы.

Княжеские дружины, совершавшие многочисленные военные походы, очевидно, имели своих певцов, которые увеселяли их во время пиров, слагая песни-«славы» в честь победителей, прославляя князя и его храбрых воинов. Героические песни дружинных певцов, эпические сказания о битвах, походах составляли своеобразную устную летопись, которая затем частично была закреплена письменностью.

Таким образом, фольклор был основным источником, который давал образы, сюжеты формирующейся оригинальной древнерусской литературе. Через фольклор в нее проникали не только художественная образность народной поэзии, отдельные элементы стиля, но и народная идеология.

Усваивая христианскую идеологию, народ приспосабливал ее к своим языческим понятиям и представлениям. Это и породило такую весьма характерную особенность русской жизни, как «двоеверие», которое длительное время удерживалось в народном сознании, что получило отражение и в древнерусской литературе. На протяжении всей истории развития литературы устная народная поэзия была тем живительным источником, который содействовал ее обогащению.

Важную роль в формировании литературы сыграли также искусство устной речи и деловая письменность. Устные речи были широко распространены в жизненной практике раннефеодального общества, военачальники перед началом сражений обращались к своим воинам с речью, подавая им *«дерзость»,* воодушевляя на ратный подвиг. Устная речь постоянно использовалась в дипломатических переговорах: отправлявшиеся выполнять свою дипломатическую миссию послы обычно заучивали наизусть слова, которые им приказывал передать тот или иной правитель. Эти речи содержали определенные устойчивые словосочетания, они отличались сжатостью, выразительностью.

Словесные формулы вырабатывала также и деловая письменность. Лаконизм и точность выражений устной речи и деловой письменности способствовали развитию сжатого, афористического стиля изложения в литературных памятниках.

Не могла не оказать большого влияния на формирующуюся оригинальную древнерусскую письменность и усваиваемая русскими книжниками христианская книжная культура.

Философские основы древнерусской литературы. Философскими основами древнерусской литературы являлись христианские канонические книги Нового завета Евангелие и Апостол, а также ветхозаветная книга Псалтырь. Отнюдь не случаен тот факт, что древнейшими, дошедшими до нас памятниками древнерусской письменности стали Остромирово (1056—57 гг.) и Архангельское (1092 г.) евангелия и разъясняющие смысл «многострънътьных (заключающих в себе много трудностей) сих книг», дабы «обавити» (открыть) сокровенный их разум статьи философско-дидактического Изборника великого князя Святослава 1073 г. Изборник восходит к древнеболгарскому энциклопедическому Сборнику царя Симеона (X в.), переведенному с греческого.

Первоосновой христианской философской мысли явились евангелия и апостольские послания. Они включали в свой состав жизнеописание земной жизни Богочеловека Иисуса Христа, изложение и разъяснение его вероучения, описание его страстей и самовольной смерти, его чудесного воскресения и вознесения на небеса.

О значении евангелия в жизни христианских народов, и в частности русского, писал в 30-е гг. прошлого столетия А. С. Пушкин в статье «Об обязанностях человека»: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов;* оно не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелие,— и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие».

Научную значимость Евангелия четко подчеркнул В. Г. Белинский: «Есть книга, — писал он,— в которой все сказано, все решено, после которой ни в чем нет сомнения, книга бессмертная, святая, книга вечной истины, вечной жизни — Евангелие. Весь прогресс человечества, все успехи в науках, в философии заключаются только в большем проникновении в таинственную глубину этой божественной книги, в осознании ее живых, вечно непреходящих глаголов».

Процесс развития древнерусской литературы был связан прежде всего с постепенным проникновением в «таинственную глубину» этой «вечной книги», «книги жизни» — Евангелия, овладении ее философским содержанием и языковыми богатствами, постепенно ставшими пословицами, крылатыми выражениями.

Основные философские мысли Древней Руси в первые века принятия ею христианства были обращены на богопознание, на постижение тайн божественной премудрости, созданного Богом мира, премудрости Божественного слова, определению места человека — венца Божьего творения — в системе мироздания.

Уяснению этих вопросов была посвящена классическая святоотческая византийская литература IV столетия: творения Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Александрийского, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, а также творения философа и поэта первой половины VIII столетия Иоанна Дамаскина. Его «Слово о правой вере», переведенное на древнеславянский язык Иоанном экзархом болгарским в X в., являлось философско-богословской основой православной веры.

Иоанн Дамаскин рассматривал философию как познание всего сущего, природы видимого и невидимого мира, ставил вопросы о его начале и конце. Он рассматривал философию как уподобление Богу. Бог же является высшим идеалом нравственного совершенства, бессмертным воплощением добра, истины и красоты.

Первостепенное место в христианско-богословской философии отводилось учению о святой Троице, т. е. учению о триединстве Бога, его нераздельных триединых ипостасях: Бога Отца, Сына и Святого Духа. Эта философская концепция по сути дела представляла собою идею триединого бытия и сознания.

9-я глава Изборника Святослава 1073 г. так излагает учение о святой Троице словами Михаила синкела Иерусалимского: «...Не три Бога, но единый Бог, единое Божество в трех лицах равновечное, ни естеством отделяемое, ни образом, где Отец и Сын и Дух, и где же Дух, где же Отец и Сын. Проще сказать: Троице поклоняемся в единице, и единице в Троице, единице, заключающей в себе три существа, и Троице единосущной и вместительной и наравне с другими (ипостасями) не имеющей начала. Единое исповедую святой Троицы Божество, единое и единосущное Божество, единой силы, единой власти, единое господство, единое царство, единое вечно существующее, нерожденное, безначальное, неописуемое, непостижимое, беспредельное, неизменяемое, непоколебимое, бессмертное, вечное, бесстрастное, все и всяческое созидающее и содержащее, промыслительно управляющее небом и землей и морем, и все, что в них видимое и невидимое».

Венец Божьего творения — Человек. Он создан Богом по своему образу и подобию. Образ Божий дан человеку от рождения, но только от личной воли человека зависит сохранить этот образ во время своей земной жизни и уподобить себя Богу.

Человек наделен создателем бессмертной, разумной и словесной душой. В этом отличие человека об бездушных, неразумных бессловесных тварей Божиих, созданных для человека и подчиненных человеку.

Христианское миросозерцание удваивало мир, противопоставляя материальный, видимый мир миру духовному, невидимому. Первый — временный, преходящий, второй — вечный. Эти начала временного и вечного заключены в самом человеке, его бренном, тленном теле и вечной бессмертной душе. Душа сообщает жизнь телу, одухотворяет его, и в то же время «плотские совраты» (соблазны) искажают душу, искажают образ Божий, которым наделен человек от рождения. Плоть — источник низменных страстей, болезней, страданий. «Господствующая сила души—разум», — утверждал Иоанн Дамаскин. Благодаря разуму человек и становится властелином всему. Разум позволяет человеку при помощи воли победить низменные страсти, освободиться от их власти, ибо страсти порабощают человека.

С помощью пяти «слуг» (чувств) разум позволяет человеку познавать окружающий его материальный мир. Но это низшая форма познания. Цель высшая — познание мира невидимого, познание сущностей, скрывающихся за видимыми явлениями мира материального. Проникнуть в эти сущности человек способен не «телесным очима», «телесными ушима», а путем отверзания «духовных» очей и ушей, т. е. путем внутреннего духовного прозрения, размышления. Аскеза, подавление плотских страстей, молитвенный экстаз отверзают «духовные очи» человека и они-то открывают человеку сокровенные тайны Божества, позволяют ему проникать в скрытые от «телесных очей» сущности мира невидимого и тем самым приближают человека к познанию Бога.

Сотворив первого человека — ветхого Адама и его жену Еву, Бог поселил первых людей в насажденном им на Востоке Раю и заключил с ними завет: Адам и Ева могут пользоваться всеми благами райской жизни, но не имеют права вкушать плодов от насажденного посреди рая древа познания Добра и Зла. Однако дьявол-искуситель — носитель абсолютного зла, вселившись в змея, соблазняет Еву нарушить завет, а Ева в свою очередь побуждает Адама вкусить запретный плод. Совершается первородный грех, преступлен Божественный завет, и Адам и Ева изгнаны Богом из рая на землю.

Люди обречены теперь на смерть, тяжкий труд и муки (Адам в поте лица будет снискивать хлеб свой, Ева в муках рожать детей).

Однако всемилостивый человеколюбец Бог не дает окончательно погибнуть своим созданиям — людям и посылает на землю своего единородного сына. Воплотившись в человека, Бог Сын — Иисус Христос путем добровольной искупительной жертвы спасает от окончательной погибели людей. Поправ собственной смертью Смерть, он даровал людям жизнь вечную, вечное блаженство—спасение всем уверовавшим в Христа.

Таким образом, Бог, с точки зрения христианской философии, не является источником и причиной зла. Главный виновник зла — «искони ненавидящий род человеческий» —дьявол и слуги его бесы, а также зло коренится в самом человеке, и связано оно со свободой его воли, свободой выбора между добром и злом («уклоняться от зла, или злом быти»,— как пишет Изборник 1073 года).

Перед каждым человеком встает вопрос: каким путем ему следует идти в земной жизни: просторной ли дорогой греха, позволив греху поработить страстями свою душу, либо узким тернистым путем добродетели, связанным с борьбой со страстями и стремлением освободиться от них. Первый путь ведет в вечную муку, второй — к спасению.

На первый путь толкают человека бесы. Источник греха — «плотные (плотские) совраты»: «многоядение, многолитие, многосоние». «Лень бо мати всех пороков»,— наставляет своих чад Владимир Мономах. Она порождается праздностью и влечет за собой пьянство и блуд, а «в пьянстве и блуде душа и тело погибают человеков». Как дым прогоняет пчел, так винные пары изгоняют из головы царя души — разум и его место занимает безумие.

Древнерусская литература, однако, не перекладывает на потусторонние бесовские силы все зло мира. Оно утверждала, что злой человек может быть хуже беса: «бес креста боится, а злой человек ни креста не боится, ни людей не стыдится». Особенно отвратительны те люди, которые ссорят друзей друг с другом и толкают других на путь недобрый. Древние книжники предупреждали о том зле, который приносят людям лживые пророки, скрывая под овечьей шкурой хищную сущность злых волков.

Большое зло приносят стране злые, недобрые советники, подавая недобрые советы властителю они «наводят на всю страну "мерзость"». Даже сам сатана способен являться человеку в образе светлого ангела и слуги его преображаться в праведников. Эту мысль в дальнейшем будет развивать Киево-Печерский патерик.

Однако и сам Бог допускает зло, но только в известных пределах, и качестве «педагогических целей» воздействия на допускающих прегрешения людей, для призыва их ко всеобщему покаянию. С помощью небесных знамений (затмения луны, солнца) Бог предостерегает о грозящей людям опасности, а затем карает нашествием иноплеменников «грех ради наших». «Вся злая, елико же творять нам страны, по повелению Божию творять», ибо «человеколюбець (Бог) убо праведъный судия Бог согрешающим нам предает ны многажьды супостатам, не на погибель, но на покаяние», дабы люди перестали творить беззакония и покаялись в своих грехах.

Евангелия и святоотческая литература утверждают постулат о том, что «власти мирьския от Бога вчинены суть», и «всяк владыка и царь, и епископ от Бога поставляется», в том числе и недостойные правители. Последние поставляются по Божию «попущению» или «хотению». Такие немилостивые правители — результат Божьего наказания людей страны за их прегрешения.

Христианство значительно приблизило Бога к Человеку. Оно создало яркий образ Богочеловека Иисуса Христа, соединившего в себе две природы Божескую и Человеческую. Он рожден как человек, проходит свою земную жизнь как человек, терпит страсти как человек, принимает самовольную смерть на кресте как человек. В то же время Иисус рождается в результате благовествования архангела Гавриила, не нарушая девственности матери, как Бог творит чудеса, как Бог воскресает на третий день после своей смерти, является воскресшим ученикам своим как Бог и как Бог возносится на сороковой день после воскресения на небо и занимает на небесах подобающее свое место, одесную Отца, и как Бог он должен вновь явиться на землю, свершить праведный Страшный суд и установить Тысячелетнее царство добра и справедливости.

Тексты священного писания и святоотческая литература в лице Богочеловека Иисуса Христа создали идеал человечества «вековечный», по словам Ф. М. Достоевского.

Христос своим новым вероучением указывал путь нравственного совершенствования человеку, путь уподобления Спасителю, путь преодоления низменных страстей, путь просветления. Изображению этого пути достижению божественного идеала и была посвящена житийная литература, являвшаяся одним из любимых чтений народа русского. Знаменитая картотека академика Н. К. Никольского, хранящаяся в Библиотеке Российской Академии наук, насчитывает 5 508 названий оригинальных древнерусских житий.

Одной из важнейших сторон христианской философии явилась разработка учения о Боге-Слове. Основы этого учения заложены в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово; и Слово было у Бога. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без Него ничто начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков».

Эти евангельские слова были истолкованы следующим образом. Слово — это единородный Сын Бога, воплощение Его творческой силы и могущества. С помощью Слова Бог сотворил мир и все сущее в мире. Он сказал: «Да будет свет», и стал свет. Слово — животворящее божественное начало всего сущего, оно является началом жизни, светом истины для людей.

С этими положениями средневековой философии связана глубокая вера средневекового человека в силу слова, несущего людям свет истины. Этот «свет и во тьме светит и тьмя его не обнимет». Это положение объясняет причину интенсивного развития в древнерусской литературе учительного слова, живого слова пастырей, обращенных к своей пастве. В этих словах, как отмечал Н. В. Гоголь,— пробивались начала оригинальности нашей древней литературы. В словах пастырей излагались основы христианской морали. Изложению этих основ были посвящены слова энциклопедического Изборника 1076 г. Они давали ответ на насущный вопрос новообращенных христиан «како крестьянам жити?».

Составитель Изборника подбирает слова в определенной тематической последовательности с целью направить своего читателя-слушателя на «правый путь спасения».

Открывает Изборник 1076 г. оригинальная статья, не имеющая аналогов в греческом языке «Слово некоего калугера (монаха) «О чтении книг». Его цель — показать значение книги в духовно-нравственной жизни «всякого христианина». Письменное слово — книга — несет то благо, добро, которое необходимо человеку в жизни. Оно несет свет истины. Поэтому калугер и призывает читателя к медленному внимательному прочтению книги от «главизны к главизне», что необходимо для

уяснения смысла прочитанного. Для этого читателю необходимо обращаться не единожды, а «трижды» к одной и три же главе. Как правитель уздой удерживает коня, так и праведнику книга является «уздой воздержания».

«Красота воину — оружие, кораблю — ветрила, так и праведнику почитание книжное». Здесь на первый план калугер выдвигает значение книги как средства воздержания его от низменных страстей. Книга позволяет человеку обрести внутреннюю красоту и гармонию. Она является духовным оружием человека в борьбе с грехом. Книга подобна ветрилам (парусам), направляющим жизненный корабль человека в плавании по бурным волнам моря житейского. И книга является тем украшающим человека оружием, которое защищает его от житейских бурь и тревог.

Калугер призывает «братию» разверзнуть «духовные уши» и послушать «силу и поучения» святых книг. В качестве примера калугер ссылается на жития Василия Великого, Иоанна Златоуста, Кирилла Философа (просветителя славян), которые «измлада прилежли святых книг» и «на добрыя дела подвингушася».

«Слово некоего отца к сыну своему» продолжает развивать мысли «Слова некоего калугера». В этом слове закладываются основы будущего «Домостроя». Отец призывает сына самому поразмыслить над теми двумя путями, по которым ему предоставлена возможность идти по жизни. Это или путь тех немногочисленных людей, которые «на небеси и на земли» оставили после себя память, либо путь «беспамятства», т. е. греха. Первый путь — это путь кротости, смирения, любви, добросердия и милостыни.

Отец советует прежде всего сыну избегать греха («греха бегай, яки ратника») и призывает его быть милосердным; «Чадо, алчьнаго накорми, ждьного напои, странъна введи, больна присети, в темницы дойди, виждь беду их и воздохни». Именно эти добродетели, по мнению отца, способны привести сына к жизни вечной, то есть обрести путь спасения.

Особо подчеркивает отец необходимость посещения церкви, где сын должен стоять со страхом и прилежно внимать словам писания.

Специальное слово — «наказание» обращено к богатым. Оно прзывает богатых оказывать постоянную помощь страждущим и категорически воспрещает творить зло, помнить о том, что «истинный пластелин — тот, кто собою обладает».

В избранных статьях от многих «отец, апостолов и пророков и иных книг» Изборник 1076 г. внушал неофитам-христианам «вечные истины» морали новой веры, изложенные в форме сентенций, гномий.

Изборник 1076 г. положил основание созданию оригинальных в древнерусской литературе дидактических сборников типа «Измарагд», «Златая чепь», «Домострой».

К XI в. относится ряд дошедших до нас Служебных Миней, в том числе Новгородская 1095—1097 гг. на сентябрь, октябрь и ноябрь. Такие сборники, как «Триодь постная» (содержала службы до наступления Пасхи) и «Триодь цветная» (содержала службы на Пасху и после Пасхи), включали тексты молитв и песнопений, часть которых была создана талантливыми византийскими поэтами Романом Сладкопевцем, Иоанном Дамаскиным и др. Поэтические образы церковной гимнографии, входя постепенно в повседневный быт, становились арсеналом художественных средств оригинальной древнерусской письменности.

Очевидно, сразу же по принятии христианства на древнерусский язык были переведены избранные отрывки из ветхозаветных библейских книг, составившие сборники так называемых Паремийников, предназначавшиеся для богослужебных чтений. Полностью текст пятидесяти ветхозаветных книг был переведен на древнерусский язык в 1499 г. в Новгороде по инициативе архиепископа Геннадия.

Наибольшей популярностью из всех ветхозаветных книг пользовалась Псалтырь. По этой книге учили грамоте. Тексты псалмов заучивались наизусть. Псалтырь привлекала внимание древнерусского читателя своим лирическим пафосом, повествовательностью, сочетавшимися с аллегоризмом и абстрактной обобщенностью, а также высокохудожественной формой изложения.

Очень рано на Руси стали известны тексты толковой и гадательной Псалтыри. Толковая Псалтырь содержала толкования — разъяснения аллегорического смысла псалмов, а гадательная предназначалась для разрешения сомнений, она призвана была помочь человеку принять «правильное» решение.

Тексты канонических церковных книг почитались «священными» и пользовались непререкаемым авторитетом. Они считались источником «божественной мудрости», глубоко скрытый смысл которой нужно правильно истолковать и понять. В связи с этим древнерусские книжники обращаются за помощью к патристической литературе, т. е. к творениям «отцов церкви».

Нравоучительные «слова» знаменитого константинопольского витии Иоанна Златоуста получили у нас распространение в сборниках «Златоструй», «Златоуст», «Маргарит». «Златоструй», составленный под руководством царя Симеона, был весьма популярен на Руси. Здесь в него, однако, стали вносить произведения чисто русские, авторы которых, желая придать вес своим сочинениям, приписывали их создание знаменитому византийскому ритору. Сборник «Златоуст» был посвящен толкованиям недельных апракосных евангельских текстов.

Из сочинений Василия Великого на Руси был известен «Шестоднев» в переводе Иоанна экзарха болгарского. Это произведение подробно знакомило читателя с «шестью днями» творения мира. В нем сообщались сведения о природе, растительном и животном мире, а также о человеке как венце божьего творения.

Довольно рано стала известна на Руси мрачная аскетическая поэзия «слов» Ефрема Сирина, входивших в византийский сборник «Паренесис». Из этого сборника были извлечены «слова» «о злых женах» и «о страшном суде и антихристовом пришествии».

Пути нравственного совершенствования человеческой души, восхождения ее к богу указывала «Лествица» Иоанна Лествичника. Систематически излагало догматику христианского вероучения «Слово о правой вере» Иоанна Дамаскина, переведенное в Болгарии.

Как правило, большинство произведений «отцов церкви» были связаны с традициями античного ораторского искусства. Используя приемы великих ораторов, они насыщали свои «слова» яркими образами, добиваясь нужного эмоционального воздействия на слушателей — читателей. Своим «словам» они придавали вневременной обобщенный характер, адресуя их слушателям различных социальных положений и этнической принадлежности. Патристическая литература главное внимание уделяла духовной стороне жизни человека и требовала отрешения от *«скоропреходящей прелести»* текущей жизни.

Житийная литература. Важным средством религиозно-нравственного воспитания была агиографическая литература—житийная, посвященная жизнеописаниям святых. В занимательной форме здесь давался наглядный урок практического применения отвлеченных христианских догм. Она рисовала нравственный идеал человека, достигшего полного торжества духа над грешной плотью, полной победы над земными страстями.

Формирование и развитие агиографической литературы относится к первым векам существования христианства. Она вбирает в себя элементы античного исторического

жизнеописания, использует ряд черт эллинистического романа, и в то же время ее происхождение непосредственно связано с жанром надгробной похвальной речи. Житие сочетает занимательность сюжетного повествования с назидательностью и панегириком. В центре жития — идеальный христианский герой, следующий в своей жизни Христу.

В VIII—XI вв. в Византии вырабатывается каноническая структура жития и основные принципы изображения житийного героя. Происходит своеобразное иерархическое разделение житий по типам героев и характерам их подвигов.

Тип героя определяет тип жития, и в этом отношении житие напоминает икону. Подобно иконе житие стремится дать предельно обобщенное представление о герое, сосредоточивая главное внимание на прославлении его духовных, нравственных качеств, которые остаются неизменными и постоянными. Составители житий сознательно преобразуют факты реальной жизни, чтобы показать во всем величии красоту христианского идеала. Характер этого идеала накладывает печать на композиционную и стилистическую структуру жития.

Жизнеописание святого обычно начинается с указания на его происхождение, как правило, *«от благочестивых», «пречестных»* родителей, реже от *«нечестивых»,* но и этот факт призван лишь контрастнее оттенить благочестие героя. В детстве он уже отличается от своих сверстников: не ведет *«пустотных»* игр, бесед, уединяется; овладев грамотой, начинает с прилежанием читать книги «священного писания», уясняет их мудрость. Затем герой отказывается от брака или, исполняя родительскую волю, вступал в брак, но соблюдал *«чистоту телесную».* Наконец, он тайно покидал родительский дом, удалялся в *«пустыню»,* становился монахом, вел успешную борьбу с бесовскими искушениями. К святому стекалась *«братия»,* и он обычно основывал монастырь; предсказывал день и час своей кончины, благочестиво, поучив братию, умирал. Тело же его после смерти оказывалось нетленным и издавало благоухание — одно из главных свидетельств святости умершего. У его нетленных мощей происходили различные чудеса: сами собой загорались свечи, исцелялись хромые, слепые, глухие и прочие недужные. Завершалась агиобиография обычно краткой похвалой. Так создавался обобщенный лучезарный образ святого, украшенный всяческими христианскими добродетелями, образ, лишенный индивидуальных качеств характера, отрешенный от всего случайного, преходящего.

На Руси с принятием христианства стали распространяться жития в двух формах: в краткой — так называемые проложные жития, входившие в состав Прологов (Синаксариев) и использовавшиеся во время богослужения, и в пространной — минейные жития. Последние входили в состав Четьих-Миней, т. е. месячных чтений, и предназначались для чтения вслух за монастырскими трапезами, а также для индивидуального чтения.

Особой разновидностью агиографической литературы являлись Патерики (Отечники), в которых давалось не все жизнеописание того или иного монаха, а лишь наиболее важные, с точки зрения их святости, подвиги или события. Уже, по-видимому, в XI в. на Руси был известен «Египетский патерик», созданный на основе «Лавсаика», составленного Палладием Еленопольским в 420 г. Этот Патерик включал рассказы о египетских монахах, которые вели успешную борьбу с демонами. Пользовался популярностью также «Иерусалимский», или «Синайский патерик» («Луг духовный»), составленный Иоанном Мосхом в VII в. Позже стал известен «Римский патерик». Присущая целому ряду патериковых рассказов занимательность, сюжетность повествования, сочетание наивной фантастики с бытовыми эпизодами привлекали внимание читателей. Эти рассказы затем входили в состав Прологов.

Характерными образцами патериковой новеллы могут служить рассказы о старце Герасиме, о его льве, о Таисе. Первый рассказ повествует о трогательной привязанности и любви льва к старцу, второй — о красоте подвига девушки.

Патериковый рассказ недаром привлекал многих писателей XIX в.: Толстого, Лескова, Флобера, Франса.

Переводная агиографическая литература служила важным источником при создании оригинальных древнерусских житий. Однако древнерусские писатели внесли в разработку этого жанра много своего — оригинального и самобытного.

Апокрифы. Усвоение нового христианского мировоззрения Древней Русью шло не только путем перевода произведений канонической церковной литературы, но и путем широкого использования апокрифов. Слово «апокриф» — греческое, в переводе на русский язык означает «тайный», «сокровенный». Апокрифами назывались первоначально произведения, рассчитанные на узкий круг образованных читателей. В дальнейшем, когда появились различного рода ереси, апокриф стал использоваться еретиками для критики положений ортодоксальной догматики. В связи с этим официальная церковь после установления канона «священного писания» в IV в. причисляет апокрифы, получившие распространение у еретиков, к разряду книг «ложных», «отреченных». Те же апокрифы, которые, по мнению христианских ортодоксов, не противоречили каноническому «писанию», допускались к обращению. При этом точных критериев, к какому разряду отнести тот или иной апокриф — к «ложным» или «допускаемым»,— не было. Первый индекс «ложных» книг появился в VI в., его составление приписывают Анастасию Синаиту. Затем этот индекс объединили с указателем книг «допускаемых». К XI в. относится дошедший до нас в списке XIV в. в составе Номоканона индекс южнославянский. Он затем был использован Киприаном в его Молитвеннике. Русский митрополит дополнил южнославянский список указанием *«богоотметных» и «неправедных»* гадательных книг. На протяжении XVI в. список Киприана расширялся и получил окончательную редакцию в «Кирилловой книге» 1664 г., где дан подробный перечень книг «истинных» и «ложных». При этом в разряд «истинных» попадает ряд апокрифических произведений. Таким образом, апокрифами называются такие легендарно-религиозные повествования, которые тематически близки к каноническим ветхозаветным и новозаветным книгам, но резко расходятся с ними в трактовке событий и характера персонажей. Апокрифы широко вбирают в себя народные представления, художественные приемы устной поэзии.

Апокрифические произведения проникают на Русь также в устной передаче. Их приносят паломники, побывавшие в «святых местах».

Тематически апокрифы делятся на ветхозаветные, новозаветные и эсхатологические. Ветхозаветные апокрифы развивают сюжеты ветхозаветных книг. Их героями являются Адам, Ева, праотцы Енох, Мельхиседек, Авраам, цари Давид и Соломон. Новозаветные посвящены рассказам о Христе, апостольским «обходам» и «деяниям». Эсхатологические апокрифы связаны с фантастическим повествованием о загробной жизни, конечных судьбах мира.

Особую группу составляют апокрифические жития, к которым относятся жития Федора Тирона, Никиты, Георгия Победоносца.

Основной поток апокрифической литературы шел на Русь из Болгарии и был связан с ересью богомилов. Эта ересь, название которой связано с именем ее идеолога Богомила, подвергала пересмотру ортодоксальное монотеистическое учение. Являясь своеобразной религиозной формой социального протеста народных масс, богомильская ересь развивала дуалистическое учение о господстве в мире двух равновеликих сил —

добра-Бога и зла-дьявола. Порождением этих двух сил является человек, имеющий божественное—духовное — начало и дьявольское — материальное. В связи с этим, утверждали богомилы, каждый человек должен вести непрестанную борьбу с материальными началами жизни — источниками зла — во имя торжества духа. Они проповедовали воздержание, нравственное самоусовершенствование.

Дуалистические воззрения богомилов отразились в целом ряде апокрифов, которые благодаря своей конкретности, яркой образности приобрели большую популярность на Руси. Одно из таких апокрифических сказаний зафиксировано «Повестью временных лет» под 1071 г., где в уста языческого волхва вложен рассказ о сотворении человека.

С дуалистическими богомильскими представлениями связан апокриф *«Како бог сотвори Адама».* Конкретизируя библейскую легенду, апокриф изображает Бога и дьявола как силы равновеликие, хотя основным творцом человека выступает Бог. Если, согласно рассказу книги «Бытие», Бог создает человека из персти земной по своему образу и подобию и сам процесс творения происходит мгновенно, то в апокрифе творение человека длится определенное время, поскольку бог создает его из 8 частей: он берет от земли тело, от камня — кости,
от моря — кровь, от солнца — очи, от облака —мысли, от света — свет, от ветра — дыхание, от огня — тепло. В данном перечне отражается поэтическая образность народного мышления. Здесь каждая «часть» содержит метафору, правда, еще не развернутую.

В процессе творения дьявол стремится всячески напакостить Богу. Воспользовавшись отсутствием последнего, дьявол измазал тело Адама своими нечистотами. Когда Бог из этих нечистот создал собаку и оставил ее охранять свое творение, дьявол, не решаясь подойти близко (он боится собаки!), истыкал тело Адама деревом. Этот поступок он оправдывает вящей пользой самого Бога. Наделив человека 70 недугами, дьявол позаботился о том, чтобы человек никогда не забывал о своем творце. Какое верное жизненное наблюдение! Ведь человек, как правило, «поминает» Бога тогда, когда впадает в недуг, когда ему приходится тяжко.

Так в апокрифе библейская легенда приобрела конкретное звучание и, конечно, была более доходчива для вчерашнего язычника, чем сухой, лаконичный рассказ канонического писания.

Большинство ветхозаветных апокрифов входило в состав «Палеи» (в переводе с греческого значит «старая») — сборника ветхозаветных рассказов. Здесь был помещен ряд апокрифических сказаний, посвященных Аврааму, Мельхиседеку, Иосифу, а также царю Соломону.

Имя Соломона пользовалось большой популярностью у народов Ближнего Востока, где, очевидно, и сложились основные апокрифические легенды. На Руси рано были известны «Сказание о Соломоне и Китоврасе», «Суды царя Соломона», «Соломон и царица Южская» (Савская).

«Сказание о Соломоне и Китоврасе» повествует о том, как Соломон заставил служить себе демоническое существо: получеловека-полуконя Китовраса (в такой транскрипции было передано на Руси греческое слово «кентавр»). При строительстве Иерусалимского храма Соломон не может обойтись без помощи Китовраса: только он может научить его, как обрабатывать камень без применения железа. И Китоврас, хитро пойманный боярами Соломона, помогает добыть «шамир» — алмаз, которым и обтесывают камни, возводя «святая святых».

В апокрифе сопоставляются два героя: Соломон и Китоврас. И хотя Китоврас — существо демоническое, наделенное необыкновенной силой, он не уступает в мудрости

Соломону, ему не чужды человеческие качества — доброта, сострадание. Именно Китоврас является главным действующим лицом апокрифа, тогда как Соломону принадлежит довольно пассивная роль. В «Сказании» дается ряд афористических нравоучительных сентенций, близких к народным пословицам: *«Всяк пъяй вино не умудряеть...», «мягко слово кость ломит, а жестоко слово гнев вздвизает».*

По-видимому, «Сказание о Соломоне и Китоврасе» было известно на Руси уже в XI — начале XII в.

Как установил А. Н. Веселовский, славянские сказания о Соломоне и Китоврасе близки к талмудическому апокрифу о Соломоне и Асмодее, который восходит к иранской, а далее к индийской легенде. Но, очевидно, в основу славянских сказаний был положен не сохранившийся до наших дней византийский текст, где Асмодея заменил Кентавр.

На Руси пользовались популярностью также апокрифические сказания о судах Соломона, где русского читателя привлекал образ мудрого судьи, справедливо разрешавшего преимущественно гражданские тяжбы. Апокриф «Соломон и царица Южская» был посвящен рассказам об испытании Семирамидой мудрости Соломона.

К новозаветным апокрифам относятся Евангелия Никодима, Иакова и Фомы. Они как бы дополняли канонические Евангелия, сообщая ряд подробностей, связанных с родителями Богоматери Иоакимом и Анной, рождением Христа и его детскими годами, его «страстями».

К новозаветным апокрифам относится «Сказание Афродитиана о чуде в Персидской земле». Оно подчеркивало закономерность и неизбежность смены язычества новой христианской религией, в результате чего наступило *«окончание чести идолам».* Эта идея была весьма актуальной для Руси XI — начала XII в., где пережитки язычества все еще были значительны.

Большой интерес для древнерусского читателя представляли апокрифы эсхатологические, развертывавшие фантастические картины потусторонней жизни, конечных судеб мира. Эти апокрифы являлись действенным средством воспитания и пропаганды новой христианской морали, конкретизировали христианскую идею воздаяния в «веке будущем» за соответствующие поступки в земной жизни.

К эсхатологическим апокрифам относятся «Павлове видение», «Сказание о Макарии Римском», «Откровение» Мефодия Патарского и особенно популярное «Хождение Богородицы по мукам».

Сюжет «Хождения» довольно прост: Богородица в сопровождении архангела Михаила посещает ад и в своем «путешествии» по аду является свидетельницей разнообразных мучений грешников. Адские мучения изображаются весьма конкретно, при этом последовательно проводится мысль о воздаянии на том свете за грехи. Не веровавшие в Троицу погружены в страшную тьму. Так реализуется метафорический образ *«языческой тьмы».* Характерно, что древнерусский текст апокрифа помещает сюда и тех, кто при жизни своей боготворил солнце, месяц, землю и воду, зверей и гадов, кто верил в Трояна, Хорса, Белеса и Перуна.

К раскаленным железным крючьям подвешены за зуб сплетники, за язык — клеветники, за ноги — развратники, из их уст исходят змеи, терзающие их же тела. Ленивцы, любители поспать, пригвождены в аду к раскаленным кроватям. Нарушители клятв, дети, проклятые своими родителями, людоеды погружены в зависимости от тяжести совершенного греха в огненную реку: одни по пазуху, другие по шею, а третьих огненные волны скрывают с головой. При этом ад, расположенный глубоко под землею, имеет, как утверждает апокриф, свою географию: север, юг и запад.

Картины адских мучений, которые рисует «Хождение», ярки и конкретны. Они отличаются от абстрактных обобщенных представлений канонического «писания», говорившего только, что грешников на том свете ожидает *«мраз», «скрежет зубов», «червь неусыпный».*

Форма «Хождения», т. е. путешествия, давала возможность свободно варьировать адские мучения в зависимости от той социальной среды, в которую попадал апокриф. Так, в народной демократической среде апокриф пополнялся новыми картинами адских мучений жестоких и немилостивых бояр и боярынь, злых князей, царей и патриархов, приказчиков и сенных ключниц.

Конкретными человеческими качествами наделена в «Хождении» Богородица: это женщина-мать, глубоко сочувствующая мукам и страданиям людским, ее сердце преисполнено любви и жалости к мучающимся грешникам, она сама готова разделить их муки и спешит прийти им на помощь. Только тех, кто предал и распял ее сына, не в состоянии простить ее материнское сердце.

Богородица противопоставлена в апокрифе жестокому, равнодушному к человеческим скорбям Богу. Он суров и безучастен к страданиям грешников. Трижды приходится Богородице совместно со всем небесным воинством умолять непреклонного, жестокого Бога. И только на третий раз соглашается он послать своего сына — Христа *«явить свое лицо грешникам»,* и Христос дает грешникам покой от великого четверга до пятидесятницы (восемь недель).

Апокриф резко расходился с канонической церковной литературой в трактовке божеской справедливости, любви и милосердия.

Таким образом, занимательность рассказов, яркость, конкретность и образность изложения, близость фольклору способствовали популярности апокрифической литературы. Постепенно вбирая в себя черты русской действительности, некоторые апокрифические сказания становились достоянием фольклора, бытовали в виде устных легенд, духовных стихов.

Историческая и «естественнонаучная» литература. Выработке новых христианских воззрений на природу, историческую жизнь народов способствовал перевод византийских хроник, «естественнонаучных» сочинений.

Особой популярностью на Руси пользовалась хроника Георгия Амартола, созданная в IX в. и дополненная Симеоном Логофетом в X в. Изложение событий «мировой» истории здесь начиналось от сотворения мира и включало историю древнееврейскую и, как ее продолжение, византийскую. Излагая события византийской истории, доведенной до 948 г., Георгий Амартол и Симеон Логофет большое внимание уделяли церковной жизни. Трактовка исторических событий давалась с религиозно-дидактической, провиденциалистской точки зрения. Хроника знакомила русского читателя с событиями мировой истории, служила и назидательным чтением. Ее материалы использовались русскими летописцами для уяснения места и судеб Русской земли в «мировой» истории.

Меньшей популярностью пользовались на Руси хроника Иоанна Малалы (VI в.) и хроника Георгия Синкелла (VIII в.); изложение событий в последней было доведено до императора Диоклетиана (III в.). В обеих хрониках преобладал мирской элемент. Георгий Синкелл включил в свою хронику много языческих мифологических рассказов и почти не касался событий церковной жизни.

В XI—XII вв. путем обработки хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы на Руси была создана первая редакция «Еллинского и Римского летописца», вторая редакция которого (XIII в.) явилась основой древнерусских хронографов.

Своеобразной средневековой «естественнонаучной» энциклопедией были «Шестоднев» и «Физиолог». Сообщая сведения о растительном мире и животном царстве, эти произведения включали много баснословного, фантастического и вместе с тем поэтического.

Так, например, «Физиолог» сообщал о чудесной птице феникс, превосходящей своей красотой павлина и всех пернатых. Она носит на своей главе венец и *«сапогы на ногу, якоже царь».* Живет эта прекраснейшая птица в Индии близ Солнечного града. В течение пятисот лет лежит она на кедрах ливанских без всякой пищи. Тогда звонит в колокол иерей Солнечного града, и при его звоне слетает феникс на землю и входит к священнику в церковь, садится на ступени алтаря и превращается в пепел. Наутро же священник, придя в церковь, находит там вновь возродившуюся из пепла птицу. Описывает «Физиолог» и фантастического зверя единорога, который подобен *«козляти»* и очень кроток, но охотник не может приблизиться к нему, потому что единорог очень силен, имея один рог посередине головы. А вот птица *«сирин» — «до чресл»* образ человеческий, а хвост гусиный. Своим *«благоглаголанием и благословесием возжигает сердца беззлобных».*

«Физиолог» не ограничивается простым описанием животных, он дает символическое толкование их свойств. Так, феникс — это образ праведника, свидетельство воскресения Христа.

Описываемые свойства животных «Физиолог» объясняет как определенные состояния человеческой души.

Образ единомужней горлицы — идеал супружеской верности и любви: потеряв любимого или любимую, горлица удаляется в пустынное место, где на сухом древе оплакивает невозвратимую утрату. Трухлявое дерево, которое долбит дятел, устраивая внутри себе гнездо,— символ душевной слабости человека, этой слабостью и пользуется дьявол, который овладевает душой и там возгнездится.

С устройством мироздания древнерусских людей знакомила «Христианская топография» Космы Индикоплова (плавателя в Индию). Сочинение этого монаха, в прошлом александрийского купца, совершившего путешествие на Восток (VI в. н. э.), было известно на Руси в XI—XII вв. Косма считает, что только «божественное писание» дает истинное представление об устройстве Вселенной. Центр Вселенной — земля. Это прямоугольная плоскость, длина которой вдвое больше ширины, ибо такой формы был устроен Моисеем престол в святая святых,— этот престол и являл собой образ земли. Земля утверждена на своем основании, и она неподвижна. Плоскость земли со всех сторон омывается океаном. За его пределами находится еще земля, где был рай. Край этой земли поднимается высокой стеной, которая, закругляясь, образует видимое небо, или небесную твердь. Здесь укреплены небесные светила, которыми управляют особые ангелы, следящие за сменой дня и ночи, собирающие в трубы воду морскую и низводящие ее на землю дождем. Видимое небо, или твердь небесная, скрывает за собой невидимые небеса, где на седьмом небе пребывает сам Господь Бог.

К концу XII в. был переведен сборник афоризмов, собранных из книг «священного писания», творений «отцов церкви», книг античных философов. Поскольку эти изречения собирались с большим старанием, как пчела собирает нектар, и таким нектаром была извлеченная из книг мудрость, то и сборник этот получил название «Пчелы». Основная цель его была дидактическая: в афористической форме дать нормы христианско-феодальной этики. Русскими книжниками «Пчела» использовалась в качестве источника афоризмов, которыми они подкрепляли свои мысли. В то же время

они дополняли «Пчелу» новыми афоризмами, взятыми из произведений древнерусской литературы, а также их «мирских притч», т. е. народных пословиц.

Итак, возникновение древнерусской литературы было вызвано потребностями политической и духовной жизни древнерусского государства. Опираясь на устное народное творчество и усваивая художественные традиции христианской литературы, русские писатели середины IV — начала XII в. создают самобытные произведения.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы исторические предпосылки возникновения древнерусской литературы?
2. Роль фольклора и византийской книжности в формировании древнерусской литературы.
3. Какой круг византийской литературы бытовал на Руси в XI—XII вв.?
4. Каковы философские основы древнерусской литературы?
5. Что такое апокрифы, какова их классификация?
6. Своеобразие идейно-художественного содержания апокрифов «Сказание о Соломоне и Китоврасе» и «Хождение Богородицы по мукам».
7. Какие произведения византийской естественнонаучной, исторической литературы были переведены на древнеславянский язык?

ЛИТЕРАТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ
(СЕРЕДИНА XI - ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XII вв.)

Первые произведения оригинальной древнерусской литературы, дошедшие до нас, относятся к середине XI столетия. Их создание обусловлено ростом политического, патриотического сознания раннефеодального общества, стремящегося упрочить новые формы государственности, утвердить суверенность Русской земли. Обосновывая идеи политической и религиозной самостоятельности Руси, литература стремится закрепить новые формы христианской этики, авторитет власти светской и духовной, показать незыблемость, «вечность» феодальных отношений, норм правопорядка.

Основные жанры литературы этого времени исторические: предание, сказание, повесть — и религиозно-дидактические: торжественные слова, поучения, жития, хождения. Исторические жанры, опираясь в своем развитии на соответствующие жанры фольклора, вырабатывают специфические книжные формы повествования *«по былинам сего времени».* Ведущим жанром становится историческая повесть, основывающаяся на достоверном изображении событий. В зависимости от характера отражаемых в повестях событий они могут быть «воинскими», повестями о княжеских преступлениях и т. д. Каждый вид исторических повестей приобретает свои специфические стилистические особенности.

Центральным героем исторических повестей и сказаний является князь-воин, защитник рубежей споен страны, строитель храмов, ревнитель просвещения, праведный судия своих подданных. Его антипод — князь-крамольник, нарушающий феодальный правопорядок подчинения пассата своему сюзерену, старшему в роде, ведущий кровопролитные междоусобные воины, стремящийся добыть себе власть силой.

Повествование о добрых и злых деяниях князей опирается на свидетельства очевидцев, участников событий, устные предания, бытовавшие в дружинной среде.

Исторические понести и сказания не допускают художественного вымысла н современном значении этого слова. Факты, изложенные и них, документированы, прикреплены к точным датам, соотнесены с другими событиями.

Исторические жанры древнерусской литературы, как правило, бытуют не отдельно, а в составе летописей, где принцип погодного изложения давил возможность включать в нее разнообразный материал: погодную запись, сказание, повесть. Эти исторические жанры были посвящены важнейшим событиям, связанным с военными походами, борьбой против внешних врагов Руси, строительной деятельностью князя, усобицами, необычными явлениями природы—небесными знамениями. В то же время летопись включала и церковную легенду, элементы жития и даже целые жития, юридические документы.

Одним из древнейших дошедших до нас величайших исторических и литературных памятников второй половины XI —начала XII столетия является «Повесть временных лет».

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

«Повесть временных лет» — выдающийся исторический и литературный памятник, отразивший становление древнерусского государства, его политический и культурный расцвет, а также начавшийся процесс феодального дробления. Созданная в первые десятилетия XII в., она дошла до нас в составе летописных сводов более позднего времени. Самые старшие из них —Лаврентьевская летопись — 1377 г., Ипатьевская, относящаяся к 20-м годам XV в., и Первая Новгородская летопись 30-х годов XIV в.

В Лаврентьевской летописи «Повесть временных лет» продолжена северорусской Суздальской летописью, доведенной до 1305 г., а Ийатьевская летопись помимо «Повести временных лет» содержит летопись Киевскую и Галицко-Волынскую, доведенную до 1292 г.

Все последующие летописные своды XV—XVI вв. непременно включали в свой состав «Повесть временных лет», подвергая ее редакционной и стилистической переработке.

Формирование летописи. *Гипотеза А. А. Шахматова.* История возникновения русской летописи привлекала к себе внимание не одного поколения русских ученых, начиная с В. Н. Татищева. Однако только А. А. Шахматову, выдающемуся русскому филологу, в начале нынешнего столетия удалось создать наиболее ценную научную гипотезу о составе, источниках и редакциях «Повести временных лет». При разработке своей гипотезы А. А. Шахматов блестяще применил сравнительно-исторический метод филологического изучения текста. Результаты исследования изложены в его работах «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПб., 1908) и «Повесть временных лет», (Т. 1. Пг., 1916).

В 1039 г. в Киеве учредили митрополию —самостоятельную церковную организацию. При дворе митрополита был создан «Древнейший Киевский свод», доведенный до 1037 г. Этот свод, предполагал А. А. Шахматов, возник на основе греческих переводных хроник и местного фольклорного материала. В Новгороде в 1036 г. создается Новгородская летопись, на ее основе и на основе «Древнейшего Киевского свода» в 1050 г. возникает «Древний Новгородский свод». В 1073 г. монах Киево-

Печерского монастыря Никон Великий, используя «Древнейший Киевский свод», составил «Первый Киево-Печерский свод», куда включил также записи исторических событий, происшедших после смерти Ярослава Мудрого (1054).

На основании «Первого Киево-Печерского свода» и «Древнего Новгородского свода» 1050 г. создается в 1095 г. «Второй Киево-Печерский свод», или, как его сначала назвал Шахматов, «Начальный свод». Автор «Второго Киево-Печерского свода» дополнил свои источники материалами греческого хронографа, Паремийника, устными рассказами Яна Вышатича и житием Антония Печерского.

«Второй Киево-Печерский свод» и послужил основой «Повести временных лет», первая редакция которой была создана в 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, вторая редакция — игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром в 1116 г. и третья — неизвестным автором — духовником князя Мстислава Владимировича.

Первая редакция «Повести временных лет» Нестора основное внимание в повествовании об исторических событиях конца XI — начала XII в. уделяла великому киевскому князю Святополку Изяславичу, умершему в 1113 г. Владимир Мономах, став после смерти Святополка великим киевским князем, передал ведение летописи в свой вотчинный Выдубицкий монастырь. Здесь игумен Сильвестр и осуществил редакторскую переработку текста Нестора, выдвинув на первый план фигуру Владимира Мономаха. Несохранившийся текст первой Нестеровой редакции «Повести временных лет» А. А. Шахматов реконструирует в своей работе «Повесть временных лет» (Т. 1). Вторую редакцию, по мнению ученого, лучше всего сохранила Лаврентьевская летопись, а третью — Ипатьевская.

Гипотеза А. А. Шахматова, столь блестяще восстанавливающая историю возникновения и развития начальной русской летописи, однако, пока остается гипотезой. Ее основные положения вызвали возражения В. М. Истрина.

Он считал, что в 1039 г. при дворе митрополита-грека путем сокращения хроники Георгия Амартола возник «Хронограф по великому изложению», дополненный русскими известиями. Выделенные из «Хронографа» в 1054 г., они составили первую редакцию «Повести временных лет», а вторая редакция создана Нестором в начале второго десятилетия XII в.

Гипотеза Д. С. Лихачева. Интересные уточнения гипотезы А. А. Шахматова сделаны Д. С. Лихачевым. Он отверг возможность существования в 1039 г. «Древнейшего Киевского свода» и связал историю возникновения летописания с конкретной борьбой, которую пришлось вести Киевскому государству в 30—50-е годы XI столетия против политических и религиозных притязаний Византийской империи. Византия стремилась превратить русскую церковь в свою политическую агентуру, что угрожало самостоятельности древнерусского государства. Притязания империи встречали активный отпор великокняжеской власти, которую в борьбе за политическую и религиозную самостоятельность Руси поддерживали широкие массы населения. Особого напряжения борьба Руси с Византией достигает в середине XI в. Великому князю киевскому Ярославу Мудрому удается высоко поднять политический авторитет Киева и Русского государства. Он закладывает прочные основы политической и религиозной самостоятельности Руси. В 1039 г. Ярослав добился учреждения в Киеве митрополии. Тем самым Византия признала известную самостоятельность русской церкви, хотя во главе ее оставался митрополит-грек. Кроме того, Ярослав добивался канонизации Ольги, Владимира и своих братьев Бориса и Глеба, убитых Святополком в 1015 г. В конце концов в Византии вынуждены были признать Бориса и Глеба русскими святыми, что явилось торжеством национальной политики Ярослава. Почитание этих

первых русских святых приобрело характер национального культа, оно было связано с осуждением братоубийственных распрей, с идеей сохранения единства Русской земли.

Политическая борьба Руси с Византией переходит в открытое вооруженное столкновение: в 1050 г. Ярослав посылает войска на Константинополь во главе со своим сыном Владимиром. Хотя поход Владимира Ярославича и закончился поражением, Ярослав в 1051 г. возводит на митрополичий престол русского священника Илариона.

В этот период борьба за самостоятельность охватывает все области культуры Киевской Руси, в том числе и литературу. Д. С. Лихачев указывает, что летопись складывалась постепенно, в результате возникшего интереса к историческому прошлому родной земли и стремления сохранить для будущих потомков значительные события своего времени.

Исследователь предполагает, что в 30—40-е годы XI в. по распоряжению Ярослава Мудрого была произведена запись устных народных исторических преданий, которые Д. С. Лихачев условно называет «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси». В состав «Сказания» входили предания о крещении Ольги в Царьграде, о смерти двух мучеников-варягов, об испытании вер Владимиром и его крещении. Эти предания носили антивизантийский характер. Так, в сказании о крещении Ольги подчеркивалось превосходство русской княгини над греческим императором. Ольга отвергла притязания императора на свою руку, ловко *«переклюкав»* (перехитрив) его. Сказание утверждало, что русская княгиня не видела особой чести в предлагаемом ей браке. В своих отношениях с греческим императором Ольга проявляет чисто русскую смекалку, ум и находчивость. Она сохраняет чувство собственного достоинства, отстаивая честь родной земли.

Предание об испытании веры Владимиром подчеркивает, что христианство было принято Русью в результате свободного выбора, а не получено в качестве милостивого дара от греков.

В Киев, согласно этому преданию, являются посланцы различных вер: магометанской, иудейской и христианской, греческой, римской. Каждый из послов расхваливает достоинства своей религии. Однако Владимир остроумно отвергает и мусульманскую, и иудейскую веры, поскольку они не соответствуют национальным традициям Русской земли. Римская вера была отвергнута «отцами и дедами» (имелась в виду миссия епископа Адальберта в середине X в.). Остановив свой выбор на православии, Владимир, прежде чем принять эту религию, отправляет своих посланцев испытать, какая же вера лучше. Посланные воочию убеждаются в красоте, пышности и великолепии церковного греческого христианского богослужения, они доказывают князю преимущества православной веры перед другими религиями, и Владимир окончательно останавливает свой выбор на христианстве.

Д. С. Лихачев предполагает, что «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси» были записаны книжниками киевской митрополии при Софийском соборе. Однако Константинополь не был согласен с назначением на митрополичью кафедру русского Илариона (в 1055 г. на его месте видим грека Ефрема), и «Сказания», носившие антивизантийский характер, не получили здесь дальнейшего развития.

Центром русского просвещения, оппозиционно настроенным против митрополита-грека, с середины XI в. становится Киевско-Печесрский монастырь. Здесь в 70-х годах XI в. происходит оформление русской летописи. Составитель летописи — Никон Великий. Он использовал «Сказания о распространении христианства», дополнил их рядом устных

исторических преданий, рассказами очевидцев, в частности воеводы Вышаты, историческими сведениями о событиях современности и недавних дней.

Очевидно, под влиянием пасхальных хронологических таблиц — пасхалий, составлявшихся в монастыре, Никон придал своему повествованию форму погодных записей — по *«летам».* В созданный около 1073 г. «Первый Киево-Печерский свод» он включил большое количество сказаний о первых русских князьях, их походах на Царьград. Им же, по-видимому, была использована и Корсунская легенда о походе Владимира Святославича в 988 г. на греческий город Корсунь (Херсонес Таврический), после взятия которого Владимир потребовал себе в жены сестру греческих императоров Анну.

Благодаря этому свод 1073 г. приобрел резко выраженную антивизантийскую направленность. Никон придал летописи политическую остроту, историческую широту и небывалый патриотический пафос, что и сделало это произведение выдающимся памятником древнерусской культуры. Свод осуждал княжеские усобицы, подчеркивая роль народа в защите Русской земли от внешних врагов.

Таким образом, «Первый Киево-Печерский свод» явился выразителем идей и настроений средних и даже низших слоев феодального общества. Отныне публицистичность, принципиальность, широта исторического подхода, патриотический пафос становятся отличительными чертами русской летописи.

После смерти Никона работа над летописью продолжалась в Киево-Печерском монастыре. Здесь велись погодные записи о текущих событиях, которые затем были обработаны и объединены неизвестным автором во «Второй Киево-Печерский свод» 1095 г.

«Второй Киево-Печерский свод» продолжал пропаганду идей единства Русской земли, начатую Никоном. В этом своде также резко осуждаются княжеские крамолы, а князья призываются к единству для совместной борьбы со степными кочевниками-половцами. Составитель свода ставит четкие публицистические задачи: примером прежних князей исправить нынешних.

Автор «Второго Киево-Печерского свода» широко привлекает рассказы очевидцев событий, в частности рассказы сына Вышаты Яна. Составитель свода использует также греческие исторические хроники, в частности хронику Георгия Амартола, данные которой позволяют ему включить историю Руси в общую цепь событий мировой истории.

«Повесть временных лет» создается в период, когда Киевская Русь испытывает на себе наиболее сильные удары степных кочевников-половцев, когда перед древнерусским обществом встал вопрос о сплочении всех сил для борьбы со степью, с *«полем»* за землю Русскую, которую *«потом и кровью стяжали отцы и деды».*

В 1098 г. великий киевский князь Святополк Изяславич примиряется с Киево-Печерским монастырем: он начинает поддерживать антивизантийское направление деятельности монастыря и, понимая политическое значение летописи, стремится взять под контроль ведение летописания. В интересах Святополка на основе «Второго Киево-Печерского свода» и создается монахом Нестором в 1113 г. первая редакция «Повести временных лет». Сохранив идейную направленность предшествующего свода, Нестор стремится всем ходом исторического повествования убедить русских князей покончить с братоубийственными войнами и на первый план выдвигает идею княжеского братолюбия. Под пером Нестора летопись приобретает государственный официальный характер.

Святополк Изяславич, поставленный Нестором в центр повествования о событиях 1093—1111 гг., не имел большой популярности в обществе того времени. После его смерти великим киевским князем стал в 1113 г. Владимир Мономах — *«добрый страдалец за русскую землю».* Понимая политическое и юридическое значение летописи, он передал ее ведение в Выдубицкий монастырь, игумен которого Сильвестр по поручению великого князя в 1116 г. составляет вторую редакцию «Повести временных лет». В ней на первый план выдвинута фигура Мономаха, подчеркиваются его заслуги в борьбе с половцами и в установлении мира между князьями.

В 1118 г. в том же Выдубицком монастыре неизвестным автором была создана третья редакция «Повести временных лет». В эту редакцию включено «Поучение» Владимира Мономаха, изложение доведено до 1117 г.

Гипотеза Б. А. Рыбакова. Иную концепцию развития начального этапа русского летописания развивает Б. А. Рыбаков. Анализируя текст начальной русской летописи, исследователь предполагает, что погодные краткие записи стали вестись в Киеве с появлением христианского духовенства (с 867 г.) при княжении Аскольда. В конце X столетия, в 996—997 гг., был создан «Первый Киевский летописный свод», обобщивший разнородный материал кратких погодных записей, устных сказаний. Свод этот был создан при Десятинной церкви, в его составлении приняли участие Анастас Корсунянин — настоятель собора, епископ Белгородский и дядя Владимира, Добрыня. Свод давал первое историческое обобщение полуторавековой жизни Киевской Руси и завершался прославлением Владимира. В это же время, предполагает Б. А. Рыбаков, оформляется и Владимиров цикл былин, в котором давалась народная оценка событий и лиц, тогда как летопись знакомила с придворными оценками, с книжной культурой, дружинным эпосом, а также с народными сказаниями.

Разделяя точку зрения А. А. Шахматова о существовании Новгородского свода 1050 г., Б. А. Рыбаков считает, что летопись была создана при деятельном участии новгородского посадника Остромира и эту «Остромирову летопись» следует датировать 1054—1060 гг. Она была направлена против Ярослава Мудрого и варягов-наемников. В ней подчеркивалась героическая история Новгорода и прославлялась деятельность Владимира Святославича и Владимира Ярославича, князя новгородского. Летопись носила чисто светский характер и выражала интересы новгородского боярства.

Б. А. Рыбаков предлагает интересную реконструкцию текста «Повести временных лет» Нестора. Выдвигает гипотезу об активном личном участии Владимира Мономаха в создании второй, Сильвестровой, редакции. Третью редакцию «Повести временных лет» исследователь связывает с деятельностью сына Мономаха Мстислава Владимировича, который пытался противопоставить Киеву Новгород.

Таким образом, вопрос о начальном этапе русского летописания, о составе, источниках «Повести временных лет» является весьма сложным и далеко не решенным.

Несомненно, однако, то, что «Повесть временных лет» — результат большой сводческой редакторской работы, обобщивший труд нескольких поколений летописцев.

Основные идеи начальной летописи. Уже в самом названии — *«Се повести времянъных лет, откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Руская земля стала есть»* — содержится указание на идейно-тематическое содержание летописи. Русская земля, ее исторические судьбы, начиная с момента возникновения и кончая первым десятилетием XII в., стоят в центре внимания летописи. Высокая патриотическая идея могущества Русской земли, ее политической самостоятельности, религиозной независимости от Византии постоянно руководит

летописцем, когда он вносит в свой труд «преданья старины глубокой» и подлинно исторические события недавнего прошлого.

Летописные сказания необычайно злободневны, публицистичны, исполнены резкого осуждения княжеских усобиц и распрей, ослабляющих могущество Русской земли, призыва блюсти Русскую землю, не посрамить земли Русской в борьбе с внешними врагами, в первую очередь со степными кочевниками — печенегами, а затем половцами.

Тема родины является определяющей, ведущей в летописи. Интересы родины диктуют летописцу ту или иную оценку поступков князя, являются мерилом его славы и величия. Живое чувство Русской земли, родины и народа сообщает русскому летописцу ту небывалую широту политического горизонта, которая несвойственна западноевропейским историческим хроникам.

Вдумаемся в заглавие, данное начальной русской летописи,— *«Повести времяньных лет».* Ведь слово «повести» означает здесь рассказ, т. е. то, что поведано о прошлом Русской земли с целью установить, *«откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити...».* Если работа по составлению летописи началась в 30—40-е годы XI в., то ее создатели выступили не только в качестве историков-исследователей, но и в качестве первых историков-писателей. Им прежде всего нужно было добыть материал о прошедших годах, отобрать его, литературно обработать и систематизировать — *«положить по ряду».*

Таким материалом, видимо, являлись устные исторические предания, легенды, эпические героические песни, затем письменные источники: греческие, болгарские хроники, агиографическая литература.

Из письменных источников летописцы заимствуют историческую христианско-схоластическую концепцию, связывая историю Русской земли с общим ходом развития «мировой» истории. «Повесть временных лет» открывается библейской легендой о разделении земли после потопа между сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Яфетом. Славяне являются потомками Яфета, т. е. они, как и греки, принадлежат к единой семье европейских народов.

Летописцев интересуют судьбы славянских народов в далеком прошлом (V—VI вв.), расселение восточных славянских племен в бассейне Днепра и его притоков, Волхова и озера Ильмень, Волго-Окского междуречья, Южного Буга и Днестра; нравы и обычаи этих племен, из которых по развитию культуры выделяется племя полян. Летописцы ищут объяснения происхождения названий как отдельных племен, так и городов, обращаясь к устной легенде. Они соотносят события, происшедшие в Русской земле, с событиями греческими и болгарскими. Ими осознается великая культурная миссия первых славянских *«учителей»* и *«философов»* Кирилла и Мефодия, и в летопись заносятся сведения о деятельности этих великих братьев, связанной с изобретением азбуки *«словенской».*

Наконец, им удается «установить» первую дату—6360 г.— (852 г.) —упоминания в *«летописаньи гречьстемь» «Руской земли».* Эта дата дает возможность положить *«числа по ряду»,* т. е. приступить к последовательному хронологическому изложению, точнее, расположению материала *«по летам»* — по годам. А когда они не могут прикрепить к той или иной дате никакого события, то ограничиваются простой фиксацией самой даты (например: *«в лето 6368», «в лето 6369»).* Хронологический принцип давал широкие возможности свободного обращения с материалом, позволял вносить в летопись новые сказания и повести, исключать старые, если они не соответствовали политическим

интересам времени и автора, дополнять летопись записями о событиях последних лет, современником которых был ее составитель.

В результате применения погодного хронологического принципа изложения материала постепенно складывалось представление об истории как о непрерывной последовательной цепи событий. Хронологическая связь подкреплялась генеалогической, родовой связью, преемственностью правителей Русской земли, начиная от Рюрика и кончая (в «Повести временных лет») Владимиром Мономахом.

В то же время этот принцип придавал летописи фрагментарность, на что обратил внимание И. П. Еремин.

Жанры, вошедшие в состав летописи. Хронологический принцип изложения позволял летописцам включать в летопись разнородный по своему характеру и жанровым особенностям материал. Простейшей повествовательной единицей летописи является лаконичная погодная запись, ограничивающаяся лишь констатацией факта. Однако само внесение в летопись той или иной информации свидетельствует о ее значительности с точки зрения средневекового писателя. Например: *«В лето 6377 (869). Крещена бысть вся земля Болъгарьская...»; «В лето 6419 (911). Явися звезда велика на западе копейным образом...»; «В лето 6481 (973). Нача княжити Ярополк»* и т. п. Обращает на себя внимание структура этих записей: на первое место, как правило, ставится глагол, который подчеркивает значимость действия.

В летописи представлен также тип развернутой записи, фиксирующей не только «деяния» князя, но и их результаты. Например: *«В лето 6391. Поча Олег воевати деревляны, и примучив а, имаше на них дань, по черне куне»* и т. п.

И краткая погодная запись, и более развернутая — документальны. В них нет никаких украшающих речь тропов. Запись проста, ясна и лаконична, что придает ей особую значимость, выразительность и даже величавость.

В центре внимания летописца — событие — *«што ся здея в лета сил».* За ними следуют известия о смерти князей. Реже фиксируется рождение детей, их вступление в брак. Потом информация о строительной деятельности князей. Наконец, сообщения о церковных делах, занимающие весьма скромное место. Правда, летописец описывает перенесение мощей Бориса и Глеба, помещает сказания о начале Печерского монастыря, смерти Феодосия Печерского и рассказы о достопамятных черноризцах печерских. Это вполне объяснимо политическим значением культа первых русских святых Бориса и Глеба и ролью Киево-Печерского монастыря в формировании начальной летописи.

Важную группу летописных известий составляют сведения о небесных знамениях — затмениях солнца, луны, землетрясениях, эпидемиях и т. п. Летописец усматривает связь между необычными явлениями природы и жизнью людей, историческими событиями. Исторический опыт, связанный со свидетельствами хроники Георгия Амартола, приводит летописца к выводу: *«Знаменья бо в небеси, или звездах, ли солнци, ли птицами, ли етеромь чим, не на благо бываютъ; но знаменья сиця на зло бываютъ, ли проявленъе рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ».*

Разнообразные по своей тематике известия могут объединяться в пределах одной летописной статьи. Материал, входящий в состав «Повести временных лет», позволяет выделить историческую легенду, топонимическое предание, историческое предание (связанное с дружинным героическим эпосом), агиографическую легенду, а также историческое сказание и историческую повесть.

Связь летописи с фольклором. О событиях далекого прошлого летописец черпает материал в сокровищнице народной памяти.

Обращение к топонимической легенде продиктовано стремлением летописца выяснить происхождение названий славянских племен, отдельных городов и самого слова «Русь». Так, происхождение славянских племен радимичей и вятичей связывается с легендарными выходцами из ляхов — братьями Радимом и Вятко. Эта легенда возникла у славян, очевидно, в период разложения родового строя, когда обособившаяся родовая старшина для обоснования своего права на политическое господство над остальными членами рода создает легенду о якобы иноземном своем происхождении. К этому летописному сказанию близка легенда о призвании князей, помещенная в летописи под 6370 (862) г. По приглашению новгородцев из-за моря *«княжить и володеть»* Русской землей приходят три брата-варяга с родами своими: Рюрик, Синеус, Трувор.

Фольклорность легенды подтверждает наличие эпического числа три —три брата. Сказание имеет чисто новгородское, местное происхождение, отражая практику взаимоотношений феодальной городской республики с князьями. В жизни Новгорода были нередки случаи *«призвания»* князя, который выполнял функции военачальника. Внесенная в русскую летопись, эта местная легенда приобретала определенный политический смысл. Она обосновывала права князей на политическую власть над всей Русью. Устанавливался единый предок киевских князей — полулегендарный Рюрик, что позволяло летописцу рассматривать историю Русской земли как историю князей Рюрикова дома. Легенда о призвании князей подчеркивала политическую независимость княжеской власти от Византийской империи.

Таким образом, легенда о призвании князей служила важным аргументом для доказательства суверенности Киевского государства, а отнюдь не свидетельствовала о неспособности славян самостоятельно устроить свое государство, без помощи европейцев, как это пытались доказать некоторые ученые.

Типичной топонимической легендой является также сказание об основании Киева тремя братьями — Кием, Щеком, Хоривом и сестрой их Лыбедью. На устный источник внесенного в летопись материала указывает сам летописец: *«Ини же, не сведуще, рекоша, якой Кий есть перевозник был».* Версию народного предания о Кие-перевозчике летописец с негодованием отвергает. Он категорически заявляет, что Кий был князем, совершал успешные походы на Царьград, где принял великую честь от греческого царя и основал на Дунае городище Киевец.

Отзвуками обрядовой поэзии времен родового строя наполнены летописные известия о славянских племенах, их обычаях, свадебных и похоронных обрядах.

Приемами устного народного эпоса охарактеризованы в летописи первые русские князья: Олег, Игорь, Ольга, Святослав.

Олег — это прежде всего мужественный и мудрый воин. Благодаря воинской смекалке он одерживает победу над греками, поставив свои корабли на колеса и пустив их под парусами по земле. Он ловко распутывает все хитросплетения своих врагов-греков и заключает выгодный для Руси мирный договор с Византией. В знак одержанной победы Олег прибивает свой щит на вратах Царьграда к вящему позору врагов и славе своей родины.

Удачливый князь-воин прозван в народе *«вещим»,* т. е. волшебником (правда, при этом летописец-христианин не преминул подчеркнуть, что прозвище дали Олегу язычники, *«людие погани и невеголоси»),* но и ему не удается уйти от своей судьбы. Под 912г. летопись помещает поэтическое предание, связанное, очевидно, *«с могилой Ольговой»,* которая *«есть... и до сего дни».* Это предание имеет законченный сюжет, который раскрывается в лаконичном драматическом повествовании. В нем ярко

выражена мысль о силе судьбы, избежать которой никто из смертных, и даже *«вещий»* князь, не в силах.

В несколько ином плане изображен Игорь. Он также мужествен и смел, одерживает победу над греками в походе 944 г. Он заботлив и внимателен к нуждам своей дружины, но, кроме того, и жаден. Стремление собрать как можно больше дани с древлян становится причиной его гибели. Жадность Игоря осуждается летописцем народной пословицей, которую он вкладывает в уста древлян: *«Аще ся ввадить волк в овце, то выносить все стадо, аще не убъють его...»*

Жена Игоря Ольга — мудрая женщина, верная памяти своего мужа, отвергающая сватовство не только древлянского князя Мала, но и греческого императора. Она жестоко мстит убийцам своего мужа, но жестокость ее не осуждается летописцем. В описании четырех местей Ольги подчеркивается мудрость, твердость и непреклонность характера русской женщины. Д. С. Лихачев отмечает, что основу сказания составляют загадки, которые не могут разгадать незадачливые сваты-древляне. Загадки Ольги строятся на ассоциациях свадебного и похоронного обрядов: несли в лодках не только почетных гостей, но и покойников; предложение Ольги послам помыться в бане — не только знак высшего гостеприимства, но и символ похоронного обряда; направляясь к древлянам, Ольга идет творить тризну не только по мужу, но и по убитым ею древлянским послам. Недогадливые древляне понимают слова Ольги в их прямом значении, не подозревая о другом, скрытом смысле загадок мудрой женщины, и тем самым обрекают себя на гибель. Все описание мести Ольги строится на ярком лаконичном и сценическом диалоге княгини с посланцами *«Деревьской земли».*

Героикой дружинного эпоса овеян образ сурового, простого и сильного, мужественного и прямодушного воина Святослава. Ему чужды коварство, лесть, хитрость — качества, присущие его врагам-грекам, которые, как отмечает летописец, *«лстивы и до сего дни».* С малой дружиной он одерживает победу над превосходящими силами врага: краткой, мужественной речью воодушевляет своих воинов на борьбу: *«...да не посрамим земле Руские, но ляжем костьми, мертвый бо срама не имам».*

Святослав презирает богатство, он ценит только дружину, оружие, с помощью которых можно добыть любое богатство. Точна и выразительна характеристика этого князя в летописи: *«...легъко ходя, аки пардус, войны многи творяше. Ходя, воз по себе не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядяше, ни шатра имяше, но подъклад послав и седло в головах; такоже и прочий вой его еси бяху».*

Святослав живет интересами своей дружины. Он даже идет наперекор увещеваниям матери — Ольги и отказывается принять христианство, боясь насмешки дружины. Но постоянное стремление

Святослава к завоевательным войнам, пренебрежение интересами Киева, его попытка перенести столицу Руси на Дунай вызывает осуждение летописца. Это осуждение он высказывает устами *«киян»: «... ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив* (оставил), *малы* (едва) *бо нас не взята печенези...»*

Прямодушный князь-воин гибнет в неравном бою с печенегами у днепровских порогов. Убивший Святослава князь печенежский Куря, *«взяша главу его, и во лбе* (черепе) *его съделаша чашю, оковавше лоб его, и пъяху из него».* Летописец не морализует по поводу этой смерти, но общая тенденция все же сказывается: гибель Святослава является закономерной, она следствие его ослушания матери, следствие его отказа принять крещение.

К народным сказаниям восходит летописное известие о женитьбе Владимира на полоцкой княжне Рогнеде, о его обильных и щедрых пирах, устраиваемых в Киеве,— Корсунская легенда. С одной стороны, перед нами предстает князь-язычник с его необузданными страстями, с другой — идеальный правитель-христианин, наделенный всеми добродетелями: кротостью, смирением, любовью к нищим, к иноческому и монашескому чину и т. п. Контрастным сопоставлением князя-язычника с князем-христианином летописец стремился доказать превосходство новой христианской морали над языческой.

Княжение Владимира было овеяно героикой народных сказаний уже в конце X — начале XI в.

Духом народного героического эпоса проникнуто сказание о победе русского юноши Кожемяки над печенежским исполином. Как и в народном эпосе, сказание подчеркивает превосходство человека мирного труда, простого ремесленника над профессионалом-воином — печенежским богатырем. Образы сказания строятся по принципу контрастного сопоставления и широкого обобщения. Русский юноша на первый взгляд — обыкновенный, ничем не примечательный человек, но в нем воплощена та огромная, исполинская сила, которой обладает народ русский, украшающий своим трудом землю и защищающий ее на поле брани от внешних врагов. Печенежский воин своими гигантскими размерами наводит ужас на окружающий. Хвастливому и заносчивому врагу противопоставляется скромный русский юноша, младший сын кожевника. Он совершает подвиг без кичливости и бахвальства. При этом сказание приурочивается к топонимической легенде о происхождении города Переяславля — *«зоне перея славу отроко тъ»,* но это явный анахронизм, поскольку Переяславль уже не раз упоминался в летописи до этого события.

С народным сказочным эпосом связано сказание о Белгородском киселе. В этом сказании прославляется ум, находчивость и смекалка русского человека.

И сказание о Кожемяке, и сказание о Белгородском киселе — законченные сюжетные повествования, строящиеся на противопоставлении внутренней силы труженик бахвальству страшного только на вид врага, мудрости старца—легковерию печенегов. Кульминацией сюжетов обоих сказаний являются поединки: в первом — единоборство физическое, во втором—единоборство ума и находчивости с легковерием, глупостью. Сюжет сказания о Кожемяке типологически близок сюжетам героических народных былин, а сказания о Белгородском киселе —народным сказкам.

Фольклорная основа явно ощущается и в церковной легенде о посещении Русской земли апостолом Андреем. Помещая эту легенду, летописец стремился «исторически» обосновать религиозную независимость Руси от Византии. Легенда утверждала, что Русская земля получила христианство не от греков, а якобы самим учеником Христа — апостолом Андреем, некогда прошедшим путь *«из варяг в греки»* по Днепру и Волхову,— было предречено христианство на Русской земле. Церковная легенда о том, как Андрей благословил киевские горы, сочетается с народным сказанием о посещении Андреем Новгородской земли. Это сказание носит бытовой характер и связано с обычаем жителей славянского севера париться в жарко натопленных деревянных банях.

Составители летописных сводов XVI в. обратили внимание на несоответствие первой части рассказа о посещении апостолом Андреем Киева со второй, они заменили бытовой рассказ благочестивым преданием, согласно которому Андрей в Новгородской земле оставляет свой крест.

Таким образом, большая часть летописных сказаний, посвященных событиям IX — конца X столетий, связана с устным народным творчеством, его эпическими жанрами.

Исторические повести и сказания в составе летописи. По мере того как летописец переходит от повествования о событиях давно минувших лет к недавнему прошлому, материал летописи становится все более исторически точным, строго фактическим и официальным.

Внимание летописца привлекают только исторические личности, находящиеся на вершине феодальной иерархической лестницы. В изображении их деяний он следует принципам средневекового историзма. Согласно этим принципам в летопись должны заноситься события лишь сугубо официальные, имеющие историческое значение для государства, а частная жизнь человека, окружающая его бытовая обстановка не интересует летописца.

В летописи вырабатывается идеал князя-правителя. Этот идеал неотделим от общих патриотических идей летописи. Идеальный правитель выступает живым воплощением любви к родной земле, ее чести и славы, олицетворением ее могущества и достоинства. Все его поступки, вся его деятельность определяются благом родины и народа. Поэтому князь в представлении летописца не может принадлежать самому себе. Он в первую очередь исторический деятель, который появляется всегда в официальной обстановке, наделенный всеми атрибутами княжеской власти. Д. С. Лихачев отмечает, что князь в летописи всегда официален, он как бы обращен к зрителю и представлен в наиболее значительных своих поступках. Добродетели князя являются своего рода парадной одеждой; при этом одни добродетели чисто механически присоединяются к другим, благодаря чему стало возможно совмещение идеалов светских и церковных. Бесстрашие, храбрость, воинская доблесть сочетаются со смирением, кротостью и прочими христианскими добродетелями.

Если деятельность князя направлена на благо родины, летописец всячески прославляет его, наделяя всеми качествами наперед заданного идеала. Если деятельность князя идет вразрез с интересами государства, летописец не жалеет черной краски и приписывает отрицательному персонажу все смертные грехи: гордость, зависть, честолюбие, корыстолюбие и т. п.

Принципы средневекового историзма получают яркое воплощение в повестях *«О убьеньи Борисове»* (1015 г.) и *об ослеплении Василька Теребовльского,* которые могут быть отнесены к жанру исторических повестей о княжеских преступлениях. Однако по своему стилю это совершенно разные произведения. Повесть *«О убьеньи Борисове»* излагает исторические факты убийства Святополком братьев Бориса и Глеба с широким использованием элементов агиографического стиля. Она строится на контрасте идеальных князей-мучеников и идеального злодея— *«окаянного»* Святополка. Завершается повесть похвал ой, прославляющей *«христолюбивых страстотерпцев», «сияющих светильников», «светлых звезд» —«заступников Русской земли».* В ее концовке звучит молитвенный призыв к мученикам покорить поганых *«под нозе князем нашим»* и избавить их *«от усобныя рати»,* дабы пребывали они в мире и единении. Так в агиографической форме выражена общая для всей летописи патриотическая идея. В то же время повесть *«О убьеньи Борисове»* интересна рядом «документальных» подробностей, «реалистических деталей».

Написанная попом Василием и помещенная в летописи под 1097 г., *«Повесть об ослеплении Василька Теребовльского»* выдержана в стиле историко-документальном.

Экспозицией сюжета является сообщение о съезде князей *«на устроенье мира»* в Любече. Единодушие собравшихся выражено речью, сказанной якобы всеми князьями:

«Почто губим Русъскую землю, сами на ся котору деюще? А половци зешю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да ноне отселе имемся в едино сердце, и блюдем 1'ускые земли; кождо да держить отчину свою...»

Устанавливаемый новый феодальный порядок взаимоотношений *(«кождо да держит отчину свою»)* князья скрепляют клятвой — крестоцелованием. Они дают друг другу слово не допускать распрей, усобиц. Такое решение встречает одобрение народа: *«и ради быша людъе еси».* Однако достигнутое единодушие оказалось временным и непрочным, и повесть на конкретном, страшном примере ослепления Василька двоюродными братьями показывает, к чему приводит нарушение князьями взятых на себя обязательств.

Мотивировка завязки сюжета повести традиционная, провиденциалистская: опечаленный *«любовью»,* согласием князей дьявол *«влезе»* в сердце *«некоторым мужем»;* они говорят *«лживые словеса»* Давиду о том, что Владимир Мономах якобы сговорился с Васильком о совместных действиях против него и Святополка Киевского. Что это за *«некоторые мужи»* — неизвестно, что в действительности побудило их сообщить свои *«лживые словеса»* Давыду — неясно. Затем провиденциалистская мотивировка перерастает в чисто психологическую. Поверив *«мужам»,* Давид сеет сомнения в душе Святополка. Последний, *«смятеся умом»,* колеблется, ему не верится в справедливость этих утверждений. В конце концов Святополк соглашается с Давидом в необходимости захватить Василька.

Когда Василько пришел в Выдубицкий монастырь, Святополк посылает к нему гонца с просьбой задержаться в Киеве до своих именин. Василько отказывается, опасаясь, что в его отсутствие дома не случилось бы *«рати».* Явившийся затем к Васильку посланный Давыда уже требует, чтобы Василько остался и тем самым не *«ослушался брата старейшего».* Таким образом, Давыд ставит вопрос о необходимости соблюдения Васильком своего долга вассала по отношению к сюзерену. Заметим, что Борис и Глеб гибнут во имя соблюдения этого долга. Отказ Василька только убеждает Давыда, что Василько намерен захватить города Святополка. Давыд настаивает, чтобы Святополк немедленно отдал Василька ему. Вновь идет посланец Святополка к Васильку и от имени великого киевского князя просит его прийти, поздороваться и посидеть с Давыдом. Василько садится на коня и с малой дружиной едет к Святополку. Характерно, что здесь рассказ строится по законам эпического сюжета: Василько принимает решение поехать к брату только после третьего приглашения.

О коварном замысле брата Василька предупреждает дружинник, но князь не может поверить: *«Како мя хотять яти?онагды* (когда недавно) *целовали крест».* Василько не допускает мысли о возможности нарушения князьями взятых на себя обязательств.

Драматичен и глубоко психологичен рассказ о встрече Василька со Святополком и Давыдом. Введя гостя в горницу, Святополк еще пытается завязать с ним разговор, просит его остаться до Святок, а *«Давыд же седяше, акы нем»,* и эта деталь ярко характеризует психологическое состояние последнего. Натянутой атмосферы не выдерживает Святополк и уходит из горницы под предлогом необходимости распорядиться о завтраке для гостя. Василько остается наедине с Давыдом, он пытается начать с ним разговор, *«и не бе в Давыде гласа, ни послушанья».* И только теперь Василько начинает прозревать: он *«ужасльця»,* поняв обман. А Давыд, немного посидев, уходит. Василька же, оковав в *«двою оковы»,* запирают в горнице, приставив на ночь сторожей.

Подчеркивая нерешительность, колебания Святополка, автор рассказывает о том, что тот не решается сам принять окончательного решения о судьбе Василька. Святополк созывает наутро *«бояр и кыян»* и излагает им те обвинения, которые предъявляет

Василько Давыд. Но и бояре, и *«кыяне»* не берут на себя моральной ответственности. Вынужденный сам принимать решение, Святополк колеблется. Игумены умоляют его отпустить Василька, а Давыд *«поущает»* на ослепление. Святополк уже хочет отпустить Василька, но чашу весов перевешивают слова Давыда: *«...аще ли сего* (ослепления.— *В. К.) не створишъ, а пустишь и, то ни тобе княжити, ни мне».* Решение князем принято, и Василька перевозят на повозке из Киева в Белгород, где сажают в *«истобку молу».* Развитие сюжета достигает своей кульминации, и она дана с большим художественным мастерством. Увидев точащего нож торчина, Василько догадывается о своей участи: его хотят ослепить, и он *«възпи к богу плачем великим и стенаньем».* Следует обратить внимание, что автор повести — поп Василий — не пошел по пути агиографической литературы. Согласно житийному канону здесь должно было поместить пространный монолог героя, его молитву, плач.

Точно, динамично автор передает кульминационную сцену. Основная художественная функция в этой сцене принадлежит глаголу — своеобразному «речевому жесту», как понимал его А. Н. Толстой. Входят конюхи Святополка и Давыда — Сновид Изечевич и Дмитр:

и почаста простирати ковер,
и простерша, яста Василка
и хотяща и повредщи;
и боряшется с нима крепко,
и не можаста его повредщи.
И се влезше друзии повергоша и,
и связаша и,
и снемше доску с печи,
и възложиша на перси его.
И седоста обаполы Сновид Изеневичь и Дмитр,
и не можаста удержати.
И приступиста ина два,
и сняста другую деку с пени,
и седоста,
и удавиша и рамяно, яко переем троскотати.

Вся сцена выдержана в четком ритмическом строе, который создается анафорическим повтором соединительного союза «и», передающим временную последовательность действия, а также глагольными рифмами.

Перед нами неторопливый рассказ о событии, в нем нет никакой внешней эмоциональной оценки. Но перед читателем — слушателем с большой конкретностью предстает полная драматизма сцена: *«И приступи торчин... держа ножь и хотя ударити в око, и грешися ока и перераза ему лице, и есть рана та на Василке и ныне. И посем удари и в око, и изя зеницю, и посем в другое око, и изя другую зеницю. И том часе бысть яко и мертв».*

Потерявшего сознание, бездыханного Василька везут на повозке, и у Здвиженья моста, на торгу, сняв с него окровавленную рубашку, отдают ее помыть попадье. Теперь внешне бесстрастный сказ уступает место лирическому эпизоду. Попадья глубоко сострадает несчастному, она оплакивает его, как мертвеца. И услышав плач сердобольной женщины, Василько приходит в сознание. *«И пощюпа сорочкы и рече: «Чему есте сняли с мене? да бых в той сорочке кроваве смерть принял и стал пред богомь».*

Давыд осуществил свое намерение. Он привозит Василька во Владимир Волынский, *«акы некак улов уловив».* И в этом сравнении звучит моральное осуждение преступления, совершенного братом.

В отличие от агиографического повествования Василий не морализует, не приводит библейских сопоставлений и цитат. От повествования о судьбе Василька он переходит к рассказу о том, как это преступление отражается на судьбах Русской земли, и теперь главное место отводится фигуре Владимира Мономаха. Именно в нем воплощается идеал князя. Гиперболически передает Василий чувства князя, узнавшего об ослеплении Василька. Мономах *«...ужасеся и всплакав и рече: «Сего не бывало есть в Русьскей земьли ни при дедех наших, ни при отцих наших, сякого зла».* Он стремится мирно *«поправить»* это зло, чтобы не допустить гибели земли Русской. Молят Владимира и *«кияне» «творить мир»* и *«блюсти землю Русскую»,* и расплакавшийся Владимир говорит: *«Поистине отци наши и деди наши сблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити».* Характеристика Мономаха приобретает агиографический характер. Подчеркивается его послушание отцу и своей мачехе, а также почитание им митрополита, сана святительского и особенно *«чернеческого».* Обнаружив, что он отступил от основной темы, рассказчик спешит *«на свое»* возвратиться и сообщает о мире со Святополком, который обязывался пойти на Давыда Игоревича и либо захватить его, либо изгнать. Затем автор рассказывает о неудавшейся попытке Давыда занять Василькову волость и возвращении Василька в Теребовль. Характерно, что в переговорах с братом Василька Воло-дарем Давыд пытается свалить свою вину в ослеплении Василька на Святополка.

Мир затем нарушают Василько и Володарь. Они берут копьем город Всеволож, поджигают его и *«створи мщенье на людех неповинных, и пролья кровь неповинну».* Здесь автор явно осуждает Василька. Это осуждение усиливается, когда Василько расправляется с Лазарем и Туряком (подговоривших Давыда на злодеяние); *«Се же 2-е мщенье створи, его же не бяше лепо створити, да бы бог отместник был».*

Выполняя условия мирного договора, Святополк Изяславич изгоняет Давыда, но потом, преступив крестное целование, идет на Василька и Володдря. Теперь Василько вновь выступает в ореоле героя. Он становится во главе войска, *«възвысив крест».* При этом и над воинами *«мнози человеци благоверный видеша крест».*

Таким образом, повесть не идеализирует Василька. Он не только жертва наветов, жестокости и коварства Давыда Игоревича, легковерия Святополка, но и сам обнаруживает не меньшую жестокость как по отношению к виновникам зла, так и по отношению к ни в чем не повинным людям. Нет идеализации и в изображении великого князя киевского Святополка, нерешительного, доверчивого, слабовольного. Повесть позволяет современному читателю представить характеры живых людей с их человеческими слабостями и достоинствами.

Повесть написана средневековым писателем, который строит ее на противопоставлении двух символических образов «креста» и «ножа», лейтмотивом проходящих через все повествование.

«Крест» — «крестное целование» — символ княжеского братолюбия и единомыслия, скрепленных клятвой. *«Да аще кто отселе на кого будеть, то на того будем еси и крест честный», —* этой клятвой скрепляют князья свой договор в Любече. Василько не верит в коварство братьев: *«Како мя хотятъ яти? онодгы целовали крест, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крест и мы еси».* Владимир Мономах заключает мир со Святополком *«целоваше крест межю собою».* Василько, отмщая свою обиду Давыду, поднимает *«крест честный».*

«Нож» в повести об ослеплении Василька—не только оружие конкретного преступления — ослепления Василька, но и символ княжеских распрей, усобиц. *«...Оже вверженъ в ны ножъ!»*— восклицает Мономах, узнав о страшном злодеянии. Затем эти слова повторяют послы, направленные к Святополку: *«Что се зло створилъ еси в Русьстей земли и ввергл еси ножь в ны?»*

Таким образом, «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» резко осуждает нарушение князьями своих договорных обязательств, приводящее к страшным кровавым преступлениям, приносящее зло всей Русской земле.

Описания событий, связанных с военными походами князей, приобретает характер исторического документального сказания, свидетельствующего о формировании жанра воинской повести. Элементы этого жанра присутствуют в сказании о мести Ярослава Окаянному Святополку 1015—1016 гг. Завязкой сюжета является весть Ярославу из Киева от сестры Предславы о смерти отца и гибели Бориса; Ярослав начинает готовиться к походу, собирает войска и идет на Святополка. В свою очередь Святополк, *«пристрой бе-щисла вой, Руси и печенег»,* идет навстречу к Любечу. Противные стороны останавливаются у водной преграды — на берегах Днепра. Три месяца стоят они друг против друга, не решаясь напасть. И только насмешки и укоры, бросаемые воеводой Святополка в адрес Ярослава и новгородцев, вынуждают последних на решительные действия:*«...аще кто не поидеть с нами, сами потнем его».* На рассвете Ярослав со своими войсками переправляется через Днепр, и, оттолкнув ладьи, воины устремляются в бой. Описание битвы—кульминация сюжета: *«...и сступишася на месте. Бысть сеча зла, и не бе лзе озером печенегом помагати, и притиснуша Святополка с дружиною ко озеру, и въступивша на лед и обломися с ним лед, и одалати нача Ярослав, видев же Святополк и побеже, и одоле Ярослав».* При помощи стилистической формулы *«бысть сеча зла»* дана оценка битвы. Победа Ярослава и бегство Святополка — развязка сюжета.

Таким образом, в данном летописном сказании уже наличествуют основные сюжетно-композиционные элементы воинской повести: сбор войск, выступление в поход, подготовка к бою, бой и развязка его.

Аналогично построены сказания о битве Ярослава со Святополком и польским королем Болеславом в 1018—1019 гг., о междоусобной борьбе Ярослава с Мстиславом в 1024 г. Здесь следует отметить появление ряда новых стилистических формул: враг приходит *«в силе тяжце»,* поле боя *«покрыша множество вой»;* битва происходит на рассвете *«въсходящую солнцю»,* подчеркнута ее грандиозность *«бысть сеча зла, яка же не была в Руси»,* воины *«за рукы емлюче сечахуся», «яко по удольем крови тещи».*

Символический образ битвы-грозы намечен в описании сражения у Листвена между войсками Ярослава и Мстислава в 1024 г.: *«Бывши нощи, бысть тма, молонъя, и гром, и дождь... И бысть сеча силна, яко посветяше молонъя, блещашеться оружье, и бе гроза велика и сеча силна и страшна».*

Образ битвы-грома использован в сказании 1111 г. о коалиционном походе русских князей на половцев, здесь же вражеские войска сравниваются с лесом: *«выступиша аки борове».*

В описание сражения вводится мотив помощи небесных сил (ангелов) русским войскам, что свидетельствует, по мнению летописца, об особом расположении неба к благочестивым князьям.

Все это позволяет говорить о наличии в «Повести временных лет» основных компонентов жанра воинской повести.

В рамках исторического документального стиля выдержаны в летописи сообщения о небесных знамениях.

Элементы агиографического стиля. Составители «Повести временных лет» включали в нее и произведения агиографические: христианскую легенду, мученическое житие (сказание о двух варягах-мучениках), сказание об основании Киево-Печерского монастыря в 1051 г., о кончине его игумена Феодосия Печерского в 1074 г. и сказание о черноризцах печерских. В агиографическом стиле написаны помещенные в летописи сказания о перенесении мощей Бориса и Глеба (1072) и Феодосия Печерского (1091).

Летопись возвеличивала подвиги основателей Киево-Печерского монастыря, который был *«поставлен»* ни *«от царей, и от бояр, и от богатства»,* а *«слезами, и пощением, и бдением»* Антония и Феодосия Печерских. Под 1074 г. вслед за рассказом о преставлении Феодосия летописец повествует о печерских черноризцах, которые *«яко светила в Руси сьяють».* Прославляя христианские добродетели печерских иноков, прорицателя Еремея, прозорливого Матвея и черноризца Исакия, летопись в то же время отмечает и отдельные теневые стороны монастырского быта. Попытка некоторых монахов покинуть печерскую обитель и вернуться «в мир» отмечена в рассказе об Еремее.

Рассказ о Матвее прозорливом в сказочной форме показывает, что длинная церковная служба утомляет многих монахов и они под разными предлогами покидают церковь и идут спать, а некоторые, как Михаил Тольбекович, даже убегают из монастыря.

Конечно, слабости монахов объясняют в летописи «кознями бесовскими». Так, Матвей прозорливый, находясь в церкви, видит беса, принявшего облик ляха. В поле своего плаща этот лях носит цветы репейника и бросает их в монахов. За монахом же Михаилом Тольбе-ковичем бес приезжает в монастырь на свинье, и, подстрекаемый бесом, монах после заутрени, перескочив через ограду, бежит из монастыря.

Так прославление святости черноризцев печерских сочетается с правдивым отражением некоторых сторон монастырского быта, что уже явно выходит за рамки агиографического стиля.

Одной из форм прославления князей в летописи являются посмертные некрологи, связанные с жанром надгробных похвальных слов. Первым таким похвальным словом является некролог княгине Ольге, помещенный под 969 г. Он начинается рядом метафорических сравнений, прославляющих первую княгиню-христианку. Метафорические образы «денницы», «зари», «света», «луны», «бисера» (жемчуга) заимствованы летописцем из византийской агиографической литературы, но использованы они для прославления русской княгини и подчеркивают значение для Руси ее подвига — принятия христианства.

Некролог-похвала Ольге стилистически близка похвале Владимиру, помещенной в летописи под 1015 г. Умерший князь получает оценочный эпитет *«блаженный»,* т. е. праведный, и его подвиг приравнивается подвигу Константина Великого.

Некрологи Мстиславу и Ростиславу могут быть отнесены к жанру словесного портрета, в котором дана характеристика внешнего облика и нравственных качеств князей: *«Бе же Мъстислав дебел теломъ, чермен лицем, великыма очима, храбор на рати, милостив, любяше дружину по велику, именья не щадяше, ни питья, ни еденья браняше».*

В агиографическом стиле выдержан некролог Глебу (1078): *«Бе же Глеб милостив убогым и страннолюбив, тщанье имея к церквам, тепл на веру и кроток, взором красен».* Таков же некролог Ярополку Изяславичу (1086).

Некрологи Изяславу и Всеволоду наряду с агиографической идеализацией этих князей касаются конкретных моментов их деятельности, а в некрологе Всеволоду звучит

голос осуждения, поскольку Всеволод под старость начал *«любити смысл уных, свет творя с ними».*

Весьма сдержанна летопись по отношению к митрополитам, только один из них Иоанн удостоен панегирической характеристики, данной под 1089 г.

Свидетельства о смерти князя, как правило, сопровождаются сообщениями о плаче над телом покойника и месте его погребения.

Из христианской литературы летописец черпал нравоучительные сентенции, образные сравнения. Свои рассуждения он подкреплял цитатами из текста «священного писания». Так, например, повествуя о предательстве воеводы Блуда, летописец ставит вопрос о верности вассала своему сюзерену. Осуждая изменника, летописец подкрепляет свои мысли ссылками на царя Давыда, т. е. на Псалтырь: *«О злая лесть человечески! Якоже Давид глаголет: Ядый хлеб мой, възвеличил есть на мя лесть...»*

Довольно часто летописец прибегает к сравнению событий и исторических деятелей с библейскими событиями и персонажами.

Функция библейских сопоставлений и реминисценций в летописи различна. Эти сопоставления подчеркивают значимость и величие Русской земли, ее князей, они позволяют летописцам перевести повествование из «временного» исторического плана в «вечный», т. е. они выполняют художественную функцию символического обобщения. Кроме того, эти сопоставления являются средством моральной оценки событий, поступков исторических лиц.

Общая характеристика стиля л е т о п и с и. Таким образом, все вышеизложенное позволяет говорить о наличии в «Повести временных лет» эпического повествовательного стиля, связанного с устной поэзией, стиля историко-документального, который преобладает в описании исторических событий, и стиля агиографического, который служит важным средством утверждения нравственных идеалов князя-правителя, защитника интересов Русской земли и осуждения князей-крамольников.

Разнородный в жанровом и стилистическом отношении материал объединен в летописи единой патриотической мыслью, последовательным хронологическим принципом изложения, единой историко-философской, моральной концепцией. Летописец убежден, что история имеет начало и конец во времени. Ее поступательное движение к концу — «страшному суду» — направляется волею божества. Однако поведение человека зависит и от него самого, его волеизъявления, зависит от выбора пути добра или *зла.* История, по мнению летописца, и являет собою арену постоянной борьбы добра и зла. Он оценивает деяния князей как с позиции вечных моральных истин, так и с позиции общественной морали своего времени. Летописец судит исторических деятелей не столько «божиим судом», сколько судом людским, судом *«киян», «мужей смысленных».* Он не только прославляет добрые, но и не утаивает темных деяний. Двойственно, например, в летописи изображение Владимира Святославича. Он жестоко расправляется с полоцким князем Рогволодом и его сыновьями, убивает брата Ярополка, выступает в роли гонителя первых христиан, побежден похотью женскою. Однако после принятия христианства его облик резко меняется: на первый план выдвигаются черты христианской кротости и смирения, благочестия. Но и здесь сквозь идеализированные представления о князе-христианине проступают живые человеческие черты: Владимир трусливо прячется под мост, испугавшись натиска печенегов у Василева, ссорится с сыном Ярославом. Отнюдь не идеальным правителем предстает и Ярослав: он готовится вступить в борьбу с отцом, жестоко расправляется с новгородцами, поднявшими восстание против насильников-варягов; про-являет

нерешительность в борьбе со Святополком, в панике готов бежать за море после поражения. Далеко не в привлекательном виде предстает Ярослав и в своей междоусобной борьбе со Мстиславом. Клятвопреступниками по отношению к Всеславу Полоцкому являются сыновья Ярослава. За властолюбие осуждается Святослав, изгнавший Изяслава и прельстивший Всеволода. Осуждается летописцем Олег Черниговский, который *«земле Русьскей много зло створше, проливше кровь хрестьяньску».*

Летописец выступает в роли проповедника-учителя: история — это наглядный урок «нынешним князьям», поучительный пример современникам. От античных авторов через Византию им был унаследован принцип историков, сформулированный Цицероном: «Historia est magistra vitae» — «История — учительница жизни».

История в «Повести временных лет» предстает в качестве поучения, данного не в виде общих сентенций, а в виде конкретных ярких художественных сказаний, повестей, фрагмен-тарных статей, положенных *«по ряду» «временных лет».*

Летописец глубоко убежден в конечном торжестве добра и справедливости, отождествляя добро и красоту. Он выступает в роли страстного публициста, выражающего интересы всей Русской земли.

Язык «Повести временных лет» широко отражает устную разговорную речь своего времени. Почти каждое известие, прежде чем оно было записано летописцем, отложилось в устной речи. Прямая речь исторических лиц занимает существенное место в стиле летописи. С речами обращается князь к своей дружине, послы ведут дипломатические переговоры, речи произносятся на вече, пиршествах. Они свидетель-ствуют о высоком ораторском мастерстве: немногословны, лаконичны и необычайно выразительны. При этом летописец почти никогда не прибегает к вымышленным речам,— он всегда точен и строго фактографичен в передаче «речей» своих героев.

В летописи широко представлена специальная терминология: военная, охотничья, юридическая, церковная. Вырабатываются четкие, выразительные, образные фразеологические сочетания, как, например: *«взять град копьем»* — захватить город приступом, *«сесть на конь»* — выступить в поход, *«утереть поту»* — вернуться с победой, *«есть хлеб деден»* — княжить на столе предков, *«целовать крест»* —давать клятву, *«ввергнуть нож»* — начать раздоры.

Часто летописец использует народные пословицы, поговорки: *«Погибоша аки обре», «Беда, аки в Родне», «Руси есть веселье питье не можем бес того быти».*

Язык «Повести временных лет» свидетельствует о необычайно высоком уровне развития культуры устной и письменной речи в XI—XII вв.

Значение «Повести временных лет». «Повесть временных лет» сыграла важную роль в развитии областных летописей и в создании общерусских летописных сводов XV—XVI вв.: она неизменно включалась в состав этих летописей, открывая собой историю Новгорода, Твери, Пскова, а затем и историю Москвы и Московского государства.

В литературе XVIII—XIX вв. «Повесть временных лет» служила источником поэтических сюжетов и образов. Так, А. П. Сумароков, создавая свои классицистические трагедии, обращался не к античным сюжетам, а к событиям русской национальной истории (см. его трагедии «Синав и Трувор», «Хорев»), Я. Б. Княжнин свою тираноборческую трагедию «Вадим Новгородский» строит на материале летописи.

Большое место занимают образы Владимира, Святослава, Олега в романтических «Думах» К. Ф. Рылеева, проникнутых пафосом свободолюбивых идей.

Поэтичность летописных сказаний прекрасно почувствовал, понял и передал А. С. Пушкин в «Песне о вещем Олеге». В летописях старался он «угадать образ мыслей и язык тогдашних времен» в трагедии «Борис Годунов». Созданный поэтом величавый по своей духовной красоте образ летописца Пимена явился, по словам Ф. М. Достоевского, свидетельством «того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды».

И в наши дни летопись не потеряла своего большого не только историко-познаватель-ного, но и воспитательного значения. Она продолжает служить воспитанию благородных патриотических чувств, учит глубокому уважению к славному историческому прошлому нашего народа.

ОРАТОРСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

В связи с принятием христианства на Руси распространяется жанр поучений. Он служит важным средством пропаганды нового религиозного вероучения. Дидактическая церковная проповедь не имеет художественного значения, она лежит за пределами литературы. Таковы, например, поучения Феодосия Печерского, Луки Жидяты.

Наряду с церковным поучением создаются торжественные, эмоционально-образные проповеди с четко выраженной политической направленностью.

«Слово о законе и благодати» Илариона. Выдающееся произведение ораторской прозы XI в.— «Слово о законе и благодати». Оно было написано между 1037—1050 гг. священником княжеской церкви в Берестове Иларионом, обладавшим незаурядным умом, широкой образованностью и писательским талантом. Созданное им произведение было, очевидно, произнесено либо в Десятинной церкви, либо в Софийском соборе и произвело большое впечатление на Ярослава Мудрого. По настоянию великого князя Иларион в 1051 г. стал главой русской церкви — митрополитом Киевским. Он недолго занимал митрополичий престол. В 1055 г., после смерти Ярослава, его преемник вынужден был пойти на уступки Византии, откуда и прибыл на митрополичью кафедру грек Ефрем. Иларион же уходит в Киево-Печерский монастырь, приняв монашество под именем Никона.

«Слово о законе и благодати» проникнуто патриотическим пафосом прославления Руси как равноправной среди всех государств мира. Византийской теории вселенской империи и церкви Иларион противопоставляет идею равноправия всех христианских народов. Сопостав-ляя иудаизм (Закон) с христианством (Благодатью), Иларион в начале своего «Слова» доказывает преимущества Благодати перед Законом. Закон был распространен только среди иудейского народа. Благодать — достояние всех народов. Ветхий завет — Закон, данный богом пророку Моисею на горе Синайской, регламентировал жизнь только еврейского народа. Новый завет — христианское вероучение — имеет всемирное значение, и каждый народ облада-ет полным правом на свободное избрание этой Благодати. Таким образом, Иларион отвергает монопольные права Византии на исключительное владение Благодатью. Он создает, как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, собственную патриотическую концепцию всемирной исто-рии, прославляя Русь и ее *«просветителя» «кагана»* Владимира.

Иларион возвеличивает подвиг Владимира в принятии и распространении на Руси христианства. Благодаря этому подвигу Русь вошла в семью христианских стран в качестве суверенного государства. Владимир владычествовал *«не в худе бо и не в неведомы земли»,* а *«в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земли».*

В похвале Владимиру Иларион перечисляет заслуги князя перед родиной. Он говорит о том, что его деятельность содействовала славе и могуществу Руси. При этом он подчеркивает, что христианская вера была принята русскими в результате свободного выбора, что основная заслуга в крещении Руси принадлежит Владимиру, а не грекам. В «Слове» содержится весьма обидное для греков сопоставление Владимира с царем Константином.

Таким образом, «Слово о законе и благодати» выдвигало требование канонизации Вла-димира как святого. В то же время оно прославляло и деятельность Ярослава, успешно продолжающего дело своего отца по распространению христианства на Руси: прославлялись строительная деятельность Ярослава и его заботы о распространении христианской образованности.

«Слово» Илариона построено по строгому, логически продуманному плану, который сообщается автором в заглавии произведения: *«Слово о законе, Моисеом даннем ему, и о благодати и истине, Исус Христом бывшим, и како закон отиде, благодетъ же и истина всю землю исполни, и вера в вся языкы простреся и до нашего языкарускаго и похвала кагану нашему Влодимеру, от него же крещени быхом, и молитва к богу от веса земля нашеа».*

Первая часть — сопоставление Закона и Благодати — является пространным введением ко второй, центральной, части—похвале Владимиру, завершающейся авторским обращением к Владимиру с призывом встать из гроба, отряхнуть сон и посмотреть на дела своего сына Георгия (христианское имя Ярослава). Вторая часть ставит своей задачей непосредственное прославление современного Илариону правителя Руси и его деятельности. Третья часть — молитвенное обращение к богу *«от всея земли нашая».*

«Слово» адресовано к людям *«преизлиха насыщътьшемся сладости книжные»,* поэто-му автор облекает свое произведение в книжную риторическую форму. Он постоянно пользуется цитатами из Библии, библейскими сравнениями, сопоставляя Закон с рабыней Агарью и ее сыном Измаилом, а Благодать — с Саррой и ее сыном Исааком. Эти символические параллели призваны нагляднее показать превосходство Благодати над Законом.

В первой части «Слова» Иларионом последовательно соблюдается принцип антитезы — типичнейший прием ораторского красноречия. *«Прежде закон, потом благодать: прежде степь* (тень) *ти, потом истина».*

В похвале Владимиру он сравнивает деятельность русского князя с деятельностью апостолов — учеников Христа: *«Хвалит же похвальными гласы Римъская страна Петра и Павла, имиже вероваша в Исуса Христа, сына божиа; Асиа, и Ефес, и Патм —Иоанна Богослова; Индия — Фому, Египет — Марка; вся страны, и грады и людие чьтут и славят коегождо их учителя, иже научиша православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворшаго нашего учителя и наставника, великого кагана нашеа земля Владимера, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, иже, в своа лета владычьствующа, мужством же и храбъръствомь прослушя в странах многах и победами и крепостию поминаются ныне и словут».* Иларион разделяет родовую точку зрения летописца, подчеркивая, что Владимир — сын славного Святослава, внук старого Игоря. Он отмечает воинскую доблесть князя и его христианские добродетели.

Широко использует Иларион книжные метафоры — символы и метафорические сравнения: Закон — это *«иссохшее озеро»;* язычество — *«мрак идольский», «тьма служения бесовского»;* Благодать — это *«наводнившийся источник»* и др. Он нередко

употребляет риторические вопросы и восклицания — типичные приемы торжественного красноречия, при помощи которых достигается большая эмоциональность речи. Этой же цели служит и ритмическая организация «Слова». Иларион часто прибегает к повторам, глагольным рифмам. Например: *«.. .ратныя прогони, мир утверди, страны укроти, гладугобзи, боляры умудри, грады разсели, церковь твою возрасти, достояние свое соблюди, мужи и жены и младенцы спаси».*

Высокое художественное мастерство обеспечило «Слову о законе и благодати» большую популярность в средневековой письменности. Оно становится образцом для книжников XII—XV вв., которые используют отдельные приемы и стилистические формулы «Слова».

«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Особое место в литературе XI—XII вв. занимает «Поучение» Владимира Мономаха, внесенное в Лаврентьевскую летопись под 1096 г. По-видимому, это произведение рассматривалось летописцами как предсмертное завещание князя, аналогичное завещанию Ярослава Мудрого (1054).

«Поучение» Владимира Мономаха, написанное им *«седя на санех»,* т. е. незадолго до смерти, где-то около 1117г., было отнесено летописцами к подобным завещаниям, адресованным детям. Однако его поместили не под 1125 г.— годом смерти Мономаха, а под 1096.

Это можно объяснить следующим: 1096 г. было датировано письмо Мономаха Олегу Черниговскому, непосредственно примыкавшее к «Поучению». Кроме того, события, описанные в летописи под следующим 1097 г. (Любеческий съезд князей, ослепление Василька, заключение Мономахом мира с киевлянами и Святополком), давали весьма наглядное подтверждение справедливости основных наставлений, связанных с необходимостью соблюдения князьями взятых на себя обязательств, скрепленных «крестным целованием».

Выдающийся государственный деятель конца XI — начала XII столетия Владимир Всеволодович Мономах (1052—1125) своей политикой содействовал временному прекращению княжеских усобиц. Он прославился успешными походами против половцев, отбросив их далеко за Дон, так что половцы его именем детей в колыбели устрашали. Став в 1113 г. великим князем киевским, Мономах всячески содействовал упрочению единства Русской земли.

Центральная идея «Поучения» состоит в призыве, обращенном к детям Мономаха и всем, кто услышит *«сию граматицю»,* строго соблюдать требования феодального правопорядка, руководствоваться ими, а не личными, своекорыстными семейными интересами. «Поучение» выходит за узкие рамки семейного завещания и приобретает большое общественное значение.

На примере личного богатого жизненного опыта Владимир дает высокий образец служения князя интересам своей земли.

Характерная особенность «Поучения» — тесное переплетение дидактики с автобиографическими элементами. Наставления Мономаха подкрепляются не только сентенциями из «священного писания», но в первую очередь конкретными примерами из собственной жизни.

На первый план в «Поучении» выдвигаются задачи общегосударственного порядка. Священная обязанность князя — забота о благе своего государства, его единстве, строгое и неукоснительное соблюдение клятв и договоров. Князь должен *«пещись о хрестьянских душах», «о худом смерде»* и *«убогой вдовице».* Междоусобные распри подрывают экономичес-кое и политическое могущество государства. Только мир приводит к процветанию страны. Поэтому в обязанность правителя входит сохранение мира.

Другой не менее важной обязанностью князя, по мнению Мономаха, является попечение и забота о благе церкви. Он понимает, что церковь является верной помощницей князя. Поэтому ради упрочения своей власти князь должен неусыпно заботиться о священническом и иноческом чине. Правда, Мономах не рекомендует своим детям спасать душу в монастыре, т. е. идти в монахи. Аскетический монашеский идеал чужд этому жизнелюбивому энергичному человеку. Однако он призывает к соблюдению религиозной обрядности, считая, что тремя добрыми делами — покаянием, слезами и милостыней — можно *«избыти грехов своих».*

В соответствии с христианской моралью требует Владимир заботливого отношения к *«убогим»* (бедным). В то же время князь должен быть стражем справедливости и не давать *«сильным погубить человека»,* как сам Владимир *«не дал есм сильным обидети»* ни *«худаго смерда»,* ни *«убогые вдовице».*

Князь должен быть сам примером высокой нравственности. Основным положительным качеством человека является трудолюбие. Труд, в понимании Мономаха,— это прежде всего воинский подвиг, а затем занятие охотой, когда в непрестанной борьбе с опасностями закаляются тело и душа человека.

Владимир приводит примеры из своей личной жизни: он совершил только 83 больших похода, а малых и не упомнит, заключил 20 мирных договоров. На охоте он подвергался постоянной опасности, не раз рисковал своей жизнью: *«Тура мя 2 метала нарозех и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногами топтал, а другый рогома бол; ...лютый зверь скочил ко мне на бедры и конь со мною поверже».*

Основным пороком Владимир считает лень: *«Леность бо всему мати: еже умеетъ, то забудешь, а егоже не умеешь, а тому ся не учить».* Лень поможет повлечь за собой внезапную гибель во время военных походов, нанести ущерб хозяйству князя. Опытный хозяин-вотчинник, полководец, Владимир советует детям в ведении дел не доверять ни тиунам, ни отрокам, а самому вникать во все мелочи, также и во время военных походов не следует во всем полагаться на воевод, а самим *«наряжать»* сторожей и спать возле воинов, не снимая оружия. Предостерегает Владимир и от лжи, пьянства и блуда: *«...в том бо душа погыбаетъ и тело»,*— пишет он.

Сам Мономах предстает в своем «Поучении» человеком необычайно деятельным: *«Еже было творити отроку моему, то сам есмъ створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не доя собе упокоя».*

Владимир выступает ревностным поборником просвещения: *«Его же умеючи того не забывайте доброго, а его же не умеючи, а тому ся учите»,* — говорит он и ссылается

на своего отца Всеволода, который *«дома седя»,* т. е. находясь в Киеве, изучил пять языков, *«в том бо честь есть от инех земль».*

Одним из положительных качеств князя является его щедрость, постоянная забота о приумножении и распространении своего доброго имени. Поэтому необходимо, отмечает Владимир, пришедшего *«гостя»,* простого или знатного, одарить, накормить и напоить, поскольку эти люди *«мимоходячи прославлять человека по всем землям, любо добрым, любо злым».*

В быту князь должен быть образцом для окружающих: посетить больного, проводить покойника, ибо все смертны. Семейные отношения нужно строить на уважении мужей к женам: *«Жену свою любите, но не дайте им над собою власти», —* наставляет он.

Таким образом, в «Поучении» Мономах охватывает довольно широкий круг жизненных явлений. Он дает четкие ответы на многие социальные и нравственные вопросы своего времени.

Вместе с тем «Поучение» является весьма ценным материалом для представления о личности самого автора — первого известного нам мирского писателя Древней Руси. Прежде всего, это человек широко образованный, хорошо знающий литературу своего времени. В своем произведении он использует Псалтырь, Паремийник, поучения Василия Великого, Ксенофонта и Феодоры к детям, помещенные в «Изборнике 1076 г.», «Шестоднев». При этом Псалтырь служит Мономаху средством выражения своего психологического состояния. Опечаленный встречей с послами братьев, предложивших ему объединиться, чтобы выгнать Ростиславича, Владимир берет Псалтырь: *«...в печали разгнух я, и то ми ся выня: «Векую печалуеши, душе? Векую смущавши мя?»* Его душа опечалена намерениями братьев начать междоусобную войну, а они гневаются на него, Владимира, отказавшегося с ними объединиться и *«креста переступити».* Встреча, происшедшая в 1098 г., явилась тем толчком, который заставил Мономаха создать «Поучение»,— он *«собрах словца си любая, и складах по ряду, и написах».* Эти слова дают возможность судить о процессе создания «Поучения»: сначала отбор материала из книжных источников, затем приведение его в порядок, т. е. придание ему определенного плана, и, наконец, написание.

«Поучение» построено по определенному плану: вступление, обращенное к детям, с характерным для древнерусского писателя самоуничижением — не посмеяться над его писанием, а принять в сердце свое, не браниться, а сказать, что *«на долечи пути, да на санех седя, безлепицю есимолвил»,* и, наконец, просьба: *«...ащевы последняя не люба, апередняя приймайте».*

Центральная дидактическая часть «Поучения» начинается с общего философского рассуждения о человеколюбии и милостивости Бога, о необходимости победы над злом и возможности этой победы, залогом чему является красота, гармония созданного Богом мира. Используя «Шестоднев», Владимир с большим лирическим воодушевлением говорит о том, *«како небо устроено, како ли сонце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена...».* Он удивляется чуду — человеку, *«како образи розноличнии в человечъских лицих,— аще и весь мир совокупить, не еси в один образ, но кый своим лицъ образом...».* Он любуется, и как *«птица небесныя из ирья* (теплых стран) *идуть... и худыя идуть по всем землям...».*

Воздав хвалу божественной гармонии мира, Владимир снова обращается к детям с просьбой послушать его от *«худаго... безумья наказание»,* т. е. поучение. И начинается оно с рассуждения о пользе молитвы, а затем Владимир переходит к практическим наставлениям, касающимся социальной практики князя, его хозяйственной деятельности

и, наконец, поведения в быту. Завершающим аккордом «Поучения» служит вновь произнесенный с большим воодушевлением призыв воздать хвалу Богу поутру, при восходе солнца, при решении государ-
ственных дел *(«седше думати с дружиною»,* или *«люди оправливати»,* т. е. судить), или выезжая на охоту, или отправляясь в походы, или ложась спать.

«Поучение», казалось бы, логически завершено, но Мономах решает подкрепить его описанием своих *«трудов».* И сначала дает своеобразный дневник военных походов, по манере напоминающий краткие летописные погодные записи, только без дат. Перечисляя свои *«пути»,* Владимир располагает их в хронологической последовательности начиная с 1072 г. по 1117 г.

После походов Мономах перечисляет заключенные им мирные договоры, а затем переходит к описанию своих *«ловов»,* обнаруживая страстную душу смелого охотника.

И вновь следует заключение. Обращаясь к детям или иным, *«кто прочтет»,* Мономах просит не осуждать его. Он восхваляет не себя, не свою храбрость, а хвалит Бога, который его *«худаго и грешного»* столько лет сохранял от смерти и сотворил *«не ленива», «худаго», «на вся дела человечьская потребна».* Мономах отводит таким образом от себя, как писателя, обвинение в гордости, в самовосхвалении. Обращаясь к детям, он уверен, что, *«сю грамотицю прочитаючи»,* они устремятся на добрые дела, и призывает их без страха творить *«мужьское дело».*

К «Поучению» примыкает письмо Владимира, адресованное Олегу Святославичу Черниговскому. Олег Черниговский прославился своими крамолами — не случайно автор «Слова о полку Игореве» называет его Гориславличем. Разбитый Владимиром и Святополком, Олег вынужден был покинуть Чернигов и отправиться в Ростовскую землю, где произошло его столкновение с сыном Владимира Изяславом, который был убит в бою Олегом, а жена Изяслава захвачена в плен. Это событие, происшедшее 6 сентября 1096 г., и послужило поводом для написания письма Владимиром к Олегу Черниговскому.

Письмо Владимир пишет, понуждаемый сыном Мстиславом, приславшим отцу грамоту с просьбой *«ладиться»* и *«смириться»* и не мстить, чтобы не погубить Русской земли. В письме ярко выражено чувство скорби отца, преждевременно потерявшего своего сына: *«егда жеубиша детя мое и твое пред тобою, и бяше тебе, узревше кровь его и тело увянувшю, яко цвету нову процветшю, яко же агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи в помыслы души своей: «Увы мне! что створих? И пождав его безумья, света сего мечетнаго кривости ради налезох грех себе, отцю и матери слезы»,* т. е. Владимир взывает к общечеловеческим чувствам своего врага, призывает его «вникнуть» в помыслы своей души. Желая добра *«братьи»* и *«Русьскей земли»,* Владимир говорит о своем примирении с Олегом и только просит его освободить свою сноху (жену Изяслава) *«да с нею кончав слезы, посажю на месте, и сядеть акы горлица на сусе древе желеючи, а яз утешюся о дозе».* Поэтический образ тоскующей горлинки связан с традицией устной народной поэзии.

Письмо Владимира Мономаха Олегу Черниговскому дополняло «Поучение» и, возможно, было присоединено к нему самим автором. В нем ярко проявилось торжество общегосударственного долга над личным чувством убитого горем отца.

В стиле «Поучения» легко обнаруживаются, с одной стороны, книжные его элементы, связанные с использованием Владимиром литературных источников, а с другой — элементы живого разговорного языка, особенно ярко проявляющиеся в описании *«путей»* и тех опасностей, которым он подвергался во время охоты.

Характерная особенность стиля «Поучения» — наличие отточенных, ярких, легко запоминающихся афористических выражений.

В целом «Поучение» и письмо ярко раскрывают облик незаурядного государственного деятеля русского средневековья, человека, в котором ярко воплотился идеал князя, пекущегося о славе и чести родной земли.

ЖИТИЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА

«Сказание о Борисе и Глебе». Появление оригинальной агиографической литературы было связано с общей политической борьбой Руси за утверждение своей религиозной самостоятельности, стремлением подчеркнуть, что Русская земля имеет собственных предстателей и ходатаев перед богом. Окружая личность князя ореолом святости, жития содействовали политическому упрочению основ феодального строя.

Образцом древнерусского княжеского жития является анонимное «Сказание о Борисе и Глебе», созданное, по-видимому, в конце XI — начале XII в. В основу «Сказания» положен исторический факт убийства Святополком своих младших братьев Бориса и Глеба в 1015 г. Когда в 40-х годах XI в. Ярослав добился канонизации византийской церковью убитых братьев, потребовалось создание специального Произведения, которое бы прославило подвиг страстотерпцев и мстителя за их гибель Ярослава. На основе летописной повести в конце XI в. и было написано неизвестным автором «Сказание о Борисе и Глебе».

Автор «Сказания» сохраняет историческую конкретность, подробно излагая все перипетии, связанные со злодейским убийством Бориса и Глеба. Как и летопись, «Сказание» резко осуждает убийцу — *«окаянного»* Святополка и выступает против братоубийственных раздоров, отстаивая патриотическую идею единства *«Русской великой страны».*

Историзмом повествования «Сказание» выгодно отличается от византийских мартирий. Оно несет важную политическую идею родового старшинства в системе княжеского наследования. «Сказание» подчинено задаче укрепления феодального правопорядка, прославлению вассальной верности: Борис и Глеб не могут нарушить верности по отношению к старшему брату, который заменяет им отца. Борис отказывается от предложения своих дружинников силой захватить Киев. Глеб, предупрежденный сестрой Предславой о готовящемся убийстве, добровольно идет на смерть. Также прославляется подвиг вассальной верности слуги Бориса — отрока Георгия, который своим телом прикрывает князя.

«Сказание» не следует традиционной композиционной схеме жития, обычно описывавшего всю жизнь подвижника — от его рождения до смерти. Оно излагает лишь один эпизод из жизни своих героев — их злодейское убийство. Борис и Глеб изображаются идеальными христианскими героями-мучениками. Они добровольно принимают «мученический венец». Прославление этого христианского подвига выдержано в манере агиографической литературы. Автор уснащает повествование обильными монологами — плачами героев, их молит-вословиями, которые служат средством выражения их благочестивых чувств. Монологи Бориса и Глеба не лишены образности, драматизма и лиризма. Таков, например, плач Бориса по умершему отцу: *«Увы мне, свете очию моею, сияние и заре лица моего, бръздо уности моее, наказание недоразумия моего! Увы мне, отче и господине мой! К кому прибегну! К кому възърю? Къде ли насыщюся таковааго благааго учения и казания разума твоего? Увы мне, увы*

мне! Како заиде свете мой, не сушу ми ту!..» В этом монологе использованы риторические вопросы и восклицания, характерные для церковной ораторской прозы, и в то же время отразилась образность народного плача, что придает ему определенную лирическую тональность, позволяет ярче выразить чувство сыновней скорби.

Исполнено глубокого драматизма слезное обращение Глеба к своим убийцам: *«Не пожьнете мене, от жития не съзърела! Не пожънете класа, не уже съзьревъша, нъ млеко безълобия носяща! Не порежете лозы, не до коньца въздрастъша, а плод имуща!»*

Благочестивые размышления, молитвы, плачи, которые вкладываются в уста Бориса и Глеба, служат средством раскрытия внутреннего мира героев, их психологического настроя.

Многие монологи герои произносят *«на уме си помышляя», «глаголааше в сердци своем».* Эти внутренние монологи — плод авторского воображения. В них переданы благочестивые чувства, помыслы идеальных героев. В монологи включены цитаты из Псалтыри, Паремийника.

Психологическое, состояние героев дается и в авторском описании. Так, покинутый дружиной Борис *«...в тузе и печали удручьнъмь сьрдцьмъ и вълез в шатър свои плакашеся съкрушенъм сърдцьмь, а душою радостьною, жалостьно глас испущааше».* Здесь автор пытается показать, как в душе героя совмещаются два противоположных чувства: скорбь в связи с предчувствием гибели и радость, которую должен испытывать идеальный герой-мученик в ожидании мученического конца. Живая непосредственность проявления чувств постоянно сталкивается с этикетностью. Так, Глеб, увидев корабли в устье Смядыни, плывущие ему навстречу, с юношеской доверчивостью *«възрадовася душею» «а съ целования чаяше от них прияти».* Когда же в ладью Глеба стали прыгать злые убийцы с обнаженными, сверкающими, как вода, мечами, *«абие вьсемь весла от руку испадоша, и вьси от страха омьртвеша».* И теперь, поняв их злое намерение, Глеб со слезами, *«утьрпая»* телом, молит убийц: *«Не дейте мене, братия моя милая и драгая! Не дейте мене, ничто же вы зъла сътворивъша! Не брезете* (трогайте) *мене, братие и господье, не брезете!»* Здесь перед нами жизненная правда, которая затем совмещена с этикетной предсмертной молитвой, подобающей святому.

Борис и Глеб окружаются в «Сказании» ореолом святости. Этой цели служит не только возвеличение и прославление христианских черт их характера, но и широкое использование религиозной фантастики в описании посмертных чудес. Этот типичный прием агиографической литературы автор «Сказания» применяет в заключительной части повествования. Этой же цели служит и похвала, которой заканчивается «Сказание». В похвале автор использует традиционные библейские сравнения, молитвенные обращения, прибегает к цитатам из книг «священного писания».

Пытается автор дать и обобщенную характеристику внешности героя. Она строится по принципу механического соединения различных положительных нравственных качеств. Такова характеристика Бориса: *«Тельмъ бяше красьн, высок, лицьмь круглъмъ, плечи велице, тънък в чресла, очима добраама, весел лицьмь, борода мала и ус, млад бо бе еще, светяся цесарьскы, крепък телъмь, всячьскы украшен, акы цвът цвьтый в уности своеи, в ратьх хърьбр, в съветех мудр, и разумън при вьсемъ, и благодать божия цвьтяаше на немь».*

Героям христианской добродетели, идеальным князьям-мученикам в «Сказании» противопоставлен отрицательный персонаж — *«окаянный»* Святополк. Он одержим завистью, гордостью, властолюбием и лютой ненавистью к своим братьям. Причину этих отрицательных качеств Святополка автор «Сказания» видит в его происхождении: мать

его была черницей, затем расстрижена и взята в жены Ярополком; после убийства Ярополка Владимиром она стала женой последнего, и Святополк произошел от двух отцов. Характеристика Святополка дана по принципу антитезы с характеристиками Бориса и Глеба. Он является носителем всех отрицательных человеческих качеств. При его изображении автор не жалеет черных красок. Святополк *«окаянный», «треклятый», «второй Каин»,* мысли которого уловлены дьяволом, у него *«прескверные уста», «злый глас».* За совершенное преступление Святополк несет достойное наказание. Разбитый Ярославом, в паническом страхе бежит он с поля боя, *«...раслабеша кости его, яко не мощи ни на кони седети. И несяхуть его на носилех».* Ему постоянно слышится топот коней преследующего его Ярослава: *«Побегнемы! Еще женуть! Ох мне! и не можааше тьрпети на единъмь месте».* Так лаконично, но весьма выразительно автор сумел раскрыть психологическое состояние отрицательного героя. Святополк терпит законное возмездие: в пустыне *«межю чехы и ляхы»* он *«испровръже живот свой зъле».* И если убитые им братья *«в векы живут»,* являясь земли Русской *«забралом»* и *«утверждением»,* и их тела оказываются нетленными и издают благоухание, то от могилы Святополка, которая есть *«и до сего дъне», «исходить... смрад зълыи на показание чловеком».*

Святополк противопоставляется не только *«земным ангелам»* и *«небесным человекам»* Борису и Глебу, но и идеальному земному правителю Ярославу, отомстившему за гибель братьев. Автор «Сказания» подчеркивает благочестие Ярослава, вкладывая в его уста молитву, якобы произнесенную князем перед боем со Святополком. Кроме того, битва со Святополком происходит на том самом месте, на реке Альте, где был убит Борис, и этот факт приобретает символическое значение. С победой Ярослава «Сказание» связывает прекращение крамолы *(«И оттоле крамола преста в Русьстей земли»),* что подчеркивало его политическую злободневность.

Драматизм повествования, эмоциональность стиля изложения, политическая злободневность «Сказания» делали его весьма популярным в древнерусской письменности (оно дошло до нас в 170 списках).

«Чтение о житии... Бориса и Глеба» Нестора. Пространное изложение материала с сохранением всех исторических подробностей делало «Сказание» непригодным для богослужебных целей. Специально для церковной службы в 80-е годы XI в. Нестор создал *«Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба»* в соответствии с требованиями церковного канона. Опираясь на византийские образцы, он открывает «Чтение» обширным риторическим вступлением, которое приобретает публицистический характер, перекликаясь в этом отношении со «Словом о законе и благодати» Илариона.

Центральная часть «Чтения» посвящена агиобиографиям Бориса и Глеба. В отличие от «Сказания» Нестор опускает конкретные исторические подробности и придает своему рассказу обобщенный характер: мученическая смерть братьев — это торжество христианского смирения над дьявольской гордыней, которая ведет к вражде, междоусобной борьбе. Без всяких колебаний Борис и Глеб *«с радостию»* принимают мученическую смерть.

Завершается «Чтение» описанием многочисленных чудес, свидетельствующих о славе страстотерпцев, похвалой и молитвенным обращением к святым. Нестор сохранил основную политическую тенденцию «Сказания»: осуждение братоубийственных распрей и признание необходимости младших князей беспрекословно повиноваться старшим в роде.

«Житие Феодосия Печерского». Иной тип героя прославляет «Житие Феодосия Печерского», написанное Нестором. Феодосии — монах, один из основателей Киево-Печерского монастыря, посвятивший свою жизнь не только нравственному совершенствованию своей души, но и воспитанию монастырской братии и мирян, в том числе и князей.

Житие имеет характерную трехчастную композиционную структуру: авторское вступление-предисловие, центральная часть—повествование о деяниях героя и заключение. Основу повествовательной части составляет эпизод, связанный с деяниями не только главного героя, но и его сподвижников (Варлаама, Исайи, Ефрема, Никона Великого, Стефана). Факты Нестор черпает из устных источников, рассказов *«древьних отец»,* келаря монастыря Федора, чернеца Илариона, *«повозника», «некоего человека».* В истинности этих рассказов Нестор не сомневается. Литературно обрабатывая их, располагая *«по ряду»,* он подчиняет все повествование единой задаче *«похваления»* Феодосия, который *«собою вьсемь образ дая».* Во временной последовательности излагаемых событий обнаруживаются следы монастырской устной летописи. Большинство эпизодов жития имеют завершенный сюжет. Таково, например, описание отроческих лет Феодосия, связанное с его конфликтом с матерью. Мать чинит всевозможные препятствия отроку, чтобы помешать ему осуществить свое намерение—стать монахом. Аскетический христианский идеал, к которому стремится Феодосии, сталкивается с враждебным отношением общества и материнской любовью к сыну. Гиперболически изображает Нестор гнев и ярость любящей матери, избивающей непокорного отрока до изнеможения, накладывающей на его ноги железа. Столкновение с матерью завершается победой Феодосия, торжеством небесной любви над земной. Мать смиряется с поступком сына и сама становится монахиней, чтобы только видеть его.

Эпизод с *«повозником»* свидетельствует об отношении к жизни монахов трудового народа, считающего, что черноризцы проводят свои дни в праздности. Этому представлению Нестор противопоставляет изображение *«трудов»* Феодосия и окружающих его черноризцев. Много внимания он уделяет хозяйственной деятельности игумена, его взаимоотношениям с братией и великим князем. Феодосии заставляет Изяслава считаться с монастырским уставом, обличает Святослава, захватившего великокняжеский престол и изгнавшего Изяслава.

«Житие Феодосия Печерского» содержит богатый материал, позволяющий судить о монастырском быте, хозяйстве, характере взаимоотношений игумена и князя. Тесно связаны с монастырским бытом и демонологические мотивы жития, напоминающие народные былинки.

Следуя традициям византийского преподобнического жития, Нестор в этом произведении последовательно использует символические тропы: Феодосии — *«светильник», «свет», «заря», «пастух», «пастырь словесного стада».*

«Житие Феодосия Печерского» можно определить как житийную повесть, состоящую из отдельных эпизодов, объединенных главным героем и автором-повествователем в единое целое. Оно отличается от византийских произведений своим историзмом, патриотическим пафосом и отражением особенностей политической и монастырской жизни XI в. В дальнейшем развитии древнерусской агиографии оно служило образцом при создании преподобнических житий Авраамия Смоленского, Сергия Радонежского.

«ХОЖДЕНИЕ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА

Уже в XI столетии начинаются путешествия русских людей на христианский Восток, ко «святым местам». Эти путешествия-паломничества (путешественник, побывавший в Палестине, приносил с собой пальмовую ветвь; паломников называли также каликами — от греческого названия обуви — калига, надеваемой путником) содействовали расширению и укреплению международных связей Киевской Руси, способствовали выработке национального самосознания.

Однако светская власть постаралась наложить на паломничество свое вето, когда оно стало приобретать массовый характер, нанося тем самым серьезный ущерб княжеской экономике. Постепенно запрет распространился с мирян на монахов, которым предписывалось *«не ногами искать спасения и бога»,* а неукоснительным исполнением своих обязанностей и обетов у себя дома. Запросы людей, лишенных возможности побывать в Палестине, удовлетворяют описания путешествий-хождений. Так, в начале XII в. возникает «Хождение игумена Даниила в Святую землю».

Игумен Даниил совершил паломничество в Палестину в 1106— 1108 гг. Далекое путешествие Даниил предпринял, *«понужен мыслию своею и нетерпением»,* желая видеть *«святый град Иерусалим и землю обетованную»,* и *«любве ради святых мест сих исписах все, еже видех очима своима».* Его произведение написано «верных ради человек», с тем чтобы они, услышав о *«местах сих святых»,* устремлялись к этим местам мыслью и душою и тем самым приняли *«от бога равную мзду»* с теми, которые *«доходили сих святых мест».* Таким образом, Даниил придавал своему «Хождению» не только познавательное, но и нравственное, воспитательное значение: его читатели — слушатели должны мысленно проделать то же путешествие и получить ту же пользу для души, что и сам путешественник.

«Хождение» Даниила представляет большой интерес подробным описанием «святых мест» и личностью самого автора, хотя оно и начинается этикетным самоуничижением.

Рассказывая о нелегком путешествии, Даниил отмечает, как трудно *«испытать и видети всех святых мест»* без хорошего *«вожа»* и без знания языка. Сначала Даниил вынужден был давать от своего *«худаго добыточка»* людям, знающим те места, с тем чтобы они ему их показали. Однако вскоре ему повезло: он нашел в монастыре св. Саввы, где остановился, старого мужа, *«книжна велми»,* который и ознакомил русского игумена со всеми достопримечательностями Иерусалима и его окрестностей.

Даниил обнаруживает большую любознательность: его интересует природа, планировка города и характер зданий Иерусалима, оросительная система у Иерихона. Ряд интересных сведений сообщает Даниил о реке Иордане, имеющей с одной стороны берега пологие, а с другой — крутые и во всем напоминающей русскую реку Сновь. Русский паломник сам *«измерих и искусих»* эту знаменитую реку, *«перебредя»* ее с одного берега на другой. Желая русским читателям ярче представить Иордан, Даниил неоднократно подчеркивает: *«Всем же есть подобен Иордан к реце Сновьстей и в шире, и в глубле, и лукаво течет и быстро велми, яко же Снов река».* Описывая невысокие деревья, растущие на берегу Иордана, Даниил говорит, что они напоминают нашу вербу, а кустарник—лозу, но тут же спешит уточнить: *«...но несть якоже наша лоза, некако аки силяжи* (кизиль) *подобно есть».* Очевидно, русский игумен не преминул испить иорданской воды, после чего записал: *«...вода же мутна велми и сладка пити, и несть сыти пиюще воду ту святую; ни с нея болеть, ни пакости во чреве человеку».*

Он описывает плодородие иерусалимских земель, где *«жито добро рождается»,* поскольку *«земля добра и многоплодна, и поле красно и ровно, и около его финици мнози*

стоят высоци и всякая древеса многоплодовита суть». Остров Самос богат рыбой, а Икос — скотом и людьми, отмечает Даниил.

Стремится Даниил передать своим читателям и те чувства, которые испытывает всякий христианин, подходя к Иерусалиму: это чувства *«великой радости»* и *«слез пролития».* Подробно описывает игумен путь к городским воротам мимо столпа Давидова, архитектуру и размеры храмов. Так, например, церковь Воскресения, пишет Даниил, *«образом кругла, всямокачна* (т. е. со всех сторон покатая) *и в дле и преки* (поперек) *имать же сажень 30».* А церковь Святая святых от Воскресения подальше, *«яко дважды дострелити можеть».* Эта церковь *«дивно и хитро создана»,* украшена изнутри мозаикой и *«красота ея несказанно есть; кругла образом создана; извну написано хитро и несказанно; стены ей избьены дъсками мраморными другого мрамора...».* Там же, отмечает игумен, был дом Соломонов, *«силно было здание его и велико велми и зело красно. Мощен был есть мраморными дъсками и есть на комарах утвержен, и воды исполнен весь дом-от был».*

В двух верстах от Иерусалима находится небольшой городок Вифания. Расположен он за горою на ровном месте, а в городке том, справа от ворот, находится пещера, где погребен был Лазарь.

Как отмечают исследователи, описания Даниила позволяют установить довольно точную топографию Иерусалима начала XII столетия.

Большое место в «Хождении» занимают легенды, которые Даниил либо слышал во время своего путешествия, либо вычитал в письменных источниках. Он легко совмещает в своем сознании каноническое писание и апокрифы. Так, Даниил с полной убежденностью пишет о том, что вне стены церкви Воскресения за алтарем есть *«пуп земли»,* а в 12 саженях от него находилось распятие, где стоит превышающий высоту копья камень с отверстием глубиной в локоть; в это отверстие и был вставлен крест, на котором распяли Христа. Под этим же камнем лежит голова Адама, и, когда Христа распяли, камень треснул и кровь Христа омыла голову Адама, т. е. все грехи человеческого рода. Достоверность данного «факта» Даниил торопится подкрепить чисто летописным приемом: *«И есть разселина та на камени том и до днешняго дни».* Приведенная Даниилом апокрифическая легенда иллюстрировала христианский догмат искупительной жертвы Христа и была закреплена древнерусской живописью.

Хотя внимание Даниила и поглощено вопросами религиозными, это не мешает ему сознавать себя полномочным представителем Русской земли в Палестине. Он с гордостью сообщает, что его, русского игумена, с честью принял король Балдуин (Иерусалим во время пребывания в нем Даниила был захвачен крестоносцами). Он молился у гроба господня за всю Русскую землю. И когда лампада, поставленная Даниилом от имени всей Русской земли, зажглась, а *«фляжская»* (римская) не зажглась, то он видит в этом проявление особой божьей милости и благоволения к Русской земле.

Таким образом, путешествие, предпринятое с чисто религиозной целью, своим патриотическим пафосом перекликается с летописью и другими произведениями XI—XII вв.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В Киеве интенсивная переводческая деятельность достигает своего расцвета в 30—40-е годы XI в.

Отбор произведений, подлежащих переводу, определялся потребностями верхов феодального общества. Задачи упрочения христианской морали, новой религии стояли на первом плане, и это обусловило преобладание церковной переводной литературы над светской. Однако русские переводчики не прошли мимо светской повести, которая по характеру своего идейно-художественного содержания соответствовала духу времени. Древнерусские книжники перевели с греческого языка ряд воинских, исторических и дидактических повестей, способствовавших упрочению того светского идеала, который пропагандировала оригинальная литература. Переводчики не ставили своей целью точную передачу оригинала, а стремились максимально приблизить его к запросам времени и среды. Поэтому переводимые произведения подвергались редакционной правке.

Воинские повести. *«Александрия».* Большой популярностью у русского читателя пользовалась повесть о жизни и подвигах прославленного полководца древности Александра Македонского — «Александрия». Она была создана, по-видимому, вскоре после смерти Александра (ум. в 323 г. до н. э.) на основании письменных источников и устных легенд о его подвигах. Повесть в древности приписывалась ученику Аристотеля — Каллисфену, однако Каллисфен умер раньше А. Македонского, поэтому эту древнюю редакцию повести стали именовать псевдокаллисфеновой. В V в. н. э. «Александрия» известна в Византии и на Западе, где она бытует в латинском переводе; на древнерусский язык «Александрия» была переведена с греческого в XI—XII вв. Этот византийский рыцарский роман воспринимался на Руси как повесть историческая, посвященная жизни и деяниям исторической личности.

Александр изображается в повести человеком необыкновенным: многомудрым, бесстрашным воином. Его отцом является не македонский царь Филипп, а изгнанный из Египта царь Нектонав, почитаемый македонянами как великий врач и волхв. К нему за помощью и обращается бесплодная жена Филиппа Олимпиада. Нектонав предсказал Олимпиаде, что она родит сына от бога Аммона. Приняв образ бога, Нектонав явился к Олимпиаде, и та зачала младенца. Когда приспело время и Олимпиада стала рожать, Нектонав начал гадать по «течению» небесных светил и не разрешал ей рожать до тех пор, пока *«небеснаа течения и мирская стухия»* не предсказали рождения царя *«мирудръжца».* О рождении Александра возвестили *«громи велици и блистании млъниа, яко всему миру подвизапшся»*.

Своим внешним видом Александр, утверждает повесть, не походил ни на Филиппа, ни на мать Олимпиаду, ни на своего отца Нектонава. *«Образубо имяше человеческий, гриву желвову, очима же грозоок, десное убо долу зряше, шюее же зекро* (правый глаз смотрел вниз, левый же был голубой). *Зуби же его остри, акы змиевы. Подобье же имяше лвово, скор, ясн* (цветуш) *бяше».* Александра обучают книгам, музыке, геометрии, риторике, военному делу и философии (учителем философии был Аристотель). Когда Александру исполнилось 12 лет, он ходит вместе с отцом Филиппом на войну, проявляя свою незаурядную силу и отвагу. В пятнадцатилетнем возрасте Александр укрощает вологлавого коня «человекоядца» и затем побеждает в Нисе арканского царя Николая в состязаниях на колесницах.

Став после смерти Филиппа царем Македонии, Александр начинает войну с могущественным персидским царем Дарием. Он совершает успешный поход в Египет, где основывает город Александрию. Дарий посылает Александру грамоту с символическими дарами: мячом, плетью и ящичком с золотом: мяч — Александр еще слишком юн для ведения ратных дел, и ему надлежит играть со сверстниками в мяч;

плетка—символ наказания: дерзкого юнца следует ею проучить; ящичек с золотом — намек на бедность Александра, и золото даст ему возможность расплатиться со своими воинами. Сначала Александр в гневе решает казнить посла, но затем верх берет благоразумие, и он сажает его с собою за пиршественный стол.

Александру свойственны не только воинская доблесть, мужество, отвага, которые он проявляет в войне с персидским царем Дарием, в поединке с индийским царем Пором, но и чувство сострадания, участия к страданиям и горю других людей.

Сбросив в ров Нектонава, который «исследует то, что творится на небе, не зная, что делается на земле», Александр жалеет его, узнав, что Нектонав является его настоящим отцом, и на собственных плечах приносит умершего в дом к Олимпиаде и хоронит его с честью. Встретив в Вавилоне закованных в цепи греческих пленников, Александр проливает слезы, проявляет великодушие к побежденным.

Интересно раскрывается характер героя во взаимоотношении его с сатрапами Дария. Желая заслужить благосклонность Александра, сатрапы смертельно ранят своего господина. Александр же велит казнить неверных слуг Дария. Умирающего Дария Александр прикрывает своим плащом и, прослезившись, говорит: *«Встани, царю, Дарий, и в своей земли царствуй и над своим владыка буди, прими венец свой, перскому множеству царствуй, а имей свое величество».*

Александр не только жаждет воинской славы и подвигов, но и стремится увидеть чужие земли. Ряд своих походов-путешествий он предпринимает только из-за своей любознательности. В письмах к Олимпиаде, Аристотелю он описывает необычных людей — великанов, поросших шерстью, «человекоядцев», обитающих в болотах, и другие диковинные вещи.

Удовлетворяя свою любознательность, Александр совершает свой мирный поход в страну «рахманов» — нагомудрецов.

«Просите у мене, что хощете, — гордо заявляет Александр рахманам,— *и дам вам». И воспиша еси, глаголюще: «Дай нам бесъмерьтие».* Однако этого сделать Александр не в силах, ибо сам смертен. *«Они же реша ему: «Почто ты, смъртен сы, толико ся бореши, да все возмеши? Где же то хощеши понести? Не пакы ли то инем оставиши?»*

В этом диалоге ярко выражена философская мысль о суетности человеческой жизни. Правда, Александр заявляет рахманам, что человеческая судьба «строится вышним промыслом», у каждого человека свой нрав, а если бы был нрав единый, то по морю бы не плавали, землю не возделывали, детей не рожали.

Характерно, что в повести постоянно подчеркивается превосходство эллинской (греческой) культуры над культурами варварских народов.

Образ Александра подвергается в повести христианизации: прибыв в Иерусалим, он склоняется перед патриархом и признает единого и невидимого бога; в Лусовом пристанище герой пытается проникнуть на небеса, но, услышав глас запрета, отказывается от исполнения своей дерзостной мысли.

«Александрия» состоит из ряда интересных эпизодов, описывающих различные события: воинские подвиги героя (они даются в соответствии со стилистическими традициями воинской повести), посещение им различных народов и стран. Однако все изложение материала подчинено религиозно-моралистической задаче — показать тщету и суетность земной жизни. Так, умирающий Дарий говорит Александру, чтобы он не обольщался радостью победы и счастья. О суетности жизни говорят Александру и *«рахманы».*

В «Александрии» объединяются жанры воинской повести и хождения. Кроме того, отличительную особенность ее стиля составляют письма, которым обмениваются между собой Александр, Дарий, Олимпиада, Роксана, Пор, Кондакия.

Описание далеких стран, исполненных чудес, образ мужественного героя-воина привлекали к повести внимание читателя, делали ее необычайно популярной. Уже в XIII столетии у нас возникает новая редакция повести, дополненная описанием чудес и более пространными моралистическими рассуждениями. В XV в. появляется сербская редакция «Александрии», отличающаяся от предшествующих риторичностью стиля и значительным усилением христианского морализма. Так, приспосабливаясь к запросам времени, «Александрия» в русском переводе все дальше отходила от своего оригинала.

«Девгениево деяние». Образ мужественного воина-христианина, защитника границ своего государства стоит в центре переводной повести «Девгениево деяние». Повесть дошла до нас в трех списках XVIII в., но перевод ее на русский язык был осуществлен, по-видимому, непосредственно с греческого в XI—XII вв.

Перевод является свободной переработкой греческой поэмы X в. о подвигах Василия Дигениса, который в нашей повести превратился в прекрасного Девгения. При переводе утратились многие черты византийской истории, существенным изменениям подверглось изображение любви героя. В русском переложении любовный византийский роман превратился в героическую воинскую повесть о борьбе христиан с «погаными». При этом русский переводчик значительное внимание уделил сказочным элементам.

«Девгениево деяние» состоит из двух повестей. Первая рассказывает о родителях Девгения: отец его — аравийский царь Амир, а мать — гречанка, похищенная Амиром, но выручeнная своими братьями; она выходит замуж за Амира после того, как тот принимает христианство. Вторая повесть посвящена описанию подвигов Девгения, т. е. «двоюродного»,— рожденного от сарацина и гречанки.

Девгений изображается прекрасным юношей: *«...лице же его яко снег, а румяно яко маков цвет, власы же его яко злато, очи же его вельми великий яко чашы, пристрашно зрети на него».*

В гиперболическом, былинном плане подчеркивается мужество, сила и храбрость юного Девгения. Присутствует в повести и характерный для фольклора мотив змееборчества: Девгений побеждает четырехглавого змея. Подобно русскому богатырю Илье Муромцу, Девгению смерть в бою не писана: он бесстрашно устремляется против врагов, убивая их сразу по тысяче, перескакивая реки, смело вступает в единоборство и побеждает царя Филипапу и его дочь-богатыршу Максимилиану, которые хотели *«уловить»* прекрасного Девгения, *«яко зайца в тенета».* Подобно героям русской сказки, Девгений добывает себе невесту — прекрасную Стратиговну, побеждая ее отца и братьев.

Вместе с тем Девгений — благочестивый христианский герой: все свои победы он одерживает благодаря упованию на силу Божию.

Стиль повести представляет собой сложное переплетение элементов устной народной поэзии и книжной стилистики. Героический образ Девгения, его необычайные подвиги привлекали внимание читателей, тем более что в сознании народном ее герой сближался с образами былин.

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия. В XI—XII вв. была переведена на древнерусский язык «История Иудейской войны» еврейского историка Иосифа Флавия под названием «Повесть о разорении Иерусалима». Эта повесть охватывала события с 167 г. до н. э. до 72 г. н. э.

Центральное место в повести занимает полное драматизма описание борьбы восставшего еврейского народа против римских легионов (особенно ярки картины осады Иотопаты и Иерусалима).

Как установлено исследователями, древнерусские переводчики довольно свободно обращались с греческим оригиналом и прибегали к сокращенному его пересказу, а иногда вносили дополнения. К таким дополнениям относятся вставки об Иисусе Христе и Иоанне Крестителе, резкие выпады против римлян и отрицательная характеристика Ирода Великого.

В повести при описании сражений широко используются стилистические формулы воинских повестей, отсутствовавшие в греческом подлиннике и находящие соответствие в оригинальной древнерусской литературе, в том числе в «Слове о полку Игореве». Например, *«...и стрелы на ня летаху, яко дождь»* (ср. в «Слове о полку Игореве»: *«...ити дождю стрелами...»)* или *«...бысть видети лом копийный и скрежетание мечное и щиты искепани и мужи носими, и землю напоиша кровью».*

Читателя повесть привлекала красочностью описаний военных событий.

Дидактические повести. *«П о в е с т ь о б А к и р е П р е м у д р о м».* Средством пропаганды новой христианской морали служили дидактические переводные повести.

«Повесть об Акире Премудром» была переведена на русский язык с сирийского оригинала. Древнерусского книжника привлек в повести образ идеального советника царя, мудрого и добродетельного Акира. Деятельность Акира подчинена заботам о благе государства, и в этом отношении она могла служить примером для думцов княжеских в Киеве. Нравоучительная часть повести представляла собой сборник притч, завершающихся афоризмами.

В русском переводе повесть была приспособлена к привычным формам христианской нравоучительной литературы. В ней отразились и некоторые чисто русские черты. Так, Акир учит своего племянника русской грамоте, иногда место царя занимает князь, а в новгородской редакции повести фараон собирает вече и правит страной с помощью посадников.

Нравоучительные притчи и афоризмы повести постепенно приобретали самостоятельное значение и включались в сборник «Пчела», становясь пословицами.

«П о в е с т ь о В а р л а а м е и И о с и ф е». Эта повесть прославляла победу христианства над язычеством. Она как бы напоминала о недавних событиях, связанных с крещением Руси. Повесть представляла собой перевод с греческого христианизированного жизнеописания Будды.

Герой повести — сын индийского царя Авенира Иосаф. Не желая допустить, чтобы сын стал христианином, Авенир пытается искусственно оградить его от всех жизненных невзгод. Однако это сделать царю не удается. Юноша встречает слепого и прокаженного, а затем дряхлого старика и узнает, что каждого человека подстерегают болезни, неизбежная старость и смерть. Это заставляет Иосафа задуматься над смыслом скоропреходящей человеческой жизни и ставит перед ним вопрос о жизни иной. Разрешить этот вопрос помогает Иосафу отшельник Варлаам. Испытав разум царевича с помощью притч, Варлаам крестит его. Авенир приходит в ярость. Все его попытки отвратить сына от христианства тщетны. Иосафа не может переубедить языческий мудрец, на него не действуют чары волшебника, юношу не прельщают ни соблазны женских прелестей, ни соблазны власти. Иосаф удаляется в пустыню, где после двухлетних скитаний находит Варлаама и поселяется с ним в пещере. Здесь он

превосходит своими аскетическими подвигами своего учителя. Найденные затем в пустыне нетленные тела Варлаама и Иосафа торжественно переносят в столицу Индии.

В XV в. повесть превратилась в типичное житие христианского подвижника. Она содержала большое количество нравоучительных притч, которые Варлаам рассказывал своему ученику Иосафу, убеждая его в истинности христианского вероучения.

Таким образом, произведения переводной литературы были тесно связаны с жанрами оригинальной литературы, в первую очередь с исторической воинской повестью, поучением и житием. Переводы не были точным воспроизведением оригинала, а являлись относительно свободным его переложением. В связи с этим в переводные повести широко проникали стилистические элементы как народной поэзии, так и оригинальной письменности; переводные повести способствовали обогащению и развитию оригинальной литературы.

Опираясь на опыт византийской и древнеболгарской литературы, с одной стороны, устное народное творчество — с другой, в XI — первой трети XII в. древнерусские писатели создают оригинальные высокохудожественные произведения эпидейкгического красноречия, исторического повествования, агиографической литературы, светского поучения, соединенного с автобиографией, и путешествия.

Всем оригинальным произведениям древнерусской литературы этого периода присущи патриотический пафос, публицистичность, историзм и дидактизм. В XI — первой трети XII в. были заложены основы дальнейшего развития литературы, которая с распадом «лоскутной империи Рюриковичей» на ряд самостоятельных феодальных полугосударств приобретает областной характер.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы основные положения гипотезы А. А. Шахматова о происхождении «Повести временных лет»?

2. Какие уточнения и поправки в гипотезу А. А. Шахматова внесены Д. С. Лихачевым? Какова гипотеза Б. А. Рыбакова?

3. Каковы основные идеи и каков жанровый состав «Повести временных лет»?

4. В чем и как проявляется связь летописных сказаний с фольклором?

5. Формирование жанра и стиля воинской повести, характеристика исторической повести об ослеплении Василька Теребовльского.

6. Своеобразие стиля «Повести временных лет».

7. Каково историческое и художественное значение «Повести временных лет»?

8. Каковы идейно-художественные особенности «Слова о законе и благодати» Илариона?

9. Перечислите основные идеи «Поучения» Владимира Мономаха. Каковы особенности его жанра и стиля?

10. Какова главная идея анонимного «Сказания о Борисе и Глебе» и каковы художественные средства ее выражения? В чем основные отличия «Сказания о Борисе и Глебе» от «Чтения...» Нестора?

11. Как Нестор изображает своего центрального героя в «Житии Феодосия Печерского»?

12. Каков основной пафос «Хождения в Святую землю» игумена Даниила? На каких сторонах жизни Палестины сосредоточивает внимание путешественник?

13. Каковы особенности древнерусской переводной литературы XI—XII вв.: ее основные темы?

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ
(ВТОРАЯ ТРЕТЬ XII -ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII вв.)

Образование самостоятельных полугосударств на северо-востоке, юго-западе, северо-западе и юге Руси приводит к формированию на базе литературы Киевской Руси местных литературных «школ»: Владимиро-Суздальской, Новгородской, Киево-Черниговской, Галицко-Волынской, Полоцко-Смоленской и Турово-Пинской.

Характер и своеобразие этих «школ» проявляется, прежде всего, в летописании и агиографии, прославлявшей местные святыни. Однако через традиции Киева литературы этих областей устанавливали общие связи и продолжали отстаивать идею единства Русской земли.

Вершиной литературы этого периода является «Слово о полку Игореве», созданное в Киево-Черниговской Руси.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

История открытия и опубликования. «Слово о полку Игореве» было открыто собирателем древнерусских рукописей А. И. Мусиным-Пушкиным в конце 80-х — начале 90-х годов XVIII в. Он приобрел у архимандрита Иоиля, настоятеля упраздненного Екатериной II Спасо-Ярославского монастыря, рукописный сборник, который, судя по описанию, был написан в XVI в. на северо-западе Руси (в районе Пскова или Новгорода). В состав сборника входили произведения светского характера: *«Хронограф»; «Временник, еже порицается летописание русских князей и земля Русьскыя»; «Слово о полку Игореве»* и *«Девгениево деяние».*

Первое упоминание о находке Мусина-Пушкина сделал в 1792 г. журналист и драматург П. А. Плавильщиков. В начале 1797 г. М. М. Херасков в примечании к 16-й песне поэмы «Владимир» известил читателей о найденном произведении древней письменности. В октябре 1797 г. в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» Н. М. Карамзин поместил заметку с сообщением о находке «песни Игоревых воинов, которую можно сравнить с лучшими Оссиановыми поэмами».

Для работы над рукописью Мусин-Пушкин привлек ученых А. Ф. Малиновского, Н. Н. Бантыш-Каменского и в качестве консультанта Н. М. Карамзина. Благодаря их труду в

1800 г. был опубликован текст «Слова» с переводом на современный русский язык, вступительной статьей и примечаниями.

Очевидно, в 1795—1796 гг. была сделана писарская копия с текста рукописи для Екатерины II. Копия эта затем затерялась в архиве и была обнаружена лишь в 1864 г. П. П. Пекарским.

В 1812 г. рукописное собрание Мусина-Пушкина погибло в огне московского пожара. В руках исследователей остались лишь печатный текст и выписки, сделанные из рукописи ее первыми издателями.

Изучение «Слова». Сразу же в науке раздались голоса скептиков, которые начали отрицать подлинность «Слова». Профессор М. Т. Каченовский и писатель О. Сенковский утверждали, что в нашей древней литературе нет ни одного произведения, которое бы по своему художественному уровню приближалось к «Слову». Язык «Слова» не находит, заявляли они, себе соответствий в языке других памятников письменности.

Точка зрения скептиков вызвала горячую отповедь со стороны передовых ученых и писателей. Страстно отстаивал подлинность «Слова» А. С. Пушкин, который хотел сделать поэтический перевод гениальной поэмы и собирал материалы для критической статьи.

В 1813 г. К. Ф. Калайдовичем была найдена приписка на Псковском апостоле 1307 г., которая обнаружила следы влияния «Слова». В приписке говорилось о распрях московского князя Юрия Даниловича и Михаила Тверского в начале XIV в.: *«При сих князях сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князек которы, и веци скоротишася человеком».*

В 30-е годы М. А. Максимович установил связь «Слова» с народной украинской поэзией. В 1838 г. было опубликовано «Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича», в котором было ощутимо влияние «Слова». В 1852 г. найдена «Задонщина», в тексте которой обнаруживаются прямые заимствования из «Слова о полку Игореве».

Все эти факты свидетельствовали о подлинности «Слова» и доказывали несостоятельность точки зрения скептиков.

Важную роль в истории изучения «Слова» сыграло его издание в 1844 г. Д. Н. Дубенским. Отстаивая подлинность «Слова», Дубенский снабдил свое издание обстоятельным историко-литературным комментарием.

Большое значение в истории изучения текста поэмы имели издания «Слова», предпринятые в 1866 и 1868 гг. Н. С. Тихонравовым. На основании сличения Екатерининской копии с печатным изданием Мусина-Пушкина Тихонравов внес в текст много исправлений, дал интересный комментарии, в котором привел новые параллели из произведений русского фольклора и древнерусской письменности.

Особенно большое количество работ, посвященных «Слову», появляется в 70-е годы XIX в. П. П. Вяземский, Вс. Миллер, А. Веселовский отвергли самостоятельность «Слова о полку Игореве», усматривая в нем лишь отражение влияний либо древнегреческой литературы (П. П. Вяземский), либо южнославянской (Вс. Миллер). С опровержением их точек зрения выступил в 1878 г. А. А. Потебня. В книге «Слово о полку Игореве». Текст и примечания» он доказал, что «Слово» не «сочинено по готовому византийско-болгарскому или иному шаблону». Это произведение, по мнению исследователя, «оригинально и самобытно, оно все проникнуто народно-поэтическими элементами».

Итог предшествующему изучению «Слова» подвела трехтомная работа Е. В. Барсова «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (1887—1889). Барсов показал связь «Слова» с русской летописью, воинскими

повестями, оригинальными и переводными; в третьем томе поместил «Лексикологию «Слова» (доведена до буквы М). Собранный исследователем фактический материал, библиография, доведенная до 1885 г., и «Лексикология «Слова» не потеряли до сих пор своего научного значения.

В конце XIX—начале XX в. исследователи «Слова» уясняли отдельные «темные места» памятника, его ритмический строй, композиционные особенности, устанавливали связи с западноевропейским средневековым эпосом.

Результатом обобщения этих исследований явилась обстоятельная работа В. Н. Перетца «Слово о полку Iгоревім. Пам'ятка феодальноі Украіни—Русі XII віку». (Київ, 1926). В этой работе на основе изучения мусин-пушкинской и екатерининской копий исследователь предложил свою реконструкцию текста памятника и ряд новых конъектур. Он устанавливает отзвуки «Слова» в литературе XVI в. Кроме того, В. Н. Перетц выявляет связи «Слова» с книжно-библейской традицией и исследует его народно-поэтическую основу. В работе содержатся интересные наблюдения, устанавливающие общность «Слова о полку Игореве» с произведениями западноевропейского средневекового эпоса.

Перестановки текста, предложенные Перетцем, и ряд внесенных им поправок вызвали возражения В. Ф. Ржиги, Н. К. Гудзия и других ученых, которые справедливо упрекали автора в том, что он мало внимания уделил выяснению связей «Слова» с исторической и культурной жизнью Киевской Руси.

Советскими учеными 30—50-х гг. было по-новому оценено идейное содержание произведения, всесторонне рассмотрено художественное мастерство и языковое стилистическое своеобразие «Слова». В этом отношении значительный интерес представляют работы А. С. Орлова «Слово о полку Игореве» (1934; 2-изд., 1946), Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве» (1950; 2-изд., 1955), сборник «Слово о полку Игореве» под ред. В. П. Адриановой-Перетц (1950).

Особенно плодотворными в изучении «Слова» были 1938, 1950, 1975 и 1985—1986 гг., когда наша страна отмечала 750-летие со дня появления памятника, 150-летие, 175-летие со дня выхода в свет его первого издания и 800-летие его создания.

«Слово о полку Игореве» привлекает к себе внимание на только русских исследователей, но и многих ученых — филологов и историков за пределами нашей страны. В конце 30-х — начале 40-х годов вновь возрождается скептическое направление в изучении «Слова». Профессор Сорбонны, известный славист Анре Мазон выступает с рядом статей, а затем монографией «Слово о полку Игореве» (Париж, 1940). Он пытается доказать, что «Слово» является поздней подделкой, созданной на основе «Задонщины».

Капитальное текстологическое исследование «Задонщины», проведенное научными сотрудниками сектора древнерусской литературы Пушкинского дома АН СССР,— «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла» (1966) — опровергло мнение о вторичности «Слова» по отношению к «Задонщине». В книге «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XII вв.» (1968) на большом фактическом материале В. П. Адрианова-Перетц показывает связь языка и стиля «Слова» с литературой того времени.

Среди работ о «Слове» интересны исследования Б. А. Рыбакова «Слово о полку Игореве» и его современники» (1971) и «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» (1972). Выдающийся советский историк рассматривает «Слово» и как поэтическое произведение, и как мудрый политический трактат, и как интересное историческое исследование. Он подходит к анализу «Слова» с точки зрения исторической логики событий и предлагает сделать в тексте шесть перестановок. Однако

эти перестановки нарушают поэтическую структуру «Слова». Весьма любопытна гипотеза Б. А. Рыбакова об авторе «Слова». Им был, по мнению исследователя, киевлянин, старший дружинник князя — Петр Бориславич.

К 800-летнему юбилею «Слова» была переиздана интересная монография Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве» и культура его времени» (Л., 1985), где раскрываются глубокие связи художественной и идейной системы «Слова» с культурой Древней Руси, с исторической действительностью.

Вышли в свет сборники научных статей «Слово о полку Игореве» и его время» (под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1985), «Исследования «Слова о полку Игореве» (отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986), монография Н. А. Баскакова «Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» (М., 1985); появился ряд статей в нашей периодике, в частности в журналах «Коммунист», «Вопросы литературы», «Русская литература»; вышли в свет юбилейные издания текста и переводов «Слова».

Интерес к «Слову о полку Игореве» не прекращается и по сей день. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи и монографии, появляющиеся о «Слове» как у нас, так и за рубежом.

Итог двухвекового изучения «Слова» подводит фундаментальный коллективный труд ученых сектора древнерусской литературы Пушкинского дома Российской Академии наук пятитомная «Энциклопедия «Слова о полку Игореве» (СПб., 1995).

«Энциклопедия» содержит исчерпывающие сведения о всех исследователях, переводчиках «Слова», его иллюстраторах; содержит обстоятельный историко-географический комментарий текста; большое внимание уделяет художественной специфике памятника, проблемам его жанра и стиля; дает толкование так называемых «темных мест» «Слова». «Энциклопедия» в то же время побуждает молодых исследователей к дальнейшему изучению текста гениальной героической поэмы XII столетия.

Историческая основа «Слова». В основе сюжета «Слова о полку Игореве» лежат подлинные исторические факты. С 1061 г. юго-восточные границы Киевского государства начинают подвергаться опустошительным набегам степных кочевий ков-половцев. Русские князья в междоусобных войнах сами наводят «поганых» на Русскую землю. В начале XII в. Владимир Мономах совершил ряд крупных походов против половцев, в результате которых враги были отброшены далеко за Дон.

После смерти Мономаха процесс феодального дробления Киевского государства усилился, и половцы начали регулярно совершать набеги на южные и юго-восточные земли Руси. Это заставило южнорусских князей принять срочные меры по борьбе со степными кочевниками. В 1170 г. состоялся съезд князей, на котором Мстислав Изяславич говорил: *«Половцы отнимают Греческий путь* (по Днепру), *Соляной* (по Дону) *и Залозный* (по Дунаю)».

Святославу Всеволодовичу, великому князю киевскому, удалось в 1183 г. создать небольшую коалицию южнорусских князей, которые приняли участие в летнем походе против половцев 1184 г. Поход прошел успешно: половцы были разбиты, хан Кобяк захвачен в плен. Успех окрылил князей, и Святослав стал готовиться к летнему походу 1185 г. В походе 1184 г. должны были принять участие новгород-северские князья во главе с Игорем Святославичем. Однако дружина Игоря не могла поспеть вовремя из-за гололедицы.

Выступая весной 1185 г. в поход против степных кочевников, новгород-северский князь понадеялся на удачу, мечтая о своей собственной славе и желая, возможно, поискать древнего Тмутараканя, которым некогда владели черниговские князья, и в частности дед Игоря Олег. Однако поход закончился страшным разгромом русских

войск. Впервые в истории военных столкновений с половцами русские князья были захвачены в плен, а из всего войска остались в живых лишь 16 человек.

Исторические события, связанные с походом и поражением северских князей — Игоря Святославича, его брата Всеволода из Курска, сына Владимира из Путивля и племянника Святослава Ольговича из Рыльска,— и легли в основу «Слова о полку Игореве».

Описанию похода Игоря посвящены две дошедшие до нас исторические повести: одна—в составе севернорусской Лаврентьевской, другая — южнорусской Ипатьевской летописи.

Историческая повесть о походе новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев в Ипатьевской летописи отличается подробным последовательным описанием событий. Изложение проникнуто горячим сочувствием к участникам похода, их поражению. Летописная повесть не лишена художественности: ей присущи драматизм, образность и выразительность отдельных мест, живость повествования. Автором ее был либо непосредственный участник событий, либо человек, стоящий близко к новгород-северскому князю.

Рассказ Лаврентьевской летописи лаконичен. Летописец с явным осуждением говорит об Игоре и его брате Всеволоде. Повествование носит религиозно-дидактическую окраску; в рассказе приводятся цитаты из «священного писания».

Перед нами две различные редакции исторической повести: одна из них была создана на юге Руси человеком, принимавшим близко к сердцу несчастья, постигшие северских князей и все южнорусские княжества; вторая появилась на северо-востоке, где события далекого юга уже мало волновали летописца, и рассказ о поражении Игоря он использовал в религиозно-дидактических целях.

Художественное своеобразие «Слова о полку Игореве» особенно ярко раскрывается при его сопоставлении с летописными историческими повестями.

«Слово о полку Игореве» было написано между 1185 и 1187 гг. Эти даты устанавливаются на основании самого текста произведения. В «Слове» говорится о переяславльском князе Владимире Глебовиче как о живом, а в 1187 г., по сообщению летописи, он умер.

Игорь Святославич бежал из плена в 1185 г., следовательно, до его возвращения на Русь «Слово» появиться не могло. В 1187 г. вернулся из плена Владимир Игоревич вместе с молодой супругой Кончаковной и маленьким сыном, а «Слово» в заключительной части провозглашает здравицу и в честь этого князя. Этими данными и определяются хронологические рамки написания «Слова о полку Игореве».

Основная идея «Слова» и ее раскрытие в сюжете и композиции. Неизвестный автор создал свое произведение по горячим следам событий. Он считал, что все исторические перипетии и подробности хорошо известны современникам. Задача автора состояла в том, чтобы дать политическую и художественную оценку событию, показать своим современникам, какое значение имеет неудача Игорева похода для исторической судьбы всей Русской земли.

В факте поражения русских войск на Каяле автор «Слова» увидел не проявление Божьего гнева, покаравшего Игоря за грехи его — расправу с жителями взятого им на щит города Глебова, а проявление страшного зла феодальной раздробленности, отсутствие единения между князьями, несоблюдение вассалами своих обязательств по отношению к сюзерену — великому князю киевскому, проявление эгоистической политики князей, жаждущих личной славы. Это привело к тому, что для Руси настала

«невеселая година», когда князья начали про малое *«се великое молвити»,* а *«поганые»* начали с победами приходить на Русскую землю и взимать дань по белке со двора.

Поражение Игоря вызывает глубокое раздумье поэта-гражданина, патриота о судьбах Русской земли, и основная идея «Слова» — это страстный призыв русских князей к единению. Эта идея получает четкое воплощение во всей художественной структуре произведения, и, прежде всего в его сюжете и композиции.

«Слово» открывается небольшим вступлением. Оно непосредственно не связано с ходом повествования. В нем автор размышляет о художественных принципах наложения материала и как бы ведет диалог с читателем. Вступление подчеркивает общий патетический, торжественный пафос произведения. Далее автор переходит к повествованию о событиях похода. В экспозиции дается лаконичная, выразительная характеристика Игоря и подчеркивается, что его поход на половцев был предпринят во имя Русской земли.

Выступление русских войск в поход составляет завязку сюжета «Слова». В отличие от летописной повести инициатива похода приписывается не Игорю, а Всеволоду, который обращается к брату с призывом седлать своих борзых коней. Автор не говорит, когда и откуда выступил Игорь, каков был путь следования русских войск, зато вводит яркие картины природы, исполненные глубокого символического значения. По сравнению с летописной повестью события развиваются стремительно. Автор дает краткий эмоционально приподнятый рассказ о первом столкновении русских с половцами и о богатых трофеях, взятых русскими. Резким контрастом к этому эпизоду выступает символический пейзаж накануне второго сражения. Кровавые зори, тучи, идущие с моря, полны зловещих предзнаменований. В описании битвы автор сосредоточивает внимание на героической фигуре буй-тура Всеволода и ограничивается упоминанием об Игоре, который пытается вернуть на поле боя бегущих ковуев.

Поражение русских войск составляет кульминацию сюжета. Автор показывает, какие тягостные последствия это поражение имело для всей Русской земли. Он подчеркивает, что в результате разгрома Игоревых войск сведены на нет успехи коалиционного похода киевского князя Святослава против половцев.

Символом единой Русской земли является Киев и великий киевский князь. Поэтому действие «Слова» переносится в столицу Русской земли. Вводится символическая картина *«мутного»* (тяжелого) сна, который видит Святослав. Этот сон истолковывают бояре: они сообщают о поражении Игоря. Согласно летописной повести, Святослав узнает о поражении Игоря в Чернигове от Бсловода Просовича. Чувство скорби, вызванное тягостной вестью, Святослав выражает в своем *«золотом слове»,* со слезами смешанном. Монолог великого князя киевского перерастает в страстный публицистический призыв автора «Слова», обращенный к князьям постоять *«за земно Рускую»,* отомстить *«за раны Игоревы буего Святъславлича!»,* прекратить вековые междоусобные распри.

Публицистическое обращение автора к князьям сменяется лирическим плачем жены Игоря Ярославны, являющимся важным звеном в дальнейшем развитии сюжета; он предваряет развязку — бегство Игоря из плена. Игорь возвращается в Киев (по летописной повести, Игорь сначала пришел в Новгород-Северский) и тем самым как бы признает свою вину — нарушение обязательств перед сюзереном, перед Русской землей. Завершается «Слово» провозглашением «славы» в честь князей — Игоря, Всеволода, Владимира Игоревича и их дружины.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» не дает последовательного рассказа о походе и даже отступает от ряда исторических фактов. Автор берет лишь самые

значительные эпизоды, которые позволяют ему ярче высказать свое отношение к событиям, донести до своих слушателей основную идею. Именно гражданская патриотическая идея прочно цементирует в единое художественное целое все части произведения. Четкость политической мысли, лирическая взволнованность, публицистическая страстность, широта исторического мышления, высокая художественность — все это делает «Слово о полку Игореве» «прекрасным благоухающим цветком славянской народной поэзии, достойным внимания, памяти и уважения».

Исторический фон в «Слове». Автор «Слова» всегда стремится оценить современные ему события в историческом плане, сравнивая настоящее с прошлым, *«свивая славы оба полы времени».* В экспозиции сюжета автор заявляет, что будет вести свою повесть *«от старого Владимера до нынешняго Игоря».* В обширной исследовательской литературе о «Слове» нет единого мнения, о каком Владимире здесь идет речь. Одни ученые склонны считать, что автор имел в виду Владимира Мономаха, другие — Владимира Святославича. По-видимому, более правы последние. Действительно, в «Слове» вовсе отсутствуют всякие упоминания о событиях после смерти Владимира Мономаха, т. е. после 1125 г., но зато немало упоминаний об исторических событиях середины и конца XI в. «Слово» связывает с именем старого Владимира, т. е. Владимира Святославича, период расцвета Киевского государства, сопоставляя его с *«невеселой годиной» — с* периодом феодальной раздробленности.

Кроме того, «Слово», упоминая о Владимире Мономахе *(«Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове»),* не называет его *«старым».*

Автор «Слова» устанавливает свою поэтическую и довольно четкую периодизацию истории родной земли: *«века Трояна»* — это период далекого языческого прошлого; он сменяется периодом расцвета при Владимире и летами княжения его сына Ярослава, после смерти которого начался период княжеских раздоров и крамол, продолжающийся до *«нынешняго Игоря».*

Начало княжеских междоусобиц автор «Слова» связывает с деятельностью Олега Святославича черниговского, деда Игоря. Поэтому не случайно в текст «Слова» в самый напряженный момент повествования о битве русских с половцами вводится исторический эпизод о крамолах Олега. Именно дед Игоря начал *«мечем крамолу ковать и стрелы по земле сеять».* Кратко и выразительно напоминает автор «Слова» отдельные эпизоды междоусобной борьбы Олега. В этой борьбе Олег первый прибег к помощи половцев, наведя их на Русскую землю. Вспоминает автор «Слова» и о кровавой битве на Нежатиной ниве в 1078 г., когда обе стороны понесли большие потери, а союзник Олега юный самонадеянный Борис Вячеславич пал в бою. Но главное — это тягостные последствия крамол Олега для Русской земли: *«Тогда... сеяшется и растяшетъ усобицами; погибашеть жизнь Даждьбожа внука; в княжих крамолах веци человекомъ скратишасъ. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахутъ, нъ часто врани граяхутъ, труппа себе деляче; а галици свою речь говоряхутъ, хотятъ полетети на уедие».*

Крамолы Олега наносили ущерб народу — «ратаям», их мирному труду. Междоусобные войны приводили к экономическому оскудению страны (погибла *«жизнь Даждьбожа внука»* — достояние русского народа), к гибели людей. Поэтому автор и назвал Олега Гориславличем, ибо горестную славу в Русской земле стяжал себе этот горемыка князь-крамольник.

Подобно летописцам, автор «Слова» придерживался родового взгляда на историю. Он считал, что политика нарушения феодальных обязательств, распрей, союза с половцами, начатая Олегом, продолжает проводиться его внуками — северскими

князьями. Поражение Игоря рассматривается в «Слове» как следствие той политики, которая была начата родоначальником *«храброго гнезда»* Ольговичей.

Вспоминает автор и о другом зачинщике феодальных распрей — о Всеславе Брячеславиче Полоцком. Рассказ о Всеславе связан с авторским обращением к внукам Ярослава и Всеслава — прекратить старую вражду и *«выскочить»* из худой дедовской славы, объединить свои силы для борьбы с внешними врагами Руси. *«Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую»,* — говорит автор.

Начало вражды полоцких князей с киевскими летопись связывает с женитьбой Владимира Святославича на полоцкой княжне Рогнеде, которая, согласно преданию, пыталась убить ненавистного ей мужа, мстя ему за убийство отца и братьев. Ее ннук, полоцкий князь Всеслав Брячеславич, как сообщает летопись, был рожден *«от волхования»,* вследствие чего имел *«язвено на главе»* и *«сего ради немилостив»* был Всеслав *«на кровопролитие».* В 1066 г., начав борьбу с Ярославичами,

Всеслав захватил Великий Новгород *«с женами и с детми, и колоколы съима у святыя Софие».* Об этом факте автор «Слова» сообщает весьма лаконично, но художественно выразительно: *«...отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу».*

В 1067 г. войска Всеслава и Ярославичей (Изяслава, Святослава и Всеволода) сошлись на Немиге, где *«бысть сеча зла и мнози падоша»,* и Всеслав вынужден был бежать. Вскоре князья примирились и *«целовали крест»,* но, не веря Всеславу, Изяслав нарушил крестное целование. Он захватил Всеслава и посадил его в Киеве в поруб.

В 1068 г. половцы нанесли первое в истории поражение русским князьям Изяславу, Святославу и Всеволоду. Киевляне, *«створиша вече»,* потребовали у Изяслава оружие и коней, чтобы идти против врагов. Князь отказался удовлетворить это требование, и тогда восставшие горожане 15 сентября освободили Всеслава из поруба, поскольку тот пообещал им коней. В «Слове» весь этот эпизод, изложенный в «Повести временных лет», передан так: *«Тъй* (Всеслав.— *В. К.) клюками* (хитростями) *подпръся окони и скочи к граду Кыеву и дотчеся стружием злата стола киевского».* Всеслав пробыл великим князем несколько недель и вынужден был бежать. О чем в «Слове» в образно-символической форме сказано: *«...скочи от них лютым зверем в плъночи из Белаграда, обесися сине мьгле»* (буквально: повиснув на синем облаке, т. е. под покровом тумана).

Автор «Слова» нарушает хронологию: он сначала говорит о событиях 1068 г., а затем 1066 и 1067 гг. Ему важно показать пагубные последствия междоусобной распри Ярославичей с Всесславом, когда *«Немизе кровавы брезе не бологом бяхуть посеяны, посеяни костьми руских сынов».*

Как отмечает Д. С. Лихачев, Всеслав в «Слове» изображен не только с осуждением, но и с известной теплотой: это неприкаянный князь, мечущийся по Руси как затравленный зверь, изумляющий быстротой своего передвижения современников, которые прозвали его *«вещим»* — волшебником-оборотнем, и в то же время это несчастный горемыка, неудачник, о судьбе которого Боян сложил «припевку»: *«Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божиа не минута».*

Говоря о распре полоцких Всеславичей с киевскими Ярославичами, автор «Слова» отмечает, что она не принесла славы ни одной из сторон, а привела только к усилению врагов Руси — половцев и литовцев.

Источником исторических сведений, очевидно, служила для автора «Слова» «Повесть временных лет» и народный исторический эпос. Однако, используя факты летописи, автор «Слова» никогда не дает им религиозно-моралистической трактовки, а оценивает их с точки зрения народных интересов. Цель исторических отступлений, к которым прибегает автор «Слова»,— напомнить своим современникам, потомкам

злосчастного Всеслава и крамольника Олега, к чему приводят раздоры, и призвать к установлению прочного княжеского союза для совместной борьбы с врагами Русской земли.

Для того чтобы лучше понять и объяснить настоящее, автор «Слова» прибегает к воссозданию картин прошлого. При этом он исторически пытается объяснить также поступки половцев. Совершая набеги на Русскую землю, они *«лелеют месть Шароканю»,* т. е. стремятся отомстить за разбитого наголову Владимиром Мономахом в 1106 г. Шарукана — деда Кончака. Об этом поют *«готьскш красные девы» «на брезе синему морю».* Они *«поют время Бусово»,* т. е. время, когда предводитель готов Виннитар разбил антов, а их вождя Бооза казнил.

Таким образом, автор «Слова» рассматривает каждое современное ему событие в исторической перспективе, дает поэтическое обобщение истории Русского государства XI—XII вв.

Изображение князей. Большое место в «Слове» отводится изображению поступков Игоря и Всеволода — основных участников похода (о Владимире Игоревиче упоминается лишь в конце, в здравице, а имя Олега Святославича опущено). Автор симпатизирует своим героям и видит в них лучших представителей современного ему поколения князей.

Игоря отличает необычайное мужество и храбрость. Он доблестный воин, который решил постоять за Русскую землю, *«истягну умь крепоспшю своею и поостри сердца своего мужеством, наилънився ратнаго духа».* Ради блага своей земли он готов на любые жертвы и испытания. С мужественной и благородной речью обращается Игорь к своей дружине: *«Брапше и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на своим бръзыя комони, да позрим синего Дону... Хощу бо,— рече, — копие приломити конець поля Половецкого; с вами, русици, хощу главу свою приложипш, а любо испиши шеломомь Дону».*

Свою вдохновенную речь Игорь произносит в момент солнечного затмения, когда видит *«тьмою вся своя воя прикрыты».* Грозное предзнаменование природы не в силах поколебать страстного желания и решимости князя *«искусити Дону великого»,* постоять за землю Русскую.

«Слово» не показывает Игоря в битве на Каялс, но говорит о его мужестве и благородстве, когда он заворачивает полки, жалея брата Всеволода.

Доблестным воином является и Всеволод. Он неотделим от своих верных опытных *«кметей»* (воинов), которые *«под трубами повиты, под шеломы вьзлелсяни, конець копия въскрълмлены, пути имь ведомы, яругы чмь знаеми, луци у них напряжены, ту.пі отворены, сабли изъострени; сами скачють, акы серый влъци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».*

Доблесть и мужество Всеволода, проявленные им в бою на Каяле, беспримерны. Подробно русским былинным богатырям, буй-тур Всеволод *«прьнцет»* на врага своими стрелами, гремит *«о шеломы мечи хармужными».* Своим златым шеломом посвсчивая, скачет он по полю брани, поражая врагов. Он весь поглощен и увлечен боем, в пылу сражения забывает и о своих ранах, и об отцовском золотом столе, и о ласках милой красавицы —жены Глебовны. Изображая гиперболически поведение Всеволода в бою, перенося на него подвиг дружины, автор «Слова» следует художественным принципам фольклора.

Автор «Слова» прославляет воинскую доблесть князей *«Олъгова хороброго гнезда»,* тесно связанных со своими *«храбрыя плъкы»,* храбрыми русичами. Эту доблесть высоко ценит великий киевский князь Святослав. *«Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе*

скована, а в буести закалена», — говорит он, мысленно обращаясь к потерпевшим поражение на Каяле князьям.

Прославлению князей служат и образы-символы «солнца», «света», «соколов», которые даны в резком контрасте с «тьмой», «тучами», «галками», «черным вороном» — символами врагов-половцев.

«Чрьныя тучя с моря идут, хотят прикрыты 4 солнца». «Темно бо бе в 3-й день: два солнца померкоста; оба багряная стлъпа погососта и с нима молодая месяца, Олег и Святъслав, тьмою ся поволокоста»,— к этой символической картине поражения северских князей обращаются бояре, разъясняющие Святославу значение его *«мутного сна». «На реце на Каяле тьма свет покрыла».* Но это торжество «тьмы», «великого буйства» врагов временно. И как только Игорь возвращается в Киев, *«солнце светится на небесе, Игорь князь в Руской земли».* Ведь как, говорит автор, тяжело телу без головы, так Русской земле без Игоря.

Деятельность князей в «Слове» оценивается с народных позиций. Игорь и Всеволод осуждаются за жажду личной славы. Решив *«поискати града Тъмутороканя»* — старой черниговской вотчины, захваченной половцами, эти «соколы» самовольно слетели *«с отня стола злата»* и *«нечестно одолели, нечестно кровь поганых пролили».* И *«соколома крилъца припешали поганых саблями, а самою опуташа в путины железны».* Они рано *«начали Половецкую землю мечи цвелити»* (терзать), т. е. не дождавшись коалиционного похода, который организовывал Святослав киевский. Они свели на нет результаты предыдущего успешного похода князей. Своим поражением *«тии бо два храбрая Святъславлича... уже лжу* (раздоры) *убудиста, которою ту бяше успил»* великий киевский князь Святослав.

Автор «Слова» подчеркивает, что поражение русских войск на Каяле принесло огромный ущерб не только северским князьям, но и всей Русской земле, обратив *«на ниче ся годины».* Поэтому Игоря, пересевшего из золотого седла в седло раба, и проклинают немцы и венецианцы, греки и моравы.

За стремление к личной славе автор «Слова» осуждает Игоря и Всеволода. Обуреваемые жаждой личной славы, они сказали: *«Мужаиме ся сами: переднюю славу сами похитим, а заднюю си сами поделим!»* Нельзя ставить личную княжескую честь и славу выше чести и славы Русской земли, говорит поэт-гражданин. Поэтому он и заставляет бежавшего из плена Игоря идти сразу в Киев, т. е. признать свою вину перед Русской землей. Всем ходом изложения событий, их оценкой автор призывает князей к неукоснительному исполнению своих вассальных обязательств перед великим киевским князем, в котором воплощается честь и слава всей Русской земли.

В то же время автор глубоко сочувствует северским князьям. Вместе с русской природой, русскими женами, Ярославной поэт выражает свои чувства жалости и скорби по поводу поражения Игоря, Всеволода и их храбрых полков. Вместе с киевским князем Святославом автор не может допустить, чтобы находящийся *«в мытех»* сокол дал свое гнездо в обиду, и для поэта-гражданина *«раны Игоревы»* становятся символом сплочения всех сил Русской земли для борьбы с внешними врагами.

В Святославе *«великом, грозном киевском»* автор «Слова» не отражает черты реальной исторической личности, а воплощает свой идеал мудрого, могущественного правителя Русской земли, хранителя ее чести и славы. Образ Святослава в «Слове» идеализирован. Согласно историческим данным, Святослав Всеволодович не играл существенной роли в политической жизни Руси того времени. Являясь ставленником более могущественного и деятельного князя Рюрика Ростиславича, он владел только Киевом, и власть его подчас носила чисто номинальный характер.

«Слово» прославляет победу, одержанную Святославом над половцами в 1184 г., когда он своими храбрыми полками *«наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яруги, взмути реки и озеры, иссуши потокы и болота. А поганаго Кобяка из луку моря, от железных великих плъков половецкых, яко вихр, выторже: и падеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святъславли».*

Победу Святослава прославляют и воспевают немцы, венецианцы, греки и моравы, так как эта победа обеспечила безопасность торговых путей Руси с юго-западной Европой.

Образ Святослава раскрывается в «Слове» в его «мутном» сне и «золотом слове». Здесь перед нами мудрый правитель, скорбящий о своих безрассудных вассалах - *«сыновцах»,* горько сокрушающийся по поводу того, что князья-вассалы не помогают ему, своему сюзерену. *«Се ли створисте моей сребреней седине!»* — горестно восклицает он. «Золотое слово» Святослава наполнено гражданской скорбью по поводу розни между князьями, отсутствия между ними единства, а главное, по поводу забвения ими своих обязанностей по отношению к *«отню злату столу»,* Русской земле. Это и дает возможность автору «Слова» легко переключить «золотое слово» в публицистически страстный призыв, обращенный к наиболее могущественным князьям Руси выступить *«за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!»*

Трезво оценивая политическую обстановку своего времени, автор «Слова» обращается к тем князьям, от которых зависит судьба родины. Это, прежде всего князь владимиро-суздальский Всеволод Большое Гнездо. Могущественный князь, он только что совершил удачный поход против камских булгар, дружина его может Волгу *«веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти!».* Называя его великим князем, автор как бы напоминает Всеволоду о его обязанности по отношению к Киеву, ко всей Русской земле *«отня злата стола наблюсти».* Слова эти, возможно, содержали в себе и тонкий политический намек. В памяти современников живы были события 1169 г., когда брат Всеволода III Андрей Боголюбской подверг Киев жестокому разграблению (так берегли суздальские князья золотой стол!). *«Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей по резане»,* — говорит в своем обращении к Всеволоду автор «Слова», гиперболически подчеркивая, что если бы Всеволод был в Киеве, то рабыня бы стоила одну ногату, т. с. 50 коп. (гривна — 10 руб., содержала 20 ногат, или 50 резан), а раб — 20 коп. (согласно «Русской Правде», стоимость раба равнялась 35 руб.).

Если же Всеволод и *«не мыслит» «прилететь»* в Киев, то у него, подчеркивает автор, есть возможность *«посуху живыми шерширы стреляти, удалыми сыны Глебовы».* Он может послать против половцев своих вассалов — «живые копья» — рязанских князей и выполнить свой долг перед *«отним златым столом».*

Учитывая заинтересованность в делах Киева и южной Руси князя Рюрика Ростиславича и его брата Давыда Смоленского, храбрость их воинов, которые *«рыкают, аки тури, ранены саблями каленымы на поле незнаеме»,* автор «Слова» к этим князьям обращается с прямым призывом выступить в поход — вступить *«в злата стремена за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!»*

Трезво оценивается в «Слове» и могущество галицкого князя Ярослава Осмомысла. *«Своими железными плъки»* он закрывает путь на Русь венгерскому королю, его войска принимают участие в крестовых походах *«стрелявши с отня злата стола салтани за землями».* Могущество его простирается далеко на юго-запад вплоть до Дуная, даже Киев находится в зависимости от галицкого князя, и он открывает ему ворота. Автору «Слова» хорошо известно, что Ярослав всю свою жизнь пробыл в Галиче и не принимал

непосредственного участия ни в одном военном походе, поэтому он и просит Ярослава послать свои войска против Кончака, а не самого выступить в поход.

Обращается автор и к князю Роману Мстиславичу Волынскому, прославившемуся своей храбростью и мужеством, с призывом прийти на помощь родине и вместе с князьями луцкими и пересопницкими Ингварем и Всеволодом загородить *«полю ворота».*

Так автор «Слова» в своем обращении к князьям оценивает возможности каждого княжества и, призывая князей сплотить свои силы вокруг Киева и Русской земли, вовсе не выдвигает задачи создания централизованного государства, а лишь стоит за строгое соблюдение уже утраченных норм феодальных отношений, верности вассалов своему сюзерену — великому князю киевскому. А к чему приводит нарушение этих обязанностей, автор показывает на исторических примерах Олега Гориславлича и Всеслава Полоцкого, на горестной судьбе *«нынешняго Игоря».*

Значительной художественной победой автора «Слова» является созданный им обаятельный образ русской женщины — верной подруги своего мужа, Ярославны. В ее образе обобщены лучшие черты характера древнерусской женщины. Автору чужд религиозно-аскетический взгляд на женщину. Нет, женщина не «сосуд дьявола», не источник всех бед и несчастий мужчины, как учила церковь, а верная и преданная помощница, горячо любящая своего «ладу» и силой своей любви помогающая ему вернуться из плена. В своем лирическом плаче-заклинании, своеобразном заговоре, языческой молитве, Ярославна обращает думы свои не только к мужу, но и к его воинам. Ее скорбь о поражении Игоря — это скорбь всех жен и матерей русских, обобщенных в едином образе, прекрасном и величественном!

Изображение природы. Самостоятельным героем «Слова» выступает русская природа. Автору поэмы присуще народно-поэтическое восприятие мира. Природа в «Слове» как бы живет самостоятельной жизнью и в то же время служит художественным авторским комментарием к происходящему. С устной народной поэзией связан в «Слове» прием олицетворения сил природы. Автор поэмы — христианин, но христианские воззрения остаются за пределами поэзии. Языческие представления еще обладают для него определенной эстетической ценностью. Поэтому в «Слове» широко представлен языческий мифологический элемент. Языческая мифология являлась для автора «Слова» поэтическим арсеналом, из которого он черпал художественные образы.

Перед выступлением Игоря в поход природа предупреждает русские войска о грозящей им опасности: *«Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь, стонущи ему грозою, птичъ убуди, свист зверин въста: збися Див, кличет връху древа... Влъци грозу въсрожат по яругам; орли клектом на кости звери зовут; лисицы брешут на чръленыя щиты».*

Как указывает Н. В. Шарлемань, автор «Слова» — прекрасный знаток степной фауны и флоры. Однако реальные образы животного мира приобретают под пером поэта символический смысл. Вместе с мифическим Дивом, предупреждающим половцев о выступлении Игоря в поход, силы природы предрекают поражение русских войск.

Символической зловещей картиной природы открывается описание второй битвы: *«...кровавыя зори свет поведают. Чръныя тучя с моря идут... а в них трепещуть синий млънии. Быти грому великому! Итти дождю стрелами с Дону великаго!»*

Ветры, Стрибожъи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Здесь и отражение реальной обстановки—действительно, во время боя ветер благоприятствовал половцам — и в то же время яркий художественный символ.

После поражения Игоря природа скорбит вместе с русским народом: *«Ничитъ трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось».*

К природе обращается Ярославна, чтобы развеять свою скорбь и в то же время заставить *«светлое и тресветлое»* Солнце, Ветер и Днепр Словутич помочь Игорю вырваться из ненавистного плена.

В связи с этим плач Ярославны как бы несет на себе функцию магического заклинания сил природы. Любовь русской женщины торжествует, она заставляет эти враждебные при выступлении Игоря в поход и битве его войск силы служить милому «ладе». Ласковую беседу ведет с Игорем Донец, прославляя и оправдывая героя: *«Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!»* Он лелеет князя на своих волнах, подстилая ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевает теплыми туманами под сенью дерев.

Во время бегства Игоря *«врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозие ползаша только; дятлове тектом путь к реце кажут, соловии веселыми песньми свет поведают».* А когда Игорь в Русской земле, то *«солнце светится на небесе».* Таким образом, силы природы принимают непосредственное и деятельное участие в развитии событий. Олицетворяя природу, автор «Слова» добивается яркого и поэтического выражения своей политической мысли: самовольно выступив в поход, Игорь нарушил свои обязанности по отношению к Русской земле, и природа отвернулась от него, стала на сторону врагов; когда же Игорь, осознав вину перед родиной, бежит из плена, чтобы принести повинную голову Святославу в Киев, силы природы радостно приветствуют князя и активно помогают ему.

Образ русской земли. К служению интересам Русской земли, а не корыстным, личным призывает князей автор «Слова». Русская земля, ее народ — *«Даждьбожьи внуки»* — являются основным героем «Слова». Во имя интересов родины, народа звучит вдохновенный и страстный голос поэта. Он представляет себе Русскую землю во всей сложности политической борьбы того времени, осмысляет ее судьбу в широкой исторической перспективе. Его глубоко волнуют честь и слава родины. Вот почему поражение Игоря воспринимается как страшное оскорбление всей Русской земли. И эту авторскую мысль ярко раскрывает поэтический образ Девы Обиды, которая встает в силах *«Даждьбожа внука»,* т. е. русского народа.

Русская земля в «Слове о полку Игореве» — это не только Киев, Чернигов, Переяславль, Новгород-Северский, Путивль и Курск, как считают некоторые исследователи, но и Великий Новгород, Владимир и Суздаль, Разянь, Полоцк и Городенск, Смоленск, Туров и Пинск, Галич и Владимир-Волынский, Луцк и Перемышль. И даже находящийся под властью половцев далекий Тмутаракань мыслится автором как часть Русской земли. Ее широкие пространства ограничены с юга морем и Дунаем, с запада — горами Угорскими (Карпатами) и Западной Двиной, с северо-востока — Волгой, с востока — Донцом и Великим Доном, с юго-востока — Сулой.

Могущество Русской земли автор «Слова» связывает с деятельностью *«старого»* Владимира и *«старого»* Ярослава, и, сосредоточивая основное внимание на *«нынешней невеселой године»* Русской земли, он сожалеет о том, что *«того старого Владимира уже нельзе бе пригвоздити к горам киевским».*

Страстный патриот и гражданин, автор «Слова» мыслит Русскую землю единым могучим феодальным государством с политическим центром в Киеве, государством, в котором вассалы неукоснительно выполняют свои обязанности по отношению к своему сюзерену.

Необходимым условием экономического процветания Русской земли является мир, прекращение усобиц, во время которых князья начинают *«про малое се великое мьлвипш».* Выразителем интересов русских «ратаев», крестьян и ремесленников выступает гениальный поэт, отстаивающий общенародные интересы и осуждающий эгоистическую политику князей. В этом плане он противопоставлен Бояну — придворному певцу, слагавшему спои торжественные гимны-«славы» русским князьям.

Образ Бояна. В представлении автора «Слова» Боян — идеальный певец. Он вещий внук бога Белеса, т. е. человек, обладающий божественной силой песнопенья. Его песни подобны трелям соловьиным. Слагая славу князю, Боян растекается *«мысию по древу, серым вълком по земли, сизым орлом под облакы»,* т. е. речь его образна, мысль его парит. Вещие персты Боянасами рокочут с лаву князьям, касаясь живых струн человеческой души. Он мастерски умеет *«свивать... оба полы сего времени»,* т. е. соединять прошлое с современностью, обобщать. Боян воспевал в песнях старого Ярослава; победителя касожского князя Редеди храброго Мстислава; красного Романа Святославича; усобицы Всеслава Брячеславича, о судьбе которого сложил он свою «припевку». Все эти данные позволяют полагать, что Боян жил и творил в 20—70-е годы XI столетия.

Автор «Слова» приводит несколько образцов поэтической речи Бояна, размышляя о художественной манере его изложения. Он показывает, как Боян начал бы свою песню о походе Игоря: *«Не буря соколы занесе чрез поля широкая, галици стады бежать к Дону Великому».* Или: *«Комони ржуть за Сулою, звенишь слава в Кыеве. Трубы трубятъ в Новеграде, стоять стязи в Путивле».*

Судя по этим образцам, стиль Бояна строился на метафорических отрицательных сравнениях, символических уподоблениях. Этот стиль был афористичен и образен. Автор «Слова», восхищаясь этой манерой, избирает для себя иной путь художественного изображения.

Жанровые особенности и стиль «Слова». На типологическую связь художественной структуры «Слова о полку Игореве» с жанром ораторского красноречия обратил внимание И. П. Еремин. Оно состоит из трех частей: вступления, повествования и эпилога — и обращено к слушателям — *«братии»,* к которым автор постоянно апеллирует, пользуясь риторическими вопросами и восклицаниями. В древнерусской литературе XI—XIII вв. «словами» называются произведения различных жанров. Например: *«Слово некоего калугера о чтении книг», «Слово некоего отця к сыну своему словеса душепользъная», «Слово о законе и благодати», «Слово»* Даниила Заточника и др. Дексема «слово» в древнерусском языке была чрезвычайно многозначна, и, помещая ее в заглавии, автор «Слова о полку Игореве», вероятно, указывал на то, что оно предназначалось для произнесения перед слушателями.

В «Слове» рассказ распадается на ряд эпизодов, что присуще и житию, и исторической повести. Однако здесь перед нами иной тип автора — не агиограф, не историк-летописец, а поэт, *«вития»* — публицист. Он называет свое произведение «повестью» (в значении правдивого исторического рассказа) и «песней». Ее он противопоставляет не только песням *«песнотворца старого времени»* Бояна, его *«замышлениям»,* но и *«новым песням»* — благочестивым христианским гимнам — молитвословиям.

Д. С. Лихачев показал, что в «Слове» соединены два фольклорных жанра — «слава» и «плач» — прославление князей и оплакивание печальных событий. Песни-«славы», связанные с уходящей языческой культурой, слагал вещий Боян. Традиции его поэзии продолжали жить в XII в. Вероятно, дружинными певцами, сопровождавшими князей в

походах, создавались как песни-«славы», так и *«хулъные, поносные»* песни. Такие «славы» распевались в честь победителя половцев Святослава, а «хульные» *«каяли»* (проклинали) Игоря, *«иже погрузи жир во дне Каялы, рекы половецкия, рускаго злата насыпаша ту».*

Автор «Слова о полку Игореве», воспитанный на новой культуре христианской книжности, связывал поэтическую образность своего творения со *«старыми»* временами языческой Руси.

Противопоставляя свою *«трудную повесть» — «песнь»,* написанную *«старыми словесы»,— «новым песням»,* христианской гимнографии и поэзии Бояна, автор «Слова» использовал те и другие в качестве художественного арсенала своего произведения. Очевидно, поэзия Бояна была ему ближе, и поэтому создатель «Слова» в ряде мест сохранил непосредственные образцы поэтической речи своего предшественника. Христианская книжность, усвоенная вместе с образованием, была творчески переработана автором «Слова» и подчинилась общей художественной структуре произведения.

В «Слове» широко использована военная терминологическая лексика как в прямом, так и в переносном значении. Встречаются, например, образы-символы: *«копие приложить конец поля»* — одержать победу, *«испиши шеломомъ Дону»* — победить врага у Дона, *«главу свою приложити»* — пасть в бою, *«вступить в злато стремя»* — выступить в поход, *«итти дождю стрелами», «стязи глаголют»* — войска говорят. *Олег мечем крамолу коваше».* Часто военная терминологическая лексика характеризует нравственные качества человека. Игорь *«истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наплънився ратного духа».* Воины Всеволода — куряне *«под трубами повиты, под шеломы вьзлелеяни, конец копия въс кормлен и».*

«Слово» создано *«по былинамь сего времени»,* оно сохраняет тесную связь с фактами, как они «были», и эти факты, составляющие эпическую основу жанра «Слова», даны в эмоциональном, лирическом восприятии автора. Используя поэтическую образность фольклора, он восхищается доблестью и мужеством князей, скорбит и плачет об их судьбе, укоряет их за неразумие, страстно призывает всех князей выступить на защиту интересов земли Русской, радуется возвращению Игоря из плена и прославляет его.

С народной поэтической традицией связана в «Слове» песенная символика: князья — это «солнце» и «молодые месяцы», «соколы»; персты Бояна—это десять соколов, которые он пускает на стадо лебедей; одинокой кукушкой плачет Ярославна на городской стене. На песенной символике и параллелизмах построено описание бегства Игоря: *«А Игорь князь поскачи горностаем к троспшю и белым гоголем на воду. Въвръжеся на бръз комонъ и скочи с него бусым влъком, и потече к лугу Донца, и полете соколом под мьглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду, и ужине»* (ср. в былинах: Михаиле Казаринов *«настрелял он гусей, лебедей, перелетных малых, уточек ко столу княженецкому»).*

В традициях народных символических представлений выдержано и описание сна Святослава: *«чрьная паполома»* (покрывало) — символ похорон, *«жемчуг»* — символ слез, *«доски без князька в тереме златоверхом»* — знак несчастья, карканье серых воронов предвещает беду.

Прием олицетворения природы всецело связан с устной поэтической традицией, как и замечательный, исполненный глубокого лиризма плач Ярославны. Олицетворение и одушевление отвлеченных понятий: обиды — Дева Обида, скорби и печали — Карна и Жля, которые поскакали по Русской земле,— восходит к народной поэзии. Из фольклора

черпал автор «Слова» и отдельные метафоры, сравнения, эпитеты. Такие сочетания, как «борзые кони», «красные девки», «чистое поле», «мечи булатные», «серый волк», широко распространены в народной поэзии.

Метафорические уподобления боя кровавому брачному пиру *(«...ту пир докончаша храбрый русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую»),* посеву *(«Чрьна земля под копыты костьми была посеяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли»),* молотьбе *(«На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела»)* связаны с земледельческой практикой тех ратаев, интересы которых защищает и представляет автор «Слова».

С народной песенной традицией связаны и многочисленные яркие сравнения, параллелизмы, например: *«Не буря соколы занесе чрез поля широкая, галици стада бежать к Дону великому», «...крычат телегы полунощы, рци —лебеди роспужени», «Гзак бежит серым влъком»* и т. д.

С песней роднит «Слово» наличие рефренов, которые членят отдельные эпизоды. Так, рефрен *«О Руская земле, уже за шеломянем еси!»* сопровождает движение русских войск и усиливает напряженность повествования. Обращение автора к князьям завершается рефреном *«За землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!»,* выражающим основную идею произведения. Одинаковым зачином-запевом начинаются все три «строфы» плача Ярославны: *«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи».*

Поэтический стиль «Слова» строится на словесных образах-символах, восходящих как к народной поэзии, так и к книжной традиции. Автор не только рассказывает о событиях, но и показывает их путем сочетания контрастных цветов-красок и звуков. В. Ф. Ржига отметил поэтическое значение звуковых образов в «Слове», наполненном голосами птиц и зверей, песнями и звоном.

Не менее важную роль играют в «Слове» и цветовые образы. «Златой стол», «златой шелом», «златоверхий терем», «злато седло», «злато ожерелье», «златокованный стол», «злаченые стрелы», и, наконец, «злато слово». Этот эпитет связан, по-видимому, с тем символическим значением, которое придавалось золоту в древнерусской иконописи и монументальной живописи. Золото — символ славы и вечности. Так, называя слово Святослава «золотым», автор подчеркивает его нравственное значение, а говоря, что Игорь пересел из золотого седла в седло кощеево, автор дает зримое представление о постигшем князя несчастье. Великолепен поэтический символический образ гибели полоцкого князя Изяслава Васильковича: *«...един же изрони жемчюжну душу из храбра тела, чрес злато ожерелие»;* его можно сопоставить с изображением Дмитрия Солунского на иконе конца XII в.

«Серебряная седина», «серебряное стружие», «серебряные берега», «серебряные струи», «зеленая паполома», «зеленая трава», «зеленое дерево», «синее море», «синий Дон», «синяя мгла», «синее вино», «белая хорюговь», «серые волки», «сизые орлы», «босый волк». Эти контрастные краски современники «Слова» видели постоянно в произведениях древнерусской живописи, и эти цветовые эпитеты делали словесные поэтические образы ощутимыми.

«Слово» написано не стихами, но вместе с тем его ритмический строй находится в органическом единстве с содержанием. Исследователи ритмики «Слова» отмечают наличие ассонансов, консонансов, аллитераций. Так, изображая результаты первого сражения русских с половцами, автор «Слова» мастерски передает в ритме стремительный бег конницы: *«С зарания в пятък потопташа поганыя плъки половецкыя*

и, рассушясь стрелами по *полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и наволоки, и драгыя оксамиты...»*

Но, по-видимому, «Слово» не пелось, а произносилось в качестве публицистической художественной речи. Его автор синтезировал песенный жанр дружинной поэзии, уходящий в прошлое, с книжной традицией. Опираясь на традиции устного дружинного и народного эпоса, хорошо зная произведения светской исторической оригинальной и переводной литературы, церковной письменности, гениальный неизвестный нам автор «Слова о полку Игореве» создал оригинальное по форме и содержанию произведение, проникнутое глубоким лиризмом, публицистическим патриотическим пафосом, эпической широтой. Избранная форма давала автору простор для раздумий, для непосредственного обращения к своим современникам и далеким потомкам.

Проблема автора. Кто был автором «Слова о полку Игореве»? Установить имя создателя гениального произведения до сих пор не удалось, хотя автор постоянно заявляет о себе в «Слове», четко высказывает свои политические симпатии и антипатии, обнаруживает широкую осведомленность в событиях своего времени и прошлого, говорит о своих эстетических представлениях.

Относительно автора поэмы учеными выдвигалось и выдвигается огромное количество гипотез, предположений, догадок. Однако эти предположения и гипотезы не подкрепляются достаточным количеством фактического материала, поскольку «Слово» дошло до нас в единственном списке, да и тот не уцелел.

В числе предполагаемых авторов «Слова о полку Игореве» назывались галицкий премудрый книжник Тимофей, словутный певец Митуса, тысяцкий Рагуил, певец Ходына, летописец Петр Бориславич и даже сам князь Игорь, а также великий киевский князь Святослав Всеволодович.

Среди этих многочисленных гипотез наиболее аргументированной представляется гипотеза Б. А. Рыбакова, подкрепляемая лингвистическим анализом текста летописи Петра Бориславича и «Слова о полку Игореве».

Ряд, интересных соображений об авторе «Слова» был высказан Д. С. Лихачевым в статье «Размышления об авторе «Слова о полку Игореве». Исследователь предполагает, что автор участвовал в походе Игоря, изложил историю этого похода в летописи, передав заветные думы князя и одновременно, будучи певцом, создал «Слово о полку Игореве» и сам записал его текст.

Таким образом, вопрос об имени автора «Слова о полку Игореве» до сих пор остается открытым и ждет своего решения. **«Слово о полку Игореве» и средневековый эпос.** «Слово о полку Игореве» — общерусский литературный памятник. Он стоит у истоков русской, украинской и белорусской литератур, обнаруживая типологическую общность с произведениями средневекового эпоса как европейских, так и азиатских народов.

На черты сходства и различия «Слова» с произведениями европейского эпоса обратил внимание ряд исследователей. Но замечательный памятник древнерусской литературы обнаруживает также типологическую общность с эпическими произведениями азиатских народов. Следует заметить, что данный вопрос нуждается в обстоятельном научном изучении.

Хочется только обратить внимание на типологическую общность «Слова о полку Игореве» и средневекового эпоса тюркоязычных народов — «Книги моего деда Коркута, на языке племени огузов».

Центральным героем эпоса средневековья как европейских, так и азиатских народов является храбрый мужественный воин, отважный защитник своей родины. Таков,

например, герой «Песни о Роланде», вступающий в неравный бой с сарацинами, защищая рубежи «милой Франции». Он предпочитает смерть «сраму». «Горе тому, кто останется позади всех!» — восклицает он. Или герой испанского эпоса Сид — «Песня о моем Сиде», борющийся против эгоистической сепаратистской политики феодалов. Таковы и огузские богатыри, служащие Баюдур-хану — «Книга моего деда Коркута»; или Тариэль и Автандил — герои поэмы Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре», которые считают, что «жизнь, покрытая позором, горше смерти смельчака».

Борьба за родину против иноземных захватчиков в эпосе идеологически осмысляется как борьба за веру против язычников или иноверцев. Это особенно ярко выражено в «Песне о Роланде» и тюркоязычном эпосе.

Всем произведениям средневекового эпоса присуще прославление мужества, воинской отваги, физической силы, боевых подвигов героев. Обращают на себя внимание типологически общие сравнения героев с дикими животными. Например, витязи бросились на врага, «рыча, как львы» («Книга моего деда Коркута»). Сравните в «Слове о полку Игореве»: дружинники Рюрика Ростиславича «рычат, как туры», «туру» уподобляется брат Игоря Всеволод.

Герои средневекового эпоса неотделимы от своей дружины, воинов, которые добывают правителям славу в бою.

Идею народного единства в эпосе воплощает идеальный правитель, монарх, великий князь, хан. Таков «седобородый Карл» в «Песне о Роланде», «великий грозный Киевский» князь Святослав в «Слове», властитель огузов—Баюдур-хан в «Книге моего деда Коркута», джангар — в калмыцком эпосе «Джангариада».

Важное место в эпическом произведении отводится сказителю-певцу. Он обычно наделен сверхъестественной, волшебной силой песнопенья. Таков «вещий Боян» в «Слове», вещий певец в ногайско-казахской эпической поэме об Едигее. Хранителем народных преданий, мудрым советником хана, беков и народа выступает белобородый старец Коркут, поющий под аккомпанемент кабуза правдивые преданья о героическом прошлом огузов («Книга моего деда Коркута»). Представления о певце как о колдуне-шамане, прорицателе характерно и для казахских сказаний о Хорхуте. Типологически близок им старый мудрый Вейнемейнен, кудесник и певец в карело-финском эпосе «Калевала». Монголы-ойроты считают певца героического эпоса «тульчи» обладателем сверхъестественной силы, хранителем преданий славного прошлого.

В ряде эпических произведений певец постоянно обращается к слушателям и держит их всегда в поле своего зрения.

Обращает на себя внимание и такая особенность эпоса тюркоязычных народов, как чередование стихотворной и прозаической форм повествования. В связи с этим правомерен вопрос, а не по такому ли принципу построено повествование в «Слове о полку Игореве»?

При всей типологической общности средневекового эпоса различных народов важны и те неповторимые особенности, которые имеет каждое произведение, отражающее исторические особенности национальной жизни своего народа.

Большинство произведений средневекового эпоса посвящено отдаленным от времени своего создания историческим событиям, трансформированным подчас народным преданием. Поэтому в ряде эпических произведений наличествует фантастика, гиперболические сказочные образы. В других значительны элементы куртуазности, занимательности. В третьих прославляется культ рыцарской чести, завоевательные войны. «Слово о полку Игореве» отличает глубокий историзм, отсутствие внешней

занимательности. Ему присущ гражданский пафос и народность, выражающаяся в отстаивании интересов мирного созидательного труда «ратаев» — пахарей.

«Автор поэмы, — писал П. Павленко,— воин, политик и поэт, образ живой и близкий нам». Политический, гражданский пафос в «Слове о полку Игореве» органически слит с его художественным пафосом, что и делает это произведение бессмертным, позволяет ему постоянно «сохранять характер современности», как отмечал знаменитый польский поэт Адам Мицкевич.

Представитель каждой нации и народности, населяющих нашу Россию, может обнаружить в «Слове о полку Игореве» мысли, чувства, образы, созвучные родному эпосу, сказаниям о прошлом своего народа. В этом плане заслуживают внимания слова В. М. Жирмунского: «Наблюдения над живым, поющимся и творящимся на наших глазах эпическим творчеством народов Советского Союза может послужить ключом для понимания эпоса античного и средневекового».

Значение «Слова о полку Игореве». Политическая злободневность, высокохудожественная народная форма выражения обеспечили «Слову о полку Игореве» бессмертие в веках. Оно было популярно среди современников и оказало влияние на последующее развитие нашей литературы. К «Слову» обратился автор «Задонщины», прославляя победу русского народа на поле Куликовом.

Обнаруженное в конце XVIII в., «Слово» вдохновило А. Н. Радищева на создание «Песней, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам». Появление первого печатного издания «Слона о полку Игореве» в 1800 г. сделало бессмертный памятник достоянием новой русской литературы. Поэтическая образность «Слова» творчески осваивается поэтами и писателями XIX века. Особой популярностью у поэтов-романтиков пользуется «древний русский бард», «соловей древних лет», как его называли в начале прошлого века,— Боян. В нем видели образец того, «как дела героев воспевать». «Русские краски» черпал в «Слоне» «апостол русского романтизма» П. А. Катенин. Реминисценции из «Слова» широко использовали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь. Древнерусскую поэму Пушкин помнил от начала и до конца наизусть. Поэт намеревался сделать поэтический ее перевод, начал незадолго до сноси гибели работу над комментированием «Слова» и приступил к написанию статьи «Песнь о полку Игореве». «Слово» привлекало внимание поэтов В. Жуковского. А. Майкова, Д. Минаева, Н. Гербеля, И. Козлова, Л. Мея. Большой интерес вызывало и вызывает «Слово» у русских писателей. А. Н. Толстой, создавая трилогию «Хождение по мукам», обращается к «Слову» и берет из него эпиграф для одной из частей романа — «О Русская земля!», Эд. Багрицкий в «Думе про Опанаса» использует поэтические образы бессмертного памятника.

Новую жизнь обрело «Слово» в годы Великой Отечественной войны. Украинский писатель О. Гончар трилогию «Знаменосцы» открывает эпиграфом из «Слова о полку Игореве».

Поэты и писатели Н. Заболоцкий, И. Новиков, В. Стеллецкий, С. Шервинский, Н. Рыленков, И. Шкляревский, А. Чернов создали интересные переводы «Слова» на современный язык.

«Слово о полку Игореве», — писал поэт П. Антокольский, — представляет собой вечно цветущий ствол, протягивающий тяжелые от плодов ветви в будущее. Поэтому мы слышим прямые и косвенные отголоски «Слова», переклички с ним во многих произведениях нашей культуры и искусства... Из памятника старины оно превращается в живое достояние созидательной культуры»\

В дни 800-летнего юбилея «Слова о полку Игореве» на страницах нашей периодической печати прозвучали вдохновенные слова писателей Валентина Распутина, Бориса Олейника, Алеся Адамовича и др. Они подчеркивали общественное политическое и художественное значение бессмертной поэмы, ее современность. «Слово» и сегодня читается как моление о будущем — великое Слово наших предков. О детях, внуках, правнуках. О нас с вами. И о тех, кому после нас быть. Если мы им дадим быть, передав им великое Слово о мире и братстве», — писал белорусский писатель Алесь Адамович.

ОБЛАСТНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Развитие производительных сил феодального общества приводит к образованию новых экономических, политических и культурных центров, в которых начинается интенсивный процесс формирования областных литератур. Этот процесс проявляется прежде всего в развитии местного летописания и агиографии.

Еще с середины XI в. значительное место в развитии русской культуры занимает Новгород. С 1136 г. он становится самостоятельной феодальной городской республикой, управляемой вечем и советом господ во главе с епископом. С 1036 г. в Новгороде ведется местная летопись. Краткость и простота становятся характерными ее особенностями. Главное внимание летописцы уделяют хозяйственной жизни города и области, внутренним «гражданским интересам».

На основании местных устных преданий в конце XII — начале XIII в. в Новгороде пишется первое агиографическое произведение — житие Варлаама Хутынского (1-я ред). Благоприятную почву в Новгороде нашел жанр хождений. Здесь создаются «Сказание о Софии в Царьграде», «Книга паломник» — о путешествии в Царьград Добрыни Ядрейковича в 1200—1204 гг. и «Повесть о взятии Царьграда фрягами» (крестоносцами) в 1204 г.

Крупным политическим и культурным центром становится в XII в. Смоленск. О характере его духовной жизни позволяет судить житие Авраамия Смоленского, написанное Ефремом, и литературная деятельность Климента Смолятича, избранного в 1147 г. собором русских епископов на митрополичий престол. *«Бысть книжник и философ так, яко же в Руской земли не бяшеть»,*—отмечал летописец. Перу Климента принадлежит послание священнику Фоме. Последний обвинил Климента в тщеславии и гордости, а также в том, что он пишет *«от Омира и от Аристотеля и от Платона, иже во ельнъских нырех славне беша».* Оправдываясь, Климент дает символико-аллегорическое толкование «писания» в форме вопросов и ответов. Этот принцип широко использует младший современник Климента Смолятича Кирилл Туровский.

Творчество Кирилла Туровского. Скудные сведения о Кирилле дает проложное его житие. Сын богатых родителей, уроженец города Турова, Кирилл стал монахом-затворником, после чего был поставлен епископом Туровским. Говоря о литературной деятельности Кирилла, житие отмечает: *«..много божественная писания изложив и славен бысть по всей стране той». «...Другой златословесный учитель нам в Руси восия паче всех»,*— так оценивалось современниками его творчество.

Кириллу принадлежит обличение ростовского епископа Федорца, послание к Андрею Боголюбскому (до нас не дошло), восемь торжественных «слов», два поучения, около двадцати двух молитв и один канон.

Торжественные «слова» Кирилла Туровского посвящены церковным праздникам. Они лишены политической злободневности и публицистичности «Слова» Илариона. Кирилл ставит своей задачей разъяснить смысл того или иного христианского праздника, *«воспети», «прославити», «украсити словесы», «похвалити».* С этой целью он прибегает к аллегорическим образам, символическим параллелям. Образные художественные средства Кирилл использует с большим вкусом и умением. Характерная особенность «слов» Кирилла — своеобразный лиризм и драматизм. Он часто вводит монологи и диалоги, плачи. Использует Кирилл и символическое толкование отдельных явлений природы. Таково, например, его «Слово на антипасху»: *«Ныне солнце красуяся к высоте въсходить и радуяся землю огреваеть: възиде бо нам от гроба праведное солнце Христос и вся верующая ему съпасаеть...»*

«Слова» Кирилла Туровского необычайно четки по композиции, в них три части: вступление, изложение и заключение.

Задача вступления — привлечь внимание слушателей, создать определенное эмоциональное настроение, подготовить к восприятию последующей, основной «речи». С этой целью автор прибегает к анафористическим «зачинам». Таково, например, вступление к пятому «слову»: *«Неизмерима небесная высота, неиспытана глубина преисподней, неведома тайна божественного помысла. Велика и неизречена милость божия народе человеческом, которою помиловал нас...»* В известной мере это вступление напоминает былинный зачин: «Высота ль, высота ль поднебесная...»

Нередко вступительную часть «слова» Кирилл начинает развернутым сравнением, позволяющим автору использовать его образы в дальнейшем изложении содержания. В этом отношении интересно вступление к восьмому «слову»: *«Яко же историци и ветия, рекше летописъци и песнотворцы, прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати и въпълчения, да украсять словесы и възвелтатъ мужъствовавьшая крепко по своемь цесари и не давъших в брани плещю врагом, и тех славяще похвалами венчаютъ, колми паче нам лепо есть и хвалу к хвале приложити храбром и великим воеводам божиям...»*

И затем это сравнение с воинами отцов вселенского собора, поразивших нечестивого еретика Ария, раскрывается в содержании «слова», превращенного автором в своеобразную *«песню победную».*

Кирилл Туровский органично сливает свои «слова» с церковным песнопением и живописью, он переносит действие из далекого условного прошлого в настоящее, в сегодняшний день, заставляет присутствующих стать свидетелями событий, происходящих *«днесь»* и *«ныне».* При помощи стилистической амплификации проповедник передает слушателям чувства душевного волнения, восторга. Благодаря этому, как справедливо отмечает И. П. Еремин, евангельский сюжет в его «словах» приобретает характер своеобразного лирического стихотворения в прозе.

Заключительная часть «слов» Кирилла — похвала или молитва празднику — звучала как мощный финальный аккорд праздничной симфонии.

«Слова» Кирилла Туровского пользовались большой популярностью на Руси. Они включались в сборники «Златоуст», «Торжественники» наравне со «словами» прославленного византийского витии Иоанна Златоуста. Они свидетельствовали о той большой художественной высоте, на которую поднялось ораторское искусство на Руси к концу XII столетия.

Литература южной и юго-западной Руси. Традиции «Повести временных лет» были продолжены Киевской летописью, которая много внимания уделяет княжеским междоусобным распрям. В ее составе находится повесть об убиении Игоря Ольговича во время восстания в Киеве в 1147 г. Интересуют летописца и события северо-восточной

Руси: под 1175 г. он помещает повесть об убиении Андрея Боголюбского. Под 1185 г. помещена пространная историческая повесть о походе на половцев Игоря Святославича Новгород-Северского.

В XII — первой половине XIII в. политическая роль Киева падает. Выдвигаются новые культурные центры — Чернигов, Переяславль Южный, Владимир Волынский, Холм, Галич. Галицкие князья держат в своих руках торговые связи Руси с Западной Европой, сдерживают натиск венгерских и польских феодалов.

Из литературных памятников этой области до нас дошла лишь Галицко-Волынская летопись, да и то в неполном составе. Это связано с тем, что в XIV в. прикарпатская Русь была захвачена польскими феодалами, которые насаждали там католичество, а католическое духовенство истребляло памятники древнерусской национальной культуры.

Галицко-Волынская летопись, дошедшая до нас в составе Ипатьевской летописи, состоит из двух частей: Галицкой летописи, излагающей события с 1205 по 1264 г., и Волынской — с 1264 по 1292 г.

Галицкая летопись представляет собой связное высокохудожественное повествование о княжении Даниила Галицкого. Составитель летописи отходит от хронологического принципа изложения, он ставит в центр повествования историческую личность князя и создает его биографию. Главное внимание уделяется политическим и военным событиям: борьбе Даниила Романовича с боярами, нашествию монголов. Церковная жизнь вовсе не интересует летописца.

Стиль повествования чисто светский. В Галицкой летописи нет религиозно-моралистических рассуждений, цитат из «священного писания», но зато широко используется стиль героического дружинного эпоса и книжная риторика. Это и придает стилю произведения яркость и поэтичность. Похвалой галицкому князю Роману, состоящей из целого ряда поэтических сравнений, открывается летопись: *«Устремил бо ся бяше на поганыя, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур».*

Летописец вспоминает о деде Романа Владимире Мономахе, который завладел всей землей половецкой и *«пил золотным шеломом Дону».* Далее приводится замечательная поэтическая легенда о половецких ханах Сырчане и Отроке. Разбитый Мономахом Отрок бежал в Обезы (Абхазию). После смерти Владимира Сырчан посылает к Отроку певца Оря с пучком степной полыни *(«емшана»).* Запах *емшана* пробуждает в душе Отрока чувство родины.

«Да луче есть на своей земле костью лечи, не ли чюже славну быти», — говорит он, возвращаясь в родные половецкие степи.

Поэтичность этого сказания дала возможность. Вс. Миллеру в работе «Взгляд на «Слово о полку Игореве» предположить, что это фрагмент героической повести, до нас не дошедшей.

Довольно подробно рассказывается в Галицкой летописи о взятии Киева монголо-татарскими завоевателями в 1240 г. Батый приходит к Киеву *«в силе тяжьце». «Многомь множьствомь силы своей»* враг окружает город: *«...и не бе слышати от гласа скрипания телег его* (Батыя.— *В. К.) множества ревения вельблуд его и рьжания от гласа стад конь его. Ибе исполнена земля Руская ратных».* С помощью стенобитных орудий, поставленных Батыем подле Ляцких ворот, врагам удается образовать пролом в стене. Киевляне мужественно обороняются, *«...и ту беаше видити лом копеины и щет скепание* (щитов рассечение), *стрелы омрачиша свет побеженым».* После ожесточенного боя

город был захвачен противником. Батый, восхищенный стойкостью его защитников, сохраняет жизнь раненому Дмитрию *«мужьства ради его».*

В этом рассказе отсутствует религиозно-моралистическая дидактика, в нем лаконично при помощи художественно емких словесных формул воинских повестей изложены факты, связанные с осадой и штурмом Киева вражескими войсками.

Образ мужественного князя-воина Даниила Галицкого раскрывается летописцем в рассказе о поездке князя в Орду в 1250 г. Когда Батыев посол потребовал у Даниила Галич, князь принял смелое решение: *«Не дам полуотчины* (половину вотчины) *своей, но еду к Батыеви сам».* Это решение, подчеркивает летописец, князь принимает не сразу, а после раздумий, находясь *«в печали велице».*

Встретившись с врагом у Переяславля, Даниил *«нача болми скорбети душею».* Его смущает необходимость поклониться солнцу, луне, земле и кусту, т. е. дьяволу. *«О скверная прелесть их!»* — восклицает рассказчик-летописец. И только теперь в его рассказе появляется провиденциалистский взгляд на события. Даниил богом избавлен *«от злого их* (врагов) *бешения и кудешьства».* Батый принимает Даниила в своем шатре. Он предлагает князю испить кумыса, говоря: *«...ты уже нашь же татарин: пий наше питье».* И эта «честь», оказанная русскому князю Батыем, вызывает горестные размышления летописца: *«О злее зла честь татарьская!»*

И когда Даниил, пробыв в Орде 25 дней, возвращается в Галич, *«бысть плачь обиде его, и болшая же бе радость о здравъи его».*

По-видимому, рассказ о пребывании Даниила в Орде написан очевидцем событий, лицом, сопровождавшим князя.

Исследователи неоднократно отмечали близость многих поэтических средств Галицкой летописи «Слову о полку Игореве» (сравнения, связанные с животным миром, использование военной терминологии: *«пить шеломом Дону», «изострится на поганых»* и т. п.). Подобно «Слову» Галицкая летопись прославляет воинские подвиги.

Волынская летопись посвящена описанию княжения Владимира Васильковича. Здесь обычный летописный хронологический принцип изложения материала. Стиль церковно-книжный, уснащенный обильно цитатами из «писания». В характеристиках князей подчеркиваются религиозно-нравственные качества.

Поэтический героический стиль Галицкой летописи оказал большое влияние на повествовательный стиль северо-восточной Руси, в частности на стиль жизнеописания Александра Невского.

Литература северо-восточной Руси. С середины XII в. на северо-востоке Руси крупным политическим и культурным центром становится Владимир. Деятельный «властодержец» Андрей Боголюбский превращает его в столицу Суздальской земли, противопоставляя боярскому Ростову. Он участвует в составлении летописи, создании культа иконы Владимирской Богоматери, идеологически обосновывая права Владимиро-Суздальской земли на политическую и религиозную самостоятельность. Пропаганде идей небесного покровительства владимирскому князю и его земли служили такие произведения, как «Слово о милости божией к Андрею Боголюбскому» и «Сказание о победе над болгарами 1164 года и празднике Спаса», а также «Сказание об обретении мощей Леонтия Ростовского». Важным этапом в развитии исторической повести явилась «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», в которой фактографическая основа сочетается с публицистичностью. Во Владимиро-Суздальском княжестве появилось такое выдающееся произведение, как «Слово» Даниила Заточника.

«Слово» Даниила Заточника. Это произведение дошло до нас в двух редакциях: XII в. — «Слово» Даниила Заточника и первой половины XIII в. — «Моление» Даниила

Заточника. Оно построено на искусной контаминации послания-просьбы, поучения, обличительного слова и панегирика. По его поводу высказано много противоречивых суждений, касающихся соотношения редакций, времени их появления, социальной принадлежности автора.

«Слово» Даниила Заточника адресовано Ярославу Владимировичу, князю новгородскому с 1182 по 1199 г. Оно открывается авторским вступлением, в котором Даниил с гордым самосознанием ценности своей личности прославляет *«разум ума своего».* Разум — главное качество сердечной красоты, духовной сущности человека, утверждает автор. Он слагает панегирик человеческой мудрости, определяет главную тему «Слова», его жанровую структуру, основой которой является притча — мудрая сентенция.

Даниил заявляет, что не может не писать своего «слова», только писанием он может облегчить душу, сбросить с сердца тяжкие оковы.

Тут же Даниил сообщает и о своей жизненной неудаче: его *«живот»,* т. е. достояние, богатство, *«расыпася»* и нищета покрыла его, *«аки Чермное море фараона»,* и пишет он свое *«слово», «бежа от лица художества».* Он полагается на *«добросердие»* князя, на обычную его любовь. Без них он подобен *«траве блещеной»,* растущей *«на застении».* Только страх княжеской *«грозы»* может оградить его от жизненных неурядиц, *«яко оплотом твердым».* Так возникает вторая, не менее важная тема —тема князя, способного защитить попавшего в беду умного человека твердым оплотом своего могущества, своей любовью-милостью.

Прибегая к словесным каламбурам, Даниил отмечает бедственность своего положения, подчеркивая различие между собой и князем: *«Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Бело озеро, а мне черней смолы; кому Лаче озеро, а мне на нем седя, плач горкии; и кому ти есть Новъгород, а мне и углы опадали, зоне не проценте часть моя».* Как попал Даниил на Лаче озеро, был ли он туда заточен? — можно только предполагать!

Далее Даниил вводит читателя в типичную жизненную бытовую ситуацию: от человека, попавшего в беду, отвернулись его друзья и близкие. Ведь он не может теперь поставить перед ними *«трапезы многоразличных брашен».* Его возмущает лицемерие друзей, и житейский опыт позволяет сделать малоутешительный вывод: *«...не ими другу веры, ни надейся на брата».*

Теперь на первый план выдвигается тема бедности и богатства. Автор не может и не хочет примириться с нищетой. Нищета унижает личность: *«Лепше смерть, ниже продолжен живот в нищети».* Приводя слова Соломона, Даниил показывает, что богатство рождает гордость, а нищета толкает на воровство и разбой. Одержимый нищетой, он вопиет к сыну *«царя Владимира» с* просьбой о милости. Он обращает внимание на социальный контраст общества, контраст между богатым и *«убогим»* мужем: *«Их же ризы светлы, тех речь честна».*

Многие беды, подчеркивает Даниил, сокрушают человека, снедают его душу, сушат кости; в горе трудно быть разумным, хотя *«в печали обретаетъ человек ум свершен».* Помочь человеку в печали все равно, что напоить его в знойный день студеною водой.

Просьба к князю перерастает в панегирик правителю, милостивому к обижаемым вельможами сиротам и вдовицам. Подобно весне, князь украшает землю, оживляет людей своей милостью. Его глас *«сладок», «образ красен»,* его уста источают мед и *«послание»* (дар), *«аки рай с плодом».*

Даниил рисует бытовую картину обильного княжеского пира, вводит читателя в княжескую опочивальню, где правитель возлежит на мягкой постели *«под собольи*

одеялы». Эти картины контрастируют с положением бедняка, питающегося сухим хлебом, пьющего теплую воду, лежащего *«под единым платом», «зимою умирающа»* и *«каплями дождевыми аки стрелами сердце пронизающе».* Даниил здесь неоригинален. Он берет готовые образцы, рассыпанные в дидактических сборниках «слов» и поучений, однако придает этим картинам личност-но-биографический характер.

Вновь Даниил призывает князя к милости, щедрости, подчеркивает гиперболически неисчерпаемость княжеского богатства и отмечает, что славу и честь князя составляют его люди, его воины. Даниил готов воевать в войске хорошего князя. Только *«безнарядием полци погибають».* Во главе полков должен стоять *«добрый»* (хороший) князь. Его властью крепится город, как тело — жилами, дуб — множеством корней; его власть устанавливает общественный порядок в городе, гармонию, как персты *«строят»* гусли. На службе у князя слуги обретают новую семью, оставляя своих отца и мать.

Даниил противопоставляет доброго и злого господина, щедрого и скупого князя. Симпатии его на стороне первых, ибо, служа доброму господину, можно получить свободу.

Резко выступает автор «Слова» против земельных владений, расположенных близ княжеских сел. Теперь его поучение-наставление обращено к тем княжеским слугам, которые получают за свою службу от князя земли: *«Не имей собе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тивун бо его аки огнь трепетицею накладен, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережещися, но от искор не можеши устеречися и сожденна порт».*

Снова в обращении к князю звучит хвала мудрому человеку, пусть нищему, но зато «смысленому». Он противопоставляется богатому «несмысленому», которому нельзя ничего поручить: *«Безумных бо ни сеють, ни орють, ни в житницю сбирают, но сами ся родят».*

Обращаясь к князю, Даниил говорит: *«Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моа. Аз бо, господине, одеянием скуден есмь, но разумом обилен...»* Главная ценность личности, утверждает Даниил, не в ее положении в обществе, а во внутренних качествах.

Даниил вступает в воображаемый диалог с князем: *«Или ми речеши»* (эти слова повторяются трижды): полемизирует с ним, как с воображаемым своим оппонентом, отвергая обвинение в безумии и лжи. Он не видел *«неба полъстяна, ни звезд лутовяных, ни безумного мудрость глаголющь».* Пусть он солгал, *«аки пес». «Добра бо пса князи и бояре любят».* Но он не лжет, *«аки тать»,* ибо, если бы *«украсти умел, то толко бых к тобе не скорбил»,*— гордо заявляет Даниил князю.

В беду князь впадает благодаря своим *«думцам». «З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудет, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть».* Перед нами типичный удельный князь, правитель города, ставящий своей целью добывание *«высокого стола».*

Далее в «Слове» следует внезапный переход к характеристике семейных отношений. Опираясь на «мирские притчи», Даниил показывает всю нелепость таких отношений, когда мужем *«своя жена владеет».* Даниил обращает внимание на нелепость женитьбы на *«злообразной жене», «прибытка деля».* Перед читателем предстает яркая бытовая зарисовка кокетничающей перед зеркалом *«злообразной жены», «мажущися румянцем».*

Отвергает Даниил воображаемый совет князя жениться *«у богата тьстя чти великиа ради».* Это даст ему повод выступить с обличением злых жен, в котором использован уже имевшийся в распоряжении Древнерусских книжников материал обличительных «слов» и поучений. На место обращений к князю приходит в «Слове»

риторический вопрос *«Что есть жена зла?»,* повторяемый дважды, и обращение к *«братии»* — слушателям, которым автор также адресует свое произведение, помимо главного адресата — князя, а также обращение к мужьям и женам. Жен Даниил призывает послушать слова апостола Павла: *«...крест есть глава церкви, а мужь жене своей»,* а мужей призывает *«по закону водить»* своих жен, *«понеже не борзо обрести добры жены». «Добра жена венець мужу своему и безпечалие».*

Даниил не верит в возможность нравственного возрождения *«злой жены»: «Лепше есть камень долоти, нижели зла жена учити; железо уваришь, а злы жены не научишь».* Она *«ни бога ся боить, ни людей ся стыдить».* Обличение злых жен Даниил завершает притчей о муже, который после смерти жены стал продавать своих детей. Когда его спросили: *«Чему дети продаешь?»,* он ответил: *«Аще будуть родилися в матерь, то, возрошьши, мене продадут».* Увидев, что он увлекся и отклонился от основной темы, Даниил спешит возвратиться *«на передняя словеса».*

Теперь основное его внимание обращено на характер адресованного князю произведения. Он подчеркивает, что *«ни за море ходил, ни от философ научихся».* Автор подчеркивает книжность своего произведения. Оно, подобно медвяному соту, искусно вылеплено из *«сладости словесной»,* которую он, Даниил, как пчела, собрал из многих книг. Среди них Псалтырь, книги Нового завета, Паремийник, «Стословец» Геннадия, «Слово некоего отця к сыну своему», «Наказание богатым» и «слова», направленные против злых жен, с которыми читатель встречался в Святославовом Изборнике 1073 г., и в «Повести временных лет», и в «Повести об Акире Премудром», и «Пчеле», и мирских притчах.

Он придает «Слову» форму импровизации, довольно свободно располагая заимствованные из разных источников афоризмы, образные сравнения, наставления.

В заключение Даниил выступает в роли наставника, чувствующего тот мир, к которому он обращается, понимающему, что нельзя безумному запретить безумие (глупость) его. Он понимает, что своею речью, многословной беседой может надоесть, подобно птице, частящей *«песни своя»,* ибо *«речь продолжена не добро».*

Завершается «Слово» молитвой, в которой автор просит у Бога *«князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разум, мудрость Соломоню и хитрость Давидову».*

Тем самым идеал князя мыслится автором как воплощение лучших качеств героев всемирной истории.

Афоризмы-гномии служили весьма удобной, емкой обобщающей формой, позволявшей автору заявить о незаурядности своей собственной личности, своем умственном превосходстве над обществом, обратить внимание на его противоречия, общественный и социальный быт, увидеть расхождения между идеалом и действительностью. Впервые в русской литературе человек заявил о своем праве на уважение не по положению, занимаемому им в обществе, а по своим внутренним качествам, своему уму — высшей ценности личности.

«Моление» Даниила Заточника адресовано князю Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, княжившему с 1213 по 1236 г., и *«братии»* — слушателям. Обращение к князю открывается цитатой 115,3 псалма: *«Аз раб твои и сын рабы твоя».* На основании этого некоторые исследователи делают категорический вывод о социальной принадлежности автора «Моления» и относят его к холопам. Заметим, что эти же слова произносит Дмитрий Донской в «Слове о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича»: *«,..яко аз раб твой и сын рабы твоея»* (ПСРЛ. Т. 34. С. 137).

В «Молении» усилено панегирическое прославление князя путем цитирования «Песни песней» царя Соломона. Подчеркнуто значение мудрых властителей и доказывается преимущество мудрости над храбростью: *«Умен муж не велми бывает на рати храбр, но крепок в замыслех; да тем собирати мудрые».*

Вряд ли следует относить к биографии героя слова о том, что мать и отец оставили его. Это, по-видимому, литературный прием, подчеркивающий значение князя, призванного заменить своему служивому человеку отца. Только заявление автора о том, что он *«под работным ермом пострадах»,* возможно, в какой-то мере отражает реальность положения. Сам же Даниил выступает сторонником сохранения холопства. Как бы ни был, считает он, горделив и *«буяв»* холоп, *«но укора ему своего не избыти — холопия имени»,* подобно тому как котлу с золотыми кольцами не избыть черноты жжения.

В «Молении», по сравнению со «Словом», появляется резкое осуждение боярства. Бояр Даниил относит к злым господам, которые попирают человеческое достоинство своих слуг. Даниил предпочитает служить князю: *«Лучше бы ми нога своя видети в лыченице в дому твоем, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе; луче бы ми в дерюзе служити тебе, нежели в багрянице в боярстем дворе».*

О своей социальной принадлежности автор «Моления» заявляет более четко: «Княже мои, господине! *Всякому дворянину иметь честь и милость у князя».* Прав И. У. Будовниц, отнесший «Моление» к произведениям ранней дворянской публицистики.

Более скромное место в «Молении» по сравнению со «Словом» занимает обличение злых жен. Гнев Даниила здесь направлен на старых злообразных жен, обобщенный гротескный образ которых он создает.

Вводится в «Молении» и новая, по сравнению со «Словом», тема обличения монашества. С негодованием отвергает Даниил воображаемый совет князя постричься в монахи: *«То не видал есмъ мертвеца на свинии ездячи, ни черта на бабе; не едал есми от дубья смоквеи, ни от липъя стафилья. Лучши ми есть тако скончати живот свои, нежели, восприимши ангельский образ солгати».* Вслед за Козьмой пресвитером Даниил Заточник изображает нравы монахов, возвращающихся на *«мирское житие, аки пес на своя блевотины».* Он обличает порочные, низменные обычаи чернецов и черниц, которые, словно псы ласкосердые, обходят дома и села *«славных мира сего».*

Появляется в «Молении» и великолепная картина игр на ипподроме, своеобразных состязаний в ловкости и силе. Завершает «Моление» молитва, в которой звучит тревога по поводу появления «незнаемого языка».

Таким образом, и «Слово» и «Моление» принадлежат к публицистическим дидактическим произведениям, которые в лапидарной форме гномий-афоризмов, наполненных философским нравственным содержанием, раскрывают быт и нравы Руси накануне монголо-татар-ского нашествия. Как справедливо отмечал еще Белинский, «...кто бы ни был Даниил Заточник,— можно заключить не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит и снедается ревностию по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы помолчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и холят, потом сживают со свету и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить...».

«Киево-Печерский патерик». В первой половине XIII в. было положено начало формирования «Киево-Печерского патерика».

Основу патерика составила переписка между суздальским епископом Симоном и монахом Киево-Печерского монастыря Поликарпом, а также послание Поликарпа к игумену Акиндину. Эта переписка завязалась в начале 20-х годов XIII в. Недовольный положением простого монаха, Поликарп мечтал о епископской митре, пытался же он получить высокую церковную должность через жену князя Ростислава Рюриковича Анастасию — Верхуславу. Происки и *«высокоумие»* Поликарпа вызвали возмущение епископа суздальского Симона. В своем послании к Поликарпу он называет его *«санолюбцем»* и говорит о святости Киево-Печерского монастыря. Симон сам готов променять епископский сан на тихое и безмятежное житие в святой обители. Святость монастыря настолько велика, что только простое погребение и его стенах, по словам Симона, искупает все грехи.

Симон подчеркивает культурное значение Киево-Печерского монастыря для всей Русской земли: из его стен вышли знаменитые деятели христианского просвещения, и Симон перечисляет славные имена Леонтия и Исаи Ростовских, митрополита Илариона, Германа и Нифонта — епископов Великого Новгорода, Ефрема Суздальского и др., отмечая, что всего можно насчитать до 50 знаменитых имен.

Свои мысли Симон подкрепляет «Сказанием о святых черноризцах печерских», в котором содержится девять «достоверных» повестей *«о божественнейших отцах», «подобно лучам солнечным просиявших до конца вселенной»,* и повестью о построении и украшении Печерской церкви.

Под влиянием послания Симона Поликарп в обращении к игумену Киево-Печерского монастыря Акиндину сообщает еще одиннадцать рассказов о «подвигах» тридцати монахов, дабы и другие узнали *«святое житие преподобных отец».*

Позже сказания Симона и Поликарпа были объединены вместе, дополнены «Житием Феодосия Печерского», написанным Нестором, «Сказанием о черноризцах печерских», помещенным в «Повести временных лет» под
1074 г. В таком виде дошла до нас древнейшая рукопись патерика, относящаяся к 1406 г., созданная по инициативе тверского епископа Арсения. Эта редакция патерика получила название Арсеньевской. В 1460 г. и 1462 г. в Киево-Печерском монастыре по инициативе игумена Кассиана были созданы более полные редакции памятника, названные «Патерик Печерский».

Патерик открывается сказанием о создании и росписи Печерской церкви, построенной в 1073 г. и посвященной Успению Богоматери. Она послужила архитектурным образцом Успенских соборов, которые затем сооружаются в Ростове, Суздале, Владимире на Клязьме, Владимире Волынском.

Возникновение Печерской церкви легендарное сказание патерика связывает с варягом Шимоном, пришедшим на службу к киевскому князю Всеволоду Ярославичу. Образ будущей церкви дважды является и видении Шимону: во время бури на море и во время битвы с половцами. Размеры церкви указаны Шимону Богородицей. Она же посылает из Царьграда зодчих и живописцев. Место строительства церкви определяется самим богом, посылающим знамения: росу, столп огненный, небесный огонь. Мерой церкви становится золотой пояс, украшавший распятие в варяжской земле и привезенный с собой Шимоном. Все эти многочисленные чудеса подчеркивали особое положение Киево-Печерского монастыря, находящегося якобы под непосредственным покровительством самого Бога и Богородицы.

Основное содержание патерика составляют рассказы-новеллы о «подвигах» благочестия печерских монахов — этих *«храбрых божиих».* Созданные на основе устных монастырских легендарных преданий, эти рассказы наполнены религиозной

фантастикой, описанием чудес, видений, борьбы с бесами. В то же время под этой фантастикой нетрудно обнаружить и реальные, теневые стороны монастырского быта. Патериковая легенда сохраняет ряд интересных исторических подробностей и касается вопросов политических.

Большое место в рассказах патерика занимает изображение взаимоотношений монахов с великим киевским князем. Как правило, при столкновении монастыря со светской властью победа остается всегда за монахами. Так, старец Прохор, умевший превращать золу в соль, посрамляет Святополка Изяславича. В рассказе о Прохоре-лебеднике в фантастической форме ярко отражены реальные отношения: монастырь был серьезным конкурентом великого князя и киевских купцов в торговле солью, и в этой борьбе он одерживает победу.

Старцы Федор и Василий настолько сильны духом, что Мстислав никакими пытками не может заставить их выдать тайну клада, найденного Федором в Варяжской пещере. Патерик обличает корыстолюбие и жадность Мстислава Святополковича. За свою жестокость он несет наказание: той стрелой, которой князь прострелил Василия, Мстислав, по предсказанию старца, сам был смертельно ранен в битве с Игорем Давидовичем.

Жестокая кара постигает всякого, кто не почитает монастырь и его старцев,— такова мораль рассказа об иноке Григории, которого приказал утопить в Днепре князь Ростислав. За это последний жестоко расплачивается — он сам тонет в реке, спасаясь от преследования половцев.

С явной симпатией в патерике изображаются князья Святослав, Всеволод и его сын Владимир Мономах. *«Благоверный»* князь Святослав своими руками *«нача копати»* основание для Печерской церкви и на ее строительство дал *«100 гривен золота».* Почитают монастырь и его иноков Всеволод и Владимир Мономах. Последний, *«не смея прислушаться чернъца»* Агапита, исцелившего его, раздает свое имущество нуждающимся.

Много места патериковая легенда отводит рассказам о борьбе иноков с бесами. Бесы выступают олицетворением низменных побуждений, страстей и помыслов. Они принимают различные обличия: собаки, иноземца-ляха, монаха и даже ангела. Борьба обычно заканчивается торжеством благочестивых монахов и посрамлением бесов, которые вынуждены работать на святую обитель: молоть зерно, печь хлебы, таскать тяжелые бревна. В последнем случае нанятые монастырем извозчики обращаются к судье, который за данную истцами мзду решает дело не в пользу монастыря. Так сквозь религиозную фантастику просвечивают черты реальных отношений. Монахам, оказывается, свойственны и лицемерие, и зависть, и корыстолюбие, и стремление вернуться к прежней мирской жизни.

Славу монастыря, подчеркивает патерик, создали его монахи не только своими аскетическими подвигами, но и своим искусством чудесного врачевания (Агапит), писательским мастерством (Нестор), умением творить каноны (Григорий), знанием текста «писания» (Никита), иностранных языков (Лаврентий — говорил по-латыни, по-еврейски, по-гречески), искусством живописи (чудесный иконописец Алимпий, которому в его искусстве якобы помогали сами ангелы), слава о них *«промчеся» «по всей земли Русьской».*

В условиях феодальной раздробленности, когда Киев утратил значение политического центра, патерик напоминал о матери градов русских, о былой славе, величии Киева, говорил об общерусском значении Киево-Печерского монастыря — символа единства Русской земли.

«Прелесть простоты и вымысла» патериковых рассказов восхищала А. С. Пушкина.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Когда и кем было открыто и опубликовано «Слово о полку Игореве»? Какова история его изучения?

2. Как соотносится текст «Слова о полку Игореве» с летописными повестями о походе Игоря Святославича на половцев?

3. Какова центральная идея «Слова» и какими сюжетно-композиционными средствами она выражается?

4. Какое место в сюжете и композиции «Слова» занимают исторические отступления и какова их функция?

5. Какова образная система «Слова о полку Игореве»?

6. Каково соотношение языческих и христианских элементов в «Слове»?

7. Как решается в современном литературоведении проблема жанра «Слова»?

8. Каковы особенности стиля «Слова о полку Игореве»?

9. Какие черты типологической общности обнаруживает «Слово о полку Игореве» с эпосом европейских и азиатских народов средневековья?

10. Какие поэтические переводы и переложения «Слова о полку Игореве» на современный русский язык и языки народов России и СНГ вы знаете? Дайте их краткую характеристику и оценку.

11. Каковы идейно-художественные особенности Галицко-Волынской летописи? Как изображаются летописцами князья Роман и Даниил?

12. Как соотносятся редакции «Слова Даниила Заточника» и «Моления Даниила Заточника»? Каковы основные темы этих произведений?

13. Кто такой Даниил Заточник? Какова его социальная принадлежность? Как изображаются в «Слове Даниила Заточника» и «Молении» князь, бояре, монахи? Каковы особенности стиля?

14. Как и где сформировался Киево-Печерский патерик? Каковы его идейно-художественные особенности?

ПОВЕСТИ О МОНГОЛО – ТАТАРСКОМ НАШЕСТВИИ

В середине XIII столетия Русская земля подверглась нашествию монголов. Страшные полчища степных кочевников, объединенные Темучином — Чингиз-ханом, двинулись с Востока на Запад. В течение трех лет, с 1237 по 1240 г., русский народ вел мужественную борьбу с неисчислимыми силами врагов. Феодальная раздробленность Руси способствовала успеху завоевателей. «России,— писал А. С. Пушкин,— определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».

События, связанные с монголо-татарским нашествием, получили широкое отражение в литературе той поры.

«Повесть о битве на реке Калке». Первое столкновение русских войск с кочевниками произошло в 1223 г. на реке Калке (Кальмиус). Летописная повесть об этой битве дошла до нас в двух редакциях.

Повесть обстоятельно излагает ход событий. Весть о появлении *«языка незнаемого»* (неизвестного народа) принесли в Киев половцы, с которыми первыми столкнулись отряды степных кочевников, шедшие с Кавказа под руководством нойонов (воевод) Чингиза Джебе и Сабутэ. В битве приняли участие только южнорусские князья, но между ними не было согласия и единства, что и явилось причиной разгрома на Калке, указывает повесть.

Она хорошо передает настроение русского общества при известии о появлении монголо-татарских полчищ. Весть эта была встречена с крайним недоумением: *«Явились народы, которых как следует никто не знает, кто они, откуда пришли, каков язык их, какого они племени, какой веры, и зовут их — татары, а иные говорят — таумены, а другие называют их печенегами...»* Автор повести ссылается на философско-исторический труд Мефодия Патарского «Откровение», созданный в Византии, по-видимому, во второй половине VII в. (в «Откровении» обозревались судьбы человечества от Адама до «второго пришествия»). На его основе и дается религиозно-моралистическая трактовка события: приход *«языка незнаемого»* — следствие попустительства божия *«грех ради наших»,* предзнаменование конца мира.

Народное сознание связывало с битвой на Калке сказание о гибели русских богатырей. Отзвук былины о том, как перевелись богатыри на Русской земле, мы находим в списках повести XV—XVI вв. Эти списки сообщают, что на Калке погибли не только шесть Мстиславичей, но и Александр Попович, его слуга Торопец, Добрыня Рязанич Златой Пояс, а также 70 *«храбрых»* (богатырей).

«Повесть о приходе Батыя на Рязань». В 1237 г. основные силы Золотой Орды во главе с преемником Чингиз-хана Бату-ханом (Батыем) подошли к границам северо-восточной Руси. Первый удар степные кочевники нанесли Рязани, а затем был разгромлен Владимир.

События, связанные с героической защитой русским народом своей земли, получили яркое художественное отражение в «Повести и приходе Батыя на Рязань». Повесть дошла в составе летописных сводов XVI в. в тесной связи с циклом повестей о Николе Заразском. Она прославляет мужество и героизм защитников Рязани: князя Юрия Ингоревича, его братьев Давыда и Глеба и рязанской дружины — *«удальцов-резвецов — достояния рязанского»,* славного богатыря Евпатия Коловрата. Причину поражения рязанцев автор усматривает в феодальной обособленности русских княжеств, в эгоистической политике князей. Тщетно Юрий Ингоревич взывает к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу — последний отказывает в помощи рязанцам, он решает самостоятельно бороться с Батыем.

Органически не связанными со всем содержанием повести являются религиозно-моралистические рассуждения о причинах гибели Рязани: попустительство божие, наказание за грехи. Эти рассуждения автора не могут заслонить главной причины — забвение владимирским великим князем интересов всей Русской земли.

«Повесть о приходе Батыя на Рязань» состоит из четырех частей: 1. Появление Батыя на границах Рязанской земли, посольство рязанцев к Батыю во главе с князем Федором, гибель Федора и его жены Евпраксии. 2. Героическая зашита Рязани Юрием Ингоревичем, гибель защитников и разорение Батыем Рязани. 3. Подвиг Евпатия Коловрата. 4. Обновление Рязани Ингварем Ингоревичем.

Героями первой части повести выступают сын Юрия Ингоревича рязанского князь Федор и его молодая супруга Евпраксия. Федор отправляется к царю Батыю во главе посольства. Он бесстрашно вступается за честь не только своей супруги, но и всех рязанских жен. Дерзко и со смехом бросает Федор вызов *«нечестивому царю»: «Не полезно бо есть нам, христианам, тобе, нечестивому царю, водити жены своя на блуд. Аще нас приодолееши, то и женами нашими владети начнеши».*

Гордый ответ русского князя вызывает ярость Батыя. По приказанию хана Федор и все посольство перебиты.

Горестная весть поражает молодую жену Федора княгиню Евпраксию. Она, стоя в превысоком своем тереме с малолетним сыном Иваном на руках, *«...услыша таковыя смертоносный глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися* (разбилась.— *В. К.) до смерти».* Так лаконично прославляется подвиг верности, мужества, силы супружеской любви русской женщины.

Первая часть повести завершается горестным плачем Юрия Ингоревича и всех рязанцев.

Вторая часть прославляет мужество и героизм рязанской дружины и ее князя Юрия Ингоревича. Он воодушевляет дружину мужественной речью: *«Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святыа божиа церкви, и за веру христьянскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингоря Святославича».*

В этой речи героический мотив сочетается с религиозным призывом умереть *«за божий церкви»* и веру христианскую. Перед боем Юрий, как и подобает благочестивому человеку, молится Богу, принимает благословение епископа.

Центральным эпизодом второй части является гиперболическое описание битвы. Русский воин один бьется *«с тысящей, а два — со тмою»,* потрясая мужеством врагов. Причинив им существенный урон, рязанцы гибнут: *«...еси равно умроша и едину чашу смертную пиша».*

Изображение разорения города исполнено в повести большого драматизма: *И не оста во граде ни един живых: еси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Несть бо ту ни стонюща, ни плачюща и ни отцу и матери о чадех, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но еси вкупе мертвы лежаща».*

Третья часть посвящена прославлению подвига Евпатия Коловрата. Это эпический герой под стать богатырям русских былин. Он наделен гиперболической силой, мужеством и отвагой. Он живое олицетворение героического подвига всего русского народа, который не может мириться с поработителями и стремится отомстить за поруганную врагом землю. Основное внимание уделено изображению поведения Евпатия в бою, на его подвиг переносится подвиг всей дружины. Он бесстрашно разъезжает по ордынским полкам и бьет их нещадно — так, что его острый меч притупился. Самого Батыя охватывает страх, и он посылает против Евпатия своего шурина богатыря Хостоврула (типично эпическая былинная ситуация).

В поединке одерживает победу Евпатий. Он *«исполин силою и разсече Хостоврула на полы до седла. И начата сечи силу татарскую, и многих тут нарочитых богатырей Батыевых побил, ових на полы пресекаше, а иных до седла крояше».*

Охваченные страхом монголы вынуждены применить против русского богатыря *«пороки»* (стенобитные орудия): *«...и начаша бити по нем с сточисленых пороков и едва убиша его...»*

Когда тело Евпатия приносят к Батыю, хан *«начаша дивитися храбрости и крепости и мужеству»* Евпатия. Батый воздает должное своему врагу: *«О Коловрате Еупатие, гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной орды побил еси, и многие полкы падоша. Аще бы у меня такий служил, — держал бых его против сердца своего».*

Под стать Евпатию и его храбрые дружинники. Когда кочевникам удалось захватить в плен пятерых воинов, изнемогавших от ран, те с иронией и сознанием морального превосходства отвечают Батыю: *«Веры християнскые есве, раби великого князя Юрья Ингоревича Резанского, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя, силна царя, почтити и честна проводити и честь тобе воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарьскую».*

В этом ответе обнаруживается отзвук былевого народного эпоса (ср. разговор Ильи с Калином царем).

Последняя, заключительная, часть повести начинается эмоциональным плачем князя Ингваря Ингоревича, созданным по всем правилам книжной риторики. Он горестно оплакивает убитых, *«яко труба рати глас подавающе, яко сладкий орган вещающи».*

Повесть заканчивается рассказом о возрождении и обновлении русскими людьми испепеленной врагом Рязани, вследствие чего *«бысть радость християнам...».* Эта концовка свидетельствует об оптимизме, жизнестойкости русского народа, его неколебимой вере в возможность избавления от монголо-татарского ига.

Все произведение представляет собой образец воинской повести, которая вобрала в себя значительные элементы фольклора. Повесть не всегда точна в передаче исторических фактов (сообщается об участии в битве Всеволода Пронского — умер ранее 1237 г.; о гибели в бою Олега Красного, хотя он остался жив), но она верно передает настроение общества того времени и отличается живостью, яркостью и драматизмом повествования.

Более лаконичен и менее образен рассказ летописи о взятии Батыем Владимира в 1238 г. и битве на реке Сити с князем Юрием Всеволодовичем, павшим в этом бою.

Выразителен краткий летописный рассказ об осаде Козельска. Жители этого города в течение семи недель выдерживали осаду, и враги прозвали за это Козельск *«злым городом».* Овладев им, завоеватели жестоко расправились с его жителями.

«Слова» Серапиона Владимирского. События монголо-татарского нашествия отразились также в жанре дидактическом и агиографическом.

Талантливым проповедником XIII в. был Серапион — игумен Киево-Печерского монастыря, а с 1274 г.— епископ Владимирский (ум. в 1275 г.). Современники называли Серапиона *«мужем зело учительным в божественном писании».* Перу Серапиона принадлежит пять «слов»: первое было создано около 1230 г., после битвы на Калке, последние четыре — во Владимире в 1274—1275 гг.

Серапион в нашествии иноплеменников видит карающий перст Божий, возмездие за грехи и призывает людей к покаянию, говорит даже о приближении скорого конца мира.

Приход *«языка немилостивого»* Серапион изображает довольно образно и живо, прибегая к ритмической форме построения речи: *«...приде на ны язык немилостив, попустивъшю Богу, и землю нашю пусту сътвориша и грады наши плениша, и церкъви святыя разориша, отъци и братию нашю избиша; матере наша и сестры наша в поругание быша».*

Во втором «слове» Серапион говорит о страшном гневе Божием и вспоминает прошлое в форме риторических вопросов: *Не пленена ли бысть земля наша? Не взъяти*

ли быша гради наши?Не вскоре ли падоша отъци и братия наши трупием на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша в плен? Не порабощена ли быхом оставьте горькою си работою от иноплеменик ?»

Бедствия, постигшие Русскую землю, изображены в третьем «слове». Четвертое и пятое «слова» Серапиона посвящены осуждению народных предрассудков и суеверий: они направлены против испытания *«ведьм»* водой и огнем и против откалывания из могил утопленников, которые, по народному поверью, вредили урожаю. В последних «словах» Серапиона пессимистический тон начинает постепенно исчезать, что свидетельствует об изменении настроения в русском обществе.

Е. В. Петухов, исследуя творчество Серапиона Владимирского, отмечает простоту и непосредственность его поучений, отсутствие приемов книжного ораторства. Он относит Серапиона к категории тех писателей северо-восточной Руси XIII в., которые являются соединительным звеном между северо-востоком и Киевом, придерживаются традиций киевской школы, в частности поучений Феодосия Печерского и Климента Смолятича, но живут новой жизнью, черпая из нее материал для своих сочинений.

Таким образом, события 1237—1240 гг., связанные с нашествием монголо-татарских полчищ, получили широкое отражение в воинской исторической повести, поучении.

«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ»

События монголо-татарского нашествия, очевидно, порождено и такое выдающееся поэтическое произведение, как «Слово о погибели Русской земли», впервые обнаруженное только в конце 70-х годов прошлого века
К. Г. Евлентьевым и опубликованное в 1892 г. Х. М. Лопаревым. Новый список произведения был найден в 30-е годы нынешнего века И. Н. Заво–локо и опубликован В. И. Малышевым в 1947 г.

«Слово о погибели Русской земли» исполнено высокого гражданского патриотического звучания. В центре — образ Русской земли, *«светло-светлой»* и *«украсно-украшеной».* Неизвестный автор слагает гимн родине. Он говорит о природных красотах и богатствах родной земли. Неотъемлемой ее частью, ее гордостью являются города великие, села дивные, сады монастырские, дома церковные (храмы). Славу Руси составляли князья грозные (могущественные), бояре честные, вельможи многие. Автор говорит о могуществе Всеволода (Большое Гнездо), его отце Юрии Долгоруком и деде Владимире Мономахе.

Подобно автору «Слова о полку Игореве», автор «Слова о погибели Русской земли» сопоставляет былое величие Руси с нынешним упадком. *«А в ты дни болезнь крестияном, от великого Ярослава и до Володимера, и до ныняшнего Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго».* Здесь нетрудно заметить своеобразную периодизацию истории Руси, как бы продолжающую периодизацию «Слова о полку Игореве». Автор «Слова о полку Игореве» связывал со *«старым Ярославом»* период расцвета политического могущества Руси, а затем говорил о *«невеселой године»* княжеских крамол и распрей, приведших к усилению *«поганых».* Автор «Слова о погибели Русской земли» как бы развивает дальше мысль гениального певца: от *«великого Ярослава»,* т. е. Ярослава Мудрого, *«до Володимера»* Мономаха продолжались княжеские распри, *«губившие»* Русскую землю; Владимир Мономах добился

прекращения усобиц, сплотил все силы Руси для борьбы со степными кочевниками и нанес им сокрушительный удар. Поэтому в «Слове о погибели» образ Мономаха приобретает героическое и эпическое звучание.

После Владимира и до *«ныняшняго Ярослава», «до брата его Юрья»* продолжается период княжеских раздоров, что и привело к *«погибели Русской земли»,* т. е. захвату ее врагом.

Сопоставление «Слова о погибели Русской земли» с летописями показывает, что о «погибели» земли русские люди стали говорить только после захвата Батыем Киева, который в глазах народа продолжал оставаться центром Русской земли (об этом же свидетельствуют былины). В связи с этим естественнее всего предположить, что «Слово о погибели» было написано южанином, переселившимся на север Руси, не ранее 1240 г., после падения Киева. Это произведение можно отнести к жанру историко-публицистических «слов» — *«речи»,* призванной вселить в сердца слушателей мужество, бодрость, пробудить чувство гордости за свою землю, подвергшуюся опустошительному разгрому *«языка немилостивого», «лютого»,* вдохновить на борьбу против поработителей, для чего необходимо преодолеть *«болезнь»* —княжеские усобицы.

«Слово о погибели Русской земли» породило обширную исследовательскую литературу, в которой высказан ряд интересных, подчас противоречивых мнений о времени и месте создания этого произведения, о его отношении к «Житию Александра Невского».

«ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»

«Житие Александра Невского», написанное вскоре после смерти князя (ум. в 1263 г.), создает идеальный образ правителя, защитника своего отечества от военных и идеологических посягательств внешних врагов. Оно не укладывается в каноны житийной литературы, и это понимали древнерусские книжники, внесшие его прежде всего в состав летописей (первая редакция жития вошла в состав Лаврентьевской и Второй Псковской летописей), и только в XVI в. оно вошло в «Великие Четьи-Минеи» Макария и «Пролог».

Само заглавие произведения дает определение его специфики: *«Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра»* — рассказ о жизни, главным содержанием которой явились подвиги *«храбрости».* Основу жития Александра Невского составляют две воинские повести о битве на Неве и на Чудском озере.

Врагом Русской земли выступает в житии *«король части Римьскыя от полунощныя страны»;* тем самым автор подчеркивает, что русскому православному князю предстоит вступить в борьбу с римско-католическим западным миром, ставящим целью захват *«земли Александровой».* Враг преисполнен уверенности в своих силах: *«в силе тяжце», «пыхая духом ратным», «шатаяся безумием», «загордевся»* шлет он послов к Александру со словами: *«Аще можеши противитися мне, то се есмь уже зде, пленяя землю твою».* Типологически данный эпизод близок эпосу, *«Девгениеву деянию», «Александрии».*

«Разгореся сердцем», Александр укрепляет свой дух молитвой, поступая, как подобает благочестивому князю. Он обвиняет врага в нарушении заповеди божией, повелевающей *«жити не преступающе в чюжую часть».* Уверенный в правоте своей борьбы, Александр воодушевляет войска и с *«малой дружиной»* устремляется на врагов. В бой он идет с верой *«к святыма мученикома Борису и Глебу».* Так мотивируется в житии видение старейшины земли Ижорской Пелгуя: на утренней заре он видит плывущих в насаде Бориса и Глеба, спешащих на помощь *«сроднику своему князю Александру».*

Подробно описывается в житии ход сражения 15 июля 1240 г., большое внимание уделяется подвигам Александра и его храбрым *«шести мужам»* — богатырским ратникам. Сам Александр проявляет необычайное мужество и бесстрашие в бою, он *«возложи печать на лицы шведского короля острым своим копией».* Мужеством и храбростью отличались *«мужи»* Александровы: Гаврило Алексич по единой доске въехал на коне на вражеский корабль и избил бесчисленное множество врагов, его столкнули в воду, но он выплыл [это был знаменитый предок А. С. Пушкина Радча (Радша)]; молодой новогородец Савва подрубил столб златоверхого шатра шведского короля, и падение шатра вызвало ликование в русском стане; Ратмир в пешем строю мужественно бился с врагами и скончался от ран на поле боя; Сбыслав Якунович рубился с врагами *«единым топорном, не имеяша страха в сердце своем».* Ловчий князя Яков Полочанин наехал с мечом на полк. Миша в пешем бою с дружиной *«погуби три корабли римлян».* При этом сообщается, что о подвигах этих славных *«мужей»* автор слышал от *«своего господина»* Александра Ярославича.

Битва на Чудском озере с немецкими рыцарями 5 апреля 1242 г. изображена в традиционной стилистической манере воинских повестей: *«Бе же тогда субота въсходящю солнцю, и съступишася обои. И бысть сеча зла и труск от копий ломления и звук от сечения мечнаго, яко же и озеру померзъшю двигнутися; и не бе видети леду: покры бо ся кровию».*

Ссылаясь на *«самовидца»,* автор жития говорит о помощи Александру небесного полка. На самом деле Александр в этой битве проявил незаурядный полководческий талант, разгадав тактический замысел врагов.

Князь возвращается в Псков, ведя подле коней пленных, *«иже именують себе божий ритори».* Победа приносит Александру, подчеркивает житие, всемирную славу: *«Инача слыти имя его по всем странам и до моря Египетьскаго и до гор Араратьскых и обону страну моря Варяжьскаго и до великого Риму».*

О других воинских подвигах Александра житие сообщает кратко: *«единым выездом»* он побеждает 7 ратей *«языка Литовъскаго».*

Много места отводится в житии взаимоотношениям Александра с Ордой. *«Царь силен на Въсточней стране»* шлет русскому князю своих послов, и их речь служит своеобразным оправданием поездки Александра в Орду. *«В силе велице»* он приходит во Владимир: *И бысть грозен приезд его, и промчеся весть его и до устья Волги. И начаша*

жены моавитьскыя (татарские) *полошати* (устрашать) *дети своя, ркуще: «Александр едет»!*

Обдумав и получив благословение епископа, Александр идет в Орду. Как ведет себя там князь, житие умалчивает, отмечая только удивление Батыя: *«Истинну ми сказасте, яко несть подобна сему князя».*

Если Александру Батый воздает честь, то по отношению к его меньшому брату проявляет гнев. Причины гнева автор не указывает и лишь отмечает, что его проявлением было пленение Суздальской земли ордынским воеводой Неврюем. Это дает повод автору жития прославить Александра — идеального правителя, который *«церкви въздвигну, грады испольни, люди распуженыа собра в домы своя».*

Прославлению Александра — защитника православия — посвящен в житии рассказ о приходе на Русь папских послов. Александр отвергает их предложение принять католичество, и в этом автор жития видит торжество национальной политики русского князя.

Лаконично сообщает житие о насилиях врага и вторичном хождении князя в Орду, дабы *«отмолити людии и от беды тоя»,* т. е. от участия русских воинов в походах татарских войск.

Завершается житие сказанием о смерти Александра (он был отравлен в Орде) в Городце и его погребении во Владимире. Народ оплакивает любимого князя, *«яко земли потрястися».* Обращаясь к народу, митрополит Кирилл говорит: *«Чада моя, разумейте, яко уже зайде солнце земли Суждальской!» — «Уже погыбаемь!»* — ответила толпа. В агиографической традиции описано посмертное чудо Александра: подобно Алексею (под именем Алексея Александр перед смертью был пострижен в схиму), божьему человеку, он протягивает руку из гроба и берет *«прощальную грамоту»* у митрополита.

Характерной особенностью жития является постоянное присутствие автора-рассказчика. Он спешит заявить о своем смирении во вступлении к житию. Сам он *«самовидец... возраста его», «домочадец»,* об Александре он также слышал *«от отець своих».* Его присутствие постоянно ощущается в отборе и интерпретации материала. Александр в изображении автора является средоточием лучших качеств прославленных героев ветхозаветной истории: красота лица его подобна красоте Иосифа, сила — часть силы Самсона, премудрость — Соломона, а храбрость — римского царя Веспассиана. Так с помощью ретроспективной исторической аналогии житие прославляет красоту, силу, мудрость и храбрость Александра. Интересно, что среди этих качеств не нашлось места христианским добродетелям — кротости и смирению.

Автор восхищается героем, гордится им, сочувствует ему. Эмоциональное напряжение достигает высшей точки в конце жития: *«О, горе тобе, бедный человече! Како можеши написати кончину господина своего! Како не упадета ти зеници вкупе с слезами! Како же не урвется сердце твое от корения!»* Он гиперболизирует чувство скорби и горя: *«Отца бо оставити человек может, а добра господина не мощно оставити: аще бы лзе, и в гроб бы лезл с ним!»*

Таким образом, «Житие Александра Невского» обнаруживает тесную связь, как с агиографической литературой, так и с воинскими повестями. Его автором был житель Галицко-Волынской Руси, переселившийся вместе с митрополитом Кириллом III во Владимир. Исследователи установили связь стиля жития с Галицкой летописью, «Девгениевым деянием», «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Сказанием о Борисе и Глебе» и паремийным чтением.

«Житие Александра Невского» становится образцом позднейших княжеских жизнеописаний, в частности жития Дмитрия Донского. Имя Александра Невского

пользуется популярностью в Московском государстве. Он оказывает помощь (уже в качестве святого патрона Русской земли) Дмитрию Донскому в победе над монголо-татарскими завоевателями, Ивану Грозному при осаде Казани, а Петр I делает Александра Невского патроном Петербурга.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

К середине XIII в. на северо-востоке Руси получили распространение две переводные повести — «Сказание об Индии богатой» и «Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши».

Как полагают исследователи, обе повести были переведены в начале XIII в. в Сербии: первая — с латинского языка, вторая — с восточного оригинала.

«Сказание об Индии богатой» гиперболически изображает далекую сказочно-утопическую христианскую державу, превосходящую своим богатством, военной мощью Византийскую империю. Правитель этой православной державы царь и поп Иоанн является главой как светской, так и церковной власти. В послании, адресованном Иоанном греческому царю Мануилу, описываются чудеса и богатства Индии. По своему жанру послание Иоанна близко к хождениям. Возможно, этот жанр был использован в сказании для того, чтобы убедить читателя в истинности фантастических рассказов о гигантских размерах Индийского царства (в одну его сторону идти десять месяцев, а в другую — нельзя дойти, потому что там *«соткнутся небо с землею»),* его несметных богатствах.

«Есть у мене, — пишет Иоанн, — *в единой стране люди немы, а в ынои земли люди рогаты, а в ынои стране люди трепядци, а иныя люди 9-ти сажен, иже суть волотове* (великаны), *а иныя люди четвероручны, а иныя люди о шти* (шести) *рук, а иныя у мене земля, в ней же люди пол пса да пол человека, а иные у мене люди в персех очи и рот, а во иной земли у мене люди скотьи ноги имеюще. Есть у мене люди пол птици, а пол человека, а иныя у мене люди глава песья; а родятся у мене во царствии моем зверие у мене: слонови, дремедары* (одногорбые верблюды), *и коркодилы и велблуди керно* (двугорбые)». Среди диковинных чудесных зверей Иоанн называет *«петухов, на них же люди ездят»,* птицу *«ногой»,* которая вьет себе гнездо на 15 дубах, чудесную птицу феникс, живущую пятьсот лет, приносящую с неба огонь и сжигающую свое гнездо и себя и вновь возрождающуюся из пепла.

Посреди Индийского царства, говорится в Сказании, протекает река Едем из рая, а в этой реке добывают драгоценные камни: гиацинт, сапфир, памфир, изумруд, сардоникс и яшму. Но *«господин всем камением драгим»* является *«камень кармакаул»* (карбункул), *«в нощи же светить, яко огнь горить».* Подробно описывает Иоанн свой *«двор»,* который можно обойти только в течение пяти дней, несметные богатства своих дворцов, их чудеса, среди которых *«зерцало праведное»* и стеклянное зеркало. В *«зерцале праведном»* человек может видеть все свои грехи, в стеклянном зеркале легко обнаруживают всякого, кто мыслит зло на своего государя. Иоанн подчеркивает, что греческому царю Мануилу не хватит жизни, чтобы вместе со своими книжниками исписать все богатства и чудеса Индии. Более того, Мануил может продать свое греческое царство, и вырученных денег ему не хватит на покупку харатьи для этого описания.

А. Н. Веселовский обнаружил черты сходства «Сказания об Индии богатой» с русской былиной и Дюке Степановиче с духовным стихом о Голубиной книге. В описании сказочных богатств Индийской земли нетрудно обнаружить связи с этой былиной, волшебной сказкой, с одной стороны, и с книжными источниками: «Физиологом», «Александрией» — с другой. Читателя XIII—XIV вв., испытавшего все ужасы монголо-татарского нашествия и ига, «Сказание» привлекало утопической картиной могучего христианского царства, в котором *«нет ни татя, ни разбойника, ни завидлива человека, занеже... земля полна всякого богатьства».*

Своеобразное преломление отдельных мотивов и образов «Сказания об Индии богатой» получают в рассказах странницы Феклуши в драме А. Н. Островского «Гроза».

«Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши» носит эсхатологический характер. Его основу составляет восточная повесть о загадочных снах царя и их толкованиях. А. С. Орлов полагает, что эта повесть стала известна славянам в иранской рецензии, поскольку имя царя Шахаиши восходит к иранскому «шах ан шах». На Руси повесть известна в двух редакциях. Во второй имя царя Шахаиши заменено именем толкователя его снов Мамера, и вся повесть носит христианизированный характер.

Общее содержание снов сводится к предсказанию наступления злых времен, *«мятежа по всей земли»,* когда люди будут враждовать друг с другом: отец восстанет на сына, сосед на соседа, земля сократится: далекий путь станет близким; наступит голод, солнце и месяц померкнут, а звезды спадут с небеси. *«Стихиа применит обычая своя: осень преступит на зиму, а зима упадет на весну, среди лета зима будет, а хотящий сеяти семена, соблазнит их время, занеже не уразумеют времени подобна, много всеють и мало пожнут... В то же время злое солнце применит обычный путь, солнце и месяць померкнета, а звезды спадут, и различная знамениа будут, и звезда хвостатая явится, шуми и громи безчинни будуть и земли трясение, грады падут мнози, и птици, рыбы умалится, а овоща скудость будет. Лета и месяц съкратятся, и потом изгибнет мир. <... > Егда приидет година та злая, еси человеци купци будут, богатии и убозии лжею и клятвою и лестию стяжают богатьство много...»*

Яркие картины упадка нравов, обличительный пафос сказания, его близость Апокалипсису способствовали его популярности в период эпидемии чумы в XIV—XV вв., когда, в связи с окончанием в 1491 г. седьмой тысячи лет, ожидали «конца мира».

Таким образом, на основании традиций литературы Киевской Руси во второй трети XII — первой половине XIII в. начинается формирование местных областных литератур. Установление их особенностей — одна из насущных задач нашей медиевистики. Она может быть решена только после тщательного и всестороннего их изучения.

В литературе этого периода интенсивно развиваются жанры исторического повествования, воинской повести, публицистического сказания, ораторской прозы. Книжной обработкой эпической дружинной песни, связанной с традициями Бояна, явилось гениальное «Слово о полку Игореве», синтезом послания, поучения, панегирика и обличения явилось «Слово» Даниила Заточника; формируется «Киево-Печерский патерик», возникает оригинальное княжеское житие Александра Невского.

Главной темой литературы остается тема Русской земли, ее единства, осуждение эгоистической политики князей. Народу были чужды княжеские *«которы»,* уничтожавшие его поля, сжигавшие жилища. Именно раздоры князей облегчили завоевателям порабощение Русской земли. «Удельная разрозненность,— отмечал Н. Г. Чернышевский,— не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце: народ только подчинялся семейным распоряжениям князей»[1].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В каких произведениях древнерусской литературы и как отразились события монголо-татарского нашествия?

2. Каковы идеи, сюжет и композиция «Повести о приходе Батыя на Рязань»?

3. Какова образная система «Повести о приходе Батыя на Рязань» и как она связана с фольклором?

4. В чем художественное своеобразие «Слова о погибели Русской земли» и «Жития Александра Невского»?

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА БОРЬБЫ РУССКОГО НАРОДА С МОНГОЛО-ТАТАРСКИМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ И НАЧАЛА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII-XV вв.)

С конца XIII в. начинает возрождаться Русская земля, подвергшаяся опустошительному разгрому монголо-татарскими полчищами. Сознание необходимости борьбы за свое освобождение приводит к сплочению народных сил, одновременно происходит политическое объединение Руси вокруг единого центра, которым становится Москва.

Впервые упомянутая в летописи под 1147 г. Москва была уничтожена степными кочевниками в 1138 г., но выгодное географическое положение города, находившегося в бассейне Волго-Окского междуречья на перекрестке торговых путей, защищенного лесами и болотами от набегов чужеземцев, способствует его возрождению и возвышению. К концу XII в. в Москву идет приток беженцев с юго-восточных окраин Владимиро-Суздальской земли. Московский князь Даниил Александрович (1276—1303)—младший сын Александра Невского— увеличил территорию Московского княжества почти вдвое. Сыновья Даниила вступают в политическую борьбу с тверскими князьями за великое княжение Владимирское. Иван Данилович, прозванный Калигой, одерживает верх над своим противником князем Тверским. Он привлекает на свою сторону главу русской церкви — митрополита и превращает хана в послушное орудие своей политики.

В 1328 г. Калига добился в Орде ярлыка на великое княжение Владимирское, и великими князьями почти бессменно на протяжении всего столетия становятся московские князья.

МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Зарождение московской литературы было обусловлено политическим возвышением Москвы.

Формирование Русского централизованного государства способствовало развитию национальной культуры. Основной темой литературы становится тема становления централизованного государства. Создающиеся московские летописные своды обращаются к традициям киевского летописания. Как в фольклоре, так и в литературе Киев времен Владимира считался символом былой независимости, славы и величия Руси. Идея борьбы против ненавистного монголо-татарского ига все сильнее овладевала умами широких слоев населения.

В 1380 г. московский князь Дмитрий Иванович сплотил под своими знаменами почти всю северо-восточную Русь и нанес сокрушительный удар Золотой Орде. Победа показала, что у русского народа есть силы для решительной борьбы с врагом, но эти силы способна объединить лишь централизованная власть великого князя. После одержанной победы на Куликовом поле вопрос об окончательном свержении монголо-татарского ига был лишь вопросом времени.

Победа, одержанная над Мамаем, значительно укрепила авторитет Москвы в глазах всего народа. Она сыграла немаловажную роль в развитии литературы и искусства, содействуя расцвету творчества Феофана Грека, Андрея Рублева и Епифания Премудрого.

Исторические события 1380 г. отразились в устном народном творчестве и в различных произведениях литературы: летописной повести, «Задонщине», «Сказании о Мамаевом побоище», «Слове о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича».

Летописная повесть о Куликовской битве. Повесть «Побоище великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем» была создана, очевидно, по горячим следам событий. В ней не только излагаются основные факты: сбор вражеских сил и русских войск, битва на реке Непрядве, возвращение с победой великого князя в Москву, гибель Мамая,— но и дается эмоционально-экспрессивная публицистическая оценка этим фактам. Центральный герой летописной повести — великий князь московский Дмитрий Иванович. Он *«Христолюбивый»* и *«боголюбивый»* князь — идеальный христианин, постоянно обращающийся с молитвами к Богу, в то же время отважный воин, который бьется на поле Куликовом *«напереди».*

Идеальный воин-христианин противопоставлен в повести *«безбожному», «нечестивому», «старому злодею», «аспиду», «безглавому зверю», «темному сыроядцу»* Мамаю и его союзникам — *«нечестивому», «поганому»* литовскому князю Ягайло и *«велеречивому отступнику»* — предателю рязанскому князю Олегу. Предательство русского князя, вступившего в сговор с врагами, вызывает особое негодование автора,; и он наделяет его самыми нелестными оценочными эпитетами: Олег *«поборник бесерменьскии», «льстивый сотоньщик», «помраченный тьмою греховною», «дьяволу советник».*

Летописная повесть в качестве литературных образцов использовала «Житие Александра Невского», паремийное чтение о Борисе и Глебе, апокрифическое «Слово на Рождество Христово и о пришествии волхвов». В приемах изображения прихода Мамая на Русь, сбора полков Дмитрием, его благочестивых размышлений, описания боя и помощи небесных сил во главе с архистратигом Михаилом летописная, повесть близка «Житию Александра Невского». Из паремийного чтения о Борисе и Глебе автор заимствует приемы идеализации Дмитрия и изображения его врагов: и Мамай и Олег

Рязанский называются *«новым Святополком»,* а из «Слова на Рождество Христово» — изображение скорби русских жен, гнева и плача Мамая.

Широкое привлечение литературных источников не мешает автор передать ряд исторических деталей, связанных с движением войск ходом битвы. Данные о распределении полков взяты из Разрядной книги, а имена павших в бою воевод — из Синодика.

Сама битва изображается при помощи характерных для воинской повести приемов: *«Бысть сеча велика и брань крепка и труск велик зело... прольяша кровь аки дождевна туча обоих... паде труп на трупе, и паде тело татарьское на телеси крестьянстем».*

Основная цель летописной повести — показать превосходство храбрости русских войск над высокоумием и лютостью *«сыроядцев» «безбожных татар»* и *«поганой Литвы»,* заклеймить позором измену Олега Рязанского.

«Задонщмна». В конце XIV — начале XV в. была написана поэтическая повесть о Куликовской битве — «Задонщина», сохранившаяся в шести списках, двух редакциях. Старший из дошедших до нас списков относится к 70-м годам XVв., в списке нет конца, много пропусков. Списки XVI и XVII вв. также дефектны, однако на их основании С. К. Шамбинаго реконструировал сводный текст «Задонщины». Текстологический анализ сохранившихся списков «Задонщины» проделан Р. П. Дмитриевой.

«Задонщина» посвящена прославлению победы русских войск над монголо-татарскими полчищами, фактический материал ее автор черпал из летописной повести, а литературным образцом служило «Слово о полку Игореве».

Использование поэтического плана и художественных приемов «Слова о полку Игореве» в «Задонщине» обусловлено всем идейно-художественным замыслом этого произведения, где сознательно сопоставлялись события прошлого с событиями современными: если «Слово» призывало русских князей к единению для борьбы со «степью», то «Задонщина» прославляла единение русских князей, благодаря которому и была одержана победа над чужеземцами. Автор не только сопоставлял, но и противопоставлял их. Как отмечает Д. С. Лихачев, «в сближении событий прошлого и настоящего — пафос исторического замысла «Задонщины». Борьба с половцами и с монголо-татарами осмыслялась как борьба с «диким полем» за национальную независимость.

Поэтический план «Задонщины» состоит из двух частей: «жалости» и «похвалы». Им предшествует небольшое вступление. Оно ставит Целью не только настроить слушателя на высокий торжественный лад, но и определить тематическое содержание произведения: дать «похвалу» Дмитрию Ивановичу, его брату Владимиру Андреевичу и *«возвести печаль на восточную страну».* Автор подчеркивает, что цель его повести *«возвеселить Рускую землю»,* похвалить *«песньми и гусленьми буйными словесы»* правнуков великих князей киевских Игоря Рюриковича, Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. «Задонщина» подчеркивает генеалогическую связь московских князей с киевскими, отмечая, что новый политический центр Руси — Москва — является наследницей Киева и его культуры. С этой же целью восхваляется и вещий Боян *«гораздый гудец в Киеве».* В обращении к русским князьям Дмитрий причисляет их к *«гнезду»* великого князя Владимира Киевского. Чтобы поднять политический престиж московского князя, автор «Задонщины» называет Владимира Святославича *«царем русским».*

Воинская доблесть и мужество князей характеризуются в «Задонщине» теми же приемами, что и в «Слове о полку Игореве»: *«Дмитрей Ивановичъ и брат его князь*

Владимер Ондреевич, истезавше ум свой крепостию и поостриша сердца своя мужеством и наполнишася ратного духа».

Первая часть «Задонщины» — *«жалость»* описывает сбор русских войск, их выступление в поход, первую битву и поражение. Сбор русских войск в «Задонщине» изображается стилистическими средствами «Слова»: *«Кони ръжут на Москве, звенит слава по всей земли Руской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпохове, стоят стязи у Дону у великого на брези».*

Воины Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского, подобно кметям Всеволода, *«под трубами повити и под шеломы возлелияны, конець копия вскормлены в Литовъской земли».*

Природа в «Задонщине» на стороне русских и предвещает поражение *«поганых»: «А уже беды их* (врагов.— *В. К.) пасоша птицы крилати, под облакы летають, ворони часто грають, а голицы своею речью говорять, орлы восклегчють, а волцы грозно воють, а лисицы на кости брешут».* Зато Дмитрию Ивановичу *«солнце... ясно на вьстоцы сияеть, путь поведает».*

Первый кровопролитный бой заканчивается поражением русских: *«Грозно бо бяше и жалостно тогда видети, зоне трава кровью пролита, а древеса тугою к земли преклонишася»; «По Резанской земли, около Дону: ни ратаи, ни пастуси не кличут, но часто вороне грають, зогзици кокують трупу ради человечьскаго».*

Павших воинов оплакивают жены: княгини и боярыни. Их плачи построены, подобно плачу Ярославны, на обращении к ветру, Дону, Москве-реке.

Вторая часть «Задонщины» — *«похвала»* прославляет победу, одержанную русскими, когда из засады выступил полк Дмитрия Боброк Волынца. Враги обратились в бегство, а русским досталась богатая добыча: *«...жены рускыя въстескаша татаръским златом», «по Руской земли простреся веселье и буйство и възнесеся слава руская на поганых хулу».*

Стиль повествования «Задонщины» радостный, мажорный. Автор се проникнут сознанием конца периода *«туги»* и *«печали».* По сравнению со «Словом» «Задонщина» более абстрагирует и «психологизирует» действие. Так, новгородцы сетуют на то, что они не поспевают на помощь Дмитрию. Съехавшиеся русские князья обращаются с речью к Дмитрию. Андрей Полоцкий ведет беседу с Дмитрием Брянским, Дмитрий Иванович — с Владимиром Андреевичем, храбрый Пересвет разговаривает с Ослябей, Дмитрий произносит торжественную речь *«на костех»* после одержанной победы.

Значительно усилен в «Задонщине» по сравнению со «Словом» христианский элемент и вовсе отсутствуют языческие мифологические образы. В уста героев вкладываются благочестивые размышления, молитвенные обращения, вводится религиозная фантастика (Борис и Глеб молитву творят *«за сродники своя»),* русские войска сражаются за *«святыя церкви, за православную веру».* Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич ведут борьбу *«за землю Рускую и за веру крестьянскую».* Все это свидетельствует о возросшей роли церкви в Московском государстве.

Сложные метафорические образы «Слова», символика, связанная *с* языческой мифологией, чужды автору «Задонщины».

В отличие от «Слова», он шире использует некоторые приемы устной народной поэзии. Так, чрезвычайно распространены в «Задонщине» отрицательные сравнения: *«...яко орлы слетешася со всея полу-нощныя страны; то ти не орли слетошася съехалися еси князируския...»,* или *«серые волцы... воют, нарецы на Мечи хотят наступити на Рускую землю. То ти было не серые волцы, но приидоша погании татарове...»*

Символические образы народной поэзии: «гуси», «лебеди», «соколы», «кречеты», «волки», «орлы» — постоянно присутствуют в «Задонщине».

В стиле «Задонщины» значительны следы деловой прозы XV в., сказывающиеся в хронологических уточнениях, титулованиях князей, генеалогических формулах, перечне убитых, однообразии приемов введения прямой речи.

В то же время поэтической структуре «Задонщины» присуща строфичность, которая подчеркивается одинаковыми зачинами: *«И Рече им князь...», «И молвяще Ондрей...», «И рече ему Дмитрей...»; «Уже бо яко орлы слетешася...», «Уже бо возвеяша силнии ветри...», «Уже бо въскрипели телегы...»*

Подчеркивая политическую роль Москвы и московского князя в борьбе с монголо-татарами, «Задонщина», по-видимому, преднамеренно не упоминала о предательстве рязанского князя Олега. Весь свой пафос, лирически взволнованный и патетический, автор направлял на пропаганду идеи сплочения, единения всех сил Русской земли вокруг Москвы, подчеркивая, что только благодаря единству сил и была одержана историческая победа и князья и русские воины добыли себе *«чести и славного имени».*

«Сказание о Мамаевом побоище». В середине XV в. на основе летописной повести о Куликовской битве, «Задонщины» и устных преданий было создано «Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича», дошедшее до нас в многочисленных списках (более 100), в четырех редакциях. В «Сказании» появилось много новых подробностей, отдельных поэтических эпизодов: посылка Захарии Тютчева к Мамаю с дарами, посещение Дмитрием Троицкого монастыря, поединок богатыря Пересвета с ордынским исполином, испытание Дмитрием примет перед боем (он слушает землю, крики зверей, птиц, всматривается в огни костров неприятельского лагеря), обмен Дмитрия одеждой и конем с боярином Михаилом Бренком, героическая гибель Бренка, рассказ о подвиге одного из рядовых участников боя — Юрки-сапожника; наконец, после боя самого великого князя долго не могли разыскать и находят его под иссеченной березой *«уязвена велми».*

В «Сказании» значительно усилен религиозный элемент. Многочисленными монологами-молитвами подчеркивается благочестие Дмитрия. В одной из редакций на первое место выдвинут митрополит Киприан, к которому великий князь — его *«духовный сын»* — относится с большим уважением и послушанием. В действительности Киприан во время Куликовской битвы находился в Киеве. «Сказание» же стремилось подчеркнуть полное единение светской и церковной власти.

В старшей редакции «Сказания» литовский князь Ягайла, союзник Мамая, заменен его отцом Ольгердом, который, дойдя до Одоева, узнал о движении русских войск и решил остановиться, а после победы! Дмитрия *«с студом многим»* вернулся в свою землю.

«Сказание» построено на контрасте стойкости, мужества, христианского благочестия русских и хвастовства, гордости, нечестивости Мамая и его союзников. Автор «Сказания» не жалеет черной краски! для изображения врагов Русской земли. Плодом вымысла являются многочисленные «речи», которыми через послов обмениваются Олег, Мамай и Ягайла. Правда, Олег Рязанский затем раскаивается в том, что хотел изменить православной вере, и отказывается соединиться с силами Ольгерда (Ягайлы).

Посрамленный и поруганный на поле Куликовом Мамай бежит в Кафу. *«Гневашеся и ярася зело,* он собирается вновь идти на Русскую землю, но его войска разбиты *«на Колках»* царем Тохтамышем. Гибель Мамая в Кафе, где он был убит

«некоим купцем», характеризуется в «Сказании» как справедливое возмездие нечестивому царю, который *«испровръже зле живот свои».*

Характерная особенность «Сказания о Мамаевом побоище» наличие художественного вымысла, «речей» персонажей, элементов «психологизма». Это свидетельствует о стремлении автора внести в повествование элемент занимательности, беллетризировать его. В стиле «Сказания» широко представлена книжная риторика, сочетающаяся с поэтическим стилем воинской повести и элементами деловой письменности. Проникнутое патриотическим пафосом, «Сказание» подчеркивало политическое значение Москвы и московского великого князя, объединившего всех русских князей и благодаря этому одержавшего победу.

«Сказание о Мамаевом побоище» вошло в «Синопсис» XVII в., а затем не раз подвергалось литературной обработке: драматург начала XIX в. В. А. Озеров на его основе создал патриотическую трагедию «Дмитрий Донской», советский писатель С. Бородин использовал материал повести в романе «Дмитрий Донской». В. Саянов создал поэму «Слово о Мамаевом побоище». В цикле стихов А. Блока «На поле Куликовом» также находим отзвуки этого произведения.

«Повесть о Московском взятии от царя Тохтамыша». Победа на поле Куликовом способствовала росту национального самосознания, укрепляла мысль — для успешной борьбы с поработителями необходимо уничтожить *«рознь», «разделение»* князей. Эта идея воплощена в повести *«О Московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земля Русъския»* в 1382 г. Повесть известна в двух редакциях: первая была, по-видимому, создана в правительственных кругах, вторая, помещенная в IV Новгородской, Софийской I и Воскресенской летописях, интересна демократизмом содержания и фактографичностью. Она, вероятно, была написана в посадских кругах и отражает их вкусы, общую тенденцию демократизации исторической повести. В этой редакции в центре «коллективный» герой — рядовые участники события — ремесленники и купцы *(«суконщики»* и *«сурожане»). «Сотворив вече»,* горожане возглавляют борьбу с врагом, осадившим Москву. Они прекращают возникшую в городе *«смуту»* (Дмитрий Иванович, не получив поддержки других князей, уехал из города собирать силы). *«Сташа на всех воротех градских»,* горожане не пускают тех, в частности митрополита Киприана, кто хотел бы покинуть осажденный город, и начинают мужественно биться с врагом. В повести прославляется подвиг *«москвитина суконника»* Адама, который, приметив вражеского воина *«нарочита и славна», «спусти стрелу на него и его же уязви еще в сердце его гневливое и вскоре смерть ему нанесе»* и тем причинил большую скорбь осаждавшим.

Только обманом врагам удается овладеть городом: москвичи поверили лживым словам суздальских княжичей и открыли ворота. Ярко изображено неистовство ворвавшихся в город врагов, предавших все огню и мечу, не пощадивших ни стариков, ни младенцев, ни женщин.

Повесть осуждает *«неодиначество»* князей, предательскую политику Олега Рязанского, пропустившего полчища Тохтамыша через свои земли, и вероломство сыновей Дмитрия Константиновича Суздальского, поверив которым москвичи открыли ворота.

Фактографичность описания сочетается с большой выразительностью отдельных художественных деталей, лирическим плачем по поводу разорения города. В повести нет религиозной фантастики, благочестивых рассуждений, только в ее начале сообщается о грозном небесном знамении — появлении хвостатой кометы, ставшей *«копейным образом».*

Наметившаяся в «Повести о Московском взятии от царя Тохтамыша» демократическая тенденция не получила развития в исторических жанрах московской литературы конца XIV — начала XV в. В дальнейшем ее можно обнаружить в псковской литературе, а в полной мере она проявится в произведениях XVII в.

Иной характер носит **«Повесть о Темир-Аксаке»,** отразившая события 1395 г. Она включает легендарное жизнеописание Тамерлана, сказание о перенесении в Москву Владимирской иконы Богоматери и грозное видение небесных полков Темир-Аксаку, следствием чего явилось внезапное бегство завоевателя. Повесть подготавливает почву для появления политической теории преемственности Москвой византийского и киевского наследства.

Вторая четверть XV в. ознаменовалась последней длительной междоусобной борьбой Василия II (Темного) с дядей Юрием Дмитриевичем Звенигородским и его сыном Дмитрием Шемякой. Она закончилась победой московского князя. Василий II отверг Флорентийскую унию 1439 г., подчинявшую византийскую православную церковь римско-католической. В 1448г. русская церковь объявила себя автокефальной (независимой) от Константинополя, и собором русских епископов на митрополичий престол был избран Иона. Это событие имело важное политическое значение. Оно утвердило мысль о том, что Москва является мировым центром и хранительницей истинного православия, чистота которого утрачена греками, вступившими в союз с *«безбожными латинянами».*

«Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера. Падение Константинополя под ударами турок-сельджуков в 1453 г. получает философское историческое осмысление в «Повести о взятии Царьграда», написанной Нестором-Искандером. В рассказ об основании города Константином Флавием вводится символическое знамение борьбы змея (символ мусульманства) с орлом (символ христианства): победа змея над орлом временная, и в конечном итоге христианство восторжествует. Падение Константинополя — исполнение первой части пророчества. Явится *«русии же род с преже создателъными всего Измаила победят и Седмохолмаго примуть прежде законными его, и в нем въцарятся».* Это было истолковано как указание на русский народ, миссия которого — освободить Царьград от *«неверных».* Все это придавало «Повести» публицистическую остроту.

Основное внимание в повести уделяется описанию осады города. Автор передает психологическое состояние осажденных, поведение Константина. Это мужественный воин, презирающий смерть, долг и честь для него превыше всего. Несмотря на страшные, грозные знамения, предвещающие падение Царьграда, Константин отказывается покинуть город ради спасения своей жизни. Он героически гибнет в неравном бою. С оружием в руках гибнет и верный союзник Константина генуэзский принц Зустенея (Юстиниан).

Мужественным и храбрым воином изображен в повести турецкий султан Магмет. Он жесток, но справедлив, ценит воинскую доблесть противника. Такое изображение врага явилось новым шагом в развитии жанра исторической повести. Описания батальных сцен исполнены динамизма, напряженности и художественной выразительности. Сочувствие автора на стороне осажденных. *«Кто о сем не восплачется и не възрыдает?»* — вопрошает он, описывая разгром города завоевателями.

«Повесть о взятии Царьграда» явилась важным этапом в развитии жанра исторической повести. Сочетание конкретного описания военных событий с художественным вымыслом (небесные знамения, вымышленные монологи, раскрывающие внутреннее состояние героев, эмоциональная оценка, широкое

философско-историческое осмысление событий) составляет отличительную особенность повести, подготовившей историческое обоснование политической теории Русского государства: Москва—третий Рим. Повесть пользовалась большой популярностью у читателей и служила образцом для исторических повестей XVI —первой четверти XVII в.

Повести о Вавилонском царстве. Об изменении форм исторического повествования в XV в. свидетельствует появление повестей о Вавилонском царстве, сыгравших важную роль в создании политической теории Московского государства. В состав повестей входит «Притча о Вавилоне граде», в которой сообщаются легендарные сведения о царе Навуходоносоре, создании им нового Вавилона и запустении этой мировой державы и «Сказание о Вавилоне граде».

Обе повести возникли, вероятно, в Византии в период обоснования Константинополем своих прав на мировое первенство.

В «Сказании о Вавилоне граде» повествуется о трех юношах: греке, абхазце и русском, которые добывают знаки царского достоинства из запустевшего Вавилона для греческого царя Василия. Равное участие представителей трех христианских народов в этом подвиге подчеркивало мысль о равноправии трех христианских держав: Греции (Византии), Грузии и России. А когда Константинополь пал и Грузия почти утратила свою самостоятельность, все права на знаки царского достоинства должны принадлежать русским великим князьям.

Тем самым «Сказание о Вавилоне граде» подготавливало появление «Сказания о Мономаховом венце».

Повести о Вавилонском царстве носят сказочный характер: здесь фигурируют волшебный меч-самосек, гигантский спящий змей, стерегущий богатства запустевшего Вавилона; чудесный кубок с божественным напитком, таинственный голос, дающий указания юношам, и т. п. Все это сближает повести о Вавилоне с волшебной сказкой. Только имена царей Навуходоносора и Василия историчны в этих повестях, все же остальное — художественный вымысел.

Житийная литература. В конце XIV — начале XV в. в агиографической литературе происходит возрождение и развитие риторическо-панегирического стиля литературы Киевской Руси, или, как его определяет Д. С. Лихачев, экспрессивно-эмоционального. Это связано с подъемом национального самосознания, вызванного борьбой с иноземными поработителями, формированием идеологии централизованного государства, укреплением авторитета великокняжеской власти. Идея служения Русской земле (осознание необходимости ради этого победить *«страх ненавистной розни мира сего»)* являлась определяющей идеей времени. Она получает свое воплощение, как в литературе, так и в изобразительном искусстве, где на первый план выдвигается нравственный идеал человека целеустремленного, стойкого, способного к самопожертвованию во имя блага народа, блага государства. Прославлению, возвеличению этого нравственного идеала и служил риторическо-панегирический стиль конца XIV —начала XV в., основанный на традициях киевской литературы и богатом опыте южнославянских литератур.

Обращение к этому стилю связывают с так называемым вторым южнославянским влиянием. Сербия и Болгария переживают в XIV в. период своего политического и культурного расцвета. Развитию литературы в этих странах способствовала реформа в области книжности, проведенная патриархом Тырновским Евфимием. Эта реформа коснулась принципов перевода на славянский язык греческих текстов. Было выдвинуто требование неукоснительного следования греческим образцам. Большое внимание уде-

лялось форме: особенностям графики, написания. Евфимий и его ученики полагали, что слово неразрывно связано с сущностью называемого предмета, явления. Понять предмет — значит правильно назвать его; каждая буква имеет определенное значение, и ее изменение меняет смысл слова. Возвышенный древнеславянский язык противопоставлялся живой разговорной речи.

Реформа Евфимия воплотилась в новых переводах текстов «писания» и в созданных им и его учениками агиографических произведениях, превратившихся в торжественные панегирики. Этот новый стиль «извития», или «плетения» «словес», и был якобы перенесен на Русь в конце XIV — начале XV в. выходцами из южнославянских стран митрополитом Киприаном, Григорием Цамблаком, Пахомием Логофетом. В свою очередь русские книжники, пребывая на Афоне и Константинополе и общаясь в этих культурных центрах православного Востока с болгарскими, сербскими и греческими монахами, усваивали нормы этого стиля.

Риторическо-панегирический стиль первоначально получает распространение в агиографии, где житие становится «торжественным словом», пышным панегириком русским святым, являющим собой духовную красоту и силу своего народа. Изменяется композиционная структура жития: появляется небольшое риторическое вступление, центральная биографическая часть сокращается до минимума, самостоятельное композиционное значение приобретает плач по умершему святому и, наконец, похвала, которой отводится главное место. Этот стиль еще игнорирует психологию человека в целом, его характер, но писатели начинают описывать различные чувства, которые как бы живут вне людей.

Однако и абстрактный психологизм был значительным шагом вперед в художественном развитии древней литературы. В произведениях начали появляться психологические мотивировки поступков героев, изображение динамики чувств. Биография христианского подвижника стала рассматриваться как история его внутреннего развития. Важным средством изображения душевных состояний человека становятся пространные и витиеватые речи-монологи.

Описание чувств заслоняло и отодвигало на второй план изображение подробностей событий. Поэтому фактам из жизни подвижника большого значения не придавалось; если их недоставало, то они попросту измышлялись, поскольку писатели того времени стремились все выводить из общих истин. В текст вводились пространные авторские риторические отступления, рассуждения морально-богословского характера.

Форма изложения произведения была рассчитана на создание определенного настроения. Этой цели служили оценочные эпитеты, метафорические сравнения, сопоставления с библейскими персонажами.

Первым произведением, написанным эмоционально-экспрессивным стилем, было «Житие Петра митрополита» Киприана. Киприан опирался на труд своего предшественника Ростовского епископа Прохора.

Перерабатывая его текст, Киприан не только украшает стиль повествования, но и насыщает его новыми политическими идеями. Он усматривает общность судьбы митрополита Петра, не признанного тверским князем, со своей собственной и своими взаимоотношениями с московским князем Дмитрием Ивановичем. Более того, Киприан подчеркивает первенствующее значение церковной власти.

«Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича». Этой тенденции противостоит *«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьскаго»,* созданное, по-видимому, вскоре после смерти князя (ум. 19 мая 1389 г.). По своей форме — это торжественная Речь, прославляющая великого князя

московского — победителя монголо-татарских завоевателей не только как святого, украшенного всеми христианскими добродетелями, но и как царя — идеального правителя всей Русской земли, что имело важное политическое значение.

«Слово о житии» состоит из трех частей: биографии князя, плача Евдокии и похвалы.

Биография Дмитрия дается в религиозно-моралистическом плане. Использованы лишь самые существенные факты из жизни князя: женитьба в шестнадцатилетнем возрасте на Евдокии, строительство каменных стен московского Кремля, битва с монголами на реке Воже и Куликовская битва. «Слово о житии» не касается взаимоотношений Дмитрия с митрополитом Киприаном, не упомянут и митрополит Алексей, являвшийся регентом-правителем в начале княжения Дмитрия, вскользь упомянут Сергий Радонежский. По-видимому, автор сознательно обошел эти факты, подчеркивая первенствующее значение власти «царя Русского».

Благочестивый князь противопоставлен в «Слове о житии» *«безбожному», «безстудному»* Мамаю. Контрастность этих образов подчеркивается самонадеянной речью-монологом Мамая, благочестивой молитвой Дмитрия и его речью, обращенной к князьям Русской земли и вельможам. Эта речь — плод художественного вымысла автора, о чем свидетельствует ее ритмическое построение.

«Слово о житии» передает полное единодушие князей и вельмож, которые именуют Дмитрия *«русским царем»* и готовы *«живот свой положити»,* служа ему.

В «Слове о житии» дано обобщенное описание Куликовской битвы традиционными формулами воинских повестей. Битва на Куликовом поле сравнивается с битвой Ярослава Владимировича со Святополком, *«злочестивый Мамай»* именуется *«вторым Святополком».* Автор «Слова о житии» подчеркивает, что победа одержана Дмитрием при помощи небесных сил: *«заступника Русской земли»* митрополита Петра, *сродников князя* «святых Бориса и Глеба». Оценивая значение победы, «Слово о житии» утверждает, что ее результатом явился мир — *«тишина в Русьской земли»,* укрепление власти московского царя: *«...и все подруце его подклонишася, расколници же и мятежници царства его еси погыбоша».* В этих словах выражена основная политическая идея произведения.

Создавая агиобиографию Дмитрия, автор «Слова о житии» не просто говорит о благочестивом происхождении князя *«от благородну и пречестну родителю»,* а устанавливает его генеалогию, подчеркивая, что Дмитрий — внук *«собрателя Русьской земли»* Ивана Даниловича *«и корены святого, и богом сажденного саду отрасль благоплодна и цвет прекрасный царя Владимира, нового Констянтина...»,* Последовательно проводится мысль о том, что *«скипетр державы Русьскыя земля»* Дмитрий принял по наследству. Это свидетельствует о том, что уже к концу XIV — началу XV в. идея киевского наследства вошла в сознание московских книжников.

Пространен и витиеват перечень христианских добродетелей князя, завершающийся дидактическим обращением: *«...да се слышаще, царя и князи, научитеся тако творити».*

Большое место в «Слове о житии» отводится плачу княгини Евдокии и похвале.

Плач вдовы восходит к традиции устной причета: *«Како умре, животе мой драгий, мене едину вдовою оставив? Почто аз преже тебе неумрох? Какозаиде, свет очию моею?.. Цвете мой прекрасный, что рано увядавши?.. Солнце мое, рано заходиши; месяць мой прекрасный, рано погыбаеши; звезда въсточная, почто к западу грядеши?»*

Евдокия обращается к умершему, как к живому, и как бы ведет с ним беседу. Сопоставления покойного с «солнцем», «месяцем», «закатившейся звездой», «увядшим садом» характерны для народной поэзии.

Однако народные элементы получают книжное риторическое оформление, и плач приобретает характер пышного торжественного панегирика, прославляющего христианские добродетели князя. Плач органически переходит в похвалу, задача которой внушить слушателю (читателю) мысль о величии прославляемого лица, его нравственной и политической высоте. Автор подчеркивает, что добродетели Дмитрия нельзя выразить и исписать простым человеческим словом.

Риторическим вопросом *«Кому уподоблю...?»* вводится в похвалу пространный перечень сопоставлений прославляемого лица с библейскими персонажами. Сравнения Дмитрия с Адамом, Ноем, Авраамом, Моисеем показывали величие героя; при этом постоянно подчеркивалось, что Дмитрий своим величием превосходит всех библейских патриархов и пророков.

Автор «Слова о житии» прибегает к приемам ораторской прозы Киевской Руси, и в частности использует отдельные стилистические формулы «Слова о законе и благодати» Илариона. При этом вновь говорит о Владимире Святославиче, но если Владимира прославляет только Киев, то Дмитрия Ивановича — вся Русская земля.

Используя в качестве литературных образцов «Житие Александра Нейского», паремийное чтение о Борисе и Глебе, «Слово о житии» преследовало ясную политическую цель: прославить московского князя, победителя Мамая, как властителя всей Русской земли, наследника Киевского государства, окружить власть князя ореолом святости и поднять его политический авторитет на недосягаемую высоту.

Творчество Епифания Премудрого. Значительный вклад в развитие Древнерусской агиографической литературы конца XIV — начала XV в. внес талантливейший писатель Епифаний Премудрый. Большую часть своей жизни (31 год) он провел в стенах Троице-Сергиева монастыря. Первоначальное образование получил, по-видимому, в Ростове, где в юности постригся в монастыре Григория Богослова *«близ епископии».* Этот монастырь привлек Епифания своей библиотекой: *«Книгы многы бяху ту довольны».* Здесь он встретился с будущим героем своего произведения Стефаном, с которым вел неоднократные беседы: *«...спирася о слове или коемждо стихе, или о строце».* Епифаний совершил путешествие по христианскому Востоку, побывал на Афоне, где познакомился с лучшими образцами византийской, болгарской и сербской литератур. Разносторонность интересов сблизила его с знаменитым художником Феофаном Греком. Весьма интересную характеристику Феофану дал Епифаний в письме тверскому епископу Кириллу. Епифания поразила в Греке его свободная манера «писать», «не взирая на образцы», и беседы с художником, видимо, не прошли даром для писателя: эмоциональной экспрессии Феофановой кисти соответствует словесная экспрессия Епифания. Неизвестно, был ли знаком писатель с другим своим гениальным современником, Андреем Рублевым, но, безусловно, на их творчество благотворное влияние оказала нравственно-трудовая атмосфера Троице-Сергиева монастыря и личность его игумена Сергия Радонежского. Епифаний, как и Андрей Рублев, выразил общий подъем национального самосознания, вызванного исторической победой на поле Куликовом. Умер Епифаний около 1420 г.

Епифанию принадлежат два произведения: «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского». Создавая агиобиографии своих замечательных старших современников, чьи имена «блестят ярким созвездием в нашем XIV веке», по словам В. О. Ключевского, «делая его зарей политического и нравственного возрождения Русской

земли», Епифаний стремился показать величие и красоту нравственного идеала человека, превыше всего ставящего общее дело — дело укрепления Русского государства.

«Житие Стефана Пермского» было написано Епифанием, по-видимому, вскоре после смерти Стефана в 1396 г. Цель жития — прославить миссионерскую деятельность русского монаха, ставшего епископом в далекой коми-пермяцкой земле, показать торжество христианства над язычеством. Тщательно собрав фактический материал о Стефане, Епифаний оформляет его в изящный и торжественный панегирик.

«Житие Стефана Пермского» открывается риторическим вступлением, далее следует биографическая часть и три плача (пермских людей, пермской церкви и «Плач и похвала инока списающа»).

Во вступлении Епифаний пространно говорит о мотивах, которые побуждают его взяться за перо: *«...аще ли не написана будут памяти ради, то изыдеть из памяти, и в преходящая лета и преминующим родом удобь сиа забвена будут»...* Сообщает об источниках, которыми он располагал, приступая к работе, и о встретившихся трудностях.

В биографической части дан ряд конкретных сведений о жизни и деятельности Стефана. Он родился в Устюге, в семье соборного клирика. Научившись грамоте, прочитал много книг Ветхого и Нового завета, внимательно слушал *«чистые повести»* и *«учительные словеса», и сам «святыя книгы писаше хытре и гораздо и борзо».* Он заранее готовит себя к будущей миссионерской деятельности: он *«...изучися сам языку пермьскому, и грамоту нову пермьскую сложи, и азбукы незнаемы счини... и книгы русскыа на пермьский язык преведе и преложи и преписа».* Более того, *«желаа же болшаго разума»,* Стефан изучил греческий язык *«и книгы греческий извыче...».*

Таким образом, прежде чем идти в Пермскую землю, Стефан тщательно и всесторонне готонит себя к подвигу *«учителя».* Епифаний говорит, что мысль идти в Пермскую землю и *«учити люди некрещеныя»* возникла у его героя *«издавна».* Разгораясь духом и печалясь, что *«в Перми человецы всегда жруще глухым кумиром и бесом моляхуся»,* Стефан ставит целью своей жизни *«просветить»* этих людей.

Центральное место занимает в житии описание миссионерской деятельности Стефана. Он живет длительное время среди коми-пермяков и личным примером воздействует на язычников. Он ведет энергичную борьбу с языческими обрядами: разоряет *«кумирню»,* срубает *«прокудливую»* (волшебную) березу, которой поклонялись пермяки, посрамляет волхва (шамана) Пама. Стефан проявляет большую силу воли, выдержку, терпение и убежденность, а также полное бескорыстие. Благодаря этим качествам он одерживает моральную победу. Стефан делает свою борьбу с Памом предметом широкой гласности. Он предлагает волхву войти с ним в горящий костер, опуститься в ледяную прорубь. От подобных испытаний Пам категорически отказывается и окончательно теряет авторитет у зырян. Одержав победу, Стефан защищает Пама от ярости пермяков, которые требуют его казни, добивается замены ее изгнанием.

Епифаний Премудрый по-новому подходит к изображению отрицательного героя. Противник Стефана Пам — это личность незаурядная, имеющая большое влияние на пермяков. Он стремится убедить сиоих соотечественников не принимать христианства, видя в Стефане ставленника Москвы: *«От Москвы может ли что добро быти нам? Не оттуда ли нам тяжести быша, и дани тяжкия и насильства, и тивуны и доводщицы и приставницы?»* «Речь» Пама делает образ языческого волхва психологически убедительным, жизненно достоверным. Победа над Памом дается Стефану нелегко, отмечает Епифаний, и этим еще более подчеркивает значение личности победителя, его нравственного примера.

Епифаний вводит в житие и элементы критики духовенства, церковных иерархов, добивающихся своих должностей путем борьбы с соперниками, *«наскакивая»* друг на друга, путем подкупа.

Главную заслугу Стефана Епифаний видит в его просветительской деятельности, в создании пермской азбуки и переводе на пермский язык книг «священного писания»: *Коль много лет мнози философи еллинстии събирали и составливали грамоту греческую и едва уставили мноземи труды и многыми времени едва сложили; пермьскую же грамоту един черьнецъ сложил, един составил, един счинил, един калогер, един мних, един инок, Стефан глаголю, приснопомнимый епископ, един в едино время, а не по много времена и лета, якоже и они, но един инок, един вьединеныи и уединяйся, един, уединении, един у единого бога помощи прося, един единого бога на помощь призывай, един единому богу моляся и глаголя...»* Перед нами типичный образец риторической речи, построенный на единоначалии — *«един»,* на широком привлечении синонимических выражений.

Особого мастерства в *«плетении словес»* Епифаний достигает в «Плаче пермских людей», «Плаче пермской церкви» и «Плаче и похвале инока списающа». Епифаний пользуется риторическими вопросами и восклицаниями, сопоставлениями с библейскими персонажами, метафорическими сравнениями, единоначалиями. Он не находит слов, чтобы по достоинству прославить величие подвига пермского епископа: *«Но что тя нареку, о епископе, или что тя именую, или чим тя призову, и како тя провещаю, или чим тя меню* (что о тебе скажу), *или что ти приглашу* (провозглашу), *како похвалю, како почту, как ублажю, како разложу* (изложу) *и како хвалу ти съплету?»* И Епифаний, словно кружево, плетет словесную хвалу Стефану. Поражает необычайное богатство словаря, многообразие синонимов, которые употребляет Епифаний. Например. *Един тот был у нас епископ, то же был нам законодавець и законоположник, то же крестителъ, и апостол, и проповедник, и благовестит, и исповедник, святитель, учитель, чиститель, посетитель, правитель, исцелитель, архиереи, стражевожъ, пастырь, наставник, сказатель, отец, епископ».*

В похвале порой встречаем до 20—25 синонимических эпитетов, с помощью которых автор стремится выразить свои чувства уважения и восхищения героем.

В «Плаче пермских людей» Епифаний передаст *«сердечную тугу»,* горе новообращенных христиан, лишившихся *«доброго господина и учителя», «доброго пастуха и правителя».* В книжную риторику плача вкрапливаются отдельные фольклорные мотивы, характерные для народных вдовьих причитаний: *«Камо заиде доброта твоя, камо отъиде от нас, или камо ся еси дел от нас изиде, а нас сирых оставил еси ... кто же ли утешить печаль нашу, обдержащую ны, к кому ли прибегнем или к кому возрим...»*

В этом плаче пермские люди высказывают свою *«обиду»* на Москву, в чем многие исследователи видят антимосковскую тенденцию «Жития Стефана Пермского». Однако внимательное изучение политической тенденции жития не дает оснований для подобного утверждения. Епифаний подчеркивает, что вся деятельность Стефана была направлена на общее благо Русской земли.

Плачи в «Житии Стефана Пермского» выражают не только чувство скорби пермских людей, но и чувство восторга, удивления перед величием подвига героя.

В «Плач и похвалу инока списающа» Епифаний включает отдельные моменты, связанные с личной жизнью (встречи со Стефаном и споры с ним), лирическое раздумье о ней: *«Увы, мне, како скончаю мое житие, како преплову се море великое и*

пространное, ширшееся, печалное, многомутное, не стояще, смятущееся...» и традиционное для образа агиографа самоуничижение.

Оно подчеркивало, с одной стороны, величие подвига героя, а с другой — словесное искусство самого автора, которого влечет *«на позволение и на плетение словес»* любовь к герою. Епифаний так характеризует свой стиль: *«Да и аз многогрешный и неразумный, последуя словесем позволении твоих, слово плетущи и слово плодящи, и словом почтити мнящи, и от словесе похваление събираа, и приобретаа, и приплетаа...»*

Свои «словеса» Епифаний заимствовал из различных книжных источников, широко используя тексты писания, цитируя по памяти творения «отцов церкви», Патерик, Палею и Хронограф, сочинения Черноризца Храбра.

В создании торжественного риторического стиля Епифаний опирался на традиции литературы Киевской Руси, и в частности — на «Слово о законе и благодати» Илариона.

«Житие Стефана Пермского» нарушало традиционные рамки канона своим размером, обилием фактического материала, включавшим этнографические сведения о далеком Пермском крае, критику симонии («поставление» на церковные должности за деньги); новой трактовкой отрицательного героя; отсутствием описания как прижизненных, так и посмертных чудес; композиционной структурой. По-видимому, Епифаний предназначал его для индивидуального чтения и, подобно своему другу Феофану Греку, писал, невзирая на канонические образцы.

Около 1417—1418 гг. Епифаний создал **«Житие Сергия Радонежского»**. Оно написано с большой исторической точностью, но стиль изложения менее риторичен. Епифаний хорошо передает факты биографии Сергия, с лирической теплотой говорит о его деятельности, связанной с борьбой против *«ненавистной розни»,* за укрепление централизованного Русского государства.

О роли Сергия Радонежского и Стефана Пермского в политическом и нравственном возрождении Русской земли говорил В. О. Ключевский: «Сергий своею жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем не все еще доброе погасло и замерло... он открыл им глаза на самих себя». «Божии угодники», хоть и отказывались от житейских волнений, а постоянно жили лишь для мира. «Не от омерзения удалялись святые от мира, а для нравственного совершенствования. Да, древние иноки жили почти на площади»,— отмечал Ф. М. Достоевский.

Литературная деятельность Епифания Премудрого способствовала утверждению в литературе стиля «плетения словес». Этот стиль обогащал литературный язык, содействовал дальнейшему развитию литературы, изображая психологические состояния человека, динамику его чувств.

Деятельность Пахомия Логофета. Развитию риторическо-панегирического стиля способствовала литературная деятельность Пахомия Логофета (Словоположника). Серб по национальности, Пахомий получил образование на Афоне. Прибыв на Русь в 30-е годы XV в., он прожил здесь до конца своих дней (ум. в 1484 г.). Пахомий охотно выполнял заказы Москвы, Новгорода: создавал риторические переработки многих произведений предшествующей житийной литературы, создавал новые, угождая политическим и литературным вкусам заказчиков — правящих верхов Москвы и Новгорода.

Перу Пахомия принадлежат жития Сергия Радонежского (переработка жития, написанного Епифанием), митрополита Алексея, Варлаама Хутынского, архиепископа Иоанна, архиепископа Моисея, «Сказание о Михаиле Черниговском и его боярине Федоре». Заново Пахомием написаны жития Никона (игумена Троице-Сергиева мона-

стыря, преемника Сергия), архиепископа Новгородского Евфимия, Саввы Вишерского и Кирилла Белозерского.

Все эти произведения были приведены в соответствие с церковным каноном. Так, «Житие Сергия Радонежского», созданное Епифанием Премудрым, подверглось значительному сокращению. Пахомий придавал житиям пышную, торжественную риторическую форму, расширял описание чудес.

Риторическая форма порой приобретала у Пахомия гипертрофированный характер, развиваясь в ущерб содержанию.

Таким образом, московская литература конца XIV—XV вв. характеризуется развитием эмоционально-экспрессивного стиля в агиографической литературе. Этот стиль утверждает нравственный идеал подвижника и князя — «царя Русского», посвятивших себя общему делу служения государственным интересам. Постепенно этот стиль проникает в историческое повествование и публицистику, видоизменяя их. В историческом повествовании все большую роль начинает играть художественный вымысел. Стремясь к широким обобщениям, историческая повесть приобретает не только политический, но и философский характер.

НОВГОРОДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В XIV—XV вв. Новгород был крупнейшим политическим, экономическим и культурным центром северо-западной Руси. Владения его простирались вплоть до Урала, а ушкуйники проникали даже в далекую и богатую Сибирь.

По своему политическому устройству Новгород был типичной феодальной республикой.

Необходимость постоянной борьбы с ливонскими рыцарями, шведскими феодалами вынуждала новгородскую знать признавать известную политическую зависимость Новгорода от Владимиро-Суздальского княжества. После Куликовской битвы устанавливается зависимость Новгорода от Москвы.

В Новгороде складываются две своеобразные «партии»: московская и литовская. Ремесленники, мелкие и средние торговцы, *«черные люди»,* т. е. крестьяне, были заинтересованы в централизации управления, и они ратовали за присоединение Новгорода к Москве. Отсюда они и получали название «московской партии». Боярская торговая олигархия, князья церкви стремились сохранить свои привилегии — «вольницу новгородскую». Они отстаивали удельные порядки и в своей политике ориентировались на Литву. Отсюда и название «литовская партия». Между этими «партиями» часто происходят столкновения, отражающие острую классовую борьбу.

Древнейшим памятником новгородской литературы является летопись. С XIII в. ее тематика значительно расширяется: появляется понятие «Русская земля», и летописец внимательно следит за событиями в других княжествах. В круг его наблюдений входят также важнейшие события политической и военной жизни шведов, немцев и монголов. Это можно наблюдать в дошедшей до нас «Первой Новгородской летописи», относящейся к 30-м годам
XIV в.

Дальнейшее развитие летописания и расцвет литературного творчества в Новгороде происходит в 30—50-е годы XV в. при архиепископе Евфимий II (1429—1459). Он стремился дать идеологическое обоснование сепаратистским тенденциям новгородской знати. С этой целью новгородские писатели обратились к историческим преданиям и легендам, к упрочению местных святынь.

По поручению Евфимия II в 1432 г. создается Софийский временник, в котором центром истории Руси признается Новгород. Но Софийский временник был летописью чисто новгородской, он слабо отражал историческую жизнь других русских княжеств.

Характерной особенностью новгородских летописей XV в. является включение в них историко-легендарного повествования. В поздних новгородских летописях большое место отводится повествованию о присоединении Новгорода к Москве Иваном III (1472—1478), появляются вставленные позже легенды, предвещающие падение новгородской вольности.

В XIV в. в новгородской литературе интенсивно развивается жанр путешествий—хождений. В середине века проявляется «Хожение Стефана Новгородца». Это первое в древнерусской литературе путешествие мирянина. Цель его путешествия — торговля. Стефан создал своеобразные очерковые записки, в которых описывались не только святыни, но и важнейшие достопримечательности Царьграда (Юстинианов столп, гавань и морские суда, архитектура города). Характер путеводителя носит «Сказание о Царьграде» и «Беседа о святынях Царьграда» (вторая половина XIV в.).

Примечательным произведением является «Послание новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Федору о земном рае», помещенное в «Первой Новгородской летописи» под 1347 г. Василий полемизирует с ортодоксальной позицией тверского епископа
о *«мысленном рае»* и, ссылаясь на апокрифические источники, свидетельства очевидцев—новгородских путешественников, доказывает существование на востоке, за морем, *«земного рая»*.

Расцвет новгородской агиографии падает на вторую треть XV в. Евфимий II устанавливает почитание местных новгородских святых, покровителей города: архиепископов Иоанна и Моисея.

Прибывший с Афона по приглашению Евфимия II Пахомий Серб (30-е годы XVв.) перерабатывает в риторическо-панегирическом стиле вторую редакцию «Жития Варлаама Хутынского» и летописное «Сказание о знамении от иконы Богородицы» (1169), повествующее о победе новгородцев над осадившими город суздальцами. В «Сказании» прославляются новгородский архиепископ Иоанн и Новгород, которым покровительствует сама Богородица, посрамляется *«лютый фараон»* Андрей Боголюбский, потерпевший поражение у новгородских стен. Нетрудно увидеть в этой повести связь с политическими событиями того времени: Новгород находится под особым покровительством неба, и всякая попытка Москвы посягнуть на его политическую независимость будет жестоко наказана.

«Повесть о путешествии новгородского архиепископа Иоанна на бесе в Иерусалим». Эта повесть посвящена прославлению святости новгородского архиепископа. Основу ее сюжета составляет типичный для средневековой литературы мотив борьбы праведника с бесом.

«Лукавый бес, решив *«смутити»* архиепископа, забрался в сосуд с водой, из которого Иоанн имел обыкновение умываться. *«Уразумев бесовское мечтание»,* Иоанн оградил сосуд крестным знамением. *«Не могий часа терпети»,* бес *«нача вопети»,* прося отпустить его. Иоанн согласился при условии, что бес в одну ночь свозит его из Новгорода в Иерусалим и обратно. Перед нами характерный эпизод волшебной народной сказки, которому в повести придан религиозно-моралистический оттенок. Совершив свое фантастическое путешествие, Иоанн по требованию беса должен был хранить молчание об этом столь примечательном факте: подумать только, бес вез на себе архиепископа не на шабаш ведьм, а к гробу господню! Но (довольно верный психологический штрих) тщеславие взяло верх над страхом бесовской мести. Иоанн рассказал в беседе *«с благочестивыми мужами»* о том, что некий человек побывал в единую ночь в Иерусалиме. Обет молчания нарушен, и бес начинает творить пакости святителю. Бесовские козни носят конкретный бытовой характер. Посетители кельи Иоанна видят то женское монисто, лежащее на лавке, то туфли, то женскую одежду и неоднократно выходящую из кельи блудницу. Разумеется, все это козни дьявола, бесовские мечтания. Но как в этих картинах верно подмечены нравы «отцов церкви», в фантастическом сюжете нетрудно обнаружить реальные черты быта духовенства.

Новгородцы решают, что человеку, который ведет непотребную жизнь, не подобает быть святителем. Они изгоняют архиепископа, посадив его на плот. Однако по молитве Иоанна плот поплыл против течения. Невиновность и «святость» его воочию доказаны. Новгородцы раскаиваются и со слезами молят Иоанна о прощении.

Повесть отличается занимательностью сюжета, живостью, образностью, яркими деталями быта. Большую роль в ее сюжетно-композиционной структуре играет прямая речь.

Занимательность сюжета повести привлекла внимание лицеиста Пушкина, начавшего работу над комической поэмой «Монах». Мотив путешествия героя на бесе был использован Н. В. Гоголем в повести «Ночь перед Рождеством».

«Повесть о новгородском посаднике Шиле». С популярным именем Иоанна связана «Повесть о новгородском посаднике Щиле». В ее основе — устное предание о ростовщике-монахе Щиле, построившем церковь Покрова в Новгороде в 1320 г. Предание, попав в церковную среду, претерпело изменения: монах был заменен посадником, а повесть ставила своей целью доказать спасительность заупокойных молитв и необходимость подушных церковных вкладов. С их отрицанием выступали в Новгороде еретики — «стригольники». Эта рационалистическая городская ересь, возникшая в XIV в. (ее основателем считается «стригольник» — суконщик Карп), подвергала критическому пересмотру ортодоксальное церковное учение. «Стригольники» отвергали церковную иерархию, утверждая, что посредниками между человеком и Богом не могут быть священники, поставленные по мзде. Они отрицали заупокойные молитвы, считая, что за грех, совершенный человеком на земле, обязательно последует соответствующее наказание «на том свете». «Еретики» подвергали критике священников за недостойное житие, отрицали таинство причастия. В ереси под религиозной оболочкой нетрудно обнаружить социальный протест городских демократических низов против духовных феодалов.

«Повесть о новгородском посаднике Щиле» защищает интересы последних, доказывая на примере своего героя ростовщика Шила необходимость и «полезность» заупокойных молитв и вкладов на помин души: церковь и ее служители способны замолить любой грех, даже такой страшный, как ростовщичество. Когда сын Щила роздал все имущество своего отца по церквам, где в течение ста двадцати дней и ночей молились за упокой души ростовщика, то грех его в конце концов был прощен: по прошествии первых сорока дней из адского пламени появилась голова, затем через сорок дней Щил вышел из ада до пояса, и по прошествии последних сорока дней все его тело освободилось от адских мук. Освобождение героя от адского пламени наглядно демонстрировалось в написанном *«вапами»* (красками) иконописцем *«видении», «поведающем о брате Щиле во адове дне»,* что свидетельствует о тесной связи слова с изображением.

Сказания о конце Новгорода. После утраты Новгородом независимости и окончательного присоединения к Москве в 1478 г. складываются легенды о конце Новгорода, подчеркивающие неизбежность этого события. Так, в летопись под 1045 г. вносится сказание о росписи новгородской Софии греческими мастерами: иконописцы должны были изобразить в куполе собора Спаса-вседержителя с благословляющей рукою, но рука его чудесным образом сжималась, хотя художники переписывали ее трижды. На третий день иконописцы услышали небесный голос: *«Писари, писари, о писари! не пишите мя благословляющею рукою, напишите мя сжатою рукою, аз бо в сей руце моей сей Великий Новград держу; а когда сия рука моя распространится, тогда будет граду сему скончание...»* Действительно, пантократор (вседержитель) Софийского новгородского собора изображен не с «простертою дланью», а со сжатой рукой. Во время Великой Отечественной войны фреска была разрушена прямым попаданием немецкого снаряда.

Под 1471 г. летопись сообщает о страшной буре, которая сломала крест на Софийском соборе, о появлении крови на двух гробах, о слезах от иконы Богородицы. Все эти страшные знамения предвещали поражение новгородцев в битве с московскими войсками на реке Шелони в 1472 г.; следствием этого поражения и явилось окончательное присоединение Новгорода к Москве.

Большое количество легенд о падении Новгорода вносится в житийную литературу. Так, в «Житии Михаила Клопского» помещен интересный эпизод встречи Михаила с новгородским архиепископом Евфимием. Михаил сообщает, что в Москве родился наследник (Иван III), который будет страшен многим странам и примет власть над Новгородом. Михаил советует новгородцам немедленно отправлять послов в Москву умилостивить князя, иначе он пойдет на них войной. Архиепископ не послушал мудрого совета, и сбылось все *«по реченному».*

В «Житии Зосимы и Савватия Соловецких» был помещен легендарный эпизод посещения Зосимой дома Марфы Борецкой (она была одним из главарей «литовской партии»). Не принятый Марфой, Зосима сокрушенно говорит: *«Приближается время, когда обитатели этого дома не станут ходить по двору этому, и затворятся двери дома, и не отверзутся, и будет двор их пуст».* Приглашенный затем Марфой на пир, Зосима увидел, что шестеро бояр сидят без голов (впоследствии они были казнены Иваном III).

В «Житии Варлаама Хутынского» в описании посмертных чудес было вставлено видение пономаря Тарасия. В этой легенде подчеркивалось, что за людские беззакония и грехи Бог решил погубить Новгород: *«потопити... озером Ильменем»,* истребить людей мором и пожаром, и только предстательство святого Варлаама отвратило неминуемую гибель, хотя действительно в Новгороде был мор три года, а затем великий пожар. Так

новгородцы стремились объяснить и оправдать утрату независимости вольной феодальной республикой.

Антифеодальное еретическое движение в Новгороде. В 70-е годы XV в. в период присоединения Новгорода к Москве возникает еретическое Движение, названное его обличителями ересью «жидовствующих». Сочинения самих еретиков до нас не дошли, и судить о характере движения можно лишь по произведениям его обличителей: «Просветителю» и посланиям Иосифа Волоцкого, посланиям новгородского архиепископа Геннадия. Новое еретическое движение возрождало и развивало ересь «стригольников» и являлось в своей социальной основе типично городским антифеодальным движением.

Иосиф связывает возникновение ереси с приездом в Новгород в свите литовского князя Михаила Олельковича *«жидовина»* Схарии. Однако, как показал Я. С. Лурье, этот рассказ Волоцкого игумена лишен достоверности.

Еретики подвергли критическому пересмотру один из основных догматов ортодоксальной церкви — учение о *«единосущной и нераздельной троице»:* Христос, утверждали они,— это не богочеловек, единосущный богу-отцу и богу-святому духу, а пророк, равный Моисею. Они выступили против почитания икон, *«от рук человеческих сотворенных вещей»,* не видя в них ничего божественного. Следуя за учением «стригольников», еретики высказали враждебное отношение к церковной иерархии. Они считали, что человек не нуждается в специальных посредниках между собой и Богом. Тем более что эти посредники (священники, монахи) часто ведут образ жизни, далекий от нравственных норм, проповедуемых ими самими, добиваются церковных должностей путем подкупа *(«мзды»)* и только наживаются за счет приношений верующих, вкладов *«по душе».*

Социальную сущность средневековых ересей определил Ф. Энгельс: «Ересь городов — а она собственно является официальной ересью средневековья — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала. Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует gouvernement a bon marche, дешевого правительства, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего e'glise a bon marche, дешевой церкви».

Новгородская ересь захватила Псков и распространилась в Москве. Этому способствовало покровительство, оказанное еретикам великим князем Иваном III. Очевидно, еретики одобряли те решительные меры, которые принял Иван III по отношению к новгородскому боярству и высшему духовенству: казнь главарей «литовской партии», конфискация земель новгородского владыки и крупнейших новгородских монастырей. В свою очередь великий князь видел в торгово-ремесленном населении Новгорода, интересы которого выражали еретики, опору своей централизаторской политики.

В середине 80-х годов возник кружок московских вольнодумцев, в который входили лица, стоявшие у кормила государственной власти: великокняжеский дьяк Федор Курицын, его брат Иван Волк, дьяк Митя Коноплев, купец Семен Кленов и сноха Ивана III Елена Волошанка. Этот кружок не имел ярко выраженной антифеодальной окраски и носил чисто светский характер.

Московские еретики не подвергали критическому пересмотру книги Ветхого и Нового заветов. Признавая бесспорность их авторитета, они выступили с критикой «предания», т.е. творений «отцов церкви». Согласно толкованиям «писания» «отцами церкви», по истечении седьмой тысячи лет, т. е. в 1491 г., должен был наступить «конец мира». Эти предсказания не сбылись. «Святые отцы солгали»,— утверждали еретики. В

авторитетность их писаний нельзя верить. Эти взгляды развивал избранный в 1490 г. на митрополичий престол Зосима, которого Иосиф Волоцкий называл *«злобесным волком», «скверным еретиком».*

Подвергая критике сочинения «отцов церкви», московский кружок отвергал основанный на «предании» институт монашества, а это наносило удар интересам церкви.

Возникшее в конце XV столетия брожение умов отметил Иосиф Волоцкий: *«Ныне же и в домех, и на путех, и на тържищах иноци и миръстии и еси сомнятъся, еси о вере пытают».*

Как показал Я. С. Лурье, формирование идеологии Московского централизованного государства было связано не с Иосифом Волоцким, как это было принято считать, а с деятельностью московского еретического кружка.

В 1488 г. в ответе послу германского императора Поппелю Федор Курицын от имени Ивана III заявил: *«Мы божиею милостию государи на своей земли изначала от первых своих прародителей и наставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы».*

«Новым градом Константина» именует митрополит Зосима Москву в своем «Изложении пасхалии» 1492 г., а Ивана III называет «новым Константином», подчеркивая идею перехода мирового значения «второго Рима» — Константинополя на Москву. Эта идея получила воплощение в акте торжественного венчания на царство внука Ивана III Дмитрия в 1498 г.

Решительную и непримиримую борьбу против новгородских еретиков повели архиепископ новгородский Геннадий (был поставлен на архиепископство в 1484 г.) и игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин.

В 1488 г. Геннадий добивается *«торговой казни»* некоторых новгородских еретиков, а созванный в 1490 г. специальный церковный собор для суда над еретиками отлучил их от церкви и предал проклятию. Однако решительных мер правительством Ивана III к еретикам принято не было. Это вызвало недовольство «обличителей» во главе с Геннадием и Иосифом. Они добиваются в 1494 г. устранения с митрополичьего престола «еретика» Зосимы и ставят перед правительством Ивана III вопрос о необходимости принятая крутых мер против еретиков, что было сделано в 1504 г.

Поскольку еретики подвергали критическому пересмотру книги «священного писания», для ведения успешной борьбы с ними при дворе новгородского архиепископа Геннадия был сделан в 1499 г. полный перевод книг Ветхого завета.

Идее централизованного государства, разрабатываемой московскими еретиками, сторонники «церкви воинствующей» во главе с Геннадием противопоставили идею превосходства духовной власти над светской: *«священство преболе царства есть».* Обоснованию этой идеи посвящена «Повесть о новгородском белом клобуке», созданная в конце XV в.

«Повесть о новгородском белом клобуке». Повесть состоит из трех частей. Первая часть — история возникновения клобука. В благодарность за исцеление от неизлечимой болезни и за «просвещение» (обращение в христианство) Константин нарек Сильвестра папой, подарил ему белый клобук и даже предоставил в его распоряжение Рим, основав новую столицу Константинополь, решив, что не подобает в едином граде быть власти светской и церковной.

Вторая часть — переход клобука из Рима в Константинополь. При нечестивом папе Формозе и царе Каруле после разделения церквей на католическую и православную в Риме перестали почитать белый клобук: Формоз отступил от православной веры. По прошествии длительного времени другой папа, превозносяся гордостью, подстрекаемый

бесом, тщетно пытается сжечь клобук, отослать его в дальние страны, чтобы там его *«опоругати и изтребити».* По грозному повелению ангела нечестивый папа вынужден отправить клобук в Царырад, к патриарху Филофею.

Третья часть повествует о переходе клобука из Византии в Великий Новгород. По велению *«светлого юноши»,* который поведал Филофею историю клобука, а также Сильвестра и Константина, явившихся патриарху в *«тонком»* сне, Филофей вынужден отправить белый клобук в Новгород, поскольку *«благодать отимется»* от Царьграда *«и вся святая предана будет от бога велицей Рустей земли».* В Новгороде клобук с честью встречает архиепископ Василий, заранее предупрежденный ангелом о его прибытии. *«И благодатию господа нашего Исуса Христа и по благословению святейшего Филофея, патриарха Царяграда,— утвердися белый клобук на главах святых архиепископ Великого Новаграда».*

Исследователи полагают, что автор повести — толмач Дмитрий Герасимов, принимавший активное участие в осуществляемом под руководством Геннадия переводе библейских книг и ездивший по поручению архиепископа в Рим. В предпосланном повести послании, адресованном Геннадию, Дмитрий Герасимов сообщает, что он выполнил данное ему архиепископом поручение разыскать в Риме писание о белом клобуке. Это ему удалось сделать с большим трудом, ибо и Риме писание *«срама ради»* тщательно скрывали. Только умолив книгохранителя Римской церкви Иакова, Дмитрий Герасимов смог получить римскую копию, сделанную с уничтоженного греческого подлинника. Следующий за посланием текст, по словам Герасимова, является переложением римской копии.

По-видимому, это — своеобразный литературный прием, ставящий целью доказать «историческую» достоверность, документальность повести. Историчны в повести лишь отдельные имена: царей Константина, Карула, Иоанна Кантакузина, папы Сильвестра, Формоза, патриарха Филофея, архиепископа Василия. Имени нечестивого папы, пытавшегося поругать и истребить клобук, повесть не называет, но есть любопытная ссылка на то, что *«имя его в писании утаиша, и примениша во ино имя: овии глаголют Геврас имя ему, и инии же Евгении, а истиньны никтоже не повесть».* Таким образом, автор повести пользовался не только «писанием», но и устными источниками!

Центральное место в повести отведено вымыслу, подчиненному общей историко-философской и политической концепции перехода символа мировой церковной власти — белого клобука из *«ветхого»* Рима, *«гордостию и своею волею»* отпавшего *«от веры Христовы»,* во второй Рим — Константинград, где *«христианская вера погибнет» «насилием агарянским»,* а потом в третий Рим, *«еже есть на Руской земли»; «вся христянъская приидут в конец и снидутся во едино царство руское православия ради».*

Исследователь повести Н. Н. Розов показал идейную перекличку ее с произведениями, излагающими теорию Русского государства «Москва — третий Рим». Думается, однако, что здесь велась своеобразная полемика с той политической концепцией Русского государства, которая создавалась в кружке московских еретиков и получила официальное признание в акте венчания на царство Дмитрия. Отнюдь не случайно в повести не назван конкретно третий Рим (он на *«Руской земли»,* и только!). При помощи многочисленных чудесных «видений» в повести подчеркивается, что переход клобука осуществляется *«изволением небесного царя Христа»,* в то время как царский венец *«изволением земного царя Костяньтина» «дан бысть рускому царю».* И царь небесный передает этот клобук не московскому митрополиту, а новгородскому архиепископу!

Возникает вопрос, не отражала ли эта повесть замысла воинствующих церковников и честолюбивых мечтаний Геннадия противопоставить «новому Константину» и «новому Константину граду» — Москве «новый Рим» — Великий Новгород как центр истинного православия?

В повести последовательно проводится мысль о превосходстве духовной власти над светской: белый клобук *«честнее»* царского венца. С этой же целью повестью использован созданный в Ватикане «документ» — «Дар Константина». В то же время почитание клобука приравнивается к «поклонению» иконам.

О широкой популярности повести свидетельствуют многочисленные ее списки (свыше 250), относящиеся к XVI—XIX вв. В середине XVII в. идея повести о превосходстве «священства» над «царством» была использована патриархом Никоном. Московский церковный собор 1666—1667 гг. признал *«лживым»* и *«неправым»* писание о новгородском клобуке, подчеркнув, что его автор Дмитрий Герасимов *«писа от ветра главы своея».*

К «Повести о новгородском белом клобуке» примыкают возникшее в начале XVI в. «Сказание о Тихвинской иконе божьей матери» и окончательно оформившееся «Житие Антония Римлянина».

Таким образом, в новгородской литературе XV в. обнаруживается наличие явных сепаратистских тенденций, культивируемых правящими верхами феодального общества: архиепископами, посадниками. Стремясь утвердить идею независимости «вольного города», они прославляли его местные святыни, его архиепископов: Иоанна, Василия, Моисея, Евфимия II, осуждали *«лютого»* фараона Андрея Боголюбского, покушавшегося на независимость города. В новгородской литературе широко используется легендарный повествовательный материал. Он занимает значительное место в новгородской агиографии, исторических сказаниях. Отразившиеся в нем народные представления, художественные вкусы накладывают своеобразный отпечаток на новгородскую литературу. Лучшие ее произведения отличаются сюжетной занимательностью, конкретностью изображения и присущей новгородцам простотой стиля.

ПСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Псков до 1348 г. находился в политической зависимости от Новгорода. Став самостоятельной феодальной городской республикой, он теперь подчинялся Новгороду лишь в церковном отношении. Здесь, как и в Новгороде, шла ожесточенная борьба феодальной знати, отстаивавшей *«старину» и «пошлину»,* с *«меньшими людьми»,* являвшимися сторонниками присоединения Пскова к Москве.

С начала XIV в. в Пскове ведется местная летопись. Главное место в ней занимают лаконичные записи о городском строительстве, поставлении князей и посадников, небесных знамениях, моровых язвах. Центральной темой летописи является тема борьбы с *«безбожной патиной»* и *«поганой Литвой».*

К началу XIV в. относится возникновение развернутого повествования о князе Довмонте-Тимофее, посаженном на княжение *«в граде Пскове в лето 6774»* (1266). Довмонт изображен идеальным князем-воином, украшенным христианскими добродетелями. В повествовании переплетаются элементы агиографического стиля со стилем воинской повести, и используется в качестве образца «Житие Александра Невского». На первый план выдвигается воинская доблесть Довмонта, одержавшего ряд побед над врагами Пскова: литовским князем Герденей, *«мастером земли Ризския»,*

немецкими рыцарями. Повесть отличается выразительным стилем, передающим особенности местного псковского говора. Пословицы, рифмованные выражения свидетельствуют о связи ее стиля с фольклором. Например, обращаясь к псковичам, Довмонт говорит: *«Братья, мужи Псковичи, кто стар, то отец, кто млад, той брат!»* Характеризуя стиль псковской летописи, С. М. Соловьев обратил внимание на особое простодушие рассказа и привязанность летописцев к одним и тем же выражениям при описании известных событий.

С XV в. псковские летописи выходят за пределы местного областного материала. К этому времени относится интенсивное развитие книжной деятельности в Пскове, где переписываются Галицко-Волынская летопись, «Толковая Палея» и «Хронограф». Как полагают исследователи, здесь же был переписан и сборник, содержащий «Слово о полку Игореве»; доказательством тому служит надпись на псковском апостоле 1307 г., а также рассказ Первой Псковской летописи о битве москвичей с Литвою под Оршей.

Выдающимся произведением псковской литературы является ***«Псковское взятие, како взят его князь великий Василий Ивановичь»*** в 1510 г. В повести обстоятельно и последовательно излагаются события, связанные с окончательной утратой Псковом *«своей старины и пошлины».* Автор повести не только рассказывает о самом факте присоединения Пскова к Москве, но и пытается выяснить его причины. Страстный патриот своего города — *«славнейшего»* и *«великого», «прекрасного»,* он с гордостью вспоминает о былой славе Пскова, который «*от начала убо Руския земли... ни коим же князем владом бе, но на своей воле живяху в нем сущие людие».* Этот город *«тверд стенами и людей бе множество в нем».*

Бесчинства московских наместников, которые насилуют, грабят и творят неправый суд над псковичами, вызывают чувства горечи и протеста. Особенно возмущает псковичей московский наместник князь Иван Михайлович Репня. Чаша терпения народного переполнена, и горожане посылают челобитчиков к великому князю московскому Василию Ивановичу, прибывшему в Великий Новгород. Но не находят правды жалобщики у московского князя. Лицемерно обещая псковичам свою защиту, Василий Иванович приказывает *«переимать»* челобитчиков, а в Псков посылает своего дьяка Третьяка Долматова с требованиями уничтожить вече, снять вечевой колокол и полностью подчинить город власти московских наместников.

Повесть осуждает лицемерие великого князя, жестокость и произвол московских властей. Вместе с тем автор повести не видит иного выхода для Пскова, чем присоединение «вольного города» к Москве. В противном случае Пскову грозит опасность со стороны Литвы и Ливонии, а без помощи Москвы Пскову не удастся оборонить своих границ от западных соседей, но как патриот «вольного города», автор повести не может не оплакать падение его независимости. Чувство гражданской скорби, охватившей псковичей, лишенных древнего своего вечевого правления, автор повести передает в лирически эмоциональном плаче: *«О славнейший граде Пскове великий! почта бо сетуеши и плачеши? И отвеща прекрасный град Псков «Како ми не сетовати, како ми не плакати и не скорбети своего опустения? Прилетел бо на мя многокрыльный орел, исполнь крыле Львовых ногтей, и взят от мене три кедра Ливанова; и красоту мою, и богатество: и чада моя восхити, Богу попустившу за грехи наши; и землю пусту сотвориша, и град наш разориша, и люди моя плениша, и торжища моя раскопаша, а иные торжища коневым калом заметаша, а отец и братию нашу разведоша, где не бывали отцы и деды и прадеды наши, и тамо отцы и братию нашу, други наша заведоша, и матери и сестры наша в поругание даша...»*

Плач Пскова обнаруживает незаурядный поэтический талант автора повести, его широкую начитанность. В плаче используются приемы ораторской прозы, поучения Серапиона Владимирского, библеизмы, «Девгениево деяние».

Автор стремится передать психологическое состояние псковичей: из Новгорода поступают тревожные вести, и у них *«срдце упало»;* горожане узнают, что их жалобщики задержаны великим князем, и на псковичей нападет *«страх, и трепет, и туга, и пресхоша гортани их от скорби и печали, и уста их пресмягли»* (запеклись). После того как Третьяк Долматов объявил волю московского князя, псковичи *«горько заплакали»: «Како ли зеницы не упали со слезами вкупе? Како ли не урвалося сердце от корени?»*

В то же время в повести использованы элементы делового стиля челобитных грамот, посланий. Например: псковичи *«биша челом»* великому князю *«о жаловании* (о пожалованье) *и о печаловании своея отчины».*

Завершается повесть религиозно-дидактическими рассуждениями, обращенными к псковичам: *«...ради самоволия и непокорения друг другу бысть сия вся злая на вы».* А затем, говоря о бесчинствах московских наместников, их тиунов и дьяков, автор вводит фольклорные образы Правды и Кривды: *«Правда... взлетела на небо и Кривда в них нача ходити...»*

Центральный герой повести — град Псков и псковичи, собирательный образ которых противопоставлен великому князю Василию Ивановичу и его наместникам.

Характерной особенностью повести является сочетание фактичности, документализма, последовательности изложения событий с эмоционально–лирической, публицистической и дидактической их оценкой.

ТВЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В экономическом и политическом отношении Тверское княжество было тесно связано с Владимиро-Суздальским. Выгодное географическое и экономическое положение Твери на пересечении торговых путей с Востока на Запад способствовало ее политическому возвышению. С начала XIV в. тверские князья выступают постоянными соперниками князей московских в борьбе за великое княжение Владимирское. Особенно усилилась политическая роль Твери в период феодальной войны Василия Темного с Дмитрием Шемякой (первая половина XV в.). На этот период падает расцвет тверской литературы, зодчества.

С конца XIII в. в Твери ведется своя летопись, создаются произведения житийной литературы. К началу XV в. относится **«Житие князя Михаила Александровича Тверского»**. В нем прославлялись подвиги князя, возвеличивалась его политическая роль, а род тверских князей возводился к Владимиру Святославичу Киевскому. В это же время перерабатывается повесть об убиении в Орде князя Михаила Ярославича, дошедшая до нас в многочисленных редакциях XIV—XVII вв., включенных в состав русских летописных сводов XV—XVI вв. и житийных сборников. Повесть ярко изображала борьбу за великокняжеский владимирский престол Юрия Даниловича Московского и Михаила Ярославича Тверского и трагическую гибель в Орде тверского князя в 1318 г. В ней осуждались жестокость, вероломство, корыстолюбие ордынских правителей; в неблаговидном виде изображалось также и поведение московского князя Юрия.

Идею генеалогической преемственности власти тверских князей от киевских развивает «Родословец», предвосхитивший появление в XVI в. Степенной книги.

Около 1453 г. инок Фома, являвшийся, по предположению А. А. Шахматова, придворным летописцем тверского князя, создает **«Слово похвальное о благоверном и великом князе Борисе Александровиче»**, использовав в качестве литературных образцов «Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича», «Житие Александра Невского», анонимное «Сказание о Борисе и Глебе», «Слово о законе и благодати» Илариона, Фома создает риторический панегирик *«богоутвержденному на отчем престоле царю и самодержу»* Борису Александровичу Тверскому. Хвалу *«царствующему самодержавному государю»* воздают участники Флорентийского собора: византийский император Иоанн, патриарх и двадцать два митрополита. К такому литературному приему Фома прибегает для того, чтобы придать своему панегирику большую авторитетность. Тверской князь сопоставляется с императорами Августом, Константином, Юстинианом, Львом Премудрым, с библейскими героями Моисеем, Иосифом. Прославляется строительная деятельность Бориса Александровича, создание тверского кремля, монастырей и церквей, которые блестят, как *«некий венец благолепия».*

Фома изображает тверского князя в роли политического руководителя и самодержавного правителя всей Русской земли. Борис помогает Василию Темному в борьбе против Дмитрия Шемяки и скрепляет дружбу с московским князем браком своей дочери с его сыном.

Таким образом, Фома стремится подчеркнуть, что политическим центром Руси является Тверь, а ее князья, преемники киевских,— царями и самодержцами всея Руси. Эти идеи не могли получить поддержки в Москве, и после присоединения Твери в 1485 г. «Слово похвальное» утратило свое значение. Именно этим объясняется тот факт, что оно дошло до нас в единственном дефектном списке.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Со второй половины XIV в. усиливаются культурные связи Руси с Византией и южнославянскими странами. Центром культурного общения славяно-греческого мира является Афон. Благодаря этому более интенсивной становится переводческая деятельность на Руси, сосредоточенная преимущественно при митрополичьей кафедре в

Москве. Здесь значительно пополняется фонд переводной исторической, патристической и агиографической литературы.

В конце XIV в. появляются новые переводы творений «отцов церкви»: Василия Великого, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Аввы Дорофея. Переводится Шестоднев Севериана Гавальского, поэма Георгия Писиды «Похвала к богу о сотворении всей твари». Распространяются переводы, выполненные на Балканах: сочинения псевдоДионисия Ареопагита (перевод Исайи), «Диоптра» Дионисия Дисипата, «Беседование с хионы и турки» Григория Паламы в изложении Таронита, литургико-поэтические сочинения Филофея Коккина.

Агиографическая литература пополняется переведенными в Болгарии с греческого языка житиями Григория Синаита, Феодосия Тырновского, Федора Едесского, а также болгарскими и сербскими житиями, Иоанна Рыльского, Илариона Меглинского, Стефана Не-мани, Саввы, Стефана Лазаревича и др. Сербский «Цароставник», или «Родослов», становится образцом для последующего создания родословцев тверских, а затем московских князей. Пополняется апокрифическая литература «Вопросами Иоанна Феолога», «Вопросами Варфоломеевыми к Богородице», «Никодимовым евангелием» и др..

С конца XIV в. дальнейшее развитие получают сборники Пролог, Четьи-Минеи, «Измарагд», триодный и минейный «Торжественники», вбирающие в свой состав не только переводные произведения, но и сочинения оригинальной древнерусской агиографической и учительной литературы. Появляются переводы греческих хроник Константина Манассии и Иоанна Зонары, сделанные на славянском юге. Обе они излагали события всемирной истории от сотворения мира до 1081 г. (Манассия) и 1118 г. (Зонара), уделяя большое внимание церковной истории. Зонара использовал в своей хронике сочинения античных историков. Манассия придал историческому материалу характер завершенного сюжетного повествования и излагал его в пышной риторической манере. По хронике Манассии древнерусские читатели познакомились с новой редакцией повести *о* Троянской войне — «Притчей о кралех» (полное название— «Повесть о известваных вещех, еже о кралех притчя и о рожених и пребываних»). В отличие от хроники Иоанна Малалы, по которой древнерусский читатель ранее знакомился с повестью о взятии Трои, «Притча о кралех» излагает события Троянской войны в более беллетризированной, занимательной форме, опираясь на мифологические поэмы Овидия, древние предания. Фантастические рассказы о вещих снах, предсказаниях перемежались с рыцарскими куртуазными мотивами. Так, при дворе Царя Менелая «добрии витези играху на фарижех» (конях), герои широко оперируют понятиями рыцарской чести, взаимоотношения Париса и Елены изображаются в типично куртуазном духе. Парис пишет «на всяк день» Елене любовные письма «червленемь вином на белом убрусе» (полотенце): «Елено царице, люби мя, да тя люблю». Однако в притче все же торжествует средневековое представление о злой жене. Менелай повелевает убить Елену и Париса: *«главы усекнути», «да ин никто тебе не превари, ни прелстит».*

Завершается повесть нравоучительной сентенцией: *«Тако бог смиряет возносящихся и семя нечестивых потребит».*

Стилем исторического повествования хроники Манассии воспользовались составители второй редакции Еллинского летописца (середина XV в.). Появление новой редакции хронографа, а также хронографических сборников свидетельствовало о росте на Руси интереса ко всемирной истории. Новая редакция хронографа включала сведения

о церковной истории, в том числе и полемические сочинения против латинян, вторую редакцию «Александрии» и новую пространную редакцию жития Константина и Елены.

Наряду с хронографом в XV в. пользуется популярностью «Палея» толковая и историческая. Появляется новый перевод «Александрии» (сербская редакция), в котором усилена назидательность, подвергнут христианизации образ центрального героя, даны психологические мотивировки поступков персонажей с помощью эмоционально-лирических и риторических монологов. В сербском переводе распространяется сборник назидательных притч — «Стефанит и Ихнилат» (Увенчанный и Следящий), восходящий к арабскому переводу «Пан-чатантры». Жанр восточной притчи широко ставил вопросы мудрости и глупости, дружбы и вражды, доверчивости и коварства, любви и ненависти, добра и зла, щедрости и скупости и т. п. Эти притчи воспринимались как дидактические наставления в нормах христианской морали и включались в обсуждение злободневной для XV века проблемы роли, места и значения правителя-царя в жизни своей страны и подданных, значения мудрых и злых, коварных советников, окружавших царя.

Таким образом, в XV в. московская литература начинает занимать ведущее положение среди литератур других областей северо-восточной Руси, она утверждает нравственный идеал человека, безраздельно отдающего себя служению обществу, благу других людей. Тема созидания централизованного суверенного Русского государства, защита его целостности, борьбы за независимость становится центральной темой данного периода. Литература отразила существенные стороны характера складывающейся великорусской народности: стойкость, героизм, умение переносить невзгоды и трудности, волю к борьбе и победе, чувство родины и ответственности за ее судьбу.

Отражая подъем национального самосознания, эта литература возрождает и развивает лучшие традиции XI—XIII вв.: ее гражданско-патриотический, героический пафос, ее документальный и эмоционально-экспрессивные стили.

Сепаратистским областническим тенденциям феодальных верхов Новгорода и Твери противостоит народная идея единства Руси под эгидой сильной великокняжеской власти, единого политического государственного центра. Впервые в литературе начинает звучать голос торгово-посадского населения: появляется новый тип писателя — автор «Повести о нашествии на Москву Тохтамыша», автор «Повести о Псковском взятии». Возникновение и развитие рационалистического еретического движения в Новгороде, Пскове и Москве свидетельствует о тех сдвигах, которые произошли в сознании посада, об усилении его активности в идеологической и художественной жизни.

Возникает интерес к светскому повествованию с развернутым занимательным сюжетом. Это приводит к изменению жанровой структуры, как исторических повестей, так и житий. Возрастает интерес и к внутренним состояниям человеческой души, психологическим переживаниям, динамике чувств и эмоций. Борение чувств выражает мастер живописного «психологического портрета» Феофан Грек, переполняющие душу чувства восторга, удивления и благоговения передает в своих житиях Епифаний Премудрый. Вместе с тем и изобразительное искусство, и литература воплощают идеал красоты душевной гармонии, идеал человека, безраздельно отдающегося служению идее всеобщего братства и мира. (Сергий Радонежский в изображении Епифания Премудрого, «Троица» Андрея Рублева).

Появление этих новых явлений в литературе конца XIV—XV вв. позволяет ряду исследователей говорить о литературе Предвозрождения. Однако этот вопрос нуждается в специальном обстоятельном изучении. Факты литературного развития данного периода свидетельствуют о господстве церковной идеологии, возрождении и развитии традиций

литературы XI—XIII вв. Ломки традиционных жанровых структур не наблюдается. Литература и искусство продолжают развиваться в русле средневекового миросозерцания и средневековых форм. Основные усилия русского народа были направлены на борьбу с монголо-татарскими поработителями, на созидание единого централизованного государства. «Долго Россия оставалась чуждою Европе,— писал А. С. Пушкин.— Приняв свет христианства от Византии, она не
участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-католического мира. Великая Эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В каких произведениях и как отразились исторические события 1380 г.— битвы на поле Куликовом?
2. Каковы черты сходства «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» и в чем состоит отличие «Задонщины» от «Слова»?
3. Какова образная система «Задонщины», каков ее художественный пафос и каковы особенности стиля?
4. Каков характер изображения исторических событий и героев в «Сказании о Мамаевом побоище»?
5. Каковы идейно-художественные особенности «Повести о Московском взятии от царя Тохтамыша»?
6. Когда и как начинает формироваться политическая теория «Москва — третий Рим» («Повесть о взятии Царьграда» и «Повести о Вавилонском царстве»)?
7. Проблема формирования эмоционально-экспрессивного стиля. Как она решается в современной науке?
8. «Слово о житии и преставлении... Дмитрия Ивановича». Каково своеобразие его идейного содержания и стиля?
9. Дайте общую характеристику творчества Епифания Премудрого.
10. Каков характер героев произведений Епифания Премудрого и каковы художественные принципы их изображения?
11. Дайте общую характеристику стиля «плетения словес» Епифания Премудрого.
12. Каковы основные темы, жанры и стилистические особенности новгородской литературы *XV* века?
13. Как отразились в Новгородской литературе XV в. идеи еретических движений «стригольников» и «жидовствующих»?
14. Каково идейно-художественное содержание «Повести о Псковском взятии»?
15. Какие основные произведения созданы в Твери в XIV—XV вв.? Дайте их краткую характеристику.

ЛИТЕРАТУРА

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Рост политического, экономического и военного могущества Московского государства привел к окончательной ликвидации монголо-татарского ига в 1480 г.

К концу XV в. политическое объединение северо-восточной Руси вокруг Москвы было в основном завершено: в 1472—78 гг. присоединен Новгород, в 1485 г.— Тверь, в 1486 г.— Верейско-Белозерское княжество, а после ареста в 1491 г. Андрея Углицкого и смерти в 1494 г. Бориса Волоколамского все центральные русские земли вошли в состав Московского государства.

Укрепление централизованного государства протекало в напряженной политической и идеологической борьбе. В централизации управления были заинтересованы и появившаяся новая социальная прослойка — служилое дворянство, и торгово-ремесленное население городов, и, в конечном счете — широкие массы трудящихся. Старые удельные порядки отстаивала родовитая знать, бояре-вотчинники, стремившиеся сохранить феодальные права бесконтрольной власти в своем уделе. Первоначально эта борьба выражалась в столкновении двух враждующих между собой церковных группировок «стяжателей» и «нестяжателей».

Борьба церковных группировок. Идеологами черного духовенства, крупных церковных феодалов выступили новгородский архиепископ Геннадий и Иосиф Волоцкий (Иван Санин) (1439—1515). Защищая интересы «воинствующей церкви», Геннадий выдвинул доктрину превосходства *«священства»* над *«царством»,* а Иосиф пытался доказать, что царям должно поклоняться лишь *«телесне»,* а *«не душевне», «воздавати им царскую честь, а не божественную».*

Активно борясь с новгородскими и московскими еретиками, Иосиф ставит своей задачей укрепить авторитет воинствующей церкви, авторитет монашества. Противникам института монашества — московским еретикам Иосиф противопоставляет свой «Устав» (краткую редакцию). «Устав» требует *«общее житие»* монахов, отказа от владения личным имуществом, обязательного *«рукоделия»* (труда) и соблюдения строжайшей дисциплины, иерархической субординации.

В 1499 г. Иван III примиряется со своим сыном Василием и женой Софьей Палеолог. В царскую опалу попадают сторонники внука Дмитрия и его матери Елены Волошанки, разделявшей взгляды московского кружка еретиков. Теперь воинствующие церковники добиваются у великого князя созыва специальных соборов для суда над еретиками в 1503 и 1504 гг. Главным обличителем ереси выступает Иосиф Волоцкий. В «Просветителе» он опровергает основные положения новгородско-московской ереси, выдвинув против еретиков тяжкое обвинение в «жидовстве». Волоцкий игумен добился у правительства Ивана III принятия жестоких мер по отношению к еретикам: руководители движения были казнены, а большая часть еретиков выслана.

На соборе 1503 г., по-видимому, по инициативе Ивана III, был поставлен вопрос о монастырском землевладении, ибо к этому времени у монастырей оказалось гораздо больше земель, чем у государства. На соборе *«нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернъцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием».* Против Нила Сорского выступил Иосиф Волоцкий — ссылаясь на авторитет «писания», греческих и русских святых, основателей монастырей, он доказывал необходимость монастырского землевладения: *«стяжания церковныя — божия суть стяжания».*

Точка зрения Волоцкого игумена была поддержана митрополитом Симоном и большинством участников собора. Ее сторонники получили название «иосифлян», или «стяжателей», а их противники — «нестяжателей», или «заволжских старцев», от имени которых выступал Нил Сорский.

Таким образом, собор 1503 г. способствовал окончательному идеологическому оформлению двух группировок в русской церкви — «стяжателей» и «нестяжателей». И хотя возобладала точка зрения «иосифлян», они, однако, вынуждены были пойти на компромисс со светской властью, согласившись с тем, что без санкции великого князя монастыри не могут расширять своих земельных владений, а прежние владельцы могут выкупать у монастырей некогда принадлежавшие им земли.

Иосиф Санин в 1507 г. отдает Волоколамский монастырь под патронат Василия III, превращаясь, по словам своих противников, в *«дворянина великого князя».* Иосиф и его сторонники начинают активно поддерживать политику Василия III, направленную на укрепление централизованного государства. Они обосновывают теорию теократического абсолютизма, утверждая доктрину божественности царской власти: *«Царь убо естеством подобен всем человеком, а властию же подобен вышнему богу».* Таким образом, идеолог воинствующих церковников в итоге становится идеологом служилого дворянства.

Другую группировку в русской церкви, оформившуюся к началу XVI в., возглавил Нил Сорский (1433—1508). Он родился в Москве и, видимо, принадлежал к дьяческому роду Майковых, постригся в Кирилловом монастыре на Белом озере, совершил путешествие в Константинополь и на Афон, а по возвращении ушел из монастыря *«непользы ради душевныя»* — недовольный установившимися там порядками. Выбрав на реке Соре *«угодное»* место, *«занеже мирской чади мало входно»,* Нил в конце 70-х — начале 80-х годов основывает свою «пустынь». В 1490 г. его, по предложению новгородского архиепископа Геннадия, привлекают к участию в церковном соборе, осуждавшем новгородских еретиков. Нил решительно отверг *«лжеименитых... учителей еретические учения и предания».*

Я. С. Лурье отмечает, что в это время еще не существовало никаких разногласий между Нилом и его сподвижником *«суровым старцем»* Кириллова монастыря Паисием Ярославовым, с одной стороны, и Иосифом Волоцким и архиепископом Геннадием — с другой. Иосиф даже использовал «Послание некоему брату» Нила в введении к своим «словам» о почитании икон, включенным в «Просветитель». Сочинения Нила Сорского переписывались и хранились в Иосифо-Волоколамском монастыре и были там популярны.

Центральные произведения Нила Сорского — «Устав», написанный после возвращения с Афона, и «Предание о жительстве скитском» (80-е — начала 90-х годов XV в.). В них дана программа умеренных реформ монастырского уклада. Говоря о предпочтении *«скитского жития» «общему»,* Нил в «Предании» главным требованием правильной монастырской жизни считает умеренность как в «куплях и потребах,» так и в получении «милостыни» от «христолюбцев». Основа нравственной жизни монахов, по мнению Нила,— «рукоделие», труд. «Предание» запрещает самовольный выход из монастыря, хранение в кельях *«многоценных вещей»,* пьянство и пребывание в монастырях женщин и *«отрочат».*

«Устав» излагает учение Нила о *«мысленном делании»,* необходимом монаху для борьбы со *«страстными помыслами»* и для достижения нравственного совершенства. Это учение опирается на творения Нила Синайского, Иоанна Лествичника, а также

византийских и афонских исихастов; в то же время оно обнаруживает глубокие знания Нилом внутреннего мира человека.

Нил Сорский отрицал политическую роль монашества, выдвигал его нравственное, духовное значение. Преисполненные созерцательной религиозно-мистической лирики сочинения Нила как будто далеки от мирской суеты, однако предлагаемая им программа реорганизации монашеской жизни отражала насущные интересы северно-русского черного духовенства. Севернорусские монастыри постоянно сталкивались с крестьянами, которые враждебно относились к монастырской колонизации, сопровождавшейся захватом крестьянских земель. И выдвинутая Нилом на соборе 1503 г. программа «нестяжания» отвечала интересам крестьян и боярской аристократии. Последняя надеялась за счет секуляризации монастырских земель, которые отойдут к великому князю и будут им *«испомещаться»* служилым людям, сохранить в неприкосновенности свои земельные вотчины. Поэтому ревностными последователями Нила Сорского выступили представители «великих родов»: князь-инок Вассиан Патрикеев, Иван Охлебинин, Григорий Тушин.

Вассиан Патрикеев доказывал, что *«монастырям сел не подобает держать»,* и при этом ссылался на интересы крестьян. Эта апелляция к народу, «зашита» его интересов, исходящая от представителя боярской оппозиции, весьма примечательна.

Борьба «иосифлян» и «заволжских старцев» завершается в первой трети XVI столетия торжеством «иосифлян». У кормила церковного управления становятся выходцы из Иосифо-Волоколамского монастыря.

Возникшая в начале XVI в. полемика «иосифлян» и «заволжских старцев» оставила неизгладимый след в литературе, способствовала развитию публицистики, которая достигла своего небывалого расцвета в XVI столетии.

Проблемы государственной власти единодержавного правителя, характера и предела его «самовластия» стоят в центре внимания публицистических произведений. Эти вопросы поднимали архиепископ Вассиан в своем послании на Угру Ивану III (1480 г.), московские еретики, Иосиф Волоцкий. В конце XV — начале XVI в. их решению посвящены легендарно-исторические повести о мутьянском воеводе Дракуле, Иверской царице Динаре, о Басарге.

«Повесть о мутьянском воеводе Дракуле». «Сказание о Дракуле воеводе, или Повесть о мутьянском воеводе Дракуле», созданная в конце XV в., ставит вопрос о характере власти единодержавного властителя, о значении его личности и занимает важное место в развитии жанра историко-легендарной повести.

В 40-е годы прошлого столетия А. Х. Востоков выдвинул предположение, что автором ее является государев дьяк Федор Курицын, возглавлявший посольство в Молдавию и Венгрию в 1482—1484 гг. Эта гипотеза встретила поддержку и у современного исследователя повести Я. С. Лурье.

Исторический прототип Дракулы — воевода Влад Цепеш, управлявший Румынией в 1456—1462 и 1476 гг. О его необычайной жестокости в Европе ходило много рассказов (в Германии даже был издан ряд «летучих листков» о Дракуле). Текст русской повести вероятнее всего восходит к устным рассказам, услышанным ее автором в Венгрии и Румынии.

Написанная в форме посольской «отписки», «Повесть о Дракуле» главное внимание сосредоточивает на деяниях самовластного воеводы.

Эти деяния излагаются в форме небольших, преимущественно сюжетных рассказов-анекдотов, где первостепенное значение приобретает диалог, а судьба персонажа, с которым ведет беседу Дракула, зависит от ума и находчивости собеседника.

«Зломудрый» и одновременно *«велемудрый»* государь превыше всего ценит в человеке ум, находчивость, умение выйти из затруднительного положения, воинскую доблесть (отличившихся в бою воинов он *«учиняет витязями»),* честность, ревностно оберегает пиетет *«великого государя». «Грозный»,* неподкупный владыка ненавидит *«во своей земли»* зло и казнит всякого, *«аще ли велики болярин, или священник, или инок, или просты»,* за совершенное им злодеяние, никто *«не может искупиться от смерти», «аще и велико богатство имел бы кто».*

В то же время Дракула, имя которого в переводе с румынского означает «дьявол», необычайно жесток: велит прибить гвоздями «капы» (шляпы) к головам послов, которые по обычаю своей страны не сняли их, явившись к *«государю велику»* и учинив тем самым ему *«срамоту»;* казнит воинов, которые были ранены в спину; сажает на кол посла, осудившего жестокость Дракулы; сжигает стариков, калек и нищих, мотивируя свой поступок «гуманными» целями: тем самым он освободил их от нищеты и недугов, *«и никто же да не будет нищ в моей земли»;* обедает *«под трупием мертвых человек»,* а слугу, который заткнул нос, *«смраду оного не могии терпети»,* велит посадить на кол; приказывает отсечь руки нерадивой ленивой жене, муж которой ходит в рваной сорочке; даже сидя в темнице, куда его бросил, захватив в плен, венгерский король, Дракула *«не оставя своего злого обычая»* и предает казни мышей, птиц (последних ему специально покупают на базаре).

Автор повести почти не высказывает своего отношения к поведению героя. Вначале подчеркивается *«зломудрие»* Дракулы и его *«жития»,* а затем негодование автора вызывает *«окаанство»* воеводы, убившего мастеров, сделавших по его заказу бочки для золота. Такое мог содеять *«токмо тезоименитый ему диавол»,* утверждает автор. Измена Дракулы православию и переход по требованию венгерского короля в *«латыньскую прелесть»* порождает дидактическую тираду автора, который осуждает его за то, что он *«отступи от истины и остави свет и приа тьму»,* а поэтому *«и уготовася на бесконечное мучение».*

В целом же повесть лишена христианского дидактизма и провиденциалистского взгляда на человека. Все поступки Дракула совершает по своей воле, не подстрекаемый к ним никакими потусторонними силами. Они свидетельствуют не только о его *«зломудрии»,* но и *«велемудрии»* «великого государя», честь и достоинство которого он ревностно оберегает.

Не прославляя и не осуждая своего героя, автор повести как бы приглашал читателей принять участие в решении центрального вопроса — каким должен быть «великий государь»: подобает ли ему быть *«милостиву»* или *«грозному»,* который *«от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати».*

Этот вопрос затем становится главным в публицистике XVI в., и на него будут отвечать Иван Пересветов и Иван Грозный, Максим Грек и Андрей Курбский.

«Повесть об Иверской царице Динаре». Решению этой темы посвящена также «Повесть об Иверской царице Динаре» (конец XV — начало XVI в.). В повести прославляется мудрая царица Грузии (исследователи полагают, что ее историческим прототипом явилась знаменитая царица Тамара), управляющая своей страной подобно доброму кормщику. Христианское благочестие и воинская доблесть — отличительные качества царицы, которые раскрываются в центральном эпизоде повести, посвященном изображению борьбы Динары с персидским царем. Угрожая лишить Динару власти, персидский царь требует, чтобы она немедленно послала ему дары вдвое больше тех, какие посылал ему ее отец Александр. Динара с гордым достоинством московского государя отвечает, что свою власть она получила от бога, и персидский царь отнять ее не

может. Она противопоставлена не только *«зверозлобному»* персидскому царю, но и нерешительным грузинским вельможам, которые боятся выступать против персов. Динара воодушевляет вельмож мужественной речью. А затем, совершив паломничество в монастырь, устремляется на персов и одерживает победу, отрубив голову нечестивому царю.

«Повесть об Иверской царице Динаре» только условно может быть отнесена к жанру исторических повестей. Главное в повести — апофеоз единодержавной власти благочестивой царицы. Повесть утверждает, что только *«самодержец»* способен защитить свою державу от иноземных врагов и править царством в мире и тишине. Для этого он должен обладать христианским благочестием и воинской доблестью. Власть государя начинает окружаться ореолом святости, поэтому в изображении Динары широко используются приемы агиографии, выступающие в тесном переплетении с приемами воинских повестей. В известной мере «Повесть об Иверской царице Динаре» подготавливает создание тех христианских идеализированных биографий правителей Руси, которые затем войдут в Степенную книгу. В то же время она свидетельствует о крепнущих культурных и литературных связях России и Грузии.

Мудрость, смелость и находчивость — вот качества, необходимые царю. Эта мысль является центральной и в сказочно-«исторической» повести о Басарге. Здесь же осуждается жестокий, немилостивый и коварный правитель Антиохии — царь Несмеян Гордый, ненавидящий православие.

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Выдающимся произведением конца XV в. является «Хожение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, помещенное под 1475 г. в Софийской летописи.

Свое «хожение» в Индию Никитин совершал с 1466 по 1472 г.. Он был одним из первых европейцев, вступивших на землю «брахманов», о громадных богатствах и сказочных чудесах которой рассказывали «Александрия» и «Сказание об Индии богатой».

«Хожение» — это драгоценный исторический документ, живое слово человека XV столетия, замечательнейший памятник литературы. Для своего произведения Афанасий избирает жанр путевых записок, очерков. В отличие от «путешествий-хождений» XII—XIII вв., его «хожение» лишено религиозно-дидактических целей. Никитин едет в неведомую русским людям Индию для того, чтобы собственными глазами видеть ее, чтобы там *«посмотреть товаров на Русскую землю».*

Таким образом, не только любознательность, но и практическая сметка купца руководила Афанасием в его путешествии.

На основании «Хожения за три моря» мы можем отчетливо представить себе незаурядную личность русского человека, патриота своей родины, прокладывающего пути в неведомые страны ради *«пользы Руския земли».* Никакие невзгоды и испытания, выпавшие на долю Афанасия на многотрудном пути, не могли испугать его, сломить его нолю. Лишившись в устье Волги своих кораблей, которые были разграблены степными кочевниками, он продолжает путь. Возвращение назад в Тверь не сулило ему ничего, кроме долговой тюрьмы, а вперед манила даль неведомых земель.

Переплыв Каспий, пройдя через Персию и переехав Индийское море, Никитин, наконец, достигает цели. Он в центре Индии: посещает города Чивиль, Джуннар, Бедер, Парват.

Пытливо присматриваясь к нравам и обычаям чужой страны. Афанасий свято хранит в своем сердце образ родины — Русской земли. Чувство родины обостряется на чужбине, и хотя на Руси много непорядков, ему дорога его отчизна, и он восклицает:

«Русская земля, да будет богом хранима!.. На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость!»

Православная вера является для Никитина символом родины. Отсутствие возможности точного и строго соблюдения религиозного обряда в чужой стране вызывает у него чувство горечи. Никакими угрозами невозможно заставить Афанасия *«креститься в Махмет дени»,* т. е. принять мусульманство. Переменить веру для него равносильно изменить родине. Однако Афанасий чужд религиозного фанатизма. Он внимательно присматривается к религиозным верованиям индийцев, подробно описывает буддийские святыни в Парвате, религиозные обряды и замечает: *«...правую веру бог ведает».* Поражает Никитина обилие в Индии каст — *«вер»* — 84, *а «вера с верою не пьет, не ест и не женится».*

«Хожение за три моря» отличается обилием автобиографического материала, Никитин подробно описывает свои внутренние переживания. Однако центральное место в «Хожении» занимает обстоятельный рассказ Афанасия об Индии.

Русского человека интересуют быт и нравы чужой страны. Его поражает «черный» цвет кожи местных жителей, их одежда: *«...люди ходят нагы все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены».* Особенно странным и необычным для русского человека был вид *«простоволосых»* замужних женщин. Ведь для русской женщины «опростоволоситься» — раскрыть свои волосы — было величайшим позором. Не едят индийцы *«никоторогомяса»,* а едят днем дважды, а ночью не едят и не пьют вина. В пищу употребляют *«брынец»* (рис) да *«кичири»* (морковь) с маслом, да *«травырозные едят».* Перед приемом пищи омывают руки, ноги и прополаскивают рот. Едят правою рукою, а ложки и ножа не знают. Во время еды многие накрываются покрывалом, чтобы их никто не видел.

Бросается в глаза Афанасию социальные неравенство и религиозная рознь: *«...сельскыя люди голы велми, а бояре сильны добре и пышны велми; в все их носять на кроватех своеих на сребряных, да пред ними водят кони в снастех золотых...»*

Описывает Никитин пышный выезд на охоту султана, великолепие и роскошь султанского дворца, имеющего семь ворот, в которых сидят по сто сторожей да по сто писцов, записывающих входящих и выходящих.

Русского купца привлекает ежегодный грандиозный базар, проводимый близ Бедера. На этот базар съезжается *«вся страна Индейская торговати», «да торгуютъ 10 дний»,* всякий товар свозят. Никитин ищет товаров *«на нашу землю»* и сначала ничего не находит: *«...все товар белой на бесермьньскую землю, перець да краска, то дешево».* Интересует русского путешественника вооружение индийского войска и техника ведения боя. Однако он с осуждением говорит о бессмысленности и пагубности войн.

Отмечает Афанасий и особенности климата Индии: *«...зима у них стала с троицына дни»,* а всюду вода, да грязь и тогда пашут и сеют пшеницу, просо, горох и все съестное. Весна же наступает с Покрова дня, когда на Руси начинаются первые зазимки. Поражает Никитина, что в Индии *«кони ся не родят»,* а родятся волы да буйволы.

Описание Индии у Афанасия Никитина строго фактично, и лишь в двух случаях он приводит местные легенды. Такова легенда о птице *«гукук»* в городе Алянде. Она летает по ночам и кричит *«гу-кук»* и на *«которой хоромине сядет, тут человек умрет»;* а кто ее хочет убить, *«то ино у нее из рта огонь выйдет».* Вторая легенда, приводимая Никитиным,— это легенда об обезьяньем князе, навеянная, очевидно, индийским эпосом «Рамаяной».

Заканчивается «Хожение» кратким путевым дневником о возвращении героя на родину, где он и умер близ Смоленска.

Трудно переоценить литературное значение произведения Афанасия Никитина. Его «Хожению» чужда книжная украшенная речь. Просторечная и разговорная лексика русского языка переплетается с арабскими, персидскими и турецкими словами, усвоенными Никитиным во время путешествия. Характерно, что к иноязычной лексике он прибегает и тогда, когда выражает свои сокровенные мысли о Русской земле, о любви к родине и осуждает несправедливость русских вельмож. Примечательно, что в «Хожении» нет никаких тверских областнических тенденций. В сознании Афанасия Тверь, ее «Златоверхий Спас» сливаются с образом Русской земли.

Отличительная особенность стиля «Хожения» — его лаконизм, умение автора подмечать и описывать главное; точность и строгая фактичность. Все это выгодно отличает «Хожение за три моря» от описаний Индии европейскими путешественниками. Оно входит в русло демократической городской литературы, развитие которой намечается в псковских летописях и некоторых произведениях московской литературы.

ПУБЛИЦИСТИКА

Укрепление централизованного Русского государства протекает в обстановке напряженной и острой политической борьбы между родовитым боярством, которое постепенно устраняется от участия в управлении страной, и служилым дворянством, которое становится основной классовой опорой единодержавной власти московского царя. Эта борьба находит яркое отражение в публицистике. В «словах», посланиях, памфлетах идеологи различных групп отстаивают свои интересы, обличают своих противников.

В публицистических произведениях первой четверти XVI в.— «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, «Послании» старца псковского Елеазарова монастыря Филофея Василию III в 1523 г., «Сказании о князьях Владимирских» — окончательно формулируется политическая теория Русского государства.

«Сказание о князьях Владимирских». В основе «Сказания» — попытка установить генеалогическую связь московских князей с основателем Римской империи — Августом-кесарем. Брат Августа Прус был послан римским императором на Вислу — *«от него же пруси прозвашася»* (исторически «пруссы»— название литовского племени, населявшего нижнее течение Вислы). Призванный новгородцами князь Рюрик происходит из рода Прусова. Следовательно, политические права на единодержавную власть московские великие князья унаследовали от своих *«прародителей»* — от самого Августа-кесаря.

Затем «Сказание» сообщало о даре греческого императора Константина Мономаха киевскому князю Владимиру Всеволодовичу (Мономаху) — царского венца, скипетра и державы. Этим венцом Владимир венчается и нарекается *«царь великая Росия». «Оттоле и доныне тем царъским венцем венчаются великии князи владимерстии, его же прислал греческий царь Константин Мономах, егда поставятся на великое княжение росийское».* На самом деле Константин Мономах умер, когда Владимиру было всего два года.

Эта легенда, а ей в то время был придан характер исторической достоверности, служила важным политическим средством обоснования прав московских великих князей на царский титул и на самодержавную форму правления государством, содействовала укреплению внутриполитического авторитета этой власти и способствовала упрочению международного престижа Московского государства.

В 1523 г. старец псковского Елеазарова монастыря Филофей в своем послании к Василию III писал: *«Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти, уже твое христианское царство инем не останется».*

Так лаконично и точно была сформулирована политическая теория суверенности Русского государства: «Москва — третий Рим».

Максим Грек (1480—1556). Большую роль в истории древнерусской литературы и общественной мысли сыграл Максим Грек. Он родился в городе Арты (Албания) и принадлежал к знатному роду Триволисов, близкого Палеологам. Во Флоренции он с восторгом внимал речам доминиканца Иеронима Савонаролы и с тех пор стал его почитателем. Савонарола помог Максиму Греку уяснить разницу между «старым» христианством и его односторонним истолкованием папством. Юные годы Грека прошли в странствиях по городам Италии: он живет в Ферраре, Падуе, Милане, а затем в Венеции, где входит в кружок знаменитого книгоиздателя Альдо Мануччи; становится монахом доминиканского монастыря св. Марка. Спустя некоторое время Максим Грек возвращается в православие и живет в Ватопедском монастыре на Афоне. В 1518 г. его рекомендуют посланцу Василия III.

В том же году он прибывает в Москву, где великий князь принимает ученого монаха с большой честью. По поручению Василия III Максим Грек приступает к переводу и исправлению русского текста Толковой псалтыри. В качестве помощников ему дали *«книжных людей»* Д. Герасимова и Власия, хорошо знавших латынь. Максим Грек сначала переводил греческий текст на латинский, а его помощники — с латинского на русский. Вся работа заняла год и пять месяцев. Он применил новый филологический подход к переводу, обнаружил в русском тексте Толковой псалтыри много ошибок и смело вносил исправления. Эта смелость, критический подход к тексту вызвали недовольство «иосифлян». Однако перевод Толковой псалтыри был одобрен Василием III и митрополитом Варлаамом («нестяжателем»); за свою работу Максим Грек получил *«великую мзду».* Ему поручают перевод сводного толкования на Деяния апостолов и исправление Триоди и Часослова, а также Служебной Минеи.

Келья Максима Грека в Чудовом монастыре становится местом горячих споров, обсуждений, очевидно, не только религиозно-догматических вопросов, но и политических. Он не смог быть простым великокняжеским библиотекарем-переводчиком, а активно включился в общественную борьбу. Завязывается тесная дружба Максима Грека с Вассианом Патрикеевым, который и привлек его на сторону «нестяжателей».

Первые оригинальные произведения Максима Грека посвящены обличению черного духовенства и защите «нестяжания». *«Повесть страшна и достопамятна о совершенном иноческом жительстве»* говорит об упадке нравов среди русских монахов. В монастырях процветают пьянство, чревоугодие, сребролюбие, праздность, *«лихоимство».* Развращенным русским монахам Максим Грек противопоставляет католических монахов-картезианцев и личность религиозно-политического реформатора во Флоренции Иеронима Савонаролы. Однако Максим Грек не симпатизирует *«латинской прелести».* Цель его повести дидактическая: побудить русских православных монахов к

строгому и неукоснительному соблюдению «устава» и стараться быть ни в коем случае не хуже монахов католических.

Защите «нестяжания» посвящен полемический философский трактат «Беседа Ума с Душой». Ум — аллегория высоких нравственных принципов монашества. Душа — воплощение пороков. Причина гибели Души, доказывает Максим Грек, «стяжания». Он, как и Савонарола, обличает роскошь и праздность жизни церковных иерархов. Эта жизнь создана *«кровью убогих», «лихвами и всякими делами неправедными».*

В «Слове о покаянии» Максим Грек с большим сочувствием говорит о монастырском крестьянине, изнуряемом непосильным трудом, перекликаясь в этом отношении с Вассианом Патрикеевым.

Изображению тлетворного влияния вотчинного быта на нравственность монашества посвящено «Стезание Любостяжателя с нестяжателем». Максим Грек доказывает здесь необходимость добровольного отказа монастырей от своих вотчинных прав.

Активная защита «нестяжательства», обличение монашества были поставлены в вину Максиму Греку на церковном соборе 1525 г. Пришедший к власти в 1522 г. ревностный «иосифлянин» митрополит Даниил круто расправился с одним из идеологов «нестяжательства». Максим Грек был обвинен в ереси и — более того — в сношениях с турецким султаном и заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь. Здесь в весьма тяжких условиях он пробыл 6 лет. Многочисленные просьбы Максима отпустить его на Афон остались без ответа. В 1531 г., когда был осужден Вассиан Патрикеев, Максима Грека перевели в Тверской Отрочий монастырь, откуда он был освобожден за пять лет до своей смерти по ходатайству игумена Троице-Сергиева монастыря Артемия. Умер Максим Грек в 1556 г.

Литературно-публицистическую деятельность Максим Грек не прекращал и в заточении. В «словах», «поучениях» он выступал с критикой религиозного формализма, злоупотреблений суда, суеверий, *«звездосказания», «звездозрителъных прелестей»,* выдвигал требование логического подхода к текстам «писания».

В своих сочинениях Максим Грек касался и политических вопросов. Таково его *«Слово, пространне излагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последняго жития»,* написанное между 1534—1539 гг.

В аллегорическом образе одинокой неутешно плачущей вдовы Максим Грек изображает Русское государство. Облаченная в черные одежды, сидит она в пустыне, окруженная львами, медведями, волками и лисицами. После долгих и настойчивых просьб женщина называет путнику свое имя и рассказывает о причине печали. Ее зовут Василия-царство. В скорбь и уныние повергло ее недостойное правление, когда цари делаются мучителями, когда властолюбцы и сластолюбцы пытаются подчинить Василию-царство себе. Устами Василии Максим Грек беспощадно обличает сильных мира сего и тут же разъясняет смысл своей аллегории. Пустыня и дикие звери означают последний окаянный век, когда нет уже благочестивых правителей, а нынешние властелины заботятся только об увеличении своих пределов и ради этого устремляются на кровопролитие. Так Грек обличает правительственные «смуты» 30-х годов XVI в., когда, воспользовавшись малолетством Грозного, боярство расхищало государственное имущество и пыталось вернуть утраченные привилегии.

Однако значение «Слова» гораздо шире: Максим Грек ставит вопрос о необходимости разумного управления государством без кровопролитий, жестокости и лихоимства. Ведь там, *«где вселится действительный страх господень, оттуда исчезает радость»,*— пишет Максим Грек. Он считает царскую власть, так же как и власть священства, божественным даром и развивает идею их тесного союза. Задача священства — духовное просвещение; задача царства — оборона государства, устроение мирной жизни. Царь должен править на основе правды и справедливости. Максим Грек выдвигает идею нравственной ответственности царя перед богом за судьбы своей страны и подданных. Опора царя — боярство и воинство, которых тот щедро награждает за службу. Так Максим Грек разрабатывает программу компромисса между двумя

борющимися за власть группами господствующего класса. Этот компромисс и был осуществлен в период правления «избранной рады».

Все сочинения Максима Грека написаны в строгом соответствии с правилами риторического и грамматического искусства. Он развивает свои мысли в четкой логической последовательности, аргументируя каждое положение. Язык его сочинений книжный, он не допускает никаких словесных «вольностей» употребления просторечий, разговорной лексики.

Литературная манера Максима Грека оказала большое влияние на его учеников и последователей: Андрея Курбского, Зиновия Отенского.

Сочинения митрополита Даниила. Иной, отличной от Максима Грека литературной манеры придерживался ревностный идеолог «иосифлян», достойный ученик Волоцкого игумена — Даниил, занимавший митрополичий престол с 1522 по 1539 г. Активно поддерживая все начинания светской власти, он был непримирим к своим противникам, добиваясь их устранения.

Перу Даниила принадлежит шестнадцать «слов», посвященных вопросам религиозно-догматическим, обрядовым и бытовым.

В отличие от Максима Грека, Даниил не придерживался правил риторики. Для него характерно свободное обращение с языком. Он смело вводит в свои «слова» просторечную лексику, способствуя демократизации литературного языка и стиля.

Благодаря использованию разговорных интонаций Даниил достигает в «словах» яркости и образности изображения жизненных явлений. Таков, например, яркий образ развратника и модника, созданный Даниилом в двенадцатом «слове-наказании»: *«Великий подвиг твориши, угождая блудницам: ризы изменявши, хожение уставлявши, сапогы велми червлены и малы зело, якоже и ногам твоим велику нужу терпети от тесноты съгнетения их, сице блистаеши, сице скачеши, сице рыгавши и рзаеши, уподобляяся жеребцу...Власы же твоа не точию бритвою и с плотию отъемлеши, но и щипцем ис корене исторзати и ищипати не стыдишися, женам позавидев, мужеское свое лице на женское претворяеши».*

Называя свои «слова» «наказаниями», Даниил подчеркивает их дидактическое назначение. Он адресует их непосредственно обличаемым.

Даниил обрушивается на всех, кто нарушает установленные нормы христианской морали, требуя неукоснительного их соблюдения. Его возмущает возникшее в обществе равнодушие к «священному писанию» и церковной службе (симптом примечательный!).

Вот как Даниил изображает поведение в церкви человека, индифферентного к церковной службе: *«И егда срама ради внидеши в божественную церковь, и не веси, почто пришел еси, позевая, и протязаяся и ногу на ногу поставляеши, и бедру выставляеши, и потрясаеши, и кривляешися, яко похабный».*

Религозная дидактика сочетается у Даниила с натуралистическим описанием пороков, он пытается создать собирательный образ пьяницы, развратника, обжоры, тунеядца, щеголя, лживого *«пророка»* и *«учителя».* Носителями пороков выступает знатная молодежь.

Сочинения Даниила — яркий документ нравов русского общества первой трети XVI в. Их свободная литературная манера предшествует «кусательному» стилю Грозного. Обличительный пафос, образность живого языка произведений Даниила способствовала их популярности в старообрядческой среде.

«Сказание о Магмете-Салтане» Ивана Пересветова. Выдающимся писателем-публицистом, идеологом служилого дворянства является Иван Пересветов. Приехав на Русь из Литвы в 1538 г., в разгар боярского *«самовластия»,* он активно включился в

политическую борьбу: в *«обидах»* и *«волокитах» «истерял»* всю свою *«собинку».* Неоднократно подавал Пересветов челобитные на имя юного великого князя, выступал с аллегорическими публицистическими повестями, доказывая необходимость единодержавной формы правления государством и устранения боярства. Прибегая к историческим параллелям, он изображал существенные недостатки политической жизни Москвы и давал практические советы к их устранению.

О пагубном влиянии на судьбы государства боярской формы правления говорил Пересветов в «Сказании о царе Константине». Положительную политическую программу — смелый проект государственных преобразований он изложил в публицистическом памфлете 1547 г. «Сказание о Магмете-Салтане».

Памфлет построен на прозрачной исторической аллегории: императору Константину противопоставляется Магмет-Салтан. В описании правления царя Константина, вступившего на царство после смерти отца трех лет от роду, чем и воспользовались вельможи царевы, современники узнавали события недавнего прошлого: малолетство Грозного, борьба за власть бояр Бельских и Шуйских. Эти вельможи *«до возрасту царева богатели от пенистого собрания»,* они порушили праведный суд, осуждали неповинных по *«мздам», «богатели от слез и от крови роду человеческого».* Бояре, которые *«царя мудрого осетили вражбами своими и уловили лукавством своим и укротили воинство его»,* явились главной причиной гибели Царьграда. Именно вельможи, по мнению Пересветова, являются причиной оскудения и нестроения Русского государства.

Свой политический идеал Пересветов воплощает в грозном самодержавном мудром владыке Магмете-Салтане. Пересветов как бы преподает наглядный политический урок юному Ивану IV, только что венчавшемуся на царство и объявившему себя царем всея Руси.

Магмет-Салтан, опираясь на мудрость *«греческих книг»* и на свое воинство, т. е. служилое дворянство, непреклонно следует девизу: *«Не мощно царю без грозы держати... Хотя мало цар оплошится и окротеет, ино царство его оскудеет и иному царю достанется».* Личная охрана Салтана состоит из 40 000 янычар, *«чтобы его недруг в его земли не явился и измены бы не учинил и в грех не впал».* Магмет понимает, что только *«войском он силен и славен»,* и Иван Пересветов ставит вопрос о необходимости создания регулярного войска с обязательным денежным вознаграждением за службу. Он подчеркивает, что Магмет-Салтан отмечает заслуги своих воинов — тех, кто горазд *«против недруги играми смертною игрою... А ведома нет, какова отца они дети. Кто у меня верно служит и против недруга люто стоит, тот у меня и лутчей будет», —* заявляет Магмет-Салтан.

Здесь четко выражена точка зрения служилого дворянина, который хочет быть награжден государем за верную службу, за свои личные заслуги, а не за заслуги рода. Именно за воинскую доблесть награждает Магмет воинов и даже того, кто *«от меншаго колена, и он его на величество поднимает».*

Пересветов считает, что управление войском лучше всего строить при помощи десятских, сотских и тысяцких, что позволит укрепить моральное состояние воинов и сделать их надежной опорой государя. Он предвосхищает в памфлете учреждение опричнины (ведь опричники — это своего рода преданные янычары, верные псы государевы).

Предлагает Пересветов провести ряд преобразований и во внутреннем управлении: в местном аппарате, суде, государственной казне. Он считает необходимым уничтожить систему *«кормления»,* когда наместник (воевода) собирает налоги в свою пользу, и

предлагает все налоги с городов, волостей, вотчин, поместий собирать в государеву казну, а сборщикам платить жалованье. Тем самым наместник превращается в государственного чиновника.

Управление в городах должно строиться по типу войскового, что позволит, по мнению Пересветова, вести борьбу с *«лихими людьми».*

Магмет-Салтан выступает у Пересветова поборником правды, справедливости. Он искореняет *«неправду»,* лихоимство и взяточничество в судах при помощи крутых и жестких мер: судей-взяточников он приказывает *«живых одрати»,* говоря: *«Есть ли оне обрастут телом опять, ино им вина отдается».* А кожу их велит набить бумагой и прибить в суде с надписью: *«Без таковые грозы правды в царстве не мочно ввести».* Пересветов верит в возможность установления справедливого суда при помощи таких «радикальных мер». Столь же крутыми мерами добивается Магмет-Салтан искоренения в своем царстве воровства и разбоя: *«А татю и разбойнику у царя у турецкого тюрьмы нет, на третий день его казнят смертною казнью для того, чтобы лиха не множилося».*

Выступает Пересветов противником рабства, разумея под ним кабальное холопство: *«В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако если холоп, иного мне имени не прибудет».*

Это положение публициста XVI в.— предыстория «Беседы о том, что есть сын отечества» А. Н. Радищева.

Как отмечает А. А. Зимин, в своих социальных религиозно-философских воззрениях Пересветов перерастает рамки дворянской ограниченности. В его сочинениях отсутствуют традиционные ссылки на авторитет «отцов церкви», богословская аргументация положений. Он резко критикует монашество, выступает против церковной иерархии. Его утверждения: *«Бог не веру любит — правду»,* не бог, а человек управляет судьбами страны — звучали еретически.

Пересветову присуща гуманистическая вера в силу человеческого разума, в силу убеждения, в силу слова. Эта вера заставляет его писать челобитные царю, публицистические памфлеты. Создаваемый им идеал самодержавного правителя Магмета-Салтана также связан с этой гуманистической верой. *«Сам... мудрый философ»,* Магмет присовокупляет к турецким книгам книги греческие, благодаря чему *«ино великия мудрости прибыло у царя». «Таковому было быти християнскому царю, во всем правда имети и за веру християнскую крепко стояти»,*— написал Магмет-Салтан *«в тайне себе».* В этих словах заключен идейный смысл «Сказания».

Пересветов относится к Магаету-Салтану апологетически, доказывает необходимость *«грозной»* самодержавной власти; только она одна способна установить *«правые»* порядки в стране и защитить ее от внешних врагов.

Пересветов не разъясняет смысла своей аллегории, как это делал Максим Грек. Аллегория у Пересветова носит светский, исторический характер. История, по его мнению, дает наглядный политический урок настоящему. Прием антитезы позволял ему четко раскрывать основную политическую мысль. Живая деловая разговорная речь (без риторического украшательства), обилие афоризмов делали эту мысль ясной и предельно выразительной.

Как отметил Д. С. Лихачев, в дворянской публицистике пафос преобразования общества сочетается с идеей ответственности государя перед своими подданными за их благосостояние. Этому действенному характеру дворянского мировоззрения лучше всего

отвечали формы деловой письменности, которая начинает активно проникать в литературу, способствуя ее обогащению.

Публицистические памфлеты Ивана Пересветова явились той политической программой, которая частично была осуществлена Иваном Грозным.

Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным. Политика Грозного, направленная на укрепление единодержавия, усиление роли служилого дворянства и ущемление интересов боярской знати, вызвала отпор со стороны последней. Эту борьбу ярко отразила переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным.

Потомок князей ярославских, возводивший свой род к Владимиру Святославичу, Курбский в 1563 г. после неудачного сражения бежал в ливонский город Вольмар (Вольмиере), занятый войсками Сигизмунда-Августа. Отсюда и послал он в 1564 г. свою первую «епистолию» (послание), адресованную Ивану Грозному. Послание было рассчитано на широкий круг читателей и ставило целью обличить единодержавную политику царя. В самом обращении к *«Царю, от бога препрославленному, паче же во православии пресветлому явившуся, ныне же, грех ради наших, сопротив сим обретшемуся»* звучал упрек: царь утратил облик идеального правителя.

Строго и размеренно звучит обвинительная речь Курбского, построенная по правилам риторики и грамматики: *«Про что, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от бога данных ти, различным смертем предал еси?и победоносную, святую кровь их во церквах божиих, во владыческих торжествах, пролиял еси и мученическими их кровьми праги церковные обагрил еси? и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханые мучения, и гонения, и смерти умыслил еси...»*

Курбский выступает в роли прокурора, предъявляющего обвинения царю от имени *«погибших, избиенных неповинно, заточенных и прогнанных без правды»* бояр, являющихся, по его мнению, опорой государства, составляющих его силу. Он пишет от *«многая горести сердца своего».*

Он обвиняет царя в злоупотреблении своей единодержавной властью. Курбский понимал, что полностью вернуть старые порядки невозможно, и не выдвигал требования децентрализации. Он стремился лишь к ослаблению единодержавной власти царя, считал необходимым разделение власти между царем и боярством. Наконец, Курбский исчисляет собственные напасти и беды, которые пришлось претерпеть ему от царя. Он перечисляет свои воинские заслуги перед отечеством, не оцененные по достоинству Грозным.

Опальный боярин заявляет, что царь не увидит его до дня страшного суда, а *«писание сие, слезами измоченное»* он велит вложить с собою в гроб, чтобы предъявить его грозному и справедливому небесному судии.

Послание, как гласит легенда, было вручено царю верным слугою Курбского Василием Шибановым на Красном крыльце. Разгневанный царь пронзил своим посохом ногу посланца и, опершись на посох, выслушал послание своего врага. Превозмогая боль, Шибанов не издал даже стона и, брошенный в застенок, умер под пытками, так и не дав никаких показаний.

Послание Курбского взволновало и уязвило сердце Иоанна. Его ответ ярко раскрывает сложный и противоречивый характер незаурядной личности царя. Послание Грозного обнаруживает недюжинный ум, широкую образованность, начитанность и в то же время гордую и озлобленную, мятущуюся душу. Свой ответ он адресует не только Курбскому, но и *«всему Российскому царству»:* ибо, выступая против Курбского, царь выступал против всех *«крестопреступников».* Это и определило, с одной стороны,

обличительный пафос послания Грозного, направленный против бояр-изменников, и с другой — пафос утверждения, обоснования и защиты самодержавной власти.

Грозный выступает как политик, государственный человек, и речь его вначале сдержанна и официальна. Ответ Курбскому он начинает с доказательства законности своей единодержавной власти, унаследованной им от славных предков: Владимира Святославича, Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, деда Ивана Васильевича и отца Василия. *«Яко же родихомся во царствии, тако и возрастохом и воцарихомся божиим велением, и родителей своих благословением свое взяхом, а не чюжее восхитихом»,*— с гордостью заявляет Иоанн, отводя обвинение Курбского в незаконном использовании своей власти. Ссылками на «писание», цитируя на память целые отрывки, Грозный доказывает, что власть царя освящена самим Богом, и всякий, кто его власти противится, противится Богу. Иосифляне кие идеи божественного происхождения царской власти прочно усвоены царем, и, опираясь на них, он квалифицирует поступок Курбского как измену, отступничество, преступление перед своим государем, а следовательно, и Богом. *«Нелепотную славу»* приобрел, по мнению царя, Курбский, который *«собацким изменным обычаем преступил крестное целование»* и тем самым погубил свою душу. Царь ставит в пример изменнику-боярину самоотверженную преданность его холопа Василия Шибанова, принявшего мученическую смерть за своего господина. Такая преданность приводит Грозного в восхищение, и такой преданности он требует от всех подданных — своих холопов. *«А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя»,*— заявляет он.

Грозного раздражают ядовитые упреки Курбского, суровый обличительный пафос его эпистолы, и тон царского послания становится запальчивым. Он обращается с ироническими вопросами к изменнику: *« Что же, собака, и пишешь и болезнуеши, совершив такую злобу? К несому убо совет твои подобен будет, паче кала смердяй?»*

Со злым недоумением Грозный пишет, что он не губил *«сильных во Израили»* и не знает, *«кто есть сильнейший во Израили».* Он не согласен с оценкой, данной боярству Курбским: не оно составляет силу и славу государства.

Чтобы сделать ответ более весомым, Грозный вводит ряд автобиографических моментов. Он вспоминает, как в годы младенчества были истреблены многие *«доброхоты»* отца его, как была расхищена боярами казна матери, отца и деда, отняты дворы и села у дядей, как воцарились князья Василий и Иван Шуйские, жестоко расправившиеся со своими противниками. *«Нас же, со единородным братом, святопочившим Георгием, питати начаша яко иностранных или яко убожайшую чадъ»,*— с горечью вспоминает Иван. В его памяти воскресает картина безрадостного сиротского детства. *«Нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевичь Шуйской седит па лавке, локтем опершися, о отца нашего о постелю ногу положив; к нам же не приклонялся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское же, ниже начало обретеся».* И, обращаясь к своему противнику, Иван с горечью вопрошает: *«Како же исчести таковыя бедне страдания многая, яже в юности пострадах?»*

Вспоминает Грозный и грандиозный московский пожар 1547 г., когда изменники-бояре, называющие себя мучениками, распустили слух, что город спалила чародейством своим Анна Глинская, и восставшие москвичи убили в церкви Юрия Глинского и были подстрекаемы даже не убийство самого царя.

Нет, делает вывод Грозный, бояре не доброхоты царевы, а бесчеловечные собаки-изменники, которые во всем *«супротивная устраняют»* своему государю. Поэтому, считает Грозный, нечего хвастаться *«такожде и инех собак и изменников бранною*

храбростию». Парируя обвинение своего противника, Грозный прибегает к цитированию послания Курбского, иронически обыгрывая эти цитаты. Например: *«Лице же свое пишешь не явити нам до дне страшного суда Божия. Кто же убо восхощет таковаго ефопскаго лица видети ?»*

Так, не стесняясь в выражениях, прибегая к прямой издевке над врагом, Грозный изливает в послании свою душу. Он не считается с правилами риторики и пиитики. Его писательская манера обнаруживает тесную связь с «иосифлянской» литературной школой. Речь Грозного порывиста, взволнованна, она насыщена живыми конкретными бытовыми образами, пересыпана остротами и едкой иронией. Этот нарушавший канонические правила стиль послания Грозного стал объектом постоянных насмешек Курбского. В своем *«кратком отвещании»* Курбский не старается опровергнуть противника. Он упорно твердит о правоте своих обвинений, предъявленных царю в первом послании, отвергает *«нечистые и кусательные» «глаголы царевы»,* считает себя человеком, *«много оскорбленным и без правды изгнанным»,* и уповает на Божий суд.

Выученик *«заволжских старцев»,* воспитанный в строгой книжной литературной традиции, Курбский не может принять стиля *«широковещательного и многошумящего»* послания Грозного. Он считает, что стиль этого послания не только не достоин царя, столь великого и во вселенной славимого, но и убогого, простого воина. Курбский упрекает Грозного в неумении цитировать: в послании царя *«ото многих священных словес хватано, и те со многою яростию и лютостию... зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами и паремьями целыми, и посланьми».*

Другой упрек, который бросает Курбский Грозному,— это смешение стилей книжного и разговорного: *« Туто же о постелях, о телогреях, и иные бесчисленные, воистину, яко бы неистовых баб басни; и так варварско, яко не токмо ученым и искуснымм мужем, но и простым и детем со удивлением и смехом...»*

Укоряя царя, Курбский считает, что подобное послание стыдно посылать в чужую землю.

В неприятии Курбским литературной манеры Грозного сказалась разница в принципах подхода к слову, к жизни.

После ответа Курбского переписка прекращается на 13 лет и возобновляется Грозным в 1577 г., когда русские войска взяли ливонский город Вольмар, за стенами которого укрывался Курбский.

В послании, написанном в Вольмаре, Грозный перечисляет те напасти и невзгоды, которые пришлось ему вынести от бояр во время правления «избранной рады» (Адашев и Сильвестра). *«Что мне от вас бед, всего того не исписати!»* — восклицает он и с болью вопрошает: *«А и с женою вы меня про что разлучили? А князя Володимира на царство чего для естя хотели посадити, а меня из детьми извести?»* Горестные вопросы, исчисляющие преступления бояр, сменяются иронической издевкой над беглецом.

В ответе на это послание Курбский преимущественно оправдывал себя, уснащая свою защитительную речь цитатами из «священного писания».

Сильным ударом, который нанес Курбский своему врагу, был исторический памфлет «История о великом князе Московском»
1573 г. Здесь Курбский на первый план выдвигает моральную аргументацию: причина всех зол и бед — личные качества царя. Курбскому удалось надолго закрепить в истории взгляд на Ивана Грозного как представителя *«издавна кровопийственного рода»,* который, начав столь блестяще свое царствование, во второй его период был одержим непомерной злобой и лютостью и обагрял свои руки в крови неповинных жертв.

Противоречивый, сложный болезненный характер Грозного, его незаурядное писательское дарование обнаруживается не только в его полемических посланиях к Курбскому, но и в ряде других писем.

Послание Грозного в Кирилле-Белозерский монастырь. Интересно послание Грозного игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме (написано около 1573 г.) по поводу нарушения монастырского устава сосланными туда Грозным боярами Шереметевым, Хабаровым, Соба-киным.

Послание пронизано едкой иронией, перерастающей в сарказм, по отношению к опальным боярам, которые в монастыре *«свои любострастные уставы ввели».* Оживает яркая сатирическая картина монастырского быта: *«А ныне у вас Шереметев сидит в келье что царь, а Хабаров к нему приходит, да иные чернъцы, да едят, да пиют, что в миру, а Шереметев, невесть со свадбы, невесть с родин, розсылает по кельям пастилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастырем двор, а на нем запасы годовые всякие...»*

На основании этого Грозный делает широкое обобщение, что *«ныне бояре по всем монастырем... своим любострастием»* порушили строгий монашеский устав. А в монастыре не должно существовать социального неравенства: *«Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярства не сстрижет, а холоп холопства не избудет?»*

Грозный обрушивается и на монахов, которые не в силах обуздать своевольных бояр. Ирония царя усиливается за счет самоуничижения, с которого Грозный начинает свое послание: *«Увы мне грешному! горе мне окаянному! ох мне скверному!., мне, псу смердящему, кому учити, и чему наказати, и чем просветити?»* И далее, чем больше Грозный говорит о своем уважении к Кириллову монастырю, тем язвительнее звучат его укоризны. Он стыдит братию за то, что они допускают нарушение устава боярами, и тем самым неизвестно, пишет царь, кто у кого постригся, бояре ли у монахов или монахи у бояр. *«Не вы им учители и законоположители, а они вам». С* сарказмом Грозный пишет: *«Да, Шереметева устав добр, держите его, а Кирилов устав не добр, оставите его. Да сегодня тот боярин ту страсть введет, а иногды иной иную слабость введет, да помалу, помалу весь обиход монастырьской крепостной испразнится, и будут вси обычаи мирские».*

Заканчивает послание Грозный гневным раздражительным обращением, запрещающим монахам докучать ему подобными вопросами: *«И о Хабарове мне нечего писати: как себе хочет, так дурует... А вперед бы есте о Шереметеве и о иных таких безлепицах нам не докучали...»* Как отмечает Д. С. Лихачев, «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь» — это свободная импровизация, вначале ученая, а затем запальчивая, переходящая в обвинительную речь, написанная с горячей Убежденностью в своей правоте.

Своеобразие личности Грозного, особенности его писательской манеры проявляются и в его взаимоотношениях с одним из приближенных к нему опричников Василием Грязным, которому царь направил свое послание в 1574 г.

Посланный царем на русско-крымскую границу воеводою, Василий Грязной попал к крымцам в плен. В своем письме царю (письмо не сохранилось) Грязное изложил условия, на которых крымский хан соглашался отпустить *«великого человека»* русского государя: либо прислать большой выкуп, либо обменять на плененного русскими крымского полководца Дивея.

Обращаясь к *«Васюшке»,* Грозный с иронией пишет, что Грязному не следовало *«без путя середи крымских улусов заезжати»,* а уж если *«заехано - ино было не по*

объездному спати». «Ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы — ажио крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушением шутити?»— иронизирует царь. Для царя опричник — не «великий человек», а *«страдник»,* который был *«у нас в приближении».* За своего приближенного он согласен дать выкупа не более 2 тысяч, а не 100 тысяч, как о том просит Грязной, ибо *«опричь государей таких окупов ни на ком не дают».* Невысокого мнения царь о полководческом таланте опричника и противопоставляет ему крымца Дивея: *«Тебе,*— обращается Грозный к Грязному, — *вышедши из полону, столько не привести татар, не поймать сколько Дивей кристьян пленит».* Царь упрекает опричника, что тот сулил хану выкуп и мену *«не по себе».* Послание Грозного написано в форме непринужденной беседы и свидетельствует отнюдь не о положительной оценке царем своих опричников.

Смятенность души сурового владыки, испытывающего порой угрызения совести, боящегося приближающейся смерти, отражает созданный им покаянный канон Ангелу Грозному.

«Муж чюднаго рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело»,— так характеризовали Грозного ближайшие потомки. Все его сочинения пронизывает глубокий, тонкий и насмешливый ум русского человека, выдающегося государственного деятеля и политика и в то же время тирана, правящего своим *«самовластным хотением».* Живая наблюдательность, неуемный темперамент, добродушие и жестокость, лукавая простодушная усмешка и язвительная ирония, резкость и запальчивость — вот те черты характера Грозного, которые ярко отразились в его сочинениях.

Не считаясь с книжными канонами и традициями, смело нарушая их, он вводит в свои послания конкретные зарисовки, выхваченные из действительности. Для передачи всей сложной гаммы чувств, владеющих им, Грозный широко использует просторечия, разговорные обыденные интонации и даже бранные слова. Это и позволяет Грозному стать непревзойденным для своего времени мастером «кусательного» стиля, который без промаха разит противника.

Послания Грозного — яркое свидетельство начала разрушения строгой системы книжного литературного стиля, который создавался стараниями книжников XIV—XVI вв., и появления стиля индивидуального. Правда, «заявить» о своей индивидуальности в области стиля мог тогда только царь, самодержец всея Руси. Осознавая свое высокое положение, он мог смело нарушать установленные стилистические нормы и разыгрывать роли то мудрого философа, то смиренного раба Божьего, то жестокого и неумолимого владыки, «вольного» казнить или миловать своих «холопов» — подданных.

В публицистике XVI в. звучали не только голоса защитников интересов различных групп правящего класса. В это время появляются и первые идеологи демократических слоев русского общества. Против рабства выступает боярский сын Матвей Башкин, доказывая авторитетом «писания» незаконность рабовладения. *«Христос всех братиею нарицает,*— говорил он,— *а у нас де на иных и кабалы, на иных — беглыя, а па инех — нарядныя, а на иных полныя».* Еще далее Башкина пошел беглый холоп Феодосии Косой, который, отвергая церковные догмы (троичность божества, почитание храмов и икон, церковную иерархию), выступил противником всякой эксплуатации, войн и гражданских властей, страстным поборником равенства людей.

Обличению «ереси» Феодосия Косого были посвящены два публицистических произведения Зиновия Отенского — «Истины показание» и «Послание многословное».

Созванный в 1554 г. церковный собор осудил «ереси» Матвея Башкина и Феодосия Косого, а также бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря старца Артемия,

ревностного «нестяжателя», связанного с Максимом Греком и Матвеем Башкиным. Они были приговорены к пожизненному заточению в монастырях. Однако Артемию и Феодосию Косому удалось бежать в Литву.

Таким образом, в публицистике XVI в. отразилась полемика по кардинальным политическим проблемам своего времени, связанная с характером государственного управления, местом и ролью в этом Управлении царя, боярства, служилого дворянства и монашества. В публицистике впервые был поставлен вопрос о положении русского крестьянина и прозвучали голоса, осуждающие рабство. Политические проблемы публицисты связывали с моральными, философскими и эстетическими. Доказывая свою правоту, опровергая аргументы противников, они не ограничивались ссылками на авторитет «писания», а опирались на логику, апеллировали к разуму, используя факты действительности и личной жизни.

Отличительная особенность публицистики XVI в.— ее жанровое многообразие: полемическое «слово», «наказание», «слово ответное», беседа, челобитная, публицистический памфлет, эпистола.

Публицистика XVI в. сыграла важную роль в формировании русского литературного языка и русской литературы. Ее традиции получили отклик в исторических повестях начала XVII в., в полемических посланиях-беседах Аввакума.

ОБОБЩАЮЩИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Характерной особенностью развития русской литературы XVI в. явилось создание многочисленных обобщающих произведений как церковной, так и светской литератур, идеологически закреплявших объединение русских земель вокруг политического, религиозного и культурного центра Москвы. Путем объединения памятников местных областных литератур, их идейно-стилистической переработки создается единая общерусская литература, приобретающая общегосударственное, политическое значение.

Колоссальная работа по собиранию церковной письменности, ее стилистической и идеологической обработке была проделана по инициативе и под руководством митрополита Макария (1481/82—1563). Постриженник Пафнутъево-Боровского монастыря, ревностный почитатель Иосифа Волоцкого, Макарий по настоянию Василия

III, который *«любяще его зело»,* в 1526 г. был поставлен архиепископом Великого Новгорода.

«Великие Четьи-Мнеи». В Новгороде начал Макарий собирать и объединять все *«святые книги, которые в Русской земле обретаются».* К работе было привлечено много писцов, а также ряд писателей, среди которых следует отметить дьяка Дмитрия Герасимова, боярского сына Василия Тучкова. Создание первой редакции «Великих Четьих-Миней» заняло двенадцать лет (с 1529 по 1541 г.). Эта редакция была вложена в новгородский Софийский собор.

Став в 1542 г. митрополитом всея Руси, Макарий менее всего был склонен поддерживать выдвинувшего его боярина Шуйского. Митрополит развивает активную деятельность по упрочению единодержавной власти великого князя московского и в январе 1547 г. торжественно венчает на царство семнадцатилетнего Иоанна IV.

В Москве Макарий продолжает работу над «Великими Четьими-Минеями» и в 1547 и 1549 гг. созывает два церковных собора по канонизации местно чтимых святых. Для этого он поручает написать жития Иосифа Волоцкого, Макария Калязинского, Александра Свирского и др. Оба собора канонизировали 40 святых. Этот акт имел не только религиозное, но и важное политическое значение, способствуя идеологическому укреплению авторитета светской и церковной власти. После церковных соборов по поручению Макария создаются новые редакции житий Александра Невского, Саввы Сторожевского, митрополита Ионы и ряда других. Всего было создано и внесено в новую редакцию «Великих Четьих-Миней» до шестидесяти новых житий. Эта редакция была завершена к 1552 г. и вложена митрополитом в Успенский собор московского Кремля, а второй список в 1554 г. преподнесен Ивану IV.

Двенадцать огромных фолиантов, материал которых располагался по дням каждого месяца, включали не только произведения русской и переводной агиографии, но и поучительные «слова» из «Измарагда», «Златой "чепи"» «Хождение» игумена Даниила, «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, «Космографию» Космы Индикоплова. Благодаря этому «Великие Четьи-Минеи» явились своеобразной «энциклопедией» церковной литературы XVI в. Они идеологически закрепляли политическое объединение бывших удельных княжеств в единое централизованное государство.

Общерусские летописные своды. Задачу определить место Руси и ее столицы Москвы во всемирной истории ставил перед собой Русский хронограф 1512 года. Вбирая в свой состав местные летописи бывших удельных княжеств, перерабатывая их в свете идей московского абсолютизма, создаются общерусские летописные своды.

Таким общерусским летописным сводом была Воскресенская летопись, излагавшая историю Руси с момента образования Киевского государства до 1541 г. Однако ее составители не смогли органически переработать материалы местных летописей и ликвидировать их областнические тенденции, придать материалу стилистическое единство.

В 1526—1530 гг. при митрополичьей кафедре по инициативе митрополита Даниила создается Никоновская летопись, работа над которой была продолжена в середине XVI в.. Эта летопись отличается большой полнотой включенного в нее материала, взятого не только из известных сейчас источников, но и из не сохранившихся до наших дней летописей. События русской истории соотнесены в ней с византийской, заимствованными из хронографа. Излагаемому материалу придается стилистическое единство. Последовательно проведена идея преемственности самодержавной власти от князей киевских, род которых возводится к Августу-кесарю, к князьям московским. В

летописи широко представлены завершенные в сюжетно-композиционном отношении исторические повести и агиографические произведения. В летописи реализуется провинденциалистская концепция — Русская земля и ее правители находятся под небесным покровительством.

К Никоновской летописи близко стоит Львовская летопись, доводящая изложение событий до 1560 г.

В 60-х годах на основе Никоновской летописи создается грандиозный Никоновский лицевой свод (иллюстрированный). До нас дошло 10 000 листов с 16 000 миниатюрами. Лицевой свод начинал изложение событий «от сотворения мира» и ставил своей целью утвердить мировое величие Русского царства и его благочестивых правителей, выражая официальную правительственную идеологию, Лицевой свод явился московской исторической энциклопедией XVI века.

Степенная книга. В 1563 г. по инициативе митрополита Макария царским духовником Андреем-Афанасием создается «Книга степенная царского родословия». В этом произведении сделана попытка систематического прагматического изложения истории Русского Московского царства в форме генеалогической преемственности от Рюрика, а затем Владимира Святославича до Ивана Грозного включительно.

История Русского государства излагается в форме агиобиографий его правителей по степеням родства. Период правления каждого князя составляет определенную *«грань»* в истории. В соответствии с этим вся Степенная книга разбита на 17 степеней и граней, а введением ко всему произведению служит пространное житие княгини Ольги. В каждой *«грани»* после биографии князя излагаются важнейшие события, *«иже во дни их содеявшеся»,* а также помещаются жития ряда выдающихся иерархов русской церкви: Петра, Алексея, Ионы.

В центре повествования Степенной книги стоят личности князей — *«самодержавцев».* Все они наделяются качествами идеальных мудрых правителей, отважных воинов и примерных христиан. Составители Степенной книги стараются подчеркнуть величие деяний и красоту их добродетелей, вводят психологические характеристики героев, стремясь показать их внутренний мир и благочестивые помыслы в монологах, молитвословиях.

Последовательно проводится мысль о единодержавной форме правления на Руси, якобы установленной еще первыми *«скипетродержа-телями»;* власть окружается ореолом святости, и доказывается необходимость безропотного и беспрекословного повиновения этой власти, подчеркивается ее союз с властью церковной.

Исторический материал изложен в виде пышного риторического панегирика *«богорасленному древу»* самодержавного рода *«Рюриковичей».* Таким образом, и в Степенной книге и в летописных сводах исторический материал приобрел злободневное политическое и публицистическое звучание, подчиняясь задачам идеологической борьбы за укрепление единодержавной власти государя всея Руси. И летописные своды, и Степенная книга выполняли роль официального исторического документа, опираясь на который, московская дипломатия XVI в. вела переговоры на международной арене, доказывая исконность прав московских государей на владение всеми русскими землями, некогда входившими в состав Киевского государства, доказывая суверенность Московского царства, его право на ведущую роль в европейской политике.

«Домострой». К обобщающим произведениям XVI в. следует отнести также «Домострой», составление которого приписывается благовещенскому попу Сильвестру, входившему в «Избранную раду». «Домострой» регламентировал поведение человека, как в государственной, так и в семейной жизни. В нем четко определялись обязанности

человека по отношению к церкви и царю, последовательно проводилась мысль о безропотном повиновении царской власти.

Важной частью «Домостроя» является раздел *«о мирском строении, как жить с женами, детьми и домочадцами».* Как царь является безраздельным владыкой своих подданных, так муж является господином свой семьи. Он несет ответственность перед богом и государем за семью, за воспитание детей — верных слуг государства. Поэтому первейшая обязанность мужчины — главы семьи — воспитание сыновей. Чтобы воспитать их послушными и преданными «Домострой» рекомендует один метод — палку: *«Любя же сына своего, учащай ему раны, да последи о нем возвеселишися... Наказуй дети во юности, покоит тя на старость твою... И не даж ему власти во юности, но сокруши ему ребра...»*

Другая обязанность мужа — *«поучати»* свою жену, которая должна вести все домашнее хозяйство и воспитывать дочерей. Воля и личность женщины всецело подчиняются мужчине. Строго регламентируется поведение женщины в гостях и дома, вплоть до того, о чем она может вести разговоры. Регламентируется «Домостроем» и система наказаний. Нерадивую жену муж сначала должен *«всяким рассуждением... учити».* Если словесное *«наказание»* не дает результатов, то мужу *«достоит»* свою жену *«ползовати страхом наедине», «по вине смотря».* Предлагает «Домострой» и ряд правил поведения, которые должны соблюдать слуги, посылаемые в чужой дом. «Домострой» дает практические советы по ведению домашнего хозяйства: и как *«устроити хорошо и чисто»* избу, как повесить иконы и как их содержать в чистоте, как приготовить пищу.

Таким образом, «Домострой» был не только сводом правил поведения зажиточного человека XVI в., но и первой «энциклопедией домашнего хозяйства». Ценность «Домостроя» заключается в широком отражении реальных особенностей русского быта и языка XVI столетия.

Упорядочению церковной и нравственной жизни был посвящен созванный по повелению Ивана IV в 1551 г. специальный церковный собор, получивший название «Стоглавого»: принятое им соборное уложение, содержащее царские вопросы и соборные ответы *«о многоразличных церковных чинех»,* было разделено на сто глав.

Так же как и «Домострой», «Стоглав» непосредственно не относится к произведениям художественной литературы, но дает необычайно яркое представление о жизни и быте Руси того времени. Собор констатировал наличие в употреблении большого количества неисправных книг, писанных с *«худых»* переводов, и поручил протопопам и поповским старостам следить за работой писцов. Видимо, это явилось одной из причин возникновения книгопечатания, *«дабы впредь святые книги изложилися праведне».* В 1553 г. началось строительство Печатного двора, где вскоре были напечатаны первые церковные книги (не позднее'1555 г.). В 1564 г. Иваном Федоровым и его помощником Петром Мстиславцем *«ко очищению и ко исправлению ненаученых и неискусных в разуме книгописцев»* был напечатан Апостол, а в 1565 г.— «Часослов», предназначавшийся для обучения грамоте. Создание «государева Печатного двора» и появление первых печатных книг было актом величайшего культурного значения. Вскоре Иван Федоров и Петр Мстиславец по неясным причинам покидают Москву и переезжают в Литву. В 1574 г. Иван Федоров создал типографию во Львове, где напечатал Апостол и «Букварь», а затем переехал в Острог, напечатал в 1581 г. Библию.

В России в конце 60-х годов была основана типография в Александровской слободе, где дело Ивана Федорова продолжали его ученики А. Тимофеев-Невежа и Н. Тарасьев.

Так было положено начало книгопечатанию в России.

«История о Казанском царстве». Присоединение к Москве Казани в 1552 г. было крупнейшим историческим и политическим событием века. Оно воспринималось современниками как расплата за двухсотлетнее монголо-татарское иго. Взятие Казани, а в 1556 г.— Астрахани открывало великий водный торговый путь по Волге, который тесно связывал Московское государство со странами Востока.

Взятие Казани широко отразилось как в устном народном творчестве в легендах, песнях и сказах, так и в литературе. Помимо летописных сказаний в 1564—1566 гг. была создана «История о Казанском царстве», или «Казанский летописец». О ее популярности свидетельствуют дошедшие до нас свыше 270 списков. «История о Казанском царстве» — это связное историческое повествование, пронизанное единой историко-публицистической концепцией. Излагая события с момента основания Казани в 1172 г. легендарным болгарским царем Саином до взятия города Иваном, Грозным в 1552 г., «История» возвеличивает Московское царство и его правителя: вся история Казани рассматривается как история постепенного усиления ее зависимости от Москвы. В «Истории» главное место занимают события 40—50-х годов XVI в.; организация Грозным походов на Казань, строительство на правом берегу Волги города Свияжска, боевого форпоста русских войск; штурмы крепостных стен Казани и падение города.

Сам автор был очевидцем этих событий: в 1532 г. его взяли в плен *«варвары»* — черемисы и подарили казанскому царю Сафа-Гирею, на службе у которого он и пробыл двадцать лет, до взятия Казани. Затем Иван Грозный крестил его, дал небольшой земельный надел, за что тот и *«нача служити ему* (царю.— *В. К.) верно».* Один из важнейших источников повествования — рассказы *«премудрейших и честнейших казанцев»* и рассказы, услышанные *«от самого царя изо уст многажды».* Литературным образцом «Истории о Казанском царстве» служила «Повесть о взятии Царь-града» Нестора-Искандера, а также повести о Мамаевом побоище.

Центральный герой «Истории» — Иван Грозный, личность КОТОРОГО дается в ореоле военной и царской славы. Он сурово расправляется с *«мятежниками», «изменниками»,* несправедливыми судьями, но милостив к *«воинственным людям»,* народу. Его поход на Казань продиктован не стремлением к захвату чужой земли, а интересами обороны своей страны.

В «Истории» широко представлены фантастические картины видений, знамений, предрекающих гибель Казани. Завершается «История» апофеозом победителя — апофеозом российского самодержца, торжественно въезжающего в *«великий град Москву».* Иноземные послы и купцы с удивлением говорили, *«яко несть мы видали ни в коих ж царствах, ни в своих ни в чюжих, ни на коем же царе, ни на короле таковыя красоты и силы и славы великия».* Народ московский, чтобы лучше видеть царя, *«лепится»* по крышам *«высоких храмин»* и палат, по *«забралам»,* многие забегают вперед, а девицы, княжеские жены и боярские, *«им же нелзе есть в такая позорища великая, человеческого ради срама, из домов своих изходити и из храмин излазити — полезне есть, где седяху и живяху, яко птицы брегами в клетцах — они же совершение приницающе из дверей, и оконец своих, и в малые скважницы глядяху и наслажахуся многого того видения чюднаго, доброты и славы блещаяся».* Яркая картина встречи царя-победителя отражает и характерную бытовую подробность, связанную с положением женщины в обществе того времени.

Изображая триумф русского царя, автор «Истории» утверждал политическое значение одержанной Грозным победы.

Прославляя воинские заслуги Грозного, автор «Истории о Казанском царстве» делает ряд выпадов против бояр, князей и воевод. Он утверждает, что завоевание Казани — личная заслуга царя и русских воинов, а не воевод-бояр.

Устойчивые стилистические формулы воинских повестей, включенные в общее описание битвы, дополняются новыми сравнениями воинов с птицами и белками. Эти сравнения дают возможность читателю воссоздать картину грандиозного сражения. При этом автор «Истории» подчеркивает храбрость и мужество не только русских воинов, но и их врагов—казанцев: *«С неких же казанцов спиде смертный грех и охрабришася, сташа во вратех града и у полых мест, сняшася с русью, и с татары смешася сечем великим... И страшно бо видети обоих храбрости и мужества: ови во град влезти хотяху, ови же пустити не хотяше, и отчаявше живота своего и сильно бияхуся, и неотступно рекуще в себе, яко единако же умрете есть нам. И спрескотаху копия, и сулицы, и мечи в руках их и, яко гром силен, глас и кричание от обоих вой гремяше».*

Такое изображение врага, попытка раскрыть его психологическое состояние во время битвы явилось новым словом, сказанным автором «Истории о Казанском царстве» в историко-повествовательной литературе XVI в. В «Истории» отводится большое место изображению внутреннего психологического состояния ее персонажей. Таково, например, описание чувств царицы Анастасии, проводившей в поход своего мужа; скорби казанской царицы Сумбеки, оплакивающей мужа и прощающейся с казанцами; *«плач и уничижение к себе казанцов».* Стилю плачей свойственны и книжная риторика, и фольклорная образность.

Автор «Истории» использует поэтические выражения народного эпоса, лирические образы народных песен и плачей, отдельные мотивы татарского фольклора. Все это позволяет ему назвать свое произведение *«красной, новой и сладкой повестью»,* которую он *«пакуемся разумно писанием изъявити».*

Углубленное внимание к психологии человека, широкое использование фольклора, нарушение традиционных норм риторического стиля ставят «Историю о Казанском царстве» в преддверие исторических произведений начала XVII в.

«Сказание о киевских богатырях». Покорение Грозным Казани получило своеобразное преломление в «Сказании о киевских богатырях», представляющем собой оригинальную литературную обработку устно-поэтического былинного сюжета, возникшего в конце XVI — начале XVII в. Сказание дошло до нас в пяти списках, старший из которых относится к первой половине XVII в. Его героями являются семь киевских богатырей: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Дворянин Залешанин, Алеша Попович, Щата Елизынич, Сухан Доментьянович и Белая палица, или поляница. Им противопоставляются сорок два цареградских богатыря, среди которых названы Идол Скоропеевич и Тугарин Змесвич.

Вс. Миллер обратил внимание на то, что «Сказание о киевских богатырях» отражает формы политического и общественного быта Московского государства XV—XVI вв. (Дворянин Залешанин является *«жильцом»* государева двора, Илья бьет челом *«государю, князю»,* князь *«жалует»* богатырей за *«выслугу великую и службу богатырскую»).* Местоположение Царьграда в «Сказании» напоминает Казань, а Смугарска — реку Угру, на берегах которой произошло знаменитое «стояние» войск Ивана III и хана Ахмата в 1480 г. Замену Казани на Царьград находим в народных исторических песнях об Иване Грозном.

«Сказание о киевских богатырях» свидетельствует о развитии новых тенденций в повествовательной литературе XVI в., об усиливающемся проникновении в нее фольклора, ее демократизации, а также об отходе от исторических сюжетов и

стремлении к эпическим обобщениям и занимательности. Подобные тенденции проявляются и в агиографической литературе, свидетельством чего является «Повесть о Петре и Февронии».

«ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ»

«Повесть о Петре и Февронии» была создана в середине XVI в. писателем-публицистом Ермолаем-Еразмом на основе муромских устных преданий. После канонизации Петра и Февронии на соборе 1547 г. это произведение получило распространение как житие. Однако митрополитом Макарием оно не было включено в состав «Великих Четьих-Миней», поскольку и по содержанию, и по форме оно резко расходилось с житийным каноном. Повесть с необычайной выразительностью прославляла силу и красоту женской любви, способной преодолеть все жизненные невзгоды и одержать победу над смертью.

Герои повести — исторические лица: Петр и Феврония княжили в Муроме в начале XIII в., они умерли в 1228 г. Однако в повести историчны только имена, вокруг которых был создан ряд народных легенд, составивших основу сюжета повести. Как указывает М. О. Скрипиль, в повести объединены два народнопоэтических сюжета: волшебной сказки об огненном змее и сказки о мудрой деве.

С устно-поэтической народной традицией связан образ центральной героини — Февронии. Дочь крестьянина — *«древолазца»* (бортника) обнаруживает нравственное и умственное превосходство над князем Петром. В повести на первый план выдвигается необычайная мудрость Февронии. Отрок (слуга) князя Петра застает ее и избе за ткацким станком в простой одежде, и Феврония встречает княжеского слугу «странными» словами: *«Нелепо есть быти дому безо ушию, и храму без очию».* На вопрос юноши, где находится кто-либо из живущих в доме мужчин, она отвечает: *«Отец и мати моя поидоша в заем накати. Брат же мои иде чрез ноги в нави (смерть) зрети».*

Сам отрок не в силах уразуметь смысла мудрых речей Февронии и просит объяснить их значение. Феврония охотно это делает. Уши дому — собака, очи храму (дому) — ребенок. У нее в доме нет ни того, ни другого, поэтому некому было предупредить ее о приходе незнакомца, и тот застал се в столь неприглядном виде. А мать и отец пошли на похороны — взаймы плакать, так как, когда они умрут, по ним тоже будут плакать. Отец и брат ее — *«древолазцы»,* собирающие мед диких пчел, и ныне брат *«на таково дело иде»;* взбираясь на дерево и смотря через ноги вниз, он постоянно думает о том, как бы не упасть с такой высоты, не разбиться насмерть.

Одерживает победу Феврония и над Петром, состязаясь с князем в мудрости. Желая проверить ум девушки, Петр посылает ей пучок льна, предлагая, пока он моется в бане, сделать из него рубашку, штаны и полотенце. В ответ Феврония просит Петра сделать из щепки ткацкий станок, пока она *«очешет»* лен. Князь вынужден признать, что этого сделать невозможно. *«А се ли възможно есть человеку мужеска възрасту въ едином повесме (пучке) лну в молу годину, в ню же пребудет в бани, сътворити срачицу и порты и убрусець?»* — спрашивает Феврония. И Петр вынужден признать ее правоту.

Феврония согласна уврачевать язвы Петра при одном условии — стать его женой. Она понимает, что не так-то просто князю жениться на крестьянке. Когда князь исцелился, он и думать забыл о своем обещании: *«...не въсхоте поати ю жену себе отечества* (происхождения) *ея ради».* Феврония, понимая, что она неровня князю, предвидела подобный ответ Петра и поэтому заставила его помазать не все струпья. А когда тело князя вновь покрылось язвами, он вынужден со стыдом вернуться к ней,

прося врачевания. И Феврония исцеляет Петра, предварительно взяв с него твердое слово жениться. Так дочь рязанского крестьянина заставляет Петра сдержать свое княжеское обещание. Подобно героиням русских народных сказок, Феврония борется за свою любовь, за свое счастье. До конца дней хранит она свято любовь к мужу. По требованию муромских бояр она покидает город, взяв с собой самое для нее дорогое — своего супруга. Он для нее дороже власти, почестей, богатства.

На корабле Феврония угадывает нечестивые помыслы некоего женатого человека, который посмотрел на нее с вожделением. Она заставляет его попробовать воду с обоих бортов судна и спрашивает: *«Равна ли убо си вода есть, или едина слажеши?».* Он отвечает: *«Едина есть, госпоже, вода».* И Феврония говорит тогда: *«И едино естество женьское есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжиа мыслиши!»*

Феврония умирает одновременно с мужем, ибо не мыслит себе жизни без него. А после смерти тела их оказываются лежащими в едином гробу. Дважды пытаются их перехоронить, и каждый раз тела их оказываются вместе.

Характер центральной героини в повести дан весьма многогранно. Дочь рязанского крестьянина исполнена чувства собственного достоинства, женской гордости, необычайной силы ума и воли. Она обладает чутким, нежным сердцем, способна с неизменным постоянством и верностью любить и бороться за свою любовь. Ее чудесный обаятельный образ заслоняет слабую и пассивную фигуру князя Петра. Только в начале повести Петр выступает в роли борца за поруганную честь брата Павла. С помощью Агрикова меча он одерживает победу над змеем, посещавшим жену Павла. На этом его активная роль в развитии сюжета заканчивается, и инициатива переходит к Февронии.

В повести намечена тема социального неравенства. Не сразу князь решается на брак с дочерью *«древолазца».* А когда личный конфликт разрешен благодаря мудрости Февронии, возникает новый, политический. Петр после смерти брата Павла стал *«един самодержец» «граду своему».* Однако бояре не любят князя, *«жен ради своих», «яко бысть княгини не отечества ради ея».* Бояре обвиняют Февронию в нарушении *«чина»,* т. с. порядка: она неподобающим княгине образом ведет себя за столом. Пообедав, Феврония по крестьянской привычке, вставая из-за стола, *«взимает в руку свою крохи, яко гладна».* Перед нами весьма выразительная бытовая деталь — крестьянка хорошо знает цену хлеба!

Последовательно проводя идею *«самодержавной»* княжеской власти, повесть резко осуждает своеволие боярства. Бояре с *«яростию»* говорят князю, что они не хотят, чтобы Феврония господствовала над их женами. *«Неистовии, наполнившеся безстудиа»* бояре учреждают пир, на котором *«начата простирати безстудныя свои гласы, аки пси лающе»,* требуя, чтобы Феврония покинула город. Удовлетворяя просьбу княгини отпустить с ней ее супруга, *«кииждо бо от боляр в уме своем дръжаще, яко сам хощет самодержец быти».* Однако после того как *«самодержец»* Петр покинул город, *«мнози бо вельможа во граде погибоша от меча. Кииждо их хотя державъствовати, сами ся изгубиша».* Поэтому оставшиеся в живых вельможи и народ молят князя вернуться в Муром и *«державствоватъ»* там по-прежнему. Политический конфликт князя и боярства разрешен жизненной практикой.

Характерная особенность «Повести о Петре и Февронии» — отражение в ней некоторых деталей крестьянского и княжеского быта: описание крестьянской избы, поведение Февронии за обедом. Это внимание к быту, частной жизни, человека было новым в литературе.

Агиографические элементы в повести не играют существенной роли. В соответствии с традициями житийной литературы и Петр и Феврония именуются

«благоверными», «блаженными». Петр *«имеяше обычаи ходити по церквам, уединялся»,* отрок указывает ему чудесный Агриков меч, лежащий в алтарной стене церкви Воздвиженского монастыря. В повести отсутствуют характерные для жития описания благочестивого происхождения героев, их детства, подвигов благочестия. Весьма своеобразны и те «чудеса», которые совершает Феврония: собранные ею со стола хлебные крошки превращаются в *«добровонный фимиам»,* а *«древца малы»,* на которых вечером повар повесил котлы, готовя ужин, по благословению Февронии наутро превращаются в большие деревья, *«имуще ветви и листвие».*

Первое чудо носит бытовой характер и служит оправданием поведения Февронии: обвинение, возведенное боярами на княгиню-мужичку, отводится с помощью этого чуда. Второе чудо является символом животворящей силы любви и супружеской верности Февронии. Утверждением этой силы и отрицанием монашеского аскетического идеала служит также посмертное чудо: гроб с телом Петра поставлен внутри города в церкви Богородицы, а гроб с телом Февронии — *«вне града»* в женском Воздвиженском монастыре; наутро оба эти гроба оказываются пустыми, а их тела *«наутрии обретошася въ едином гробе».*

Ореолом святости окружается не аскетическая монашеская жизнь, а идеальная супружеская жизнь в миру и мудрое единодержавное управление своим княжеством: Петр и Феврония *«державствующе»* в своем городе, *«аки чадолюбии отец и мати», «град бо свои истиною и кротостию, а не яростию правяще».*

В этом отношении «Повесть о Петре и Февронии» перекликается с «Словом о житии Дмитрия Ивановича» и предвосхищает появление «Повести о Юлиании Лазаревской» (первая треть XVII в.).

Таким образом, «Повесть о Петре и Февронии» принадлежит к числу оригинальнейших высокохудожественных произведений древнерусской литературы, ставивших острые социальные, политические и морально-этические вопросы. Это подлинный гимн русской женщине, ее уму, самоотверженной и деятельной любви.

Как показала Р. П. Дмитриева, повесть состоит из четырех новелл, объединенных трехчленной композицией и идеей всемогущества любви. Повесть не связана с какими-либо конкретными историческими событиями, а отражает возросший интерес общества к личной жизни человека. Необычайна и героиня повести — крестьянка Феврония, ставшая княгиней не по воле небесного промысла, а благодаря положительным качествам своего характера. Жанр «Повести о Петре и Февронии» не находит себе соответствий ни с исторической повестью, ни с агиобиографией. Наличие поэтического вымысла, восходящего к традициям народной сказки, умение автора художественно обобщать различные явления жизни, позволяют рассматривать «Повесть о Петре и Февронии» как начальную стадию развития жанра светской бытовой повести. О ее популярности свидетельствуют многочисленные списки (четыре редакции) и переработки.

«Повесть о Петре и Февронии» в дальнейшем оказала влияние на формирование Китежской легенды, необычайно популярной в старообрядческой среде. Эта легенда изложена в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах», в очерках В. Г. Короленко. Поэтическая основа легенды пленила Н. А. Римского-Корсакова, создавшего на ее основе оперу «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии».

Явный упадок переживает в XVI в. жанр хожений, что объясняется прекращением регулярных общений Руси с христианским Востоком после завоевания турками Константинополя, а связи с Западной Европой только налаживались.

В середине века по поручению митрополита Макария был создан своеобразный путеводитель-справочник по Афонским монастырям и окружающей их природе.

По-видимому, Василием Поздняковым, отправленным Грозным в Царырад, Иерусалим, Египет и Афон для раздачи *«милостыни»* православной церкви, было написано хожениє, основу которого составило «Поклонение святыням града Иерусалима» (перевод с греческого), дополненное рядом легенд и официальным посланием Грозного патриарху Иоакиму и полемическим словом о состязании Иоакима с евреями. В конце XVI в. хожение Позднякова было переделано неизвестным автором и получило широкое распространение как «Хожение Трифона Коробейникова», отнесенное к 1582 г. (в действительности Трифон совершил свое путешествие в 1593—94 гг.). Это произведение вобрало в себя все известные на Руси сведения о Палестине и приобрело большую популярность.

В XVI в. начинает меняться состав и характер переводной литературы. Она пополняется переводами с латинского трактатом Блаженного Августина «О граде божием», латинской грамматикой Доната, астрономическими и астрологическими книгами, своеобразной энциклопедией средневековых знаний — «Луцидариусом» («Златый бисер»), написанной в форме беседы учителя с учеником.

Об усиливающемся интересе на Руси к мусульманскому Востоку свидетельствует перевод путешествия римлянина Людовика в Мекку и Медину.

Таким образом, развитие литературы XVI столетия характеризуется объединением местных областных литератур в единую общерусскую литературу, идеологически закрепляющую политическое объединение русских земель вокруг Москвы. В официальной литературе, создаваемой в правительственных кругах, вырабатывается репрезентативный риторический стиль идеализирующего биографизма с целью панегирического прославления *«Московского царствия»,* его благоверных и благочестивых единодержавных правителей и *«новых чудотворцев»,* свидетельствующих о богоизбранности *«Российского царствия».*

Этот стиль строго соблюдает этикетность, церемониальность, в нем преобладают абстрагирующие начала в изображении героев, которые предстают перед читателем во всем блеске и величии украшающих их добродетелей. Они произносят торжественные «речи», соответствующие их сану и ситуации. Они совершают свои «деяния» в строгом соответствии со своим официальным положением. Однако этот стиль начинает разрушаться за счет включения, порой непроизвольного, конкретных бытовых жизненных зарисовок, фольклорного материала, просторечных и разговорных элементов языка. В литературе XVI в. начинается процесс ее демократизации, проявляющийся в усилении воздействия фольклора, различных форм деловой письменности. Изменения претерпевают также формы исторического и агиографического повествования, не пренебрегающие занимательностью и допускающие вымысел. Все это приводит к обогащению литературы и способствует более широкому отражению ею действительности.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы основные темы и жанры публицистики XVI в.?

2. Как отразились политические проблемы конца XV —начала XVI в. в беллетристических повестях о Дракуле и царице Динаре?

3. Каково историческое и литературное значение «Хожения за три моря» Афанасия Никитина? Каков характер описания Индии в «Хожений»? Как отразилась личность путешественника?

4. Каково политическое и литературное значение «Сказания о князьях Владимирских»?

5. Каковы основные темы и стиль «наказаний» Даниила-митрополита?

6. Дайте общую характеристику творчества Максима Грека. Какова его идейная направленность и каков характер его литературной манеры?

7. Каковы основные идеи публицистики Ивана Пересветова и какими способами он их выражал?

8. Какие обвинения и в какой форме предъявлял Андрей Курбский к Ивану Грозному в своих посланиях?

9. Каков характер посланий Грозного к Андрею Курбскому и в Кирилло-Белозерский монастырь? Каков характер писательской манеры Ивана Грозного?

10. Какие обобщающие произведения создаются в середине XVI в. и каково их своеобразие?

11. К какому жанру следует отнести «Повесть о Петре и Февронии»?

12. Как и в чем проявляются связи «Повести о Петре и Февронии» с устным народным творчеством и традициями агиографии?

13. Как изменяется характер исторического повествования в «Казанской истории»? Каково ее литературное значение?

ЛИТЕРАТУРА ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РУССКОЙ НАЦИИ (XVII в.)

Особое место занимает литература XVII в., в развитии которой можно выделить два этапа: первый - с начала века до середины 60-х годов (историческими вехами являются церковная реформа Никона /1653/ и воссоединение Украины с Россией /1654/) и второй - с середины 60-х годов до конца XVII - первой трети XVIII века - собственно переходный от литературы древней к литературе нового времени.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII века

XVII век в истории России историки относят к новому периоду, который характеризуется экономическим слиянием всех земель и княжеств в одно целое и созданием всероссийского рынка. В связи с этим — усиливается роль посада—торгово-ремесленного населения городов; старинная боярская знать начинает уступать место «худородным» предприимчивым людям, добивающимся благодаря своему уму, активности высокого положения в обществе.

В XVII в. формируется новый демократический читатель и отвечающий его запросам писатель. В литературе трансформируются, демократизируются традиционные жанры исторической повести, жития. Они «обмирщаются». В них усиливается занимательность, появляется интерес к быту, частной личной жизни человека. В них появляется новый герой, вступающий в активную борьбу за свои убеждения — веру,

стремящийся строить свою жизнь по своей воле, пытающийся утвердить свое право на свободу чувств.

Появляется демократическая сатира, осмеивающая существенные стороны жизни: социальное неравенство, продажность, взяточничество и крючкотворство судей, ханжество и лицемерие монахов и духовенства, государственную систему спаивания народа в «царевых кабаках».

Изменяется характер переводной литературы, ориентирующейся теперь на Запад (литературу позднего средневековья и раннего Возрождения).

Во второй половине XVII в. возникают придворный и школьный театры, виршевая поэзия, культивирующая стиль барокко, который становится характерным направлением русской придворной культуры и литературы.

Начало XVII века знаменуется бурными историческими событиями — первая Крестьянская война и борьба русского народа с интервенцией польских и шведских феодалов, появление самозванцев.

Со смертью царя Федора Иоанновича династия Ивана Калиты прекращает свое существование. Восшедший на престол Борис Годунов продолжает политику Грозного по отношению к служилому дворянству и боярству. Эта политика вызвала резкую боярскую оппозицию, получившую поддержку польских магнатов, выдвинувших своего претендента на московский престол — Лжедмитрия.

Укрепление централизованной самодержавной власти, опиравшейся на служилое дворянство, привело к дальнейшему росту эксплуатации и окончательному закрепощению крестьян. Усиливающийся экономический гнет вызвал массовые крестьянские волнения, вылившиеся в широкое народное движение — крестьянскую войну под руководством Ивана Болотникова.

После смерти Годунова Лжедмитрию удалось занять Москву, но он не смог долго удержаться у власти: русский народ разобрался в сущности политики нового царя — ставленника польских магнатов. Лжедмитрий был низвергнут, а на московский престол боярство посадило Василия Шуйского, который и начал принимать решительные меры для подавления народного антифеодального движения.

Польско-литовские и шведские феодалы используют эти *«нестроения»* в своих целях. Они выдвигают еще одного претендента на Московское царство — Лжедмитрия II, которому удалось расположить свой военный лагерь под Москвой, в селе Тушино. В 1609 г. король Сигизмунд III начинает открытую интервенцию и осаждает Смоленск. Шведы пытаются овладеть Псковом и Новгородом.

Польско-шведская интервенция подняла мощную волну национального освободительного движения. Инициативу в борьбе с иноземными захватчиками взяло на себя торгово-ремесленное население городов. Патриотическое движение возглавил нижегородский купец Минин. Демократической части русского общества удалось сплотить и объединить все силы формирующейся русской нации для борьбы с интервентами и одержать над ними победу в 1613 г.

ПОВЕСТИ «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ»

Бурные события начала XVII столетия, получившие у современников название «смуты», нашли широкое отражение в литературе. Литература приобретает исключительно злободневный публицистический характер, оперативно откликаясь на запросы времени, отражая интересы различных социальных групп, участвующих в борьбе.

Общество, унаследовав от предшествующего века горячую веру в силу слова, в силу убеждения, стремится в литературных произведениях пропагандировать определенные идеи, добиваясь конкретных действенных целей.

Среди повестей, отразивших события 1604—1613 гг., можно выделить произведения, которые выражают интересы правящих боярских верхов. Такова «Повесть 1606 года», созданная монахом Троице-Сергиева монастыря. Повесть активно поддерживает политику боярского царя Василия Шуйского, пытается представить его всенародным из- бранником, подчеркивая единение Шуйского с народом. Народ оказывается той силой, с которой не могут не считаться правящие круги. Повесть прославляет *«мужественное дерзновение»* Шуйского в его борьбе со *«злым еретиком», «расстригой»* Гришкой Отрепьевым. Для доказательства законности прав Шуйского на царский престол его род возводится к Владимиру Святославичу Киевскому.

Причины «смуты» и «нестроения» в Московском государстве автор повести усматривает в пагубном правлении Бориса Годунова, который злодейским убийством царевича Дмитрия прекратил существование рода законных царей московских и *«восхити неправдою на Москве царский престол».*

Впоследствии «Повесть 1606 года» была переработана в «Иное сказание». Защищая позиции боярства, автор изображает его в роли спасителя Русского государства от супостатов.

«Повесть 1606 года» и «Иное сказание» написаны в традиционной книжной манере. Они построены на контрасте благочестивого поборника православной веры Василия Шуйского и *«лукавого, пронырливого»* Годунова, *«злохитрого еретика»* Григория Отрепьева. Их поступки объясняются с традиционных провиденциалистских позиций.

Этой группе произведений противостоят повести, отражающие интересы дворянства и посадских торгово-ремесленных слоев населения. Здесь следует упомянуть прежде всего о тех публицистических посланиях, которыми обменивались русские города, сплачивая силы для борьбы с врагом.

Такова **«Новая повесть о преславном, Российском царстве» —** публицистическое агитационное воззвание. Написанная в конце 1610 — начале 1611 г., в самый напряженный момент борьбы, когда Москва была захвачена польскими войсками, а Новгород — шведскими феодалами. «Новая повесть», обращаясь ко *«всяких чинов людям»,* звала их к активным действиям против захватчиков. Она резко обличала предательскую политику боярской власти, которая, вместо того чтобы быть *«земледержцем»* родной земли, превратилась в домашнего врага, а сами бояре в *«землесъедцев», «кривителей».* Разоблачались в повести планы польских магнатов и их главаря Сигизмунда III, который лживыми обещаниями стремился усыпить бдительность русских. Прославлялся мужественный подвиг смолян, самоотверженно оборонявших свой город, не давая врагу овладеть этой важной ключевой позицией. « *Чаем, яко и малым детям слышавше дивитися той их граждан храбрости и крепости и великодушию и непреклонному уму»,*— отмечает автор. Идеалом патриота «Новая повесть» изображает патриарха Гермогена, наделяя его чертами верного христианина, мученика и борца за веру против богоотступников. На примере поведения *«крепких»* смолян и Гермогена «Новая повесть» выдвигала на первый план стойкость как необходимое качество поведения истинного патриота.

Характерной особенностью повести является ее демократизм, новая трактовка образа народа — этого *«великого... безводного моря».* К народу обращены призывы и послания Гермогена, народа страшатся враги и предатели, к народу апеллирует автор повести. Однако народ в повести еще не выступает в роли действенной силы.

В отличие от других произведений того времени, в «Новой повести» отсутствуют исторические экскурсы; она наполнена злободневным материалом, призывает москвичей к вооруженной борьбе с захватчиками. Это и определяет особенности стиля «Новой повести», в котором деловая энергичная речь сочетается с взволнованным патетическим призывом. «Лирическую стихию» повести составляют авторское патриотические настроения, стремление поднять москвичей на вооруженную борьбу с врагом.

Автор не раз прибегает к ритмизованной речи и «речевому стиху», восходящему к народному ритмическому сказу и раешному стиху. Например: *«А сами наши земледержъцы, яко же и преже рех, — землесъедцы, те и давно от него* (Гермогена.— *В. К.) отстали, и ум свой на последнее безумие отдали, и к ним же ко врагом пристали, и ко иным, к подножию своему припали и государьское свое прирожение пременили в худое рабское служение, и покорилися и поклоняются неведомо кому,— сами ведаете».*

Общий патетический тон изложения сочетается в «Новой повести» с многочисленными психологическими характеристиками. Впервые в литературе появляется стремление обнаружить и показать противоречия между помыслами и поступками человека. В этом возрастающем внимании к раскрытию помыслов человека, определяющих его поведение, и заключается литературное значение «Новой повести». Тематически близок к «Новой повести» **«Плач о пленении и конечном разорении Московского государства»,** созданный, очевидно, после взятия поляками Смоленска и сожжения Москвы в 1612 г. В риторической форме оплакивается падение *«пирга* (столпа) *благочестия»,* разорение *«богонасажденного винограда».* Сожжение Москвы осмысляется как падение *«многонародного государства».* Автор стремится выяснить причины, которые привели к *«падению превысокой России»,* используя форму назидательной краткой «беседы». В абстрактно обобщенной форме он говорит об ответственности правителей за то, что случилось *«над превысочайшею Россиею».* Однако это произведение не зовет к борьбе, а лишь скорбит, убеждает искать утешения в молитве и уповании на помощь Божию.

Непосредственным откликом на события явилась **«Повесть о преставлении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского».** Своими победами над Лжедмитрием II Скопин-Шуйский стяжал славу талантливого полководца. Его внезапная смерть в двадцатилетнем возрасте (апрель 1610 г.) породила различные толки о том, что якобы из зависти он был отравлен боярами. Эти толки отразились в народных песнях и сказаниях, литературной обработкой которых и является повесть.

Она начинается риторическим книжным вступлением, в котором делаются генеалогические выкладки, возводящие род Скопина-Шуйского к Александру Невскому и Августу-кесарю.

Центральный эпизод повести — описание пира-крестин у князя Воротынского. Включая ряд бытовых подробностей, автор обстоятельно рассказывает о том, как герой был отравлен женой своего дяди Дмитрия Шуйского, дочерью Малюты Скуратова. Сохраняя речевой и ритмический строй народной эпической песни, повесть так передает этот эпизод:

И как будет после честного стола пир на весело,
И... злодеянница та княгиня Марья, кума подкрестная,
Подносила чару пития куму подкрестному
И била челом, здоровала с крестником Алексеем Ивановичем.
И в той чаре в питии уготовано лютое питие смертное.
И князь Михаила Васильевичъ выпивает ту чару до суха,
А не ведает, что злое питие лютое смертное.

В приведенном отрывке нетрудно обнаружить характерные элементы былинной поэтики. Они отчетливо выступают и в диалоге матери с сыном, вернувшимся преждевременно с пира. Этот диалог напоминает беседы Василия Буслаева с Мамелфой Тимофеевной, Добрыни с матерью.

Вторая часть повести, посвященная описанию смерти героя и всенародного горя по поводу его кончины, выполнена в традиционной книжной манере. Здесь использованы те же приемы, что и в «Житии Александра Невского» и «Слове о житии Дмитрия Ивановича». Автор повести передает отношение к смерти Скопина различных групп общества. Свою скорбь, а также и свою оценку деятельности Скопина-Шуйского выражают москвичи, немецкий воевода Яков Делагарди, царь Василий Шуйский, мать, жена. Плачи матери и жены почти целиком восходят к традиции устной народной причети.

Повесть носит антибоярскую направленность: Скопин-Шуйский отравлен *«по совету злых изменников»* — бояр, только они не скорбят по полководцу.

Повесть прославляет Скопина-Шуйского как национального героя, защитника родины от врагов-супостатов.

В 1620 г. к «Повести о преставлении...» была присоединена «Повесть о рождении воеводы М. В. Скопина-Шуйского», написанная в традиционной агиографической манере.

По-своему осмысляются исторические события тех лет в народном сознании, о чем свидетельствуют записи исторических песен, сделанные в 1619 г. для англичанина Ричарда Джемса. Это песни «О собаке-воре Гришке-расстрижке», «О Маринке — злой еретице», о Ксении Годуновой. В песнях обличаются интервенты и их пособники *«бояре кособрюхие»,* возвеличиваются народные герои — богатырь Илья, Скопин-Шуйский, стоящие на страже интересов родной земли.

«Сказание» Авраамия Палицына. Выдающимся историческим произведением, ярко отразившим события эпохи, является «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, написанное в 1609—1620 гг.

Умный, хитрый и довольно беспринципный делец Авраамий Палицын находился в близких отношениях с Василием Шуйским, тайно сносился с Сигизмундом III, добиваясь у польского короля льгот для монастыря. Создавая «Сказание», он стремился реабилитировать себя и старался подчеркнуть свои заслуги в борьбе с иноземными захватчиками и избрании на престол царя Михаила Федоровича Романова.

«Сказание» состоит из ряда самостоятельных произведений:

I. Небольшой исторический очерк, обозревающий события от смерти Грозного до воцарения Шуйского. Причины «смуты» Палицын видит в незаконном похищении царского престола Годуновым и в его политике (гл. 1—6).

II. Подробное описание 16-месячной осады Троице-Сергиева монастыря войсками Сапеги и Лисовского. Эта центральная часть «Сказания» создана Авраамием путем обработки записок участников обороны монастырской крепости (гл. 7—52).

III. Повествование о последних месяцах правления Шуйского, разорении Москвы поляками, ее освобождении, избрании на престол Михаила Романова и заключении перемирия с Польшей (гл. 53—76).

Таким образом, в «Сказании» дается изложение исторических событий с 1584 по 1618 г. Они освещаются с традиционных провиденциалистских позиций: причины бед, *«еже содеяся во всей Росии — праведное гневобыстрое наказание от бога за вся та сотвореннаа от нас злаа»:* победы, одержанные русским народом над иноземными захватчиками,— результат благодеяния и милосердия Богоматери и заступничества

святых Сергия и Никона. Религиозно-дидактические рассуждения даны в традиционной риторической форме поучений, подкрепляемых ссылками на текст «писания», а также обильными религиозно-фантастическими картинами всевозможных «чудес», «явлений», «видений», которые, по мнению автора, являются бесспорным доказательством особого покровительства небесных сил Троице-Сергиеву монастырю и Русской земле.

Ценность «Сказания» составляет его фактический материал, связанный с изображением героических ратных подвигов крестьян монастырских сел, монастырских слуг, когда *«и нератницы охрабришася, и невежды, и никогда же обычай ратных видевшей и ти убо исполинскою крепостию препоясашася».* Авраамий сообщает имена и подвиги многих народных героев. Таков, например, крестьянин села Молоково — Суета, *«велик возрастом и силен вельми, подсмеиваем же всегда неумений ради в боех».* Он останавливает обратившихся в бегство воинов, бесстрашно с бердышем в руке сечет *«на обе страны врагов»* и удерживает полк Лисовского, говоря: *«Се умру днесь или славу получю от всех». «Скоро же скакаше, яко рысь, Суета многых тогда вооруженных и во броняхуязви».* Слуга Пиман Тенеев *«устрели» «из лука в лице» «свирепого»* Александра Лисовского, который *«свалися с коня своего».* Слуга Михайло Павлов поймал и убил воеводу Юрия Горского.

Авраамий неоднократно подчеркивает, что монастырь был спасен от супостатов *«молодшими людьми»,* а *«умножение во граде»* (монастыре.— *В. К.) «беззакония и неправды»* связано с людьми «воинственного чина». Резко осуждается в «Сказании» злопредательство монастырского казначея Иосифа Девочкина и покровителя его *«лукавству»* воеводы Алексея Голохвастова, а также измена *«сынов боярских».*

Авраамий отнюдь не питает симпатий к *«рабам»* и холопам, которые *«убо господие хотяще быти, и неволнии к свободе прескачюще».* Он резко осуждает восставших крестьян и *«начальствующих злодеем»* холопов Петрушку и Ивана Болотникова. Однако, ревностный защитник незыблемости основ феодального строя, Авраамий вынужден признать решающую роль народа в борьбе с интервентами: *«Вся же Росия царъствующему граду способствующе, понеже обща беда всем прииде».*

Одной из особенностей «Сказания» является изображение быта осажденного монастыря: страшная теснота, когда люди расхищают *«всякая древесна и камение на создание кущь», «и жены чада рождаху пред всеми человеки»;* из-за тесноты, нехватки топлива, ради *«измытиа порт»* люди вынуждены периодически выходить из крепости; описание вспыхнувшей эпидемии цинги и др. *«Не подобает убо на истину лгати, но с великим опасением подобает истину соблюдати»,*— пишет Авраамий. И это соблюдение истины составляет характерную особенность центральной части «Сказания». И хотя в понятие истины у Авраамия входит и описание религиозно-фантастических картин, они не могут заслонить главного — народного героизма.

Излагая *«вся по ряду»,* Авраамий старается «документировать» свой материал: точно указывает даты событий, имена их участников, вводит *«грамоты» и «отписки»,* т. е. чисто деловые документы.

В целом же «Сказание» — эпическое произведение, но в нем использованы драматические и лирические элементы. В ряде случаев Авраамий прибегает к манере ритмического сказа, включая в повествование рифмованную речь. Например:

И мнозем руце от брани престаху;
всегда о дровех бои злы бываху.
Исходяще бо за обитель дров ради добытиа,
и во град возвращахуся не бес кровопролитиа.
И купивше кровию сметие и хворастие,

и тем строяще повседневное ястие;
к мученическим подвигом зелне себе возбуждающе,
и друг друга сим спосуждающе.

Большое внимание в «Сказании» уделяется изображению поступков и помыслов как защитников монастырской крепости, так и врагов и изменников.

Опираясь на традиции «Казанского летописца», «Повести о взятии Царьграда», Авраамий Палицын создает оригинальное историческое произведение, в котором сделан значительный шаг по пути признания народа активным участником исторических событий. **«Летописная книга», приписываемая Катыреву-Ростовскому.** Событиям первой Крестьянской войны и борьбе русского народа с польско-шведской интервенцией посвящена «Летописная книга», приписываемая большинством исследователей Катыреву-Ростовскому. Она была создана в 1626 г. и отразила официально-правительственную точку зрения на недавнее прошлое. Цель «Летописной книги» — укрепить авторитет новой правящей династии Романовых. «Летописная книга» представляет собой связное прагматическое повествование от последних лет царствования Грозного до избрания на престол Михаила Романова. Автор стремится дать эпически спокойное «объективное» повествование. «Летописная книга» лишена той публицистической остроты, которая была свойственна произведениям, появившимся в разгар событий. В ней почти отсутствует и религиозная дидактика; повествование носит чисто светский характер. В отличие от «Сказания» Авраамия Палицына, «Летописная книга» на первый план выдвигает личности правителей, *«начальников воинства»,* патриарха Гермогена и стремится дать им более глубокие психологические характеристики, отметить не только положительные, но и отрицательные черты характеров ряда исторических деятелей. Автор опирался на Хронограф редакции 1617 г., где в повествовании о событиях конца XVI — начала XVII в. внимание было обращено на внутренние противоречия человеческого характера, ибо *«никто от земнородных»* не может остаться *«беспорочен в житии своем»,* потому что *«ум человечь погрешителен есть и доброго нрава злыми совратен».*

В «Летописной книге» помещен специальный раздел *«Написание вкратце о царех московских, образех их о возрасте и о нравех»,* где даются словесные портреты исторических деятелей, характеристика их противоречивых нравственных качеств.

Интересен словесный портрет Ивана IV, который совпадает с его известным изображением — парсуной, хранящейся в Копенгагенском национальном музее: *«Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп; возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широкы, мышцы толсты».*

За словесным портретом следует описание противоречий характера Грозного и связанных с ними его поступков: *«...муж чюднаго разсуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен. На рабы своя, от бога данныя ему, жестосерд велми и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия грады своя поплени, и многия святителския чины заточи и смертию немилостивою погуби, и иная многая содея над рабы своими, жен и девиц блудом оскверни. Той же царь Иван многая благая сотвори, воинство велми любяше и требующая ими от сокровища своего неоскудно подаваше».*

«Летописная книга» отходит от традиции одностороннего изображения человека. Она отмечает даже положительные стороны характера *«Ростриги»* — Лжедмитрия I: он остроумен, *«в научении книжном доволен»,* смел и храбр и только *«препростое обличив»,*

отсутствие *«царсково достояния», «помраченность»* тела свидетельствует о его самозванстве.

Характерной особенностью «Летописной книги» является стремление ее автора ввести в историческое повествование пейзажные зарисовки, которые служат контрастирующим либо гармонирующим фоном происходящим событиям. Эмоционально окрашенный пейзаж, посвященный прославлению *«красновидной годины»* пробуждающейся жизни, резко контрастирует с жестокой бранью войск *«хищного волка»* Лжедмитрия и воинства московского. Если сравним этот пейзаж со «Словом на антипасху» Кирилла Туровского, то сразу увидим те существенные изменения в методе изображения действительности, которые произошли в литературе первой четверти XVII столетия. На первый взгляд, С. Шаховский пользуется теми же образами, что и Кирилл: «зима», «солнце», «весна», «ветер», «ратай», но отношение к этим образам у писателей различное. Для Кирилла — это лишь символы греха, Христа, веры христианской, *«ратая слова».* Автор «Летописной книги» не дает символического толкования этим образам, а использует их в прямом, «земном» значении. Для него они являются только средством художественной оценки происходящих событий.

Эта оценка дается также и в непосредственных авторских лирических отступлениях, которые лишены христианского дидактизма, в них нет ссылок на авторитет «писания». Все это придает стилю «Летописной книги» «оригинальный, красивый эпический склад», способствующий ее популярности. Более того, желая красиво завершить повествование, автор в конце произведения помещает «вирши» (30 рифмованных строк):

Начало виршем,
Мятежным вещем,
Их же разумно прочитаем
И слагателя книги сей потом уразумеваем...

Этими досиллабическими виршами автор стремится заявить о своей писательской индивидуальности: он *«сам сие существенно видел,* а иные *«вещи» «от изящных бесприкладно слышал», «елико чего изыскал, толика сего и написал».* О себе же он сообщает, что принадлежит к ростовскому роду и является сыном *«предиреченнаго князя Михаила».*

Произведения периода борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией и Крестьянской войны под руководством Болотникова, продолжая развивать традиции исторической повествовательной литературы XVI в., отразили рост национального самосознания. Это проявилось в изменении взгляда на исторический процесс: ход истории определяется не божьим изволением, а деятельностью людей. Повести начала XVII в. уже не могут не говорить о народе, об его участии в борьбе за национальную независимость своей родины, об ответственности «всей земли» за свершившееся.

Это в свою очередь определило повышенный интерес к человеческой личности. Впервые появляется стремление изобразить внутренние противоречия характера и вскрыть те причины, которыми эти противоречия порождены. Прямолинейные характеристики человека литературы XVI в. начинают заменяться более глубоким изображением противоречивых свойств человеческой души. При этом, как указывает Д. С. Лихачев, характеры исторических лиц в произведениях начала XVII в. показаны на фоне народных толков о них. Деятельность человека дается в исторической перспективе и впервые начинает оцениваться в его «социальной функции».

События 1604—1613 гг. вызвали ряд существенных изменений в общественном сознании. Изменилось отношение к царю как к божьему избраннику, получившему свою

власть от прародителей, от Августа-кесаря. Практика жизни убеждала, что царь избирается «земством» и несет моральную ответственность перед своей страной, перед подданными за их судьбы. Поэтому поступки царя, его поведение подсудны не Божескому, а человеческому суду, суду общества.

Событиями 1604—1613 г. был нанесен сокрушительный удар религиозной идеологии, безраздельному господству церкви во всех сферах жизни: не Бог, а человек творит свою судьбу, не Божья воля, а деятельность людей определяет исторические судьбы страны.

Усилилась роль торгово-ремесленного посадского населения в общественной, политической и культурной жизни. Этому способствовало и образование в середине XVII в. «единого всероссийского рынка», в результате чего политическое объединение было закреплено экономическим объединением всех русских земель. Появляется новый демо-кратический писатель и читатель.

Усиление роли посада в культурной жизни влечет за собой демократизацию литературы, ее постепенное освобождение от провиденциализма, символизма и этикетности — ведущих принципов художественного метода русской средневековой литературы. Цельность этого метода уже начинает разрушаться в литературе XVI в., а в XVII в. условно-символическое отображение действительности вытесняется *«живством».* Начало этого процесса связано с широким проникновением в книжный риторический стиль Деловой канцелярской письменности, с одной стороны, и устного народного творчества — с другой.

Все это свидетельствует об усилении процесса «обмирщения» культуры и литературы, т. е. ее постепенном освобождении от опеки церкви, религиозной идеологии.

ЭВОЛЮЦИЯ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Процесс «обмирщения» древнерусской литературы сказался и трансформации такого устойчивого жанра, как житие. Его каноны, прочно закрепленные макарьевскими «Четьими-Минеями», разрушаются вторжением бытовых реалий, фольклорной легенды еще с XV столетия, о чем свидетельствуют жития Иоанна Новгородского, Михаила Клопского. В XVII в. житие постепенно превращается в бытовую повесть, а затем становится автобиографией-исповедью. **«Повесть о Юлиании Лазаревской».** Изменения традиционного жанра жития ярко прослеживаются в «Повести о Юлиании Лазаревской». Эта повесть является первой в древнерусской литературе биографией женщины-дворянки. Она была написана сыном Юлиании Дружиной Осорьиным, губным старостой города Мурома, в 20—30-х годах XVII в. Автору повести хорошо знакомы факты биографии героини, ему дорог ее нравственный облик, ее человеческие черты. Положительный характер русской женщины раскрывается в обыденной обстановке богатой дворянской усадьбы.

На первый план выдвигаются качества образцовой хозяйки. После выхода замуж на плечи юной Юлиании ложится ведение сложного хозяйства дворянского поместья. Угождая свекру и свекрови, золовкам, она следит за работой холопов, за ведением домашнего хозяйства; при этом ей часто приходится улаживать социальные конфликты, возникающие между дворней и господами. Эти конфликты приводят к открытому мятежу *«рабов»,* который, правда, объясняется в повести традиционным мотивом — кознями дьявола. Во время такого стихийно вспыхнувшего бунта был убит старший сын Юлиании. Безропотно переносит Юлиания невзгоды, которые выпадают на ее долю. Дважды пришлось пережить ей страшные голодные годы: в молодости и в старости,

когда Юлиания вынуждена была даже отпустить своих *«рабов»,* чтобы дни сами добывали себе пропитание.

Повесть правдиво изображает положение замужней женщины в большой дворянской семье, ее бесправие и многочисленные обязанности. Ведение хозяйства настолько поглощает Юлианию, что она лишена возможности посещать церковь, и тем не менее она «святая». Повесть утверждает святость подвига высоконравственной мирской жизни, служения людям. Юлиания помогает голодающим, ухаживает за больными во время *«мора»,* творя *«милостыню безмерну»,* она не оставляет у себя *«ни единой сребреницы».* Это свидетельствует о том, что прежний аскетический идеал отрешения от жизни отошел в прошлое, потерял свое значение.

«Повесть о Юлиании Лазаревской» создает образ энергичной умной русской женщины, образцовой жены и хозяйки, с терпением переносящей испытания, которые обрушивает на нее жизнь. Осорьин изображает в повести не только реальные черты характера своей матери, но и рисует идеальный облик русской женщины таким, каким он представлялся русскому дворянину первой половины XVII в.

В жизнеописании Юлиании Осорьин еще не отходит полностью от агиографической традиции, с ней связано начало повести. Юлиания происходит от *«боголюбивых»* и *«нищелюбивых»* родителей; она выросла во всяком *«благоверии», «от младых ногтей бога возлюби».* В характере Юлиании подчеркиваются черты христианской кротости, смирения и терпения, нищелюбия и щедрости *(«милостыню безмерну творя»).* Как и подобает христианским подвижникам, Юлиания, хотя и не уходит в монастырь, под старость предается аскезе: отказывается от «плотского *«совокупления с мужем»,* спит на печи, подкладывая *«под ребра»* поленья и *«ключи железны»,* ходит зимой без теплой одежды, *«в сапоги же босыма ногами обувашеся, точию под нозе свои ореховы скорлупы и чрепие острое вместо стелек подкладаше и тело томяше».*

Использует Осорьин и традиционные для агиографии мотивы религиозной фантастики: бесы хотят убить Юлианию, но вмешательство святого Николая спасет ее. В ряде случае «бесовские козни» носят весьма конкретное бытовое и даже социальное очертание. Таковы раздоры в семье, мятеж *«рабов».*

Как и подобает святой, Юлиания сама предчувствует свою кончину и благочестиво умирает. Десять лет спустя обретают ее нетленное тело, которое творит чудеса.

Таким образом, в «Повести о Юлиании Лазаревской» тесно переплетаются элементы бытовой повести с элементами житийного жанра, но преобладающее место явно уже начинает занимать бытовое повествование. Повесть лишена традиционного для жития вступления, плача и похвалы. Стиль ее довольно прост. Он отражает канцелярскую практику муромского губного старосты.

«Повесть о Юлиании Лазаревской» — свидетельство нарастания в обществе и литературе интереса к частной жизни человека, его поведению в быту. Эти реалистические элементы, проникая в жанр жития, разрушают его и способствуют постепенному его превращению в жанр светской биографической повести. «Повесть о Юлиании Лазаревской» не исключение. К ней примыкает **«Сказание о явлении Унженского креста»**, посвященное легендарной истории создания креста для Михаилоархангельской церкви на реке Унже. Она связывается с судьбой любящих сестер Марфы и Марии, разлученных ссорой их мужей. Завязка сюжета — *«брань о местех»* свояков: бедного, но знатного и богатого, но незнатного. Она отражает одну из особенностей жизни XVII в.: оскудение знатных родов и возникновение новой знати.

Сюжет построен на символическом параллелизме. Сестры одновременно выходят

замуж, одновременно умирают их мужья, и они решают встретиться. Сестры видят один и тот же сон, в результате которого ангел передает Марфе золото, а Марии — серебро, которое сестры вручают трем старцам, пришедшим из Царьграда. Важное место в сказании занимают бытовые реалии.

Все это свидетельствует о процессе разрушения канонических агиографических жанров. Благочестивого подвижника-монаха — центрального героя жития вытесняет светский герой, который начинает изображаться в реальной бытовой обстановке.

Следующий шаг по пути сближения жития с жизнью сделает протопоп Аввакум в своем знаменитом житии-автобиографии.

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Жанры исторического повествования (историческая повесть, сказание) в XVII в. претерпевают значительные изменения. Их содержание и форма подвергаются демократизации. Исторические факты постепенно вытесняются художественным вымыслом, все большую роль в повествовании начинают играть занимательный сюжет, мотивы и образы устного народного творчества.

«Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». Процесс демократизации жанра исторической повести прослеживается на поэтической «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков». Она возникла в казачьей среде и запечатлела самоотверженный подвиг горстки смельчаков, которые не только захватили в
1637 г. турецкую крепость Азов, но и сумели отстоять ее в 1641 г. от значительно превосходивших сил врага.

А. Н. Робинсон делает весьма убедительное предположение, что ее автором был казачий есаул Федор Порошин, прибывший вместе с казачьим посольством в Москву в 1641 г. с целью убедить царя и правительство принять от казаков крепость Азов *«под свою руку».*

Будучи сам участником событий, Федор Порошин правдиво и детально описал подвиг донских казаков, использовав при этом привычную для него форму казачьей войсковой отписки. Жанру деловой письменности он сумел придать яркое поэтическое звучание, что было достигнуто не столько путем усвоения лучших традиций исторической повествовательной литературы (повестей о Мамаевом побоище, «Повести о взятии Царьграда»), сколько широким и творческим использованием казачьего фольклора, а также правдивым и точным описанием самих событий.

Отличительная особенность повести — ее герой. Это не выдающаяся историческая личность правителя государства, полководца, а небольшой коллектив, горстка отважных и мужественных смельчаков-казаков, свершивших героический подвиг не ради личной славы, не из корысти, а во имя своей родины — Московского государства, которое *«велико и пространно, сияет светло посреди паче всех иных государств и орд бусорманских, персидцких и еллинских, аки в небе солнце».* Высокое чувство национального самосознания, чувство патриотизма вдохновляет их на подвиг. Основную массу казачества составляют бывшие холопы, бежавшие от своих владельцев на вольный Дон *«из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и от дворян государевых».* И хотя их на *«Руси не почитают и за пса смердящего»,* казаки любят свою родину и не могут изменить ей.

Султан требует, чтобы казаки немедля «очистили» его «отчину». *«А есть ли только из Азова города в нощъ сию вон не выйдете, не может завтра от вас нихто жив*

быти», ибо ему, *«царю турскому», «ваша разбойничья кровь не дорога».* Угрожая казакам, турки говорят: *«Мы в завтра Азов город и всех вас, воров и разбойников, аки птицу в руце своей отдадим вас, воров, на муки лютыя и грозныя, раздробим плоть вашу на крошки мелкие».* Ведь никакой помощи казакам от Москвы нечего ожидать, им даже не пришлют хлебного запасу,— говорят послы, и предлагают казакам принести свои головы разбойничьи *«винные»* турецкому султану, который их пожалует *«честию великою»* и *«обогатит».* С ядовитой иронией отвечают они турецким послам, предложившим им сдать крепость без боя и перейти на службу к султану. *«Мы ведаем силы и пыхи (гордость) царя турского все знаем, и видаемся мы с вами, турками, почасту за море и за морем и на сухом пути, ждали мы вас в гости дни многия».* Казаки смеются над чванством, тупоумием, высокомерием *«бешеной собаки»* — турецкого султана. Они гордятся своей вольностью и готовы биться с *«царем турским, что с худыми свиньями наемными».* И хотя на Москве их, казаков, не жалуют и не почитают и *«за пса смердящего»,* они гордятся своею православною родиной и готовы послужить *«царю турскому»* своими *«пищалми казачими да своими сабелки вострыми». «А злато и сребро емлем у вас за морем, то вам самим ведомо. А жены себе красныя и любимыя водим (заманиваем) и выбираем от вас же из Царя града, а с женами детей с вами вместе приживаем».* Ответ донских казаков туркам предвосхищает знаменитое письмо запорожцев турецкому султану.

Ставя целью прославление и возвеличение подвига казаков, автор гиперболически изображает приход вражеских сил под Азов: *«Где у нас была степь чистая, тут стала у нас однем часом, людми их многими, что великие и непроходимые леса темныя. От силы их многия и от уристанъя их конского земля у нас под Азовым потреслася и прогнулася, и из реки у нас из Дону вода на береги выступила...»*

Ведь против 5000 казаков выступают силы турецкого султана в 300 000 воинов! И несмотря на это, казаки гордо и с презрением отвергают предложения послов о мирной сдаче города и принимают неравный бой. 95 дней длится осада; 24 вражеских приступа отбили казаки, уничтожили подкоп, с помощью которого враги пытались овладеть крепостью. Бой длится день и ночь, казаки изнемогают от усталости: *«И уста наша кровию запеклись, не пиваючи и не едаючи!.. Уж стало переменитца некем, — ни на единой час отдохнуть нам не дадут!»* Собрав все силы, казаки идут на последнюю и решительную вылазку. Предварительно они прощаются со своей родиной, с родными степями и тихим Доном Ивановичем. Прощание казаков — самое поэтическое место повести, отразившее особенности казачьего фольклора: *«Простите нас, леса темныя и дубравы зеленыя. Простите нас, поля чистые и тихия заводи. Простите нас, море Синее и реки быстрые. Прости нас, море Черное. Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману нашему, з грозным войским не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать».*

Казаки прощаются не только с родной природой, но и со своим государем, который является для них олицетворением Русской земли.

В последней, решительной схватке с врагом казаки одерживают победу, и турки вынуждены снять осаду.

Прославляя самоотверженный подвиг казаков — верных русских сынов, автор повести не может не отдать дань традиции: победа, достигнутая казаками, объясняется результатом чудесного заступничества небесных сил во главе с Иоанном Предтечей. Однако религиозная фантастика служит здесь лишь средством возвеличения патриотического подвига защитников Азова.

Традиционные картины боя, взятые автором повести из арсенала художественных средств повестей о Мамаевом побоище, «Повести о взятии Царьграда», сочетаются с обильным введением в повествование казачьего фольклора. Например: *«И давно у нас в полях наших летаючи, хлехчют орлы сизыя и грают вороны черныя подле Дону тихова, всегда воют звери дивии, волцы серые, по горам у нас брешут лисицы бурыя, а все то скликаючи, вашего бусурманского трупа ожидаючи». В* языке повести отсутствует книжная риторика и широко представлены элементы живой разговорной речи.

В повести выражено стремление создать образ «массы», передать се чувства, мысли и настроения, а также дано утверждение силы народной, торжествующей над *«силами и пыхами» «царя турского».*

Выступая от имени всего войска Донского, автор стремится убедить правительство Михаила Федоровича *«принять» «свою государеву вотчину Азов град».* Однако Земский собор 1641 —1642 гг. решил возвратить крепость туркам, а ревностный поборник присоединения Азова к Москве, обличитель притеснений казачества боярами и дворянами — Федор Порошин был сослан в Сибирь.

Героическая оборона казаками крепости Азов в 1641 г. получила отражение и в «документальной» повести, лишенной художественного пафоса, свойственного повести «поэтической».

В последней четверти XVII в. сюжет исторических повестей об азовских событиях (1637 г. и 1641 г.) под воздействием казачьих песен, связанных с Крестьянской войной под руководством Степана Разина, превращается в «сказочную» «Историю об Азовском взятии и осадном сидении от турского царя Брагима донских казаков». «Сказочная» повесть об Азове содержит три части: сказание о захвате в плен казаками дочери азовского паши, о взятии крепости Азов казаками хитростью и описание осады захваченной казаками крепости турками.

Первая часть повествует о том, как казаки напали на караван турецких судов, везших дочь азовского паши в Крым, где она должна была стать женой царя Старчия. Они пленили невесту, разграбили караван, а затем за большой выкуп вернули азовскому паше его дочь.

О том, как, переодевшись купцами и спрятав воинов в телегах, казаки хитростью взяли Азов, рассказывается во второй части повести.

Третья часть посвящена изображению осады Азова турецким царем Брагимом. По сравнению с поэтической повестью здесь введен ряд занимательных бытовых эпизодов: переговоры с татарскими гонцами, пленение турками казачьих лазутчиков и их освобождение. Выделяет сказочная повесть и отдельных героев событий, описывая их боевые подвиги. Это атаман Наум Васильев, есаул Иван Зыбин. В осажденном Азове рядом с казаками действуют и их мужественные жены: они кипятят воду для обливания ею врагов со стен, оплакивают павших, оберегают детей.

«Сказочная» повесть об Азове свидетельствует о развитии занимательности в повествовании, заинтересовывает своих читателей рядом вымышленных эпизодов, бытовыми подробностями.

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII века

Новый этап развития древнерусской литературы начинается после церковной реформы Никона в 1653 г. и исторического воссоединения Украины с Россией в 1654 г. Следствием интенсивного сближения России со странами Западной Европы явилось проникновение в древнерусскую культуру многочисленных элементов культуры европейской. Идет острая борьба сторонников византийско-греческой и латинско-польской образованности. Начинается процесс дифференциации художественной литературы, ее вычленения из письменности исторической и религиозно-дидактической. Постепенно прекращают свое существование летописи, сохраняясь только на периферии («Сибирские летописи»), видоизменяются до неузнаваемости исторические повести, житие становится бытовой повестью и автобиографией. Появляются бытовые повести с вымышленными сюжетами и героями, развивается демократическая сатира; возникают драма и театр, широкое развитие получает силлабическая поэзия; меняется характер переводной литературы.

БЫТОВЫЕ ПОВЕСТИ

Процесс пробуждения сознания личности находит отражение в появившемся во второй половине XVII в. новом жанре—бытовой повести. Его появление связано с новым типом героя, заявившего о себе как в жизни, так и в литературе. В бытовой повести ярко отразились изменения, происшедшие в сознании, морали и быте людей, та борьба «старины» и «новизны» переходной эпохи, которая пронизывала все сферы личной и общественной жизни.

«Повесть о Горе и Злочастии». Одним из выдающихся произведений литературы второй половины XVII в. является «Повесть о Горе и Злочастии». Центральная тема повести — тема трагической судьбы молодого поколения, старающегося порвать со старыми формами семейно-бытового уклада, домостроевской моралью.

Вступление к повести придает этой теме общечеловеческое обобщенное звучание. Библейский сюжет о грехопадении Адама и Евы трактуется здесь как непокорность, неповиновение первых людей воле создавшего их Бога. Источник этого неповиновения — не дьявол-искуситель, как толковала Библия, а сам человек, его сердце *«несмысленное и неуимчивое».* Такая трактовка библейского сюжета говорит о новом миропонимании,

сложившемся у автора: причина преступления человеком заповеди смирения, покорности — в нем самом, в его характере, а не результат воздействия потусторонних сил.

Основу сюжета повести составляет трагическая история жизни Молодца, отвергнувшего родительские наставления и пожелавшего жить по своей воле, *«как ему любо».* Появление обобщенно-собирательного образа представителя молодого поколения своего времени было явлением весьма примечательным и новаторским. В литературу на смену исторической личности приходит вымышленный герой, в характере которого типизированы черты целого поколения переходной эпохи.

Молодец вырос в патриархальной купеческой семье, окруженный неусыпными заботами и попечением любящих родителей. Однако он рвется на свободу из-под родного крова, жаждет жить по своей воле, а не по родительским наставлениям. Постоянная опека родителей не научила Молодца разбираться в людях, понимать жизнь, и он платится за свою доверчивость, за слепую веру в святость уз дружбы. Губит его «царев кабак». Но Молодец не сдается, он не несет свою повинную голову в родительский дом, он хочет доказать свою правоту, отправляясь во *«чужу страну, далъну, незнаему».* Личный опыт убедил его, что без совета *«добрых людей»* жить нельзя. И смиренно выслушав их наставления, Молодец *«учал... жити умеючи»: «...от великого разума наживал он живота болшы старова».*

Причиной дальнейших злоключений героя является его характер. Губит Молодца похвальба своим счастьем и богатством *(«...а всегда гнило слово похвальное»,—* морализует автор). С этого момента в повести появляется образ Горя, которое, как и в народных песнях, олицетворяет трагическую участь, судьбу, долю человека. Этот образ раскрывает также внутреннюю раздвоенность, смятенность души героя, его неуверенность в своих силах.

В сознании Молодца еще живучи традиционные представления. Так, он не может преодолеть старого взгляда на женщину как на «сосуд дьявола», источник всех бед и злоключений мужчины; сохраняет он верность и религиозным верованиям своих отцов. Не поверив коварным советам Горя, Молодец, однако, не в силах ослушаться этих же советов, когда они исходят от архангела Гавриила, облик которого приняло Горе.

В советах, которые дает Молодцу Горе, легко обнаружить тягостные раздумья самого героя над жизнью, над неустойчивостью своего материального благополучия.

Повесть подчеркивает, что причиной разорения Молодца становится *«царев кабак»,* где герой оставляет *«свои животы»* и меняет *«платье гостиное»* на *«гуньку кабацкую».* Так *«гостиный сын»* превращается в бездомного бродягу, пополняя многочисленную армию *«гулящих людей»,* странствующих по градам и весям Руси. Ярко рисуются картины *«наготы и босоты безмерной»,* в которых звучат мотивы протеста неимущего класса против социальной несправедливости, против злой доли.

В правдивом изображении процесса образования деклассированных элементов общества — большое социальное значение повести.

Молодец, отвергавший родительскую власть, не захотевший покориться отцу и матери, вынужден склонить свою гордую голову перед Горем-горинским. *«Добрые люди»* сочувствуют участи Молодца, советуют ему вернуться под родительский кров и попросить прощения. Однако теперь уже Горе не желает отпускать свою жертву. Оно упорно и неотступно преследует Молодца, издеваясь над всеми его попытками убежать от своей *«злочастной доли».* Идя с Молодцом *«под руку»,* Горе *«научает»* его *«богато жить — убити и ограбить».* Это и заставляет Молодца вспомнить *«спасенный путь»* и

уйти в монастырь. Для героя и автора повести монастырь является отнюдь не идеалом праведной жизни, а последней возможностью спастись от своей злочастной доли.

Автор сочувствует герою и в то же время показывает его трагичность. Освященному веками традиционному бытовому укладу он не может противопоставить ничего, кроме своего стремления к свободе.

В повести резко противопоставлены два типа отношения к жизни, два миропонимания: с одной стороны, родителей и «добрых людей» — большинства, стоящего на страже «домостроевской» общественной и семейной морали; с другой стороны,— Молодца, воплощающего стремление нового поколения к свободной жизни.

Следует отметить, что наставления родителей и советы «добрых людей» касаются лишь самых общих практических вопросов поведения человека и лишены религиозной дидактики.

Судьба Молодца излагается в форме его жития, но повесть уже не имеет ничего общего с традиционной агиографией. Перед нами типично светская бытовая биографическая повесть.

Автор в совершенстве владеет поэтикой фольклора, его образной системой, формами былинного стиха. Образ доброго Молодца, *«нагого, босого», «лыком подпоясанного»* Горя, эпическая картина пира, песенная символика эпизода преследования Горем Молодца — все это находит прямое соответствие и в эпической народной поэзии, и в лирических песнях о Горе.

Переплетение эпоса и лирики придает повести эпический размах, сообщает ей лирическую задушевность. В целом же повесть, по словам Н. Г. Чернышевского, следует верному течению народнопоэтического слова.

«Повесть о Савве Грудцыне». Тематически к «Повести о Горе и Злочастии» близка «Повесть о Савве Грудцыне», созданная в 70-е годы XVII в. В этой повести также раскрывается тема взаимоотношений двух поколений, противопоставляются два типа отношений к жизни. Основа сюжета — жизнь купеческого сына Саввы Грудцына, полная тревог и приключений. Повествование о судьбе героя дается на широком историческом фоне. Юность Саввы протекает в годы *«гонения и мятежа великого»,* т. е. в период борьбы русского народа с польской интервенцией; в зрелые годы герой принимает участие в войне за Смоленск в 1632—1634 гг. В повести упоминаются исторические личности: царь Михаил Федорович, боярин Стрешнев, воевода Шеин, сотник Шилов; да и сам герой принадлежит к известной купеческой семье Грудцыных-Усовых. Однако главное место в повести занимают картины частной жизни.

Повесть состоит из ряда последовательно сменяющих друг друга эпизодов, составляющих основные вехи биографии Саввы: юность, зрелые годы, старость и смерть.

В юности Савва, отправленный отцом по торговым делам в город Орел соликамский, предается любовным утехам с женой друга отца Бажена Второго, смело попирая святость семейного союза и святость дружбы. В этой части повести центральное место отводится любовной интриге и делаются первые попытки изобразить любовные переживания человека. Опоенный любовным зелием, изгнанный из дома Бажена, Савва начинает терзаться муками любви: *«И се начат яко пеки огнь горети в сердце его... начат сердцем тужити и скорбети по жене оной... И нача от великия туги красота лица его увядати и плоть его истончеватися».* Чтобы рассеять свою скорбь, утолить сердечную тоску, Савва идет за город, на лоно природы.

Автор сочувствует Савве, осуждает поступок *«злой и неверной жены»,* коварно прельстившей его. Но этот традиционный мотив прельщения невинного отрока приобретает в повести реальные психологические очертания.

Вводится в повесть и средневековый мотив союза человека с дьяволом: в порыве любовной скорби Савва взывает к помощи дьявола, и тот не замедлил явиться на его зов в образе юноши. Он готов оказать Савве любые услуги, требуя от него лишь дать *«рукописание мало некое»* (продать свою душу). Герой исполняет требование беса, не придав этому особого значения, и даже поклоняется самому Сатане в его царстве, дьявол, приняв образ «брата названого», становится преданным слугою Саввы.

Идейно-художественная функция образа беса в повести близка функции Горя в «Повести о Горе и Злочастии». Он выступает воплощением судьбы героя и внутренней смятенности его молодой и порывистой души. При этом образ «названого брата», который принимает в повести бес, близок народной сказке.

С помощью «названого брата» Савва вновь соединяется со своей возлюбленной, спасается от гнева родительского, переносясь со сказочной быстротой из Орла соликамского на Волгу и Оку. В Шуе «брат названый» обучает Савву воинскому артикулу, затем помогает ему в разведке укреплений Смоленска и в поединках с тремя польскими *«исполинами».*

Показывая участие Саввы в борьбе русских войск за Смоленск, автор повести героизирует его образ. Победа Саввы над вражескими богатырями изображается в героическом былинном стиле. Как отмечает М. О. Скрипиль, в этих эпизодах Савва сближается с образами русских богатырей, а его победа в поединках с вражескими «исполинами» поднимается до значения национального подвига.

Характерно, что на службу к царю Савва поступает по совету своего «названого брата» — беса. Когда боярин Стрешнев предложил Савве остаться в его доме, бес с *«яростию»* говорит: *«Почто убо хощеши презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо и сам ныне в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен учинился еси... Егда убо царь увесть верную службу твою, тогда и чином возвышен будеши от него».* Царская служба рассматривается бесом как средство достижения купеческим сыном знатности, перехода его в служилое дворянское сословие. Приписывая эти «греховные мысли» Саввы бесу, автор осуждает честолюбивые помыслы героя. Героические подвиги Саввы приводят в удивление *«все... российское воинство»,* но вызывают яростный гнев воеводы — боярина Шеина, который выступает в повести ревностным стражем незыблемости сословных отношений. Узнав, что подвиги совершены купеческим сыном, воевода *«начат всякими нелепыми словами поносити его».* Шеин требует, чтобы Савва немедленно покинул Смоленск и вернулся к своим богатым родителям. Конфликт боярина с купеческим сыном ярко характеризует начавшийся во второй половине XVII в. процесс формирования новой знати.

Если в эпизодах, изображающих юность героя, на первый план выдвинута любовная интрига и раскрывается пылкая, увлекающаяся натура неопытного юноши, то в эпизодах, повествующих о зрелых годах Саввы, на первый план выступают героические черты его характера: мужество, отвага, бесстрашие. В этой части повести автор удачно сочетает приемы народной эпической поэзии со стилистическими приемами воинских повестей.

В последней части повести, описывая болезнь Саввы, автор широко использует традиционные демонологические мотивы: в *«храмину»* к больному великой толпой врываются бесы и начинают его мучить: *«...ово о стену бия, ово о помост с одра его пометая, ово же храплением и пеною давляше и всякими различными томленми мучаше его».* В этих «бесовских мучениях» нетрудно обнаружить характерные признаки падучей болезни. Узнав о мучениях Саввы, царь посылает к нему двух *«караульщиков»* оберегать от бесовских терзаний.

Развязка повести связана с традиционным мотивом «чудес» богородичных икон: Богородица своим заступничеством избавляет Савву от бесовских мучений, взяв предварительно с него обет уйти в монастырь. Исцелившись, получив назад свое заглаженное *«рукописание»,* Савва становится монахом. При этом обращает на себя внимание тот факт, что на протяжении всей повести Савва остается «юношей».

Образ Саввы, как и образ Молодца в «Повести о Горе и Злочастии», обобщает черты молодого поколения, стремящегося сбросить гнет вековых традиций, жить в полную меру своих удалых молодецких сил.

Образ беса дает возможность автору повести объяснить причины необыкновенных удач и поражений героя в жизни, а также показать мятущуюся душу молодого человека с его жаждой бурной и мятежной жизни, стремлением сделаться знатным.

В стиле повести сочетаются традиционные книжные приемы и отдельные мотивы устной народной поэзии. Новаторство повести состоит в ее попытке изобразить обыкновенный человеческий характер в обыденной бытовой обстановке, раскрыть сложность и противоречивость характера, показать значение любви в жизни человека. Вполне справедливо поэтому ряд исследователей рассматривает «Повесть о Савве Грудцыне» в качестве начального этапа становления жанра романа.

«Повесть о Фроле Скобееве». Если герои повестей о Горе и Злочастии и Савве Грудцыне в своем стремлении выйти за пределы традиционных норм морали, бытовых отношений терпят поражение, то бедный дворянин Фрол Скобеев, герой одноименной повести, уже беззастенчиво попирает этические нормы, добиваясь личного успеха в жизни: материального благополучия и прочного общественного положения.

Худородный дворянин, вынужденный добывать средства к существованию частной канцелярской практикой *«ябедника»* (ходатая по делам), Фролка Скобеев делает девизом своей жизни «фортуну и карьеру». *«Или буду полковник, или покойник!»* — заявляет он. Ради осуществления этой цели Скобеев не брезгует ничем. Он неразборчив в средствах и пускает в ход подкуп, обман, шантаж. Для него не существует ничего святого, кроме веры в силу денег. Он покупает совесть мамки, соблазняет дочь богатого стольника Нардина-Нащокина Аннушку, затем похищает ее, разумеется с согласия Аннушки, и вступает с ней в брак. Хитростью и обманом супруги добиваются родительского благословения, потом полного прошения и отпущения своей вины. Отец Аннушки, спесивый и чванливый знатный стольник, в конце концов вынужден признать своим зятем *«вора, плута»* и *«ябедника»* Фролку Скобеева, сесть с ним за один стол обедать и *«учинить»* своими наследником.

Повесть является типичной плутовской новеллой. Она отразила начало процесса слияния бояр-вотчинников и служилого дворянства в единое дворянское сословие, процесс возвышения новой знати из дьяков и подьячих, приход *«худородных»* на смену *«стародавних, честных родов».*

Резкому сатирическому осмеянию подвергнуты в повести боярская гордость и спесь: знатный стольник бессилен что-либо предпринять против «захудалого» дворянина и вынужден примириться с ним и признать своим наследником. Все это дает основание полагать, что повесть возникла после 1682 г., когда было ликвидировано местничество.

Автор не осуждает своего героя, а любуется его находчивостью, ломкостью, пронырливостью, хитростью, радуется его успехам в жизни и отнюдь не считает поступки Фрола постыдными.

Добиваясь поставленной цели, Фрол Скобеев не надеется ни на бога, ни на дьявола, а только на свою энергию, ум и житейский практицизм. Религиозные мотивы занимают в повести довольно скромное место. Поступки человека определяются не

волею божества, беса, а его личными качествами и сообразуются с теми обстоятельствами, в которых этот человек действует.

Примечателен в повести также образ Аннушки. Она заявляет о своих правах выбирать себе суженого, смело нарушает традиции, активно участвует в организации побега из родительского дома; легко соглашается на притворство и обман, чтобы вновь вернуть благосклонность одураченных отца и матери.

Таким образом, судьба героев повести отражает характерные общественные и бытовые явления конца XVII в.: зарождение новой знати и разрушение традиционного бытового уклада.

Судьба героя, добившегося успеха в жизни, напоминает нам судьбы «полудержавного властелина» Александра Меншикова, графа Разумовского и других представителей «гнезда птенцов петровых».

Автор «Повести о Фроле Скобееве», очевидно, подьячий, мечтающий, подобно своему герою, выйти «в люди», достигнуть прочного материального и общественного положения. Об этом свидетельствует стиль повести, пересыпанный канцеляризмами: *«иметь место жительства», «возыметь обязательное любление к оной Аннушке»* и т. п. Эти обороты перемежаются с архаическими выражениями книжного стиля и просторечиями, особенно в речах героев, а также варваризмами, широко хлынувшими в это время в литературный и разговорный язык *(«квартера», «корета», «банкет», «персона»* и т. п.).

Автор хорошо владеет мастерством непосредственного свободного рассказа. И. *С.* Тургенев высоко оценил повесть, назвав ее «чрезвычайно замечательной вещью». «Все лица превосходны, и наивность слога трогательна»,— писал он.

Впоследствии повесть привлекала к себе внимание писателей XVIII и XIX вв.: в 80-х годах XVIII в. Ив. Новиков на ее основе создал «Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным». Н. М. Карамзин использовал этот сюжет в повести «Наталья — боярская дочь»; в 60-х годах XIX в. драматургом Д. В. Аверкиевым была написана «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве», а в середине 40-х годов XX в. советский композитор Т. Н. Хренников создал комическую оперу «Фрол Скобеев» или «Безродный зять».

«Повесть о Карпе Сутулове». Эта повесть является связующим звеном жанра бытовой и сатирической плутовской новеллы. В этом произведении сатира начинает занимать преобладающее место. Сатирическому обличению подвергается распутное поведение духовенства и именитого купечества. Повествование о незадачливых любовных похождениях архиепископа, попа и купца приобретает черты тонкой политической сатиры. Осмеивается не только поведение «верхов» общества, но и ханжество, лицемерие религии, дающей «право» церковникам грешить и «отпускать» прегрешения.

Глава светской власти города — воевода легко прощает *«неразумие»* архиепископа, попа и *«гостя»,* не преминув, однако, за свое «прощение» взять с них колоссальную мзду: *«с гостя пять сот»,* с попа *«тысящу»,* а с архиепископа *«тысящу пятьсот рублев»,* разделив эти деньги пополам с женою Карпа Сутулова.

Героиней повести является энергичная, умная и хитрая женщина — купеческая жена Татьяна. Ее не смущают непристойные предложения купца, попа и архиепископа, и она старается извлечь из них максимальную выгоду. Благодаря своей находчивости и уму Татьяна сумела и супружескую верность соблюсти, и капитал приобрести, за что и была удостоена похвалы мужа — купца Карпа Сутулова.

Весь строй повести определяется народной сатирической антипоповской сказкой: неторопливость и последовательность повествования с обязательными повторами, фантастически сказочные происшествия, острый сатирический смех, обличающий именитых незадачливых любовников, обнаруженных в сундуках в *«единых срачицах».* Повесть также типологически близка новеллам Боккаччо. Ее мотивы использовал Н. В. Гоголь в «Ночи перед Рождеством».

Сатирическое изображение развратных нравов духовенства и купечества сближает «Повесть о Карпе Сутулове» с произведениями демократической сатиры второй половины XVII в.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ САТИРА

Одним из самых примечательных явлений литературы второй половины XVII в. является оформление и развитие сатиры как самостоятельного литературного жанра, что обусловлено спецификой жизни того времени.

Образование «единого всероссийского рынка» во второй половине XVII в. привело к усилению роли торгово-ремесленного населения городов в экономической и культурной жизни страны. Однако в политическом отношении эта часть населения оставалась бесправной и подвергалась беззастенчивой эксплуатации, гнету. На усиление гнета посад отвечал многочисленными городскими восстаниями, способствовавшими росту классового самосознания. Появление демократической сатиры явилось следствием активного участия посадского населения в классовой борьбе.

Таким образом, русская действительность *«бунташного»* XVII столетия и была той почвой, на которой возникла сатира. Социальная острота, антифеодальная направленность литературной сатиры сближали се *с* народной устно-поэтической сатирой, которая служила тем неиссякаемым источником, откуда черпала она свои художественно-изобразительные средства.

Сатирическому обличению подвергались существенные стороны жизни феодального общества: несправедливый и продажный суд; социальное неравенство;

безнравственная жизнь монашества и духовенства, их лицемерие, ханжество и корыстолюбие; «государственная система» спаивания народа через *«царев кабак».*

Обличению системы судопроизводства, опиравшейся на Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., посвящены повести о Шемякином суде и о Ерше Ершовиче.

«Повесть о Шемякином суде». В «Повести о Шемякином суде» объектом сатирического обличения выступает судья Шемяка, взяточник и крючкотвор. Прельщенный возможностью богатого «посула», он казуистически толкует законы. Формально обвинив ответчика, *«убогого»* (бедного) крестьянина, Шемяка применяет к нему ту возмездную форму наказания, которая предусматривалась Уложением 1649 г. Судья не допустил никаких отступлений от юридических норм, но своим решением поставил «истцов» — богатого крестьянина, попа и горожанина — в такое положение, что они вынуждены откупаться от *«убогого»,* чтобы тот не требовал выполнения постановления суда.

Решение суда ставит в смешное положение и богатого крестьянина, наказанного за свою жадность, и попа, оказывающегося в положении обманутого мужа.

Над миром жадности, корысти, судебного произвола торжествует бедняк. Благодаря уму и находчивости *«убогий»* добивается оправдания на суде: положив за пазуху завернутый в платок камень, *«убогий»* показывал его судье при разбирательстве каждого иска. Если бы решение судьи было не в его пользу, то, несомненно, камень полетел бы в голову Шемяки. Поэтому, когда судья узнает, что вместо богатого посула бедняк держал за пазухой камень, он начал *«бога хвалити, что по нем судил».*

Так бедняк торжествует над сильными мира сего, «правда» торжествует над «кривдой» благодаря жадности лихоимного судьи.

Художественный строй повести определяется русской сатирической народной сказкой о неправедном судье и волшебной сказкой о «мудрых отгадчиках» — быстрота развития действия, неправдоподобное нагнетание преступлений, которые совершает «убогий», комизм положения, в котором оказываются судья и истцы. Внешне беспристрастный тон повествования в форме «судебной отписки» заостряет сатирическое звучание повести.

«Повесть о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове». Ярким сатирическим изображением практики воеводского суда, введенного в 60—80-х годах XVII столетия, является повесть о Ерше Ершовиче, дошедшая до нас в четырех редакциях. Первая, старшая, редакция более полно отразила социальные противоречия эпохи.

Повесть изображает одно из характерных явлений своего времени — земельную тяжбу, которую ведут крестьяне — *«божий сироты»* Лещ и Голавль и *«лихой человек», «ябедник», «разбойник», «боярский сын Ерш».*

Лещ и Голавль предъявляют свои исконные права на Ростовское озеро, насильственно отнятое у них Ершом, о чем и бьют челом великим судьям *«боярину»* Осетру, Белуге и воеводе Сому.

Отвергая предъявленный иск, Ерш не только пытается доказать законность своих прав на владение захваченными землями, но и предъявляет встречный иск, заявив, что Лещ и Голавль были у его отца *«в холопех».* Таким образом, Ерш не только снимает иск (холопы не имели юридических прав), но и пытается превратить свободных крестьян в своих холопов.

Допрос свидетелей устанавливает виновность Ерша, который оказывается простым крестьянином, а не *«боярским сыном».* Суд приговаривает Ерша *«казнить торговою казнию», «против солнца повесить в жаркия дни за его воровство и за ябедничество».*

Повесть обличает хитрого, пронырливого и наглого «ябедника» Ерша, стремящегося насилием и обманом присвоить себе чужие владения, похолопить окрестных крестьян.

В то же время автор показывает превосходство Ерша над неповоротливостью, тупостью и жадностью его судей, в частности Осетра, который едва не поплатился жизнью за свою жадность и доверчивость. Насмешка над решением суда звучит и в одной из концовок второй редакции. Ерш, выслушав приговор, заявляет, что судьи судили не по правде, а по мзде, и, плюнув им в глаза, он *«скочил в хворост: только того Ерша и видели».* Таким образом, объектом сатирического обличения в повести является не только *«лихой человек»* Ерш, но и его именитые судьи.

Разоблачается в повести система подкупа, царящая в суде. Так, Мень (налим), не желая идти понятым, *«Окуню приставу сулит посулы великие и рече: «Господине Окуне! аз не гожуся в понятых быть: брюхо у меня велико — ходить не могу, а се глаза малы, далеко не вижу, а се губы толсты — пред добрыми людьми говорить не умею».*

Повесть представляет собой первый образец литературной иносказательной сатиры, где действуют рыбы в строгом соответствии со своими свойствами, но их отношения — это зеркало отношений человеческого общества. Автор использует образы народной сказки о животных, сатирически заостряя их социальное звучание. Сатирическое обличение усиливается удачно найденной формой делового документа—«судного списка», протокольного отчета о судебном заседании. Соблюдение формул канцелярского языка и их несоответствие содержанию придают повести яркую сатирическую выразительность.

«Драгоценнейшими историческими документами» назвал эту повесть и «Повесть о Шемякином суде» В. Г. Белинский, видевший в них яркое отражение особенностей русского национального ума с его тонкой иронией и насмешливостью.

«Азбука о голом и небогатом человеке». Обличению социальной несправедливости, общественного неравенства посвящена «Азбука о голом и небогатом человеке». Использовав форму дидактических азбуковников, автор превращает ее в острое оружие социальной сатиры. Герой повести — *«голый и небогатый» человек,* повествующий с едкой иронией о своей горестной судьбе. Причину своих бедствий он видит в *«лихих людях»* — богачах. Против них и направлено основное жало сатиры. Это те, у кого *«всево много, денег и платья»,* те, *«кто богато живут, а нам голым ничего не дают».* Афористичность, лаконизм и выразительность стиля повести, социальная острота способствовали ее популярности.

«Калязинская челобитная». Большое место в сатирической литературе XVII в. занимает антиклерикальная тема. Корыстолюбие, жадность попов разоблачаются в сатирической повести «Сказание о попе Савве», написанной рифмованными виршами.

Ярким обличительным документом, изображающим быт и нравы монашества, является «Калязинская челобитная». Монахи удалились от мирской суеты вовсе не для того, чтобы, умерщвляя свою плоть, предаваться молитве и покаянию. За стенами монастыря скрывается сытая и полная пьяного разгула жизнь. Объектом сатирического обличения повесть избирает один из крупнейших монастырей Руси — Калязинский мужской монастырь, что позволяет автору раскрыть типичные черты жизни русского монашества XVII в.

В форме слезной челобитной жалуются монахи архиепископу тверскому и кашинскому Симеону на своего нового архимандрита — настоятеля монастыря Гавриила. Используя форму делового документа, повесть показывает несоответствие жизненной практики монашества требованиям монастырского устава. Нормой жизни

иноков стало пьянство, чревоугодие и разврат, а не пост и молитва. Поэтому и возмущены монахи новым архимандритом, который круто меняет заведенные ранее «порядки» и требует строгого соблюдения устава. Они жалуются, что новый архимандрит не дает им *покоя, «велит нам скоро в церковь ходить и нас, богомольцев твоих, томить; а мы, богомольцы твои, круг ведра без порток, в одних свитках, в кельях сидим, не поспеть ном ночью в девять ковшей келейного правила исправить и взвар с пивом в ведра испорознить, чтобы сверху до дна сдуть пенку...»* Возмущены монахи и тем, что Гавриил начал строго блюсти их нравственность. *«По его же архимандритовому приказу*
у монастырских ворот поставлен с шелепом кривой Фалалей, нас, богомольцев твоих, за ворота не пускает, в слободы ходить не велит — скотья двора посмотреть, чтобы телят в стан загнать, и кур в подпол посажать, коровницам благословенья подать».

Челобитная подчеркивает, что основной статьей монастырского дохода является винокурение и пивоварение, а запрет Гавриила только чинит поруху монастырской казне.

Обличается и формальное благочестие монахов, которые недовольны тем, что их заставляют ходить в церковь и творить молитвы. Они жалуются, что архимандрит *«казны не бережет, ладану и свеч много жжет, и тем, он, архимандрит, церковь запылил, кадилы закоптил, а нам, богомольцам твоим, выело очи, засадило горлы».* Сами же монахи готовы вовсе не ходить в церковь: *«...ризы и книги в сушило вынесем, церковь замкнем, а печать в лубок загнем».*

Не прошел сатирик и мимо социальной розни, которая характерна была для монастырской братии: с одной стороны, клирошане, низшая братия, а с другой — правящие верхи во главе с архимандритом.

Жестокий, жадный и корыстолюбивый архимандрит является также объектом сатирического обличения. Именно его ненавидят клирошане за те притеснения, которые он им чинит. Он вводит в монастыре систему телесных наказаний, изуверски заставляя монахов под *«шелепами каноны орать». «Он, архимандрит, просторно живет, нашей братье в праздники и в будни на шеи большия чепи кладет, да об нас же батоги приломал и шелепы привал».* Жадный архимандрит морит монастырскую братию голодом, ставя на стол *«репу пареную, да редьку вяленую, кисель с брагом, кашу посконную, шти мартовские и в братины квас наливают».*

В челобитной звучит требование немедленной замены архимандрита человеком, гораздым *«лежа вино да пиво пить, а в церковь не ходить»,* а также прямая угроза восстать против своих притеснителей.

За внешним балагурством пьяных монахов в повести скрыта народная ненависть к монастырям, к церковным феодалам. Основным средством сатирического обличения является язвительная ирония, скрытая в слезной жалобе челобитчиков.

Характерной особенностью стиля челобитной является его афористичность: насмешка часто выражена в форме народных рифмованных прибауток. Например: *«А нам... и так не сытно: репа да хрен, да черный чашник Ефрем»; «Мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем»* и т. п. Эти прибаутки обнаруживают у автора «Калязинской челобитной» «лукавый русский ум, столь наклонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве».

«Повесть о Куре и Лисице». В аллегорических образах русской народной сказки о животных обличает лицемерие и ханжество попов и монахов, внутреннюю фальшь их формального благочестия «Повесть о Куре и Лисице». В хитрой, лицемерной ханже Лисе нетрудно узнать типичного священнослужителя, который елейными *«божественными*

словесами» прикрывает спои низменные корыстные цели. Стоило только Лисе заманить Кура и схватить в когти, как с нее спадает елейная маска исповедницы, печалящейся о грехах Кура. Теперь Лиса исчисляет личные обиды, которые причинил ей Кур, помешав опустошить курятник.

Повесть обличает не только духовенство, но и подвергает критике текст «священного писания», метко подмечая его противоречия. В словопрениях и Кур и Лиса оперируют текстом «писания» для доказательства своей правоты. Так, Лиса, обвиняя Кура в смертном грехе многоженства, отсутствии любви к ближнему, опирается на евангельский текст, а Кур парирует удар ссылкой на текст книги «Бытие» (Ветхий завет). Повесть показывает, что с помощью текста «священных книг» можно оправдать любую мораль.

Все это свидетельствовало о развитии общественного сознания, духа критицизма, который начинает овладевать умом человека, стремящегося проверить христианские догмы.

«Повесть о бражнике». На смелой антитезе — «бражник» и пребывающие в раю «святые» — построена «Повесть о бражнике». Эта повесть показывает нравственное превосходство пьяницы над *«праведниками».* Райского блаженства удостоены трижды отрекавшийся от Христа апостол Петр, убийца первомученика Стефана апостол Павел, прелюбодей царь Давыд, грешник, извлеченный богом из ада, царь Соломон, убийца Ария святитель Николай. Противопоставленный им бражник уличает святых в преступлениях, а сам он никаких преступлений не совершал: никого не убивал, не прелюбодействовал, не отрекался от Бога, а, наоборот, за каждой рюмкой Христа прославлял.

Даже стремление «святых» не пустить к себе в рай «бражника» он расценивает как акт нарушения евангельской заповеди любви: *«А вы с Лукою написали во Евангелии: друг друга любляй; а бог всех любит, а вы пришельца ненавидите!»,*— смело говорит он Иоанну. *«Иоанне Богослове! либо руки своея отпишись, либо слова отопрись!»* И припертый к стене Иоанн вынужден признать: *«Ты еси наш человек, бражник; вниди к нам в рай!»* А в раю бражник занимает самое лучшее место, к которому «святители» и подступиться не смели.

В забавной шутке, сказочной ситуации звучит гневная сатира на церковь и церковный догмат почитания святых.

«Праздник кабацких ярыжек». На параллели пьяница — христианский мученик построена сатирическая повесть «Праздник кабацких ярыжек», или «Служба кабаку». Повесть обличает «государственную систему» организации пьянства через «царев кабак». В целях пополнения государственной казны в середине XVII в. была введена монополия на производство и продажу спиртных напитков. Вся страна была покрыта сетью «царевых кабаков», во главе которых стояли *«целовальники»,* прозванные так потому, что давали клятву — целовали крест — *«бес-*
страшно за прибыль ожидать его государевы милости, и в том приборе никакого себе опасения не держать, питухов не отгонять».

«Царев кабак» стал источником настоящего народного бедствия. Пользуясь своими правами, «целовальники» беззастенчиво спаивали и грабили трудовой народ. Поэтому обличение кабака в повести приобретало особую остроту и актуальность.

Повесть не дает религиозно-моралистической оценки пьянства, а нападая на *«царев кабак»,* обличает его как *«непотребного учителя»* и *«христианских душ грабителя».* Использованная форма церковной службы (малой и большой вечерни) в честь *«трех слепителей вина и пива и меда, христианских лупителей и человеческих, разумов*

пустотворцев» позволяет автору повести свободно развивать свою тему. Он проклинает «царев кабак» — *«дому разорителя»,* причину *«неистощимыя нищеты»,* злого *«учителя»,* ведущего человека к *«наготе и босоте».*

Обличая «царев кабак», повесть изливает свой гнев на тех, кто способствует развитию пьянства, т. с. на правящие верхи. Автор предостерегает от пьянства, которое приносит одни беды и несчастья, лишает людей человеческого облика, нравственного достоинства.

Едкая ирония создается путем несоответствия торжественной формы церковных гимнов, песнопений, воспеваемых в них предметов — «царевым кабакам». Автор с иронией говорит о «новых мучениках», пострадавших от кабака, и завершает повесть житием пьяницы. Используя форму церковного проложного жития, автор показывает страшную картину нравственного падения человека и с иронией говорит: *«Аще бы такия беды Бога ради терпели, воистину бы были новые мученики, их же бы достойно память их хвалити».*

Явившись результатом роста классового самосознания демократических городских слоев населения, сатира свидетельствовала об утрате церковью былого авторитета во всех сферах человеческой жизни.

Демократическая сатира затронула существенные стороны феодально-крепостнического общества, и ее развитие шло рука об руку с развитием народной сатиры. Общая идейная направленность, четкий классовый смысл, отсутствие отвлеченного морализирования сближало литературную сатиру с сатирой народной, что способствовало переходу сатирических повестей в фольклор.

Опираясь на опыт народной сатиры, литературная сатира часто использовала формы деловой письменности («судное дело», судебная отписка, челобитная), церковной литературы (церковная служба, житие). Основными средствами сатирического обличения являлись пародия, преувеличение, иносказание. В безымянных героях сатирических повестей давалось широкое художественное обобщение. Правда, герои еще лишены индивидуальных черт, это лишь собирательные образы той социальной среды, которую они представляют. Но они были показаны в будничной повседневной обстановке, их внутренний мир раскрывался впервые в сатирических характерах.

Огромным достижением демократической сатиры явилось изображение, впервые в нашей литературе, быта обездоленных людей, *«наготы и босоты»* во всем ее неприкрашенном убожестве.

Обличая непорядки феодально-крепостнического строя, демократическая сатира не могла, однако, указать пути их устранения.

Демократическая сатира XVII в. сделала огромный шаг на пути сближения литературы с жизнью и заложила основы сатирического направления, которое развивалось в русской литературе XVIII в. и достигло небывалых вершин в XIX в.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Повести о начале Москвы. Во второй половине XVII в. историческая повесть постепенно утрачивает историзм, приобретая характер любовно-приключенческой новеллы, которая служит затем основой для развития авантюрно-приключенческого любовного романа. Главное внимание переносится на личную жизнь человека, возникает интерес к морально-этическим, бытовым вопросам.

Показательны в этом отношении повести о начале Москвы, которые С. К. Шамбинаго разделяет на три вида: хронографическую повесть, новеллу и сказку.

Исторической основой этих повестей явилось сказание об убиении Андрея Боголюбского в 1174 г., переработанное в XVI в. при включении его в состав Никоновского летописного свода и Степенной книги. Здесь были усилены агиографическая характеристика князя и отрицательная оценка его убийц, *«окаянных»* Кучковичей.

Хронографическая повесть о начале Москвы еще сохраняет известную историчность: здесь основание Москвы связывается с Юрием Долгоруким, который создал город на месте сел убитого им боярина Степана Кучки, а его сыновей и дочь Улиту отослал во Владимир к сыну Андрею. Став женой Андрея, Улита, одержимая похотью, возглавляет заговор против благочестивого мужа и вместе со своими братьями убивает его.

Повесть-новелла уже полностью утрачивает историзм. Основание Москвы приписывается князю Андрею Александровичу и отнесено к 17 июня 1291 г. (указанием «точных» дат автор стремится подчеркнуть «историзм» своей повести). Основное внимание уделяется интриге, связанной с преступной любовью жены суздальского князя Даниила Александровича (в действительности младший сын Александра Невского был московским князем с 1272 по 1303 г.) Улиты к двум юным сыновьям боярина Кучки.

Изображение злой княгини Улиты, распаляемой *«сотаниным навождением блудныя похоти»,* еще связано с традицией нравоучительной литературы о «злых женах». К агиографической традиции восходит стремление показать Даниила мучеником, который *«прият мученическую смерть от прелюбодеев и жены своея»,* и даже в какой-то мере соотнести его с Борисом и Глебом.

Новым в повести-новелле является не только ее сюжет, построенный на любовной интриге, но и стремление показать психологическое состояние Кучковичей. Они пребывают *«в сетовании и в печали и в скорби велицей»* в связи с тем, что упустили князя Даниила *«жива»,* и начинают раскаиваться в содеянном. Только вдохновленные Улитой, рассказавшей им тайны мужа, они, вновь *«злого ума наполнишася»,* совершают убийство. В страхе и трепете бегут Кучковичи из Суздаля, узнав о походе на них Андрея.

В стиле повести тесно переплетаются традиции книжной и народно-сказовой манеры повествования. С последней связано наличие рифмованных фраз:

«Почему было бы на Москве царством быти
и кто знал, что Москве государством слыти».

Обращаясь к боярину Кучке, князь Даниил говорит:

«Аще не даси сыновей своих мне во двор,
И аз на тя войною прииду и тебе мечем побью,
а села твои красныя огнем пожгу».

В повести-сказке уже полностью отсутствуют какие-либо намеки на исторические события. Ее герой—Даниил Иванович, который основывает Крутицкий архиерейский дом.

Повесть об основании Тверского Отроча монастыря. Превращение исторической повести в любовно-приключенческую новеллу можно проследить на примере «Повести об основании Тверского Отроча монастыря». Ее герой — княжеский слуга отрок Григорий, уязвленный любовью к дочери пономаря Ксении. Заручившись согласием отца Ксении и князя на брак, Григорий радостно готовится к свадьбе, но *«божиим изволением»* настоящим женихом Ксении оказывается тверской князь Ярослав Ярославич, а Григорий всего-навсего его сватом. Потрясенный Григорий, *«великою кручиною одержим бысть»,* снимает с себя *«княжее платье и порты»,* переодевается в платье крестьянское и уходит в лес, где *«хижу себе постави и часовню».*

Основной причиной, заставившей Григория бежать *«в пустынные места»* и основать там монастырь, является не благочестивое стремление посвятить себя богу, как это было ранее, а неразделенная любовь.

Ксения во многом напоминает Февронию: она такая же мудрая, вещая дева, наделенная чертами благочестия. *«Узре ту девицу зело прекрасну»,* князь *«возгореся бо сердцем и смятеся мыслию».*

В повести широко представлена символика свадебных народных песен. Князь видит вещий сон: его любимый сокол поймал *«голубицу красотою зело сияющу»;* во время охоты князь пускает своих соколов, и любимый сокол приводит его в село Едимоново и садится на церковь Дмитрия Солунского, где должны были венчаться Ксения с Григорием, и теперь волею судеб место Григория занял князь.

Агиографические элементы, преобладающие в конце повести, не разрушают цельности ее содержания, основанного на художественном вымысле.

«Повесть о Сухане». В поисках новых образов, форм сюжетного повествования, связанного с героической темой защиты родины от внешних врагов, литература второй половины XVII в. обращается к народному эпосу. Результатом книжной обработки былинного сюжета явилась «Повесть о Сухане», сохранившаяся в единственном списке конца XVII в. Ее герой — богатырь — ведет борьбу с монголо-татарскими завоевателями, которые во главе с царем Азбуком Тавруевичем хотят пленить Русскую землю. Поэтизируя героический подвиг Сухана, автор высоко оценивает верную службу богатыря идеальному государю Мономаху Владимировичу. Только с помощью стенобитных орудий удается врагам смертельно ранить Сухана. Но и раненный, он бьется до тех пор, пока не перебил всех врагов. Царь хочет жаловать Сухана за верную службу городами и вотчинами, но умирающий богатырь просит только дать ему, *«холопу», «жалованное слово и прощение».* Весьма показательно, что отношения богатыря и государя отражают характер отношений служилого человека к московскому царю.

Таким образом, утратив историзм, жанры исторической литературы и XVII в. приобретают новые качества: в них развиваются художественный вымысел, занимательность, усиливается воздействие жанров устного народного творчества, а собственно история становится самостоятельной формой идеологии, постепенно превращаясь в науку.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В XVII в. усиливаются экономические и культурные связи Русского государства с Западной Европой. Большую роль в этом сыграло воссоединение Украины с Россией в 1654 г. Основанная в 1631 г. Петром Могилой Киево-Могилянская академия становится настоящей кузницей культурных кадров. Воспитанниками академии был основан ряд школ в Москве. Так, Епифаний Славинецкий принимал участие в работе школы, созданной в 1648 г. боярином Ртищевым. Симеон Полоцкий организует в 1664 г. школу

при Спасском монастыре, а в 1687 г. в Москве создается Славяно-греко-латинская академия. Наметившаяся в русском обществе тяга к европейской образованности, европейским формам быта не могла не сказаться на изменении характера переводной литературы. Если в X—XV вв. литературные связи Русь осуществляла преимущественно с Византией и славянским югом, то теперь год от года усиливаются связи со странами Западной Европы. Если ранее переводились главным образом произведения религиозно-догматического, дидактического и исторического содержания, то теперь внимание переводчиков обращено на произведения европейской литературы позднего средневековья: рыцарский роман, бюргерскую бытовую и плутовскую новеллу, авантюрно-приключенческую повесть, юмористические рассказы, анекдоты. Однако современная западноевропейская литература (французский и немецкий классицизм) остается вне поля зрения русских переводчиков. Переводы осуществляются преимущественно с польского языка через посредство белорусов и украинцев.

«Великое зерцало». Русский читатель знакомится со сборником религиозно-дидактических и нравоучительно-бытовых повестей «Великое зерцало», переведенным с польского оригинала в 1677 г. В сборнике использована апокрифическая и житийная литература, которая иллюстрировала те или иные положения христианской догматики. Переводчик приспособил материал к вкусам читателей своего времени. Он опустил католическую тенденцию подлинника и ввел ряд моментов, характерных для русского быта.

Большое место в сборнике отводилось прославлению Богоматери. Этой теме посвящена новелла о юноше-воине, которого Богородица избавляет от *«искушения скверного».* Ее сюжет обработан А. С. Пушкиным в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный».

Содержание ряда повестей было близко русскому читателю по своей тематике. Такова, например, повесть о епископе Удоне, изображающая нравственную распущенность черного духовенства.

В состав «Великого зерцала» входят также чисто светские повестушки, обличающие женское упрямство, женскую злобу, разоблачающие невежество, лицемерие. Таков, например, известный анекдот о споре мужа с женой по поводу того, покошено поле или пострижено.

Наличие занимательного повествовательного материала в сборнике способствовало его популярности, а ряд его сюжетов перешел в фольклор.

«Римские деяния». В 1681 г. в Белоруссии с польского печатного издания был переведен сборник «Римские деяния». Русский сборник содержит 39 произведений об исторических лицах, связанных с Римом. В жанровом отношении повести не были однородны: в них сочетались мотивы приключенческой повести, волшебной сказки, шутливого анекдота и дидактического рассказа. Повествовательному материалу обычно давалось аллегорическое моралистическое толкование. Некоторые повести выступали в защиту средневековой аскетической морали, но большинство рассказов прославляло радости жизни.

В качестве примера можно взять «Притчу о гордом цесаре Евиняне». Рассказывая о злоключениях вознесшегося в своей гордыне царя, повесть с большим сочувствием описывала горькую участь обездоленного человека — «холопа», которого жестоко избивают, бросают в темницу и отовсюду гонят. Рассказу дается христианско-моралистическая трактовка: Евинян терпит возмездие за свою гордость, а раскаявшись, вновь обретает царский сан. Моралистическая выкладка в конце повести призывает читателя быть истинным христианином.

Так, в одном произведении сочетались мотивы, близкие оригинальной бытовой повести и христианской дидактике. В XIX в. сюжет «Притчи о цесаре Евиняне» был обработан
В. Гаршиным в «Сказании о гордом Аггее».

«Фацеции». Во второй половине XVII в. на русский язык переводится сборник «Апофегматы», где собраны изречения философов и поучительные рассказы из их жизни. Его оригинал — польский сборник Беняша Будного — был издан в Польше в начале XVII в.

В 1680 г. с польского языка на русский были переведены «Фацеции», восходящие к сборнику Поджо Браччолини. С тонким юмором рассказываются здесь смешные анекдотические случаи из повседневной жизни людей. Темы рассказов — женская хитрость и лукавство, невежество.

В «Фацециях» не осуждаются, а прославляются находчивость, лукавство и ум женщины. Мудрая жена выручила из беды мужа, «научив» медведя читать. Прибегнув к хитрости, другая жена созналась мужу, что не он отец ее ребенка, и т. п. В качестве примера можно привести рассказ *«О селянине, иже в школу сына даде».* Его герой, вместо того чтобы изучать латынь, предпочитал быть там, *«идеже рюмки гремят».* «Фацеции» привлекали читателя занимательностью, блеском остроумия.

«История семи мудрецов». Большой популярностью пользовалась «История семи мудрецов», ставшая известной русскому читателю через белорусский перевод и восходящая к древнеиндийскому сюжету. Повесть включала пятнадцать небольших новелл, объединенных единой сюжетной рамкой: римский царь Елизар по наветам злой жены, оклеветавшей пасынка Диоклетиана, хочет казнить сына; жена, доказывая свою правоту, рассказывает семь новелл, склоняя мужа к казни, еще семь новелл рассказывают семь мудрецов, воспитателей Диоклетиана, спасая жизнь неповинному юноше; последнюю новеллу рассказывает Диоклетиан, уличая мачеху в неверности. Все эти новеллы чисто бытового содержания.

«Повесть о Бове Королевиче». В XVII в. через белорусское посредничество становятся известны у нас рыцарские западноевропейские романы. При переводе эти романы подвергаются значительной русификации, утрачивая свою куртуазность. В этом отношении примечательна «Повесть о Бове Королевиче», восходящая к французскому рыцарскому роману. Повесть привлекала читателя авантюрным сюжетом, близким к волшебной сказке. Жизнь Бовы наполнена постоянными приключениями. Спасаясь от козней злой матери Милитрисы и отчима Додона, он бежит в Арменское царство, где, скрывая свое происхождение, поступает на службу к царю Зензевею. Полюбив дочь Зензевея, прекрасную Дружневну, Бова вступает в борьбу с королем Маркобруном, добивающимся ее руки. Он убивает богатыря Лукопера, сына царя Салтана Салтановича. Попадает к последнему в плен, но не желает получить свободу ценой отказа от своей веры и женитьбы на дочери Салтана Мильчигрии. Бежав из плена, Бова похищает Дружневну, разбивает войско Маркобруна, а после поединка с Полканом становится другом этого сильного богатыря. Теряет и вновь находит Дружневну и, наконец, возвращается в родной город, где наказывает свою преступную мать и Додона.

Образ *«храброго витязя»* Бовы Королевича близок образам героического народного эпоса и положительным героям волшебной сказки. Бова храбр, честен, он поборник правды и справедливости, свято хранит верность в любви, борется за православную христианскую веру с царем Салтаном. Подобно русским богатырям, Бова обладает огромной физической силой и красотой. Свои подвиги он совершает на *«добром коне»* богатырском, с мечом-кладенцом в руках.

Противник Бовы Лукопер характеризуется теми же чертами, что и враги в народной эпической поэзии: *«Глава у него аки пивной котел, а промеж очми добра мужа пядь, а промеж ушми колена стрела ляжет, а промеж плечми мерная сажень»* (ср. характеристику Идолища поганого в былине «Илья Муромец и Идолище поганое»).

Сказочно-былинными чертами наделяется богатырь Полкан: *«...по пояс песьи ноги, а от пояса, что и прочий человек»,* а скачет он по семь верст.

В повести много сказочных мотивов: попытка Милитрисы отравить сына лепешками, замешанными на змеином сале; появление Бовы в образе старца накануне свадьбы Маркобруна с Дружневной; сонное зелье, которым поит Дружневна Маркобруна; образ верного слуги Личарды и т. п. Типично сказочным является зачин повести: *«Не в коем было царстве, в великом государстве, в славном граде во Антоне жил-был славный король Видон».* Такова же концовка: *«И почел Бова жить на старине с Дружневною да и с детьми своими — лиха избывати, а добра наживати».*

В повествование вводится много элементов русского быта. Например: рыцарский замок castello превращается в русском переводе в город Костел, где княжит мужик посадский Орел, который собирает мужиков в земскую избу для совета. В стиле повести используются сказовая манера замедленного повествования и словесно-изобразительные средства фольклора: гипербола, постоянные эпитеты, повторения. В описание сражений переводчик вводит стилистические приемы воинской повести.

Таким образом, западноевропейский рыцарский роман при переводе утратил черты оригинала и стал достоянием древнерусской литературы и устного народного творчества, перейдя затем в лубок.

«Повесть о Бове Королевиче» пользовалась успехом у читателя XVIII в., о чем свидетельствуют строки «Фелицы» Г. Р. Державина — «Полкана и Бову читаю». Сюжет повести поэтически обрабатывали А. Н. Радищев и А. С. Пушкин (обе поэмы не были закончены).

В XVII в. переводится также и ряд других рыцарских романов: «Повесть о Петре Златых ключей», восходящая к французскому рыцарскому куртуазному роману XV в., о приключениях рыцаря Петра и его самоотверженной любви к красавице королевне Магилене; «Повесть о Василии Златовласом», переведенная с чешского языка. Сюжет повести близок народному сказочному сюжету о добывании молодцем невесты, но он имеет определенное политическое звучание: французская королева Полиместра возмущена сватовством чешского королевича Василия. Для нее Василий только *«смердов сын».* Отомстив за оскорбление надменной и гордой красавице, Василий женится на ней. Повесть подчеркивала торжество славянина и импонировала национальному чувству русского читателя.

Были переведены также повести о римском цесаре Оттоне, о Мелюзине, о Брунцвике, сказочный роман о царевне Персике. Центральной темой этих повестей была тема земной любви. Они прославляли постоянство и верность в любви, право человека на наслаждение радостями жизни.

«Повесть о Еруслане Лазаревиче». К переводным повестям примыкает «Повесть о Еруслане Лазаревиче». Она возникла в казачьей среде на основе восточного сюжета, восходящего к поэме великого таджикско-персидского поэта Фирдоуси «Шах-намэ» (X в.). Герой поэмы Рустем в русской переработке превратился в удалого богатыря Уруслана, а затем Еруслана. Он называет себя *«русином»* и *«крестьянином»,* блюдет благочестие, отправляется на *«вещем коне Араше в чисто поле казаковать».*

Уруслан обладает гиперболической богатырской силой. В десятилетнем возрасте, играя со сверстниками, он причиняет им увечья: *«...ково возмет за руку, и у тово руку*

вырвет; а ково возмет за ногу, тому ногу выломит». Он проявляет доблесть и мужество, в бою не знает устали и постоянно одерживает победы: разбивает войско Данилы Белого, пленившего царя Киркоуса и его советника Залазара, отца Уруслана; побеждает в поединке русского богатыря Ивана; с помощью волшебного меча убивает Зеленого царя; побеждает *«сторожа»* границ *«Индейского царства»* богатыря Ивашку Белая поляница; убивает *«чудо о трех головах»,* пожиравшего людей; вступает в единоборство с собственным сыном.

Уруслан бескорыстен, благороден и незлопамятлив. Он выручает из плена изгнавшего его Киркоуса; убивает Зеленого царя, чтобы вернуть зрение Киркоусу и своему отцу, помазав их глаза печенью и кровью Зеленого царя. От предложенной ему Киркоусом награды Уруслан отказывается: *«Государь царь! одно взяти: либо корыстоватися, или богатырем слыти!»* Уруслан горд и самолюбив. Он гордится своей богатырской силой и не силах снести обиды, *«сшибает голову»* царь-девице, когда та хвалит Ивашку Белую поляницу и хулит его, Уруслана. Поверженному на землю Ивашке говорит: *«Брате Ивашко! за то тебя убью, что тобою девки хвалятца».*

Уруслану чужды хитрость, обман, коварство. Наехав на спящего богатыря Ивана, он не решается его убить: *«Убити мне сонного человека не честь мне, богатырю, будет».*

Свои подвиги Уруслан совершает во имя правды, чести и справедливости, но его подвигами также руководит стремление найти совершенную в мире женскую красоту.

Герой был близок и понятен русскому читателю, видевшему в нем отражение своего идеала человека.

Живая сказовая речь, широкое использование поэтики фольклора способствовали превращению «Повести о Еруслане Лазаревиче», как и «Повести о Бове Королевиче», в настоящие народные книги, характеризуя которые Ф. Энгельс писал: «Народная книга призвана развлечь крестьянина, когда он, утомленный, возвращается вечером со своей тяжелой работы, позабавить его, оживить, заставить его позабыть свой тягостный труд, превратить его каменистое поле в благоухающий сад; ...она также призвана... прояснить его нравственное чувство, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству».

Итак, вследствие изменений, происшедших в жизни, быте и сознании людей, меняется характер переводной литературы. Переводятся произведения преимущественно светского содержания. Однако переводчики по-прежнему не ставят своей целью передать с максимальной точностью оригинал, а приспосабливают его к вкусам и потребностям своего времени, наполняя подчас чисто русским содержанием, используя достижения и открытия в изображении человеческого характера, сделанные оригинальной литературой.

Герои переводных повестей изображаются многогранно, их поступки органически вытекают из свойств и качеств характера. Исключительные обстоятельства, в которых они действуют, служат средством заострения положительных сторон их натуры.

Образы переводной литературы в ряде случаев тесно сближались с персонажами устного народного творчества. Благодаря этому переводные произведения становились достоянием национальной народной литературы. Следует отметить, что приверженцы старины по-прежнему переводят с греческого языка хроники (хронограф Дорофея Монемвасийского), житийные сборники и сборники чудес («Грешных спасение»). Однако доля переводной литературы подобного рода становится незначительной.

Усиление культурных связей России с Западом отражается и в повестях русских послов. И хотя их официальные отчеты — «статейные списки» — не могут быть

отнесены к произведениям художественной литературы, они содержат ряд конкретных наблюдений быта, нравов, культурной жизни европейских стран XVII в. Таковы «статейные списки» посольства В. Лихачева в Ливорно, Чемоданова в Венецию, П. Потемкина в Испанию и Францию, Б. Шереметева на Мальту и дневник путешествия по Италии П. Толстого.

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Раскол в русской церкви и его сущность, В XVII в. церковь оставалась единственным институтом феодального государства, нарушавшим принцип централизации. Этому способствовало установление в 1589 г. патриаршества. Патриарх подчинял себе все церковные организации и оказывал большое влияние на царя. Государство стремилось подчинить себе церковь, и первым шагом к этому было создание в 1649 г. Монастырского приказа, изымавшего из ведения церкви судопроизводства над людьми, живущими в церковных владениях.

Постепенная утрата церковью былого авторитета в общественной и личной жизни, падение нравственности среди служителей культа вызывали тревогу правящих верхов. В связи с этим в 40-е годы XVII в. встал вопрос о проведении церковной реформы. При царском духовнике Стефане Вонифатьеве создается кружок *«ревнителей древлего благочестия»,* куда входят представители московского духовенства (Никон— архимандрит Новоспасский, Иван Неронов—протопоп Казанского собора, Федор Иванов — дьякон Благовещенского собора), представители светской власти (окольничий Ф. М. Ртищев) и провинциальные протопопы (Аввакум, Даниил Логгин).

Кружок ставил целью поднять религиозный и нравственный уровень духовенства, придать благообразие и чинность беспорядочной и суетной церковной службе. Ревнители *«древлего благочестия»* добились замены *«козлогласования»* единогласным пением и введения в церквах живой проповеди.

В то же время «справщики» печатного двора пришли к мысли о необходимости исправления богослужебных книг по греческим подлинникам, и к этой работе приступили в 1650 г. прибывшие из Киева ученые-монахи. Часть кружка «ревнителей» считала необходимым исправить книги не по греческим образцам, а по старым русским рукописям и постановлениям Стоглавого собора.

В 1652 г. умер патриарх Иосиф, и на патриарший престол был избран деятельный, энергичный и властолюбивый митрополит новгородский Никон. Сын мордовского крестьянина, он сделал головокружительную церковную карьеру, став патриархом, провел церковную реформу, разослав по церквам 14 марта 1653 г. «память», где в соответствии с обрядами греческой церкви предписывал заменить земные поклоны поясными, а двоеперстное крестное знамение троеперстным. Таким образом, реформа

была сведена к внешней обрядовой стороне, хотя и ставила своей целью укрепление церковной феодальной организации. По существу, реформа знаменовала новый этап подчинения церкви светской власти, поэтому ее активно поддерживало правительство Алексея Михайловича: окончательно она была закреплена постановлениями соборов 1654 и 1655 гг. Когда же Никон попытался противопоставить власть патриарха власти царя, выдвинув доктрину — *«священство выше царства»,* он был низведен с патриаршего престола, осужден и выслан в 1666 г. в Ферапонтов монастырь.

Реформа вызвала появление мощного антифеодального, антиправительственного движения —раскола, или старообрядчества. В момент своего возникновения это движение носило демократический размах, который придавало ему активное участие крестьянства и посадского населения. Неприятием Никоновой реформы народные массы выражали протест против феодальной эксплуатации, освященной церковью.

Активное участие в движении приняло сельское духовенство, страдавшее от постоянных притеснений светских и духовных властей. Примкнула к расколу и часть родовитого боярства (боярыня Ф. П. Морозова, ее сестра Е. П. Урусова, князья Хованский, Мышецкий, Потемкин, Соковнин), видевшая в реформе средство усиления царской власти.

Таким образом, раскол объединил на первых порах представителей различных классов и социальных групп. Этот временный союз всех оппозиционных элементов придал большую силу движению, но под общим лозунгом борьбы за «старую веру» скрывались различные классовые интересы.

Однако общим идеалом старообрядцев была уходившая в прошлое жизнь с ее устоявшимися формами бытового и религиозного уклада[1]. Они выступали активными борцами против всего нового и постепенно превращались в оплот реакции (конец XVII —начало XVIII в.), старавшейся повернуть колесо истории вспять и воспрепятствовать европеизации жизни России.

Противоречивая сущность раскола сказалась на деятельности идеолога старообрядчества протопопа Аввакума — талантливейшего писателя второй половины XVII в. Литературное наследие Аввакума привлекало и привлекает к себе внимание русских, советских и зарубежных ученых.

Аввакум (1621—1682). Перу *«огнепалъного»* протопопа принадлежит около 80 сочинений, из них 64 написаны в условиях последнего, пятнадцатилетнего заточения в земляном срубе Пустозерска на берегу Ледовитого океана, *«месте тундряном, студеном и безлесном».* Сам Аввакум так описывает тюрьму, где он сидел вместе со своими единомышленниками попом Лазарем, старцем Епифанием и дьяконом Федором: *«Осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьмя замками».*

Из этой земляной тюрьмы, огороженной *«тыном вострым»,* Аввакум руководит борьбой единомышленников, рассылая свои «беседы», «послания» по всем городам Руси, учит и *«одобряет детей духовных»,* обличает врагов, призывает стойко бороться за *«древлее благочестие». «Мне ведь неколи плакать: всегда играю со человеки. В нощи, что пособеру, а в день и рассыплю»,*— пишет он.

Связь с внешним миром Аввакум поддерживает через свою же стражу — стрельцов, которые, по-видимому, сочувственно относились к охраняемым узникам, а возможно, даже разделяли их убеждения.

Натура страстного и непримиримого борца, гневного обличителя «сильных мира сего»: воевод-бояр, патриарха и даже самого царя; печальника о народном горе и

ревностного фанатика, считавшего себя апостолом «истинной веры»,— вот те противоречивые черты личности Аввакума, отразившиеся в его сочинениях.

Никакие пытки и истязания, ссылки, гонения, уговоры царя и бояр, обещания земных благ за отказ от своих убеждений не могли заставить Аввакума прекратить борьбу против *«блудни еретической»* — Никоновой реформы. *«Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком!»* — под этим девизом прошла вся жизнь протопопа, ярко описанная им в лучшем его творении — «Житии», созданном в 1672—1673 гг.

«Житие протопопа Аввакума им самим написанное». Аввакум так определяет рамки своего повествования: *«...предлагаю житие свое от юности до лет пятидесят пяти годов».* Он отбирает лишь самые важные, самые главные вехи своей биографии: рождение в семье сельского священника-пьяницы *(«...отец же мой прилежаше пития хмельнова»),* первые испытания во время пребывания в Лопатицах и Юрьевце-Повольском; начало борьбы с Никоном и ссылка в Тобольск, а затем в Даурию; возвращение на Русь *(«...три года ехал из Даур»),* пребывание в Москве и подмосковных монастырских темницах и, наконец, лишение сана и последняя ссылка в Пустозерск.

Центральная тема жития — тема личной жизни Аввакума, неотделимая от борьбы за *«древлее благочестие»* против Никоновых новшеств. Она тесно переплетается с темой изображения жестокости и произвола *«начальников»-воевод,* обличения *«шиша антихристова»* Никона и его приспешников, утверждавших новую веру *«кнутом и виселицами».*

На страницах жития во весь свой гигантский рост встает образ незаурядного русского человека, необычайно стойкого, мужественного и бескомпромиссного. Характер Аввакума раскрывается в житии как в семейно-бытовом плане, так и в плане его общественных связей.

Аввакум проявляет себя и в отношениях к *«робяткам»* и верной спутнице жизни, преданной и стойкой Анастасии Марковне, и в отношении к патриарху, царю, и простому народу, к своим единомышленникам, соратникам по борьбе. Поражает необычайная искренность его взволнованной исповеди: горемыке-протопопу, обреченному на смерть, нечего лукавить, нечего скрывать. Он откровенно пишет о том, как прибегнул к обману, спасая жизнь одного *«замотая»* — гонимого человека, которому грозила смерть. Вспоминает о своих тяжких раздумьях и колебаниях, когда в порыве отчаяния, истерзанный пытками, гонениями, он готов был молить о пощаде и прекратить борьбу.

Аввакум — поборник справедливости: он не терпит насилия сильного над слабым. Он заступается за девицу, которую *«начальник»* пытался отнять у вдовы; защищает двух престарелых вдов, которых самодур-воевода Пашков решил выдать замуж. Выступая защитником слабых и угнетенных, Аввакум переносит, однако, решение вопроса социального в область религиозно-моральную, развивая евангельскую идею равенства всех людей «в духе», идею одинакового их подчинения богу.

Суров и непримирим Аввакум к своим идейным противникам — Никону и его приверженцам. Используя иронию и гротеск, он создает их яркие сатирические образы. На первый план выдвигается лицемерие и коварство Никона, который перед избранием в патриархи ведет себя, *«яко лис, челом да здорово»* (явная перекличка с сатирической «Повестью о Куре и Лисице»); а после *«друзей не стал и в крестовую* (приемную, патриаршую палату) *пускать».* В изображении Аввакума Никон — это *«плутишка», «носатый, брюхатый борзый кобель», «шиш антихристов», «волк», «пестрообразный*

зверь», «адов пес». Он подчеркивает жестокость Никона, который *«жжет огнем»,* пытает и мучает своих противников; говорит о распутной жизни патриарха. Под стать Никону и его соратники. Аввакум в одном из сочинений дает гротескный образ рязанского архиепископа Илариона: *«В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу на площаде, чтобы черницы-ворухиниянки любили».*

Обличает Аввакум сребролюбие никонианского духовенства: дьяк тобольского архиепископа Иван Струна за полтину оставляет безнаказанным «грех» кровосмесительства.

Изображает в житии Аввакум и представителей светской власти. Один из них избивает протопопа в церкви, а дома *«у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустил из зубов своих».* Этот же «начальник» пытается застрелить протопопа из пищали и, пользуясь своей властью, изгоняет его, *«всего ограбя и на дорогу хлеба»* не дав. За отказ благословить *«сына бритобрадца»* боярин Шереметев приказывает бросить строптивого попа в Волгу, где его в студеной воде, *«много томя, протолкали».* Жестокостью превосходит всех остальных «начальников» воевода Пашков — *«суров человек»: «...беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет».* Он нещадно избивает Аввакума, нанося ему три удара чеканом (боевым топориком с молотком вместо обуха) и 72 удара кнутом, после чего в Братском остроге протопоп *«все на брюхе лежал: спина гнила».* Пашков *«выбивает»* Аввакума из дощаника и, издеваясь над ним, заставляет идти пешком через непроходимые таежные дебри. Подчиненных ему людей суровый воевода морит на работе.

«Лес гнали хоромной и городовой. Стала нечева есть: люди учали с голоду мереть и от работныя водяные бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки болшие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска»,— так описывает Аввакум положение подчиненных Пашкову людей.

Обличая представителей церковной и светской власти, Аввакум не щадит и самого царя, хотя царскую власть он считает незыблемой. С царем Аввакум познакомился еще в молодости, когда, изгнанный воеводой из Лопатиц, он *«прибрел»* к Москве. Бегство протопопа от
мятежной паствы из Юрьевца-Повольского вызвало *«кручину»* — гнев« государя: *«На што-де город покинул?» «Яко ангела божия»* принимает его царь после возвращения из даурской ссылки. *«Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «Здорово ли-де, протопоп, живешь? еще-де видатца Бог велел!»*

Проходя часто мимо монастырского подворья, где жил Аввакум, царь раскланивается *«низенько-таки»* с протопопом. В то же время он дает приказ боярину Стрешневу уговорить Аввакума, чтобы тот молчал. Но это было не в характере *«огнепального»* протопопа, и он *«паки заворчал»,* подав царю свою челобитную, чтобы тот взыскал *«древлее благочестие».* Это вызвало гнев и раздражение Алексея Михайловича. Сосланный в Пустозерск, Аввакум в своих посланиях переходит к обличению *«бедного и худого царишки»,* который ко всем поддерживает *«еретиков».* Не считаясь с авторитетом царской власти, Аввакум предрекает Алексею Михайловичу адские мучения.

Характерно, что царь Федор Алексеевич, принимая решение о казни Аввакума в 1682 г., выносит постановление: сжечь его *«за великая на царский дом хулы».*

Если Аввакум непримирим и беспощаден к своим противникам, то он ласков, отзывчив, чуток и заботлив по отношению к своим сподвижникам, к своей семье. Иван

Неронов, Даниил Логгин, Лазарь, Епифаний, дьякон Федор, юродивый Федор, *«христовы мученицы»* Федосья Прокопьевна Морозова и Евдокия Прокопьевна Урусова изображаются протопопом в житии с большой симпатией и любовью.

Он образцовый семьянин. Он любит *«своих робяток»,* печалится об их горькой участи и о своей разлуке с ними (семья протопопа была сослана на Мезень). С грустью говорит Аввакум о своих сыновьях Прокопии и Иване, которые, испугавшись смерти, приняли «никонианство» и теперь мучаются вместе с матерью, закопанные живыми в землю (т. е. заключенные в земляную темницу). С любовью говорит протопоп и о дочери своей Аграфене, которая вынуждена была в Даурии ходить под окно к воеводской снохе и приносить от нее иногда щедрые подачки.

Наиболее значителен в житии образ спутницы жизни Аввакума, его жены Анастасии Марковны. Безропотно идет она вместе с мужем в далекую сибирскую ссылку: рожает и хоронит по дороге детей, спасает их во время бури, за четыре мешка ржи во время голода отдает свое единственное сокровище — московскую однорядку (верхнюю одежду из шерстяной ткани), а затем копает коренья, толчет сосновую кору, подбирает недоеденные волками объедки, спасая детей от голодной смерти; Марковна помогает мужу морально переносить все невзгоды, которые обрушивает на него жизнь. Лишь раз из истерзанной груди женщины вырвался крик отчаяния и протеста: *«Долго ли муки сея, протопоп, будет?»* Но стоило мужу вместо утешения сказать: *«Марковна, до самыя смерти!»,* как, собрав все свои силы и волю, она, вздохнув, ответила: *«Добро, Петрович, ино еще побредем!»* И какая красота души, сколько благородства, самоотверженности скрыто в этом простом ответе русской женщины, готовой делить все муки, все тяготы и невзгоды жизни с любимым человеком! По возвращении из ссылки протопоп, опечалившись по поводу того, что *«ничтож успевает, но паче молва бывает»,* решает, что ему делать: проповедовать ли *«слово божье»* или скрыться, *«понеже жена и дети связали»* его. И видя печального супруга, протопопица говорит: *«Аз тя и с детми благословляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи... Поди, поди в церковь, Петрович, — обличай блудню еретическую!»*

Изображая себя в обстановке семейно-бытовых отношений, Аввакум стремится подчеркнуть неразрывную связь бытового уклада с церковью. Патриархальный уклад, охраняемый старым обрядом, и защищает он. Он стремится доказать, что старый обряд тесно связан с самой жизнью, ее национальными основами, а новый обряд ведет к утрате этих основ. Страстная защита *«древлего благочестия»* превращает житие в яркий публицистический документ эпохи. Не случайно свое житие протопоп начинает с изложения основных положений *«старой веры»,* подкрепляя их ссылками на авторитет «отцов церкви» и решительно заявляя: *«Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю».* Собственная его жизнь служит лишь примером доказательства истинности положений той веры, борцом и пропагандистом которой он выступает.

Жанр и стиль жития. Житие Аввакума — это первая в истории нашей литературы автобиография-исповедь, в которой рассказ о злоключениях собственной жизни сочетается с гневным сатирическим обличением правящих верхов, с публицистической проповедью «истинной веры».

Тесное переплетение личного и общественного превращает житие из автобиографического повествования в широкую картину социальной и общественно-политической жизни своего времени. Житие вбирает в себя и этнографические описания далекого сибирского края, его рек, флоры и фауны.

С традиционными формами агиографической литературы житие связывает

немногое: наличие вступления, ссылки на авторитет «отцов церкви», присутствие религиозной фантастики, хотя характер ее резко изменился по сравнению с традиционными житиями; использование ряда образно-изобразительных средств агиографической литературы — например, олицетворением судьбы выступает корабль, а жизнь человеческая уподобляется плаванию.

Религиозная традиционная фантастика под пером Аввакума приобретает реальные бытовые очертания. Вот, например, «чудо, которое происходит в темнице Андрониева монастыря: три дня сидит здесь в темнице на цепи томимый голодом Аввакум, и перед ним предстает то ли ангел, то ли человек, и дает ему похлебать щей — *«зело привкусны, хороши!»* Или пищаль, из которой пытается убить Аввакума «начальник», трижды не стреляет, и протопоп объясняет это промыслом Божиим. И еще «чудо»: Бог помогает Аввакуму наловить много рыбы там, где ее никто не лавливал и т. п. Таким образом, все «чудеса», описываемые Аввакумом, не выходят за пределы реального бытового плана.

Новаторство жития Аввакума особенно ярко обнаруживается в его языке и стиле. Он пишет *«русским природным языком»,* о своей любви к которому заявляет во вступлении: *«И аще реченно просто, и вы, Господа ради..., не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русский природной язык, виршами философскими не обык речи красить».* Говорить «природным языком» призывает он и царя: *« Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком, не уничижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах».*

В стиле жития протопоп использует форму сказа — неторопливого рассказа от первого лица, обращенного к старцу Епифанию, но в то же время подразумевающего и более широкую
аудиторию своих единомышленников. Но, как отметил В. В. Виноградов, в стиле жития сказовая форма сочетается с проповедью, и это обусловило тесное переплетение церковно-книжных элементов языка с разговорно-просторечными и даже диалектными.

Для стиля Аввакума характерно отсутствие спокойного эпического повествования. Его житие состоит из ряда искусно нарисованных правдивых драматических сцен, построенных всегда на острых конфликтах: социального, религиозного или этического порядка. Эти драматические сцены соединены между собой лирическими и публицистическими отступлениями. Аввакум либо скорбит, либо негодует, либо иронизирует над противниками и самим собой, либо горячо сочувствует единомышленникам и печалится об их судьбе.

Житие — это мастерский изустный рассказ, не связанный никакими условностями. Рассказчик часто любит забегать вперед, возвращаться к ранее рассказанным эпизодам; он не следит за точной хронологической последовательностью повествования. Аввакум использует народные пословицы, поговорки, каламбуры, в которых подчас скрыта тонкая ирония. Например: *«Любил протопоп со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца»; «Бес – от веть не мужик: батога не боится».*

Исследователи стиля Аввакума в местах наиболее драматических отмечают наличие ритма и рифмы, звуковых повторов, аллитераций и ассонансов. Например: *«У церкви за волосы дерут, и под бока толкают и за чепь торгают и в глаза плюют».* Или: *«Среди улицы били батожъем и топтали и бабы были с рычагами».*

Свое эстетическое кредо Аввакум излагает в четвертой «беседе», посвященной иконному писанию. Он не принимает нового направления русской иконописи, теоретическое обоснование которому дали в эстетических трактатах знаменитый художник Симон Ушаков и Иосиф Владимиров. Аввакум отвергает новую живописную манеру. Протопопа возмущают иконы, писанные *«по плотскому умыслу, понеже сами*

еретицы» (никониане.— *В. К.) «возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя».* Аввакум сторонник *«тонкностных чувств», «горнего»* в иконописи. Он считает, что иконы нельзя *«будто живыя писать» «по фряжьскому, сиречь по немецкому»* обычаю. Ведь фряги, отмечает Аввакум, пишут *«Богородицу чревату в благовещение», «а Христа на кресте раздутова: толстехунек, миленькой, стоит, и ноги -те у него, что стульчики. Ох, ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелося немецких поступков и обычаев!»*

Теоретически отвергая *«живство»* в иконном писании, Аввакум в своих сочинениях постоянно к нему обращался. Он предельно конкретизировал абстрактные религиозные понятия и представления, наполнял их реальным бытовым содержанием, которое позволяло ему делать психологические и морально-философские обобщения.

Небесная иерархия получает у Аввакума реальное земное осмысление. Ту духовную пищу, которую он раздает своим *«питомникам»,* протопоп, подобно нищему, собирает по богатым дворам: *«У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба выпрошу; у Златоуста, у торговова человека, кусок слова его получю: У Давыда царя и у Исайи пророка, у посадцких людей, по четвертинке хлеба выпросил. Набрал кошель, да и вам даю, жителям в дому Бога моего».*

Тексты «священного писания» в истолковании Аввакума приобретают бытовую конкретность, которая сочетается с широкими обобщениями. Так, в толковании книги «Бытие» Аввакум изображает грехопадение Адама и Евы. В раю случилось, считает протопоп, то же самое, что *«до днесь творится... в слабоумных человеках»: «Потчивают друг друга зелием неравствореным, сиречь зеленым вином процеженным и прочими питии и сладкими брашны. А после и посмехают друг друга, упившегося до пьяна».* Совершив грехопадение, Адам стыдится признаться в своей вине Богу, ему не велит этого *«лукавая совесть»,* и он *«коварством хочет грех загладить, да и на людей переводит».* Адам торопится свалить вину на Еву, а Ева на *«змею». «Каков муж, такова и жена; оба бражники, а у детей и давно добра нечева спрашивать, волочатся ни сыты, ни голодны»,—* заключает Аввакум.

Особенности стиля жития и других сочинений Аввакума позволяют говорить о неповторимой творческой индивидуальности этого талантливейшего писателя второй половины XVII в., ярко отразившего характерные черты переходной эпохи.

Тесная связь Аввакума с демократическими слоями населения, участвовавшими в движении раскольников, определила новаторство его стиля. Стиль писаний Аввакума привлекал к нему внимание писателей XIX в. И. С. Тургенев, не одобряя личности Аввакума, восторгался его «живой речью московской» и отмечал, что он «писал таким языком, что каждому писателю следует изучать его».

В начале XX в. декадентствующие литераторы пытались поднять на щит образ невинного страдальца и видели в нем выразителя сущности национального народного духа, заключающегося якобы в безмерной любви к страданиям. Против такой трактовки выступил А. М. Горький, отметивший боевой демократический характер Аввакума. «Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» его остаются непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться»,— писал он. Стиль жития высоко ценил А Н. Толстой. Создавая «Петра I», он использовал живую разговорную речь Аввакума для передачи исторического колорита эпохи.

«Повесть о житии боярыни Морозовой». Среди произведений старообрядческой литературы обращает на себя внимание «Повесть о житии боярыни Морозовой»,

созданная в конце 70-х — начале 80-х годов XVII в. На первый взгляд она написана в традиционной агиографической манере XVI в. с явным преобладанием риторического украшенного стиля. Героиня повести *«блаженная и приснопамятная»* родилась *«от родителю благородну и благочестну».* Она научена *«добродетельному житию и правым дагматом священномучеником Аввакумом»,* творит безмерную милостыню, постнические подвиги, жаждет *«иноческого образа и жития»* и становится инокиней Феодорой. Жизнь ее подобна жизни первых христианских мучениц. Однако в повести нет ни риторического вступления, ни плача, ни похвалы, ни посмертных чудес. И сама героиня никаких чудес при жизни не совершает, и только «видение» Мелании является доказательством святости Морозовой. «Повесть о житии боярыни Морозовой» не столько автобиография, сколько жизнеописание, в котором раскрывается мужественный, стойкий характер русской женщины, отстаивающей свои убеждения. Повесть подчеркивает моральную красоту Федосьи Прокопьевны. Она не поддается ни уговорам, ни угрозам, отказывается участвовать в брачной церемонии царя с Натальей Нарышкиной, *«понеже тамо в титле царя благоверным нарицати и руку его целовати»,* ходить в никонианскую церковь. Вместе с сестрой Евдокией ее заковывают «в железа», заточают в темницу Алексеевского монастыря, а затем подворья Печерского монастыря. Мужественно переносит она разлуку с отроком сыном Иваном, его преждевременную смерть. В словопрениях она побеждает рязанского митрополита Илариона и самого патриарха Питирима. Тщетно Алексей Михайлович пытается уговорить боярыню, льстит ей, называя второй Екатериной мученицей, и просит только для вида поднять руку и показать сложенное троеперстное знамение. Морозова не идет ни на какие компромиссы, ни с властями светскими, ни с церковными. Тогда царь велит перевести ее в Новодевичий монастырь, а затем в Боровск в земляную тюрьму, где она умирает вместе с сестрой Евдокией голодной *«смертью нужною и напрасною и безгодною».*

В драматической форме переданы в повести последние дни героини. Терзаемая муками голода, узница обращается к охраннику: *«Умилосердися, раб Христов! Зело изнемогох от глада и алчю ясти, помилуй мя, даждь ми калачика». Он же рече: «Ни, госпоже, боюся». И глагола мученица: «И ты поне хлебца». И рече: «Не смею». И паки мученица: «Поне мало сухариков». И глагола: «Не смею». И глагола Феодора: «Не смееши ли, ино принеси поне яблоко, или огурчик». И глагола: «Не смею».*

К «Повести о житии боярыни Морозовой» во второй половине XIX в. обратились художник В. И. Суриков и поэт А. А. Навроцкий.

Помимо агиографических произведений, в старообрядческой литературе большое распространение получили жанры полемических посланий, трактатов, воззваний, обращенных к демократическому читателю. Чтобы сделать эти произведения понятными, их авторы «выработали особый тип письменности просторечия — «вякания», как называл его Аввакум по контрасту с книжной речью».

Итак, во второй половине XVII столетия создается и развивается новая демократическая литература. Отражая художественные вкусы посадского населения, она разрабатывает светскую тематику, смело опирается на устное народное творчество, широко использует его образы, сюжеты, жанрово-стилистические особенности.

В центре внимания демократической литературы — судьба обыкновенного посадского человека, пытающегося строить жизнь по своей воле и разуму. И хотя эти попытки не всегда удачны, и молодой человек зачастую терпит поражение, само внимание литературы к этим вопросам характерно для переходной эпохи.

Самым примечательным фактом литературного развития второй половины XVII в. явилось возникновение демократической антифеодальной сатиры, обличавшей важнейшие институты сословно-монархического государства: церковь и суд.

В русле демократической литературы развивалось и творчество протопопа Аввакума, отразившее рост самосознания личности и утвердившее ее неповторимую индивидуальную ценность.

Демократическая литература XVII в. разрушает прежний, некогда целостный художественный метод литературы XI—XVI вв. Его ведущие принципы — символизм, этикетность—уступают место «живству», народно-поэтической символике.

Существенное изменение вносит демократическая литература в жанровую систему: трансформируются старые и появляются новые жанры, лишенные пока четких очертаний. Жанровой «пестроте» демократической литературы соответствует пестрота ее стилей, где рядом с элементами книжного языка соседствуют просторечия, деловой канцелярский язык и язык устной народной поэзии.

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЭЗИИ

Процесс демократизации литературы встречает ответную реакцию со стороны господствующих сословий. В придворных правительственных кругах насаждается искусственный нормативный церемониальный стиль, элементы украинского барокко.

Проблема барокко в русской литературе. Термин «барокко» был введен сторонниками классицизма в XVIII в. для обозначения искусства грубого, безвкусного, «варварского» и первоначально связывался только с архитектурой и изобразительным искусством. В литературоведение этот термин ввел в 1888 г. Г. Вельфлин в работе «Ренессанс и барокко». Он сделал первую попытку определить признаки барокко, сведя их к живописности, глубине, открытости формы, т. е. чисто формальным признакам. Современный французский исследователь Жан Руссэ в работе «Литература века барокко во Франции» (1954) сводит барокко к выражению двух характерных мотивов: непостоянства и декоративности. По отношению к русской литературе термин «барокко» ввел Л. В. Пумпянский.

С расширительным толкованием барокко выступил венгерский ученый А. Андьял в книге «Славянское барокко». Его точка зрения была развита А. А. Морозовым, который склонен относить всю литературу второй половины XVII и первой половины XVIII столетия к барокко, видя в этом направлении выражение национального своеобразия русской литературы. Точка зрения А. А. Морозова вызвала резкие возражения П. Н. Беркова, Д. С. Лихачева, чешской, исследовательницы С. Матхаузеровой.

П. Н. Берков выступил с решительным отрицанием существования русского барокко и поставил вопрос о необходимости рассматривать русскую виршевую поэзию и драматургию конца XVII в. как зарождение нового классицистического направления. С. Матхаузерова пришла к выводу о существовании в русской литературе конца XVII в. двух направлений барокко: национального русского и заимствованного польско-украинского.

Д. С. Лихачев полагает, что следует говорить о существовании только русского барокко, которое первоначально было заимствовано из польско-украинской литературы, но затем приобрело свои специфические особенности.

В начале 60-х годов И. П. Еремин подробно и обстоятельно проанализировал особенности русского барокко в поэзии Симеона Полоцкого. Выводы и наблюдения этого ученого имеют важное значение для уяснения данной проблемы.

Несмотря на значительные расхождения во взглядах на барокко в русской литературе, исследователи установили наиболее существенные формальные признаки этого стиля. Для него характерно эстетическое выражение преувеличенного пафоса, нарочитой парадности, церемониальности, внешней эмоциональности, избыточное нагромождение в одном произведении, казалось бы, несовместимых стилевых компонентов подвижных форм, аллегоричность, орнаментальность сюжета и языка.

Необходимо разграничивать два различных аспекта в содержании термина барокко: а) барокко как художественный метод и стиль, возникший и развивавшийся в определенную историческую эпоху; б) барокко как тип художественного творчества, проявлявшийся в разные исторические периоды.

Барокко как стиль сформировалось в России во второй половине XVII века, и обслуживал зарождающийся просвещенный абсолютизм. По своей социальной сущности стиль барокко был аристократическим явлением, противостоящим демократической литературе. Поскольку переход к барокко в русской литературе осуществляется не от Ренессанса, как на Западе, а непосредственно от средневековья, этот стиль был лишен мистико-пессимистических настроений и носил просветительский характер; его формирование шло путем секуляризации культуры, т. е. освобождения ее от опеки церкви.

Писатели русского барокко, однако, не отвергали полностью религиозных взглядов, но представляли мир усложненно, считали его таинственным непознаваемым, хотя и устанавливали причинно-следственные связи внешних явлений. Отходя от старого средневекового религиозного символизма, они пристально всматривались в дела мирские, живую жизнь земного человека и выдвигали требования «разумного» подхода к действительности, несмотря на признание идеи судьбы и воли бога в сочетании с дидактизмом. На этой системе взглядов строился вымысел, система аллегорий и символов, а также сложная, порой изощренная структура произведений.

Стиль барокко в русской литературе конца XVII — начала XVIII века подготовил появление русского классицизма. Он получил наиболее яркое воплощение в стиле виршевой поэзии, придворной и школьной драматургии.

Становление и развитие русской книжной поэзии. Одним из важных факторов истории русской литературы XVII в. было появление и развитие книжной поэзии. Вопрос об ее истоках, причинах возникновения занимал и занимает многих исследователей. Еще в прошлом столетии сложились две противоположные точки зрения. А. Соболевский считал, что силлабические стихи — вирши (от лат. versus — стих) возникли под влиянием украинской и польской поэзии. Л. Н. Майкоп утверждал,

что «первые опыты рифмованных стихов явились, так сказать, сами собою и, во всяком случае, не как подражание западноевропейским силлабическим стихам с рифмами».

Значительный вклад в изучение начального этапа развития русской поэзии внесен советскими исследователями А. В. Позднеевым, Л. И. Тимофеевым и А. М. Панченко.

Возникновение книжной поэзии относится к первой трети XVII в. и связано с усилением роли городов в культурной жизни страны и стремлением передовых слоев русского общества освоить достижения европейской культуры, а также, по мнению А. М. Панченко, ослаблением роли фольклора. Русский речевой стих опирается, с одной стороны, на декламационный стих скоморохов, а с другой — использует опыт украинско-польской силлабической поэзии.

В период борьбы русского народа с польской интервенцией, в связи с усилением в литературе эмоционально-публицистического элемента, появляются первые попытки дать образцы стихотворной речи. В «Сказании» Авраамия Палицына часто встречаем рифмованную организацию повествовательной речи. Рифмованными виршами завершается «Летописная книга», приписываемая Катыреву-Ростовскому. Как отмечает Л. И. Тимофеев, стих в этих произведениях целиком основан на средствах речевой выразительности и не обращается к каким-либо элементам музыкальности. Однако речевая структура стиха давала некоторую возможность передать внутреннее состояние человека, его индивидуальные переживания. Стих еще не был упорядочен в ритмическом отношении: количество слогов в строке свободно менялось, на чередование ударений внимания не обращалось, рифма употреблялась преимущественно глагольная, мужская, женская, дактилическая и гипердактилическая. Эти так называемые досиллабические вирши начинают приобретать все большую популярность.

Однако наряду с досиллабическими виршами уже в первой трети XVII в. появляются силлабические стихи. Они утверждаются преимущественно в жанре послания. Так, в 1622 г. князь С. И. Шаховской «Послание к некоему другу зело полезно о божественных писаниих» завершает 36 рифмованными неравносложными строками.

Поп Иван Наседка заканчивает полемический трактат «Изложение на люторы» силлабическими стихами. «Многие укоризны», обличения пишет виршами князь И. А. Хворостинин. В конце своей жизни он создает полемический стихотворный трактат, направленный против еретиков,— «Предисловие изложено двоестрочным согласием, краестиховие по буквам» в 1000 стихотворных строк.

В первой половине XVII в. появляются сборники посланий, написанные силлабическим стихом. Один из таких сборников включает стихотворения «справщиков» Печатного двора с довольно разнообразной тематикой. Силлабические книжные песни создаются в начале 50-х годов XVII в. поэтами никоновской школы. Среди этих поэтов выделяется Герман, проявивший особую виртуозность в разработке акростиха, который можно читать справа налево и наоборот, снизу вверх и сверху вниз. Силлабические вирши начинают использоваться в описаниях гербов, в «Царском титулярнике» 1672 г., в надписях на иконах, лубочных картинках.

Большую роль в развитии силлабической поэзии сыграло творчество Симеона Полоцкого и его учеников Сильвестра Медведева и Кариона Истомина.

Симеон Полоцкий (1629—1680). Белорус по национальности, Симеон Полоцкий получил широкое образование в Киево-Могилянской академии. Приняв в 1656 г. монашество, он становится учителем «братской школы» в родном Полоцке. В 1661 г. город был временно занят польскими войсками. Полоцкий в 1664 г. переезжает в Москву. Здесь он обучал подьячих приказа тайных дел латинскому языку, для чего при Спасском монастыре была создана специальная школа. В 1667 г. царь Алексей

Михайлович поручает Симеону Полоцкому воспитание своих детей — сначала Алексея, а затем Федора.

Активное участие Полоцкий принимает в борьбе со старообрядцами. На церковном соборе 1666 г. он выступает с богословским трактатом «Жезл правления», где полемизирует с «челобитной» попа Никиты и попа Лазаря. По личной просьбе царя трижды ездит увещевать Аввакума.

Свою деятельность Симеон Полоцкий посвятил борьбе за распространение просвещения. Он активно участвует в спорах сторонников греческой и латинской образованности, принимая сторону последних, поскольку защитники греческой системы образования стремились подчинить развитие просвещения контролю церкви. Полоцкий считал, что в развитии образования основная роль принадлежит школе, и, обращаясь к царю, призывал его строить училища и *«стяжати»* учителей. Он разрабатывает проект создания первого в России высшего учебного заведения — академии. Незадолго до смерти им был написан проект устава будущей академии. В нем Симеон Полоцкий предусматривал весьма широкое изучение наук — как гражданских, так и духовных.

Большое значение придавал Полоцкий развитию печати: *«Ничто бо тако славу разширяет, яко же печать»,*— писал он. По его инициативе и личному ходатайству перед царем Федором Алексеевичем в 1678 г. в Кремле была открыта «Верхняя» типография.

Одним из любимых занятий Симеона Полоцкого было *«рифмотворение»,* т. е. поэтическая литературная деятельность, которая привлекала к себе внимание многих историков литературы.

Начало литературной деятельности Симеона Полоцкого относится ко времени его пребывания в Киево-Могилянской академии. В Полоцке он пишет стихи на польском, белорусском, украинском языках, обнаруживая незаурядное поэтическое дарование: он создает элегии, сатирическую поэму, направленную против шведского короля Густава-Адольфа, эпиграммы (в их античном значении). Прибыв в Москву, Полоцкий пишет стихи только на русском языке. Здесь его поэтическое творчество достигает своего наивысшего расцвета. Как отмечает его ученик — Сильвестр Медведев, Полоцкий *«на всякий же день имея залог писати в полдестъ и полутетради, а писание его бе зело мелко и уписисто».*

Силлабический стих Полоцкого формировался под непосредственным воздействием украинского и польского стиха. Однако возможность использования в русском стихосложении одиннадцати - и тринадцатисложного силлабического стиха с обязательной парной женской рифмой была подготовлена длительным историческим развитием выразительных средств, органически присущих русскому книжному языку. Силлабический стих Симеона Полоцкого был тесно связан с тем рафинированным книжным *«словенским языком»,* который им сознательно противопоставлялся языку разговорному.

Своим поэтическим произведениям Полоцкий придавал большое просветительное и воспитательное значение. Высокое призвание поэта Полоцкий видел в способности привлекать *«слухи и сердца»* людей. Могучее оружие поэзии, считал он, должно быть использовано для распространения просвещения, светской культуры, правильных нравственных понятий. Кроме того, вирши должны служить образцом для всех пишущих на *«словенстем книжном языце».*

Симеон Полоцкий выступает в качестве первого придворного поэта, создателя панегирических торжественных стихов, явившихся прообразом хвалебной оды.

В центре панегирических виршей стоит образ идеального просвещенного самодержца. Он является олицетворением и символом Российской державы, живым воплощением ее политического могущества и славы. Он должен посвятить свою жизнь благу государства, благу своих подданных, заботиться об их *«гражданской потребе»* и их просвещении, он строг и милостив и в то же время точный исполнитель существующих законов.

Панегирические вирши С. Полоцкого носят «характер сложного словесно-архитектурного сооружения — словесного зрелища». Таковы, например, панегирические вирши «Орел российский». На фоне звездного неба ярко блистает своими сорока восемью лучами солнце, движущееся по зодиаку; в каждый его луч вписаны добродетели царя Алексея. На фоне солнца — венценосный двуглавый орел со скипетром и державою в когтях. Сам текст панегирика написан в форме столпа — колонны, опирающейся на основание прозаического текста.

Как отмечает И. П. Еремин, поэт собирал для своих виршей вещи преимущественно редкие, «курьезы», но видел в них только «знак», *«гиероглифик»* истины. Он постоянно переводит конкретные образы на язык отвлеченных понятий, логических абстракций. На таком переосмыслении построены метафоры С. Полоцкого, вычурные аллегории, химерные уподобления.

В свои панегирические вирши С. Полоцкий вводит имена античных богов и героев: *«Фойе* (Феб) *златой», «златовласый Кинфей», «лоно Диево»* (Зевса), *«Диева птица»* (орел). Они непосредственно соседствуют с образами христианской мифологии и играют роль чистой поэтической условности, являясь средством создания гиперболы. С. Полоцкий культивирует фигурные стихи в виде сердца, звезды, лабиринта.

Особенности стиля С. Полоцкого — типичное проявление литературного барокко[2]. Все панегирические вирши (800 стихотворений), стихи на различные случаи придворной жизни были объединены С. Полоцким в сборник, который он назвал «Рифмологион» (1679— 1680).

Наряду с панегирическими стихами С. Полоцкий писал вирши на самые разнообразные темы. 2957 виршей различных жанров («подобия», «образы», «присловия», «толкования», «епитафия», «образов подписания», «повести», «увещевания», «обличения») он объединил в сборнике «Вертоград (сад) многоцветный» (1677—1678). Этому сборнику поэт придал характер энциклопедического поэтического справочника: вирши расположены по темам в алфавитном порядке названий. Все произведения как светской, так и религиозной тематики носят нравоучительный характер. Поэт считает себя носителем и хранителем высших религиозно-нравственных ценностей и стремится внушить их читателю.

В виршах С. Полоцкий ставит вопросы моральные, стараясь дать обобщенные образы *«девы»* («Дева»), *«вдовы»* («Вдовство»), рассматривает вопросы женитьбы, *достоинства, чести* и т. п. Так, в стихотворении «Гражданство» С. Полоцкий говорит о необходимости каждому человеку, в том числе и правителю, строго блюсти установленные законы. Основой общества поэт считает труд, и первейшая обязанность человека — трудиться на благо общества. Впервые намечена поэтом тема, которая займет видное место в русской классицистической литературе, — тема противопоставления идеальному правителю, просвещенному монарху тирана, жестокого, своевольного, немилостивого и несправедливого.

Философский вопрос о смысле жизни поднимает С. Полоцкий в стихотворении «Достоинство». Истинное блаженство поэт видит не в погоне за почестями, чинами, знатностью, а в возможности человека заниматься любимым делом.

Важным разделом поэзии С. Полоцкого является сатира-«обличение». Большинство его сатирических произведений носит обобщенно-моралистический, абстрактный характер. Таковы, например, обличения «Невежда», направленные против невежд вообще; «Чародейство», разоблачающее *«баб», «шептунов».*

Лучшими сатирическими произведениями С. Полоцкого являются его стихотворения «Купецтво» и «Монах».

В сатире «Купецтво» поэт перечисляет восемь смертных *«грехов чину купецкого».* Эти «грехи» — обман, ложь, ложная клятва, воровство, лихоимство — отражают реальную социальную практику купечества. Однако в стихотворении отсутствует конкретный сатирический образ. Поэт ограничивается простой констатацией грехов, с тем чтобы в заключение выступить с нравственным увещением *«сынов тмы лютых отложить дела тмы»,* чтобы избежать будущих адских мук.

Сатира «Монах» строится на противопоставлении идеала и действительности: в начале поэт говорит о том, каким должен быть настоящий монах, а затем переходит к обличению.

Но увы бесчиния! Благ чин погубися.
Иночество в безчинство в многих преложися.

Сатирические зарисовки пьянства, чревоугодия, нравственной распущенности монахов даны довольно ярко:

Не толико миряне чреву работают,
Елико то монаси поят, насыщают.
Постное избравши житие водити.
На то устремишася, дабы ясти, пити...
Мнози от вина буи сквернословят зело,
Лают, клевещут, срамят и честные смело...

В одеждах овчих вощи хищнии бывают,
Чреву работающе, духом погибают.

С. Полоцкий спешит подчеркнуть, что в его сатире речь идет не о всех монахах, а только о *«бесчинных»,* которых он и обличает *«с плачем».* Цель его сатиры нравоучительно-дидактическая — способствовать исправлению нравов, и в заключение поэт обращается к *«бесчинным»* инокам с призывом перестать *«сия зла творити».*

Эта моралистическая дидактика, стремление исправить пороки общества и тем самым укрепить его основы отличает дворянско-просветительную сатиру С. Полоцкого от демократической сатирической повести, где обличение носит социально острый, более конкретный характер.

Из поэтических трудов С. Полоцкого следует отметить рифмованное переложение Псалтыри в 1678 г., изданной в 1680 г. Положенная на музыку певческим дьяком Василием Титовым (им были заложены основы камерной вокальной музыки) рифмованная Псалтырь пользовалась большой популярностью. По этой книге М. В. Ломоносов познакомился с российским силлабическим стихотворством.

Таким образом, творчество С. Полоцкого развивалось в русле панегирической и дидактической поэзии барокко с его обобщенностью и многозначностью символики, аллегорий, контрастностью и гиперболизмом, дидактическим морализаторством. Язык поэзии С. Полоцкого чисто книжный, подчеркивающий отличие поэзии от прозы.

С.Полоцкий пользуется риторическими вопросами, восклицаниями, инверсивными оборотами. Тесно связанный с традициями архаического книжного языка, Семеон Полоцкий прокладывает пути развития будущей классицистической поэзии.

Сильвестр Медведев (1641 –1691). Учениками и последователями Симеона Полоцкого были поэты Сильвестр Медведев и Карион Истомин. «Человек великого ума и остроты ученой», как характеризовали его современники, «справщик» (редактор) Печатного двора, Сильвестр Медведев выступил как поэт лишь после смерти своего учителя. Его перу принадлежат «Епитафион» Симеону Полоцкому и панегирические стихотворения, посвященные царю Федору Алексеевичу («Привество брачное» и «Плач и утишение» по поводу кончины Федора) и царевне Софье («Подпись к портрету Царевны Софьи»), которую поэт активно поддерживал, за что был казнен по распоряжению Петра.

В «Епитафионе» Сильвестр Медведев прославляет заслуги «*учителя славна*», пекущегося о пользе ближнего. Медведев перечисляет труды Симеона Полоцкого.

В защищение церкве книгу Жезл создал есть,
В ея же пользу Венец и Обед издал есть.
Вечерю, Псалтырь, стихи со Рифмословием,
Вертоград многоцветный с Беседословием.
Все оны книги мудрый он муж сотворивый,
В научение роду российску явивый.

Как поэт Медведев малооригинален. Он многое заимствовал панегирических стихов своего учителя, но, в отличие от Симеона Полоцкого, избегал в своих виршах употреблять аллегорические и мифологические образы.

Карион Истомин (?– 1717). Более талантливым и плодовитым учеником Симеона Полоцкого был Карион Истомин. Поэтическое творчество он начал в 1681 году приветственными панегирическими стихами царевне Софье. Прославляя в «*пречестну деву добросиянну»,* поэт говорит о значении Мудрости (Софья в переводе с греческого означает «мудрость») в управлении государством и в жизни людей.

Так же как и С.Полоцкий, К.Истомин использует поэзию в качестве средства борьбы за просвещение. В 1682 г. он обращается к царевне Софье со стихотворным сборником (16 стихотворений), в котором просит ее основать в Москве учебное заведение для преподавания свободных наук: педагогических, исторических и дидактических.

С рядом наставлений 11–летнему Петру выступает поэт в книге «Вразумление» (1683г.). Правда, эти наставления идут от имени Бога:

Учися ныне, прилежно учися,
В младости твоей царь мудр просветися,
Пой передо мною, твоим Богом, смело
Явль суд и правду, гражданское дело.

Стихами была написана книга «Полис», дававшая характеристику двенадцати наук. К.Истомин часто создает акростихи (стихи, в которых из начальных букв строк складываются целые слова или фразы), а также использует вирши в педагогических целях: для обучения царевича Алексея Петровича он в 1694 г. составляет «Малый букварь», а в 1696 г. «Большой букварь», где каждую букву снабжает небольшим дидактическим стихотворением.

Благодаря деятельности С.Полоцкого и его ближайших учеников, силлабический стих начинает широко применяться в литературе. Возникает новый поэтический род – лирика, появление которой – яркое свидетельство начала дифференциации личности. Принципы силлабического стихосложения, разработанные во второй половине XVII века, получили дальнейшее развитие в творчестве поэтов – силлабитников первой трети XVIII века: Петра Буслаева, Феофана Прокоповича.

Однако силлабический стих не вытеснил полностью досиллабического, который даже пережил его и закрепился в позднейшем раешном стихе, в то время как на смену силлабике пришла силлабо–тоническая система русского стихосложения, разработанная В.К.Тредиаковским и М.В.Ломоносовым.

НАЧАЛО РУССКОГО ТЕАТРА И ДРАМАТУРГИИ

В последней трети XVII столетия возникает первый в России придворный театр, появление которого дало толчок становлению и развитию нового рода литературы – драмы.

Инициатива создания театра принадлежала главе Посольского приказа Артемону Сергеевичу Матвееву. Этот выдающийся государственный деятель был образованнейшим человеком своего времени и страстным пропагандистом светской литературы и искусства.

Падкий на всякого рода увеселения, царь Алексей Михайлович одобрил инициативу Матвеева, и весной 1672 г. началась деятельная подготовка к организации первого придворного театра.

Новой, доселе небывалой на Руси *«потехой»* царь решил отметить рождение у своей молодой жены Натальи Кирилловны ребенка (31 мая 1672 г. родился Петр). Для будущего театра в мае 1672 г. стали приспосабливать чердак дома боярина Милославского, а Матвеев начал переговоры с пастором Немецкой слободы Иоганном Готфридом Грегори, предлагая ему набрать труппу актеров и начать их обучение. 4 июня последовал царский указ: *«...иноземцу магистру Ягану Готфриду учинить комедию, а на комедии действовать из Библии Книгу Есфирь и для того действа устроить хоромину вновь».* «Комедийную хоромину» — первый театр стали спешно сооружать в подмосковной резиденции царя — селе Преображенском.

Из *«разных чинов служилых и торговых иноземцев дети»* была набрана первая труппа актеров в составе 60 мужчин. Вся работа по инсценировке библейского сюжета, режиссуре, обучению актеров ложилась на плечи Грегори, и, возможно, по его просьбе А. Матвеев поручает полковнику Николаю фон Стадену во время его поездки в Курляндию и Швецию *«приговаривать»* на службу московскому государю *«двух человек трубачей самых добрых и ученых, двух человек, которые бы умели всякие комедии строить».* Миссия Стадена успехом не увенчалась, ему удалось привезти лишь несколько музыкантов. Тогда Грегори в качестве помощников пригласил жителей Немецкой слободы Юрия Гивнера и Ягана Пальцера.

Грегори был не только первым режиссером, но и первым драматургом. Его перу принадлежит первая пьеса, шедшая на подмостках придворного театра,— «Артаксерксово действо». Это весьма убедительно доказано И. М. Кудрявцевым, обнаружившим считавшуюся утраченной пьесу в Вологодском архиве. Одновременно был найден текст пьесы в Лионе французским славистом А. Мазоном.

Все работы по организации театра велись под наблюдением Матвеева. Денег на новую *«потеху»* не жалели: пышно отделывалась внутри *«комедийная хоромина»,* шились богатые костюмы для актеров, лучшие живописцы трудились над декорациями.

Открытие театра и первое представление состоялось 17 октября 1672 г. На спектакле присутствовал царь и ближние бояре. Царица и придворные дамы сидели в специальной ложе за решетчатыми окнами. Представление длилось десять часов, и царь высидел его с удовольствием (бояре во время спектакля стояли), а по окончании

спектакля зрители направились в баню «смывать грех» своего участия в таковом «позорище».

Зимой 1673 г. театр продолжал свою работу в новом помещении над Аптекарской палатой Кремля. В этом же году труппа актеров пополнилась 26 русскими молодыми людьми, жителями Новомещанской слободы.

После смерти Грегори в 1675 г. руководство труппой перешло к Юрию Гивнеру, а затем Степану Чижинскому. Однако в начале следующего 1676 г. в связи со смертью Алексея Михайловича придворный театр прекратил существование.

Репертуар придворного театра. Репертуар придворного театра был довольно обширен. Первое место занимали инсценировки библейских сюжетов: «Артаксерксово действо» (по книге «Есфирь»), «Иудифь» (по одноименной библейской книге), «Жалостная комедия об Адаме и Еве» (по книге «Бытие»), «Малая прохладная комедия об Иосифе», «Комедия о Давиде с Голиафом», «Комедия о Товии Младшем». Большим успехом пользовалась пьеса на исторический сюжет о Тамерлане и Баязете — «Темир-Аксаково действо». Кроме того, в репертуаре театра была пьеса на античный мифологический сюжет: «Комедия о Бахусе с Венусом».

«Комедии» (термин «комедия» тогда употреблялся в значении драматического произведения, пьесы вообще) разделились по жанрам: «жалостные», или «жалобные» (с трагической развязкой), «прохладные» (доставляющие удовольствие, с благополучной развязкой) и «потешные», «радостные» (т. е. веселые комедии).

Особенности драматургии. Черпая сюжеты своих пьес из Библии или из истории, драматурги-режиссеры старались придать им внешнюю занимательность. Этой цели служили пышные декорации, костюмы, высокая патетика исполнения, натуралистические сценические эффекты (например, убийство с реками крови: актеру подвешивали пузырь с бычьей кровью).

Другой особенностью первых драматических опытов является тесное переплетение трагического и комического. Параллельно с трагическими героями действовали комические «дурацкие» персонажи, рядом с высокой патетикой давались комические фарсовые сцены.

Действие развивалось медленно, поскольку пьесы больше тяготели к развернутым эпическим повествованиям, нежели к сценическо-драматическим произведениям. Пьесы завершались торжеством религиозно-моральной правды над злом.

Героями выступали, как правило, цари, полководцы, библейские персонажи, что соответствовало общему аристократическому духу придворного театра.

В «комедиях» зритель явно ощущал связь изображаемого на сцене «действа» с современной ему придворной жизнью. Так, «Артаксерксово действо» прославляло мудрого, справедливого и чувствительного сердаем царя Артаксеркса и его вторую жену красавицу Есфирь. Это льстило самолюбию Алексея Михайловича, а избрание Артаксерксом новой жены напоминало его женитьбу на Наталье Кирилловне Нарышкиной.

Пьеса была снабжена предисловием, содержавшим прямой панегирик русскому царю и раскрывавшим основную идею: *«...како гордость сокрушается и смирение венец приемлем».*

Все эти особенности драматургии можно проследить на комедии «Иудифь». Пьеса представляет собой инсценировку библейского сюжета. В ней прославляется героический самоотверженный подвиг красавицы Иудифи, которая, обольстив своей красотой ассирийского полководца Олоферна, отрубает ему голову и тем самым спасает свой родной город Вефулию от врага.

Пьеса состоит из 7 актов и 29 сцен. В ней действуют 63 персонажа. Центральная героиня появляется лишь в четвертом действии. Высокая торжественная патетика архаической книжной речи характеризует героический образ Иудифи и Олоферна.

Рядом с трагическими героями и их высокой патетикой действуют «дурацкие» персонажи: служанка Иудифи Абра и ассирийский воин Сусаким. Они находятся во власти низменных человеческих чувств: трусости, страха за свою жизнь. Фарсовыми приемами, нарочито сниженной просторечной разговорной интонацией речи в пьесе раскрывается комизм их положения.

Комедия «Иудифь» также имела предисловие, в котором подчеркивался политический смысл пьесы: торжество Иудифи над ассирийцами и их полководцем Олоферном — символ грядущего торжества русского царя над своими врагами — «безбожными турками». Пьеса связана с традицией «английских комедий» и в то же время отражает вкусы и настроения русской придворной среды. Ее главные герои делятся на положительных и отрицательных, их характеры статичны. В ней отразились представления о переменчивости жизни, характерные для литературы переходной эпохи.

Таким образом, появление драматургии в русской литературе 70-х годов XVII в. было связано с формированием придворной культуры. Ее открытия и достижения были использованы театром начала XVIII в. Появление придворного театра способствовало развитию школьной драматургии. Связующим звеном придворной и школьной драматургии служат пьесы Симеона Полоцкого.

Развитие школьного театра. Жанр школьной драмы был хорошо известен воспитанникам Киево-Могилянской академии, где он использовался в нравственно-воспитательных целях и служил средством борьбы с католическим влиянием. Свою пьесу «О Навуходоносоре царе» Симеон Полоцкий предназначал для придворного театра. «Комидия притчи о блуднем сыне» (1673—1678 гг.), вероятно, разыгрывалась для назидательного представления выпускниками Московской школы.

«Комидия притчи о блуднем сыне». Написанная на сюжет евангельской притчи, «Комидия притчи о блуднем сыне» состоит из пролога, 6 действий и эпилога. Пролог к «Комидии» — своеобразная теоретическая декларация. В ней доказывается преимущество зрительного наглядного восприятия материала перед словесным:

Не тако слово в памяти держится,
Яко же еще что делом явится.

Симеон Полоцкий аргументирует необходимость введения *«утехи ради»* зрителя веселой интермедии, чтобы серьезное содержание пьесы не надоедало.

Автор также ставит вопрос о высокой нравственной пользе театрального представления:

Велию пользу может притча дати,
Токмо извольте прилежно внимати.

Основной конфликт пьесы отражает известное нам по бытовой повести столкновение двух мировоззрений, двух типов отношений к жизни: с одной стороны, отец и старший сын, готовый *«отчия воли прилежно слушати»* и в *«послушании живот свой кончати»,* с другой — *«блудный»,* стремящийся уйти из-под родительского крова, освободиться от отцовской опеки, чтобы *«весь мир посещати»* и жить свободно по своей воле.

В пьесе конфликт разрешается торжеством отцовской морали. Промотав все свое богатство в чужих краях, *«блудный»* вынужден пасти свиней и, чтобы окончательно не пропасть, возвращается под родительский кров, признав свою вину. Порок наказан, и добродетель торжествует. Дидактический смысл пьесы раскрывается в эпилоге:

Юным се образ старейших слушати,
На младый разум свой не уповати;
Старим — да юных добре наставляют,
Ничто на волю младых не спущают...

Пьеса ярко отразила стремление молодежи к усвоению европейских форм культуры и в то же время показала, что часть молодого поколения усваивает эти новые формы весьма поверхностно, чисто внешне.

Симеон Полоцкий стремился поднять значение «Комидии» до уровня дидактического наглядного обобщенного примера. Персонажи пьесы лишены конкретных индивидуальных черт, даже собственных имен — это обобщенные собирательные образы: отца, старшего послушного сына и младшего непокорного — «блудного». Однако в пьесе, как отмечает А. С. Демин, Блудный сын имеет свою национальную и социальную принадлежность. Он сын родовитых родителей, действие «Комидии» происходит в России, причиной его разорения являются «злые слуги», жертвой которых становится доверчивый юноша.

В соответствии с условиями школьного театра количество действующих лиц в «Комидии» невелико. Действие развивается в строгой логической последовательности. Персонажи четко делятся на положительных и отрицательных. Аллегорические фигуры отсутствуют. Каждое действие заканчивается пением хора и интермедией, которая, как уже отмечалось, ставила целью развлечь зрителя, внести комическую разрядку в общий серьезный тон основного действия.

Интермедии, написанные самим Симеоном Полоцким, до нас не дошли, но об их характере можно судить по другим сохранившимся интермедиям. Это забавные, комические сценки преимущественно бытового содержания. В них изображаются обыкновенные люди, осмеиваются глупость, тупость, невежество, пьянство и т. п. Отражая смешные стороны повседневной жизни, интермедия служила основой для дальнейшего развития жанра собственно комедии.

Большую роль в развитии школьной драматургии сыграл Дмитрий Ростовский (1651—1709). Для учащихся духовных школ Ростова, Ярославля им были написаны «Рождественская драма», «Успенская драма» и «Грешник кающийся». Они отличаются стройностью композиции, сценичностью и в ряде случаев живостью диалога. Связанные с традициями украинской школьной драмы, они делают значительный шаг вперед по пути освобождения от средневековой схоластической условности.

Школьная драма стоит в преддверии классицистической драматургии: логически последовательное развитие действия, четкость композиции, деление персонажей на положительные и отрицательные, дидактизм, стремление к логически обобщенному изображению явлений действительности — вот те элементы классицистической драматургии, которые начинают складываться в школьном театре.

В начале XVIII в. традиции школьной драмы продолжил Феофан Прокопович, превративший школьную пьесу в орудие политической сатиры.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В каких произведениях и как отразились исторические события борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией 1606—1612 гг.?

2. В чем и как проявляется фольклоризм «Повести о преставлении Михаила Васильевича Скопина-Шуйского»?

3. С какими традициями связаны «Сказание» Авраамия Палицына и «Летописная книга», приписываемая Катыреву- Ростовскому? В чем и как проявляется новаторство этих писателей?

4. Что нового внесли исторические повести «смутного времени» в развитие жанров исторического повествования?

5. Какие изменения претерпевают жанр жития в литературе первой половины XVII в. («Повесть о Юлиании Лазаревской»)?

6. Что нового вносит в развитие жанра исторической повести «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков»?

7. Каков характер конфликта и каковы средства его разрешения в «Повести о Горе-Злочастии»?

8. В чем своеобразие жанра и стиля «Повести о Горе-Злочастии»?

9. Как изображается борьба старого и нового в «Повести о Савве Грудцыне»?

10. Каков характер изображения «нового» героя и «новой» героини в «Повести о Фроле Скобееве»? Каковы особенности стиля повести?

11. Какие элементы сатиры используются в «Повести о Карпе Сутулове»?

12. Каковы основные темы и жанры демократической сатиры XVII в.?

13. В каких произведениях и как обличается «неправедный» суд?

14. Какой характер носит антиклерикальная сатира второй половины XVII в.?

15. В каких произведениях второй половины XVII в. и как обличается пьянство?

16. Каковы основные темы и жанры переводной литературы XVII в.?

17. Каков характер жанра «Повести о Бове Королевиче» и как изображаются ее центральные герои?

18. Каково идейно-художественное своеобразие «Повести о Еруслане Лазаревиче»?

19. В чем сущность раскола в русской церкви и каков характер мировоззрения протопопа Аввакума?

20. В чем и как выражается новаторский характер «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного»? Какие оценки личности и стиля Аввакума дали И. С. Тургенев, А. М. Горький?

21. Как решаются в науке вопросы появления и развития виршевой поэзии?

22. Какие элементы барокко присущи поэзии Симеона Полоцкого?

23. В чем своеобразие сатиры Симеона Полоцкого?

24. Когда и при каких обстоятельствах появляются придворный и школьный театры в России? Каков характер их репертуара?

25. Каковы идейно-художественные особенности придворной «комедии» «Иудифь»?

26. Какова проблематика и художественные особенности «Комидии-притчи о блуднем сыне» Симеона Полоцкого?

27. Как и в чем подготовила русская литература второй половины XVII в. появление классицизма?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении семивекового развития наша литература последовательно отражала основные изменения, происходившие в жизни общества.

Длительное время художественное мышление было неразрывно связано *с* религиозной и средневековой исторической формой сознания, но постепенно с развитием национального и классового самосознания оно начинает освобождаться от церковных уз.

Литература выработала четкие и определенные идеалы духовной красоты человека, отдающего всего себя общему благу, благу Русской земли, Русского государства. Она создала идеальные характеры стойких духом христианских подвижников, доблестных и мужественных правителей, *«добрых страдальцев за Русскую землю».* Эти литературные характеры дополняли народный идеал человека, сложившийся в эпической устной поэзии. О тесной связи этих двух идеалов очень хорошо сказал Д. Н. Мамин-Сибиряк в письме к Я. Л. Барскову от 20 апреля 1896 г.: «Как мне кажется, «богатыри» служат прекрасным дополнением «святителей». И тут и там представители родной земли, за ними чудится та Русь, на страже которой они стояли. У богатырей преобладающим элементом является физическая мощь: они широкой грудью защищают свою родину, и вот почему так хороша эта «застава богатырская», выдвинутая на боевую линию, впереди которой бродили исторические хищники... «Святители» являют другую сторону русской истории, еще более важную, как нравственный оплот и святая святых будущего многомиллионного народа. Эти избранники предчувствовали историю великого народа...»

В центре внимания литературы стояли исторические судьбы родины, вопросы государственного строительства. Вот почему эпические исторические темы и жанры играют в ней ведущую роль.

Глубокий историзм в средневековом понимании обусловил связь нашей древней литературы с героическим народным эпосом, а также определил особенности изображения человеческого характера.

Древнерусские писатели постепенно овладевали искусством создания глубоких и разносторонних характеров, умением правильно объяснять причины поведения человека. От статического неподвижного изображения человека наши писатели шли к раскрытию внутренней динамики чувств, к изображению различных психологических состояний человека, к выявлению индивидуальных особенностей личности. Последнее наиболее отчетливо обозначилось в XVII в., когда личность и литература начинают освобождаться от безраздельной власти церкви и в связи с общим процессом «обмирщения культуры» происходит «обмирщение» и литературы. Оно привело не только к созданию вымышленных героев, обобщенных и в известной мере социально индивидуализированных характеров. Этот процесс привел к возникновению новых родов литературы — драмы и лирики, новых жанров — бытовой, сатирической, авантюрно-приключенческой повести.

Усиление роли фольклора в развитии литературы способствовало ее демократизации и более тесному сближению с жизнью. Это сказалось на языке литературы: на смену устаревшему уже к концу XVII столетия древнеславянскому литературному языку шел новый живой разговорный язык, широким потоком хлынувший в литературу второй половины XVII в.

Характерной особенностью древней литературы является ее неразрывная связь с действительностью. Эта связь придавала нашей литературе необычайную публицистическую остроту, взволнованный лирический эмоциональный пафос, что

делало ее важным средством политического воспитания современников и что сообщает ей то непреходящее значение, которое она имеет в последующие века развития русской нации, русской культуры.

Древнерусская литература явилась той базой, которая подготовила расцвет русской классической литературы XIX в. При этом связь времен, связь литератур никогда не прерывалась и не прекращалась. Петровские преобразования явились крутым поворотом в жизни и культуре России: на смену «византиизму» вихрем ворвался «европеизм», слепой вере противопоставлял себя просвещенный разум, коренной перестройке был подвергнут семейно-бытовой и общественный уклад жизни верхов русского общества, было положено начало развитию «свободных» наук и искусств. Реформы великого преобразователя России — Петра I не случайно сопоставлялись современниками с реформой Владимира Святославича. Об этом свидетельствует трагедо-комедия Феофана Прокоповича «Владимир». Формировавшаяся новая дворянская культура, ориентированная на Запад, казалось, глухой стеной отгородилась от народной культуры, прочно хранившей традиции старины. Однако это только поверхностный взгляд может так представить себе развитие литературы и культуры «безумного и мудрого», по словам А. Н. Радищева, XVIII столетия. Осваивая достижения французского классицизма, английского сентиментализма, европейского просветительства, передовые писатели XVIII в. слепому подражанию европейцам противопоставили национальные основы культуры. Они вдохновлялись не только античными сюжетами, образами, но и опирались на сюжеты отечественной истории, воспевали своих героев: Петра Великого, Ивана Грозного, Дмитрия Донского, храброго Вадима, Синава (Синеуса) и Трувора, Хорева. Поэтами классицизма был подхвачен и развит патриотический пафос литературы Древней Руси. Своими торжественными одами они прославляли великую Россию и ее просвещенных монархов, непреходящим образцом которых являлся Петр I.

Принцип иерархизма, характерный для средневековой литературы, был использовал и по-своему преобразован русским классицизмом. Этот принцип стал определяющим в учении М. В. Ломоносова о «трех штилях». Поэт показал значение и роль церковно-славянского языка в русской национальной культуре, в том числе и литературе. Традиции эмоционально-экспрессивного стиля древнерусской литературы нетрудно обнаружить в торжественных одах М. В. Ломоносова. Поэты русского классицизма обратили внимание на высокую поэтичность Псалтыри, положив начало поэтическому переложению псалмов, их использованию в обличительных целях («Властителям и судьям» Г. Р. Державина).

При изучении особенностей русского сентиментализма нельзя сбрасывать со счетов богато разработанный древнерусской литературой жанр «хождений». Этими традициями пользовались и А. Н. Радищев и Н. М. Карамзин. Кроме того, «Путешествие» Радищева вобрало в себя жанры видения, сна, похвального слова. Для изображения нравственного идеала борца Радищев обратился к жанру жития («Житие Федора Васильевича Ушакова»), а в своей собственной судьбе усматривал много общего с судьбой святого Филарета Милостивого.

В творчестве Радищева обнаруживаются также следы древнерусского послания, беседы, используются мотивы «Слова о полку Игореве», образ Бовы.

XVIII век развеял многие призраки средневековья и положил начало научному освоению истории древней России и ее культурного наследия. Этому способствовали исторические труды В. Татищева, Гергарда Миллера, Августа Шлецера, Михаила Щербатова, просветительская деятельность Николая Новикова.

В конце XVIII — начале XIX в. было положено начало собирания памятников древнерусской письменности и их публикации.

Важными вехами стали открытие и публикация текста «Слова о полку Игореве» и создание Н. М. Карамзиным «Истории государства Российского» (первые 8 томов появились в 1818 г.). А. С. Пушкин справедливо назвал Карамзина «Колумбом русской истории», а его труд «подвигом честного человека». «История» Карамзина явилась источником тем, сюжетов, образов, питавшим своей живительной влагой не одно поколение русских писателей.

Решая задачи создания самобытной русской литературы, писатели, поэты различных политических убеждений, литературных вкусов и пристрастий в первые десятилетия XIX в. были единодушны в том, что литература должна выражать дух нации и для этого необходимо обратиться к отечественной истории и устному народному творчеству. Различия в течениях русского романтизма обозначились в принципах подхода к этому материалу, его трактовке, языковому оформлению, разделив писателей на «архаистов» и «новаторов». Показательна в этом отношении полемика карамзинистов и шишковистов — «Арзамаса» и «Беседы любителей русского слова»; П. И. Катенина и В. А. Жуковского. При этом нельзя приклеивать ярлык реакционности по отношению к сторонникам адмирала Шишкова и его «Беседе». В их позициях был ряд весьма здравых суждений, в частности они уделяли большое внимание языку книг словенских, т. е. церковнославянскому языку, в котором искали и находили «красоту слога» (правда, здесь не обошлось без крайностей, которые, как известно, свойственны русскому человеку). Воскрешая «века минувшей славы», соединяя ее со славой «нынешней», поэты-романтики приучали «россиян к уважению собственного».

В жанрах баллады, думы, поэмы, опираясь на «Историю» Карамзина, летописи, «Слово о полку Игореве», романтики воспевали героические подвиги князей Олега, Святослава, Владимира, княгини Ольги, Рогнеды, князей Мстислава Мстиславича, Даниила Галицкого, Андрея Переяславского, Михаила Ярославича Тверского, Дмитрия Донского, тираноборческий подвиг храброго Вадима, новгородскую «вольницу».

Подобно безвестному певцу «Слова о полку Игореве» поэты-романтики размышляли о том, как им «воспевать дела героев», *«старыми ли словесы»* или *«по былинам сего времени»,* т.е. следуя традициям устного народного творчества. В связи с этим в их творческом сознании возникал образ идеального древнерусского певца Бояна. Он представал то в облике оссиановского барда, певца «сладостных гимнов», мечтательного юноши, внимающего трелям соловья, слагающего свои песни под аккомпанемент арфы либо лиры, то убеленного сединами старца-пророка, воздающего хвалу «отечества хранителям», «могучими перстами» ударяющего «по струнам лиры». Боян сравнивался с библейским пророком Давидом (В. К. Кюхельбекер). Наследниками Бояна Жуковский считает Ломоносова, Петрова, Державина и даже себя, «певца во стане русских воинов», прославляющего героев Отечественной войны 1812 г. Весьма показательны те аналогии, которые приводят поэты-романтики, сопоставляя Бояна с Гомером, Ариосто и Виландом. В сердца своих слушателей-читателей певец вливает бодрость, «славы жар, и месть, и жажду боя»...

Следует отметить, что само имя Бояна трактуется русскими поэтами первой трети XIX в. по-разному: одни сохраняют это имя как собственное и удерживают написание «Слова о полку Игореве» — Боян; другие — производят его от глагола «баяти» — говорить, рассказывать басни, вымыслы, ворожить» и воспринимают как нарицательное имя певца вообще. В последнем значении употребляет имя Баяна АС. Пушкин в поэме «Руслан и Людмила» и К. Ф. Рылеев в одноименной думе. Правда, у Пушкина Баян —

«сладостный певец», славящий «Людмилы прелесть и Руслана и Лелем свитый им венец», а у Рылеева — «угрюмый певец», погруженный в «души угрюмые мечтанья» на шумном пиршестве. Его имя «рок умчит» в «мрак неизвестности», и Баяну остается одна надежда — «жить именем в преданье».

Обращает на себя внимание тот факт, что русская романтическая поэзия выработала вслед за древнерусской исторической литературой свою систему постоянных словесных формул-клише. Например: «копий лес», «тучи стрел», «груды тел», «живые струны», «рокот струн живых», «ударить по струнам». Битва — это «пир кровавый», «трапеза войны», «стелют, молотят снопы там из глав»; в бою участвует «крылатый чудный полк». Воин — это «щит земли родной», «он срезан был как зрелый клас». Из древней летописи заимствуются словесные формулы: «мертвым срама нет», «костьми здесь лягу».

Словесные художественные формулы русского романтизма нуждаются в тщательном изучении: собирании, классификации и выявлении их художественных функций.

Новый уровень освоения традиций древнерусской литературы обнаруживает творчество А. С. Пушкина. Великий русский поэт не только использовал сюжеты, мотивы, образы древнерусской литературы, но и прибегал к ее стилям и отдельным жанрам для воссоздания «духа времени».

В начальный период своего творчества Пушкин воспринимает традиции древней нашей литературы сквозь призму классицистической поэтики и осмысляет их с позиций французского просветительства. Героические мотивы древней литературы используются в «Воспоминаниях в Царском селе» и в замысле героической поэмы «Игорь и Ольга» (замысел остался неосуществленным).

С позиций французского просветительства было прочитано Пушкиным в лицее «Житие Новгородского архиепископа Иоанна». Под влиянием текста этого жития родился замысел юношеской незавершенной поэмы «Монах». Средневековый мотив заключенного в сосуде беса реализуется в фривольном сюжете поэмы о злоключениях монаха с юбкой, «видение» которой смущает покой инока Панкратия. «Вослед Радищеву» поэт идет в использовании образа славного русского витязя Бовы-королевича в начатой поэме «Бова».

В романтической поэме «Руслан и Людмила» Пушкин отталкивается не только от поэмы В. А. Жуковского «Громобой», но также обращается к древнерусской повести о Еруслане Лазаревиче, используя имя центрального героя Еруслана — Руслан и мотив встречи его с богатырской головой, хранящей меч. Очевидно, в романтическом стиле хотел поэт «воспеть Мстислава древний подвиг» вослед древнему певцу Бояну. Поединок князя Мстислава, зарезавшего касожского богатыря Редедю, видимо привлек внимание поэта.

Интересовал Пушкина и образ борца за свободу против тирании Рюрика — храброго новгородца Вадима.

Важным этапом в творческом развитии поэта явилось его обращение к летописям. Пушкина поразила «простота и точность изображения предметов» в русских летописях. Результатом первого обращения к летописи явилась баллада «Песнь о вещем Олеге». Критически оценивая думы К. Ф. Рылеева, Пушкин упрекал его в антиисторизме и обратил внимание на допущенный Рылеевым в думе «Вещий Олег» анахронизм. Летописец просто говорит: «Тоже повеси щит свой на вратех на показание победы», у Рылеева же речь шла о гербе России, якобы прикрепленном Олегом к вратам Цареграда,

а герб России появился только во второй половине XV столетия при Иване III, после его женитьбы на Софье Палеолог.

Сказание «Повести временных лет» о смерти вещего Олега «от своего коня» пленило Пушкина своей поэтичностью. Центральный мотив своей баллады «Песнь о вещем Олеге» о силе судьбы Пушкин связывает со своими раздумьями о месте поэта, его отношением с властями предержащими. Поэт — это волхв, кудесник-прорицатель, пророк.. Он «не боится могучих владык» и не нуждается в княжеском дарю. «Вещий язык поэта «правдив и свободен». Так в балладе зарождается тема программного стихотворения Пушкина «Пророк» и тянутся нити к поэтическому образу летописца Пимена в трагедии «Борис Годунов».

Чтение Шекспира и X, XI томов «Истории государства Российского» Карамзина, а также «старых наших летописей» подвигли Михайловского заточника, «схимника пустынной кельи» облечь в драматическую форму «одну из драматических эпох новейшей истории» конца XVI — начала XVII вв. и воскресить «минувший век во всей истине» в народной трагедии «Борис Годунов». Здесь Пушкин совершает художественное открытие нового художественного метода — реализма, краеугольным камнем которого становится подлинный историзм. Пушкин отказался от фактографического натуралистического воспроизведения своих исторических источников, внешней исторической стилизации языка, а пошел путем воссоздания «образа мыслей и языка тогдашнего времени».

Одной из ключевых сцен трагедии является «Ночь. Келья в Чудовом монастыре (1603 года)». Отец Пимен. Григорий спящий. Имя Пимена взято Пушкиным у Карамзина. В «Истории» Карамзина Пимен — инок Днепровского монастыря, помогавший Отрепьеву при переходе Литовской границы. В трагедии Пимен — летописец, мудрый старец, живой свидетель и участник взятия Грозным Казани, отражения от стен Пскова литовской рати Иваном Петровичем Шуйским, покаяния Ивана Грозного перед иноками Кирилло-Белозерского монастыря, очевидец благочестивой кончины царя Федора Иоанновича, свидетель «злого дела» —убийства царевича Дмитрия в Угличе... Летописные сказания Пимена «правдивы». Он не утаивает «темных деяний» государей и судит их нравственным судом.

«Характер Пимена не есть мое изобретение,— писал Пушкин.— В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях, умилительная кротость, простодушие, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать, набожное к власти царя, данной ему Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших»... *(Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. VII. М.; Л., 1949. С. 74). Эти черты были отчасти свойственны келарю Троице-Сергиевой обители Авраамию Палицыну. Его «Сказание» Пушкин привлекал в качестве источника своей трагедии. Показательно, что Авраамий декларирует в «Сказании» свою приверженность правде: «Не подобает убо на истину лгати, но с великим опасением подобает истину соблюдати».

В монологе Пимена Пушкиным подчеркивается мысль об общественном, гражданском долге летописца-писателя, т.е. поэта перед родиной, грядущими потомками: своим трудом, «усердным, безымянным», дать возможность узнать «своей страны минувшую судьбу», т.е. пробудить уважение к своему прошлому, ибо только «дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим» *(Пушкин А.С,* Т. VII. С. 196.).

В «Заметках по русской истории» в 1822 г. Пушкин писал: «Мы обязаны монахам нашей историей, следовательно, и просвещением» (Т. VIII. С. 126).

Следуя летописной традиции, Пушкин воссоздает «трогательное добродушие древних летописцев» и добивается такого «беспристрастия», что «автора почти нигде не видишь» (А. И. Тургенев).

В то же время Пушкин отмечает, что летописец не подобен «дьяку в приказах поседелому». Он не зрит «спокойно на правых и виновных». Пимен завершает свою летопись описанием «злого дела», «кровавого греха» царя Бориса и тем самым выносит свой приговор цареубийце. (Здесь Пушкин намекает на участие Александра I в убийстве отца — Павла I.) Суд летописца—это суд «нелицемерный», суд народный. Тень окровавленного «дитя» преследует царя. «Счастья нет» в измученной душе Бориса, его невозможно построить на крови невинно убиенного младенца. Так Пушкин предвосхищает в своей трагедии одну из основных идей Ф. М. Достоевского.

Устами Пимена Пушкин четко определяет тематическое содержание летописи:

«Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны»,

— наставляет Пимен Григория. Вполне возможно, что эти слова Пимена подсказали Л. Н. Толстому дать окончательное название своей эпопее — «Война и мир».

«Важность и значение для нас этого величавого образа» подчеркнул Ф. И. Достоевский в своей знаменитой речи о Пушкине. «Смиренная и величавая духовная красота» Пимена, — говорил он,— свидетельство мощного духа народной жизни» *(Достоевский Ф. М.* Собр. соч. М; Л., 1929. Т. 12. С. 385).

Выразителем «мнения народного» в трагедии Пушкина помимо летописца выступает юродивый Николка. Его образ воссоздан поэтом на основе традиций древнерусской агиографии. В иерархии древнерусской святости Христа ради юродивые занимают низшую ступень. В отличие от преподобного, юродивые не уходят от мира за стены монастыря, они живут среди мирян, народа на торжищах, площадях. Предаваясь суровой аскезе: ходят зимой и летом босые, гремят цепями своих железных вериг, надетых на голое тело, едва прикрытое рубищем, ночуют на папертях храмов или на торговой площади, совершают нелепые, нелогичные с точки зрения здравого смысла поступки, произносят странные, нелепые слова. Однако все поведение юродивого исполнено глубокого символического смысла. Народ называет юродивых «блаженными», т.е. достойными почитания в качестве святых, праведников. Их почитают и одновременно боятся. Широкое распространение подвиги юродства получают у нас в России с расцветом деспотизма.

Обратившись к Минеям-Четьим, Пушкин тщательно разыскивает в них тексты житий юродивых, в частности Василия Блаженного, жившего в середине XVI века на паперти деревянной Троицкой церкви, где он скончался 2 августа 1557 г. и погребенного там же при непосредственном участии Грозного. (Ныне усыпальница Василия Блаженного находится в каменном Покровском соборе, построенном русскими зодчими Бармой и Иваном Постником и широко известном москвичам как Собор Василия Блаженного. В 1588 г. Василий Блаженный был канонизирован и над его мощами был создан в подклети собора придел во имя этого святого.)

Пушкин обращается к В. А. Жуковскому с просьбой прислать ему в Михайловское жизнеописание юродивого Железного Колпака или житие какого-нибудь юродивого. Благодарит за присылку жития Железного Колпака Карамзина, иронически пишет П. А. Вяземскому: «В самом деле, не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженным»

(Пушкин. Т X. С. 181). По-видимому, Пушкин имел здесь в виду тот факт, что юродивые смело и беспощадно обличали жестокость и произвол самодержцев.

В трагедии «Борис Годунов» юродивый Николка смело обличает царя Бориса, открыто называет его убийцей младенца царевича Дмитрия. Просьба царя, обращенная к Николке молиться за него, царя, вызывает протест Николки: «Нет, нет! Нельзя молиться за царя Ирода, Богородица не велит!»— бросает юродивый вослед уходящему царю. Так перекликается оценка «злого дела» царя Бориса, данная летописцем, с нелицемерным людским судом: кровавое преступление царя не прощает даже «заступница теплая мира холодного» — Богородица. Высший суд над цареубийцей вершит Бог: царь Борис умирает внезапно, без покаяния!

«Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию, навряди, мой милый,— пишет Пушкин Вяземскому.— Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» (Т. X. С. 189).

Характерно, что внезапная смерть Александра I в Таганроге получила народную оценку в песне «Эй, в Таганроге, там случилася беда» и породила легенду о старце Федоре Кузьмиче. Эту легенду в начале XX в. начал обрабатывать Л. Н. Толстой. Не случайно также роман Л. Н. Толстого «Воскресение» завершается встречей Нехлюдова со стариком-юродивым на пароме, а затем в одной из камер ссыльных.

В трагедии А.С. Пушкина народ выступает носителем стихии мятежа и пассивности, а также здоровых нравственных начал добродушия и правды. Роль народа — этого «безводного моря» подчеркивают также исторические источники трагедии. В трагедии Пушкин использовал отдельные летописные приемы. Один из них — точная хронологическая датировка сцен трагедии: «Кремлевские палаты (1598 года, 20 февраля)»; «Ночь. Келья в Чудовом монастыре (1603 года)»; «Граница Литовская (1604 года, 16 октября)»; «Равнина близ Новгорода Северского (1604 года, 21 декабря)». Так сохраняется Пушкиным в трагедии летописное хроникальное время. Типично летописным приемом является изложение в трагедии исторических событий словами их очевидцев. Так, угличскую трагедию излагают Пимен и князь Шуйский. О покаянии Грозного и кончине царя Федора Иоанновича рассказывает Пимен; о чудесном прозрении на могилке царевича Дмитрия слепого пастуха повествует патриарх Иов. История изображается Пушкиным в трагедии как своеобразный тип национальной культуры, как тип поведения русских людей и поляков, носителей западной культуры. Примечательными в этом отношении являются сцены, изображающие поведение patera, придворного польского поэта, Марины и воеводы Мнишка.

В трагедии Пушкин овладевает новым для него летописным стилем, наполняя его новым образным художественным содержанием (см.: *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941).

Художественное мышление летописным и агиографическим стилями по-новому проявилось у Пушкина в 30-е гг. В таких произведениях, как «Моя родословная», «Родословная моего героя», «История села Горюхина», «Повести Белкина». Летописные стилистические формулы, исторические термины, древнеруссизмы приобретают в этих произведениях новые оттенки сказовой народной речи, создают образ наивно-простодушного рассказчика Белкина. Летописный слог позволяет передать непосредственность жизненно-бытовых зарисовок, которые приобретают сатирические оттенки. «Прелесть простоты вымысла», столь пленившая Пушкина в «Киево-Печерском патерике», становится достоянием пушкинской прозы, прокладывавшей новые пути в русской литературе.

Романтизм лермонтовской поэзии не только отталкивался от поэзии Байрона, но и опирался на героико-патриотические мотивы древнерусских исторических сказаний и преданий. Особое место в его творчестве занимает тема вольного Новгорода. Усиление психологизма проявляется в разработке мотива исповеди. Сквозь призму народно-нравственных представлений преломляется тема Ивана Грозного. Демонологические мотивы древней письменности своеобразно отразились в «Демоне». Новый подход к традициям древнерусской литературы обнаруживает Н. В. Гоголь. Если в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде» народно-поэтические представления увязываются с мотивами древнерусских сказаний, поверий, мотивами героическими, в частности образностью «Слова о полку Игореве», то в зрелом творчестве писатель впервые в русской литературе обращает внимание на учительную древнерусскую письменность. Он усматривает живую струю самобытности древнерусской литературы «в слове церковных пастырей — слове простом, некрасноречивом, но замечательном по стремлению... направить человека не к увлечениям сердечным, но к высшей умной трезвости духовной» *(Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 147—149).

Результатом напряженной работы Гоголя над творениями отцов церкви явился его труд «Размышления о Божественной литургии», а также «Выбранные места из переписки с друзьями».

Во второй половине XIX в. начался новый этап в изучении древнерусской литературы и новый этап в освоении художественной литературой ее традиций.

Теперь русская литература обращается к древней в поисках нравственного возрождения и оздоровления современного человека, как к важнейшему психологическому источнику и источнику новых форм художественного повествования. Эти особенности в освоении традиций древнерусской литературы ярко проявились в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Ф. М. Достоевскому чуждо было «слепое, беззаветное обращение к дремучей старине». Однако «одержимый злобами дня», «тоской по текущему», писатель пришел к глубокому убеждению, что «человек идеи самостоятельной, человек самостоятельно деловой, образуется лишь долгою самостоятельною жизнью нации, вековым многострадальным трудом ее — одним словом, образуется всею исторической жизнью страны».

Уже в начале творческого пути, разрабатывая тему «маленького человека» в «Бедных людях», «Двойнике», Достоевский ярко отразил протест личности против ее обезличивания, нивелировки. Нельзя превращать личность человека в «ветошку» — тряпку. Образ человека — «ветошки», по-видимому, порожден апокрифическим сказанием «Повести временных лет» под 1071 г.

Вероятно, от апокрифических дуалистических сказаний об извечной борьбе Бога и дьявола, добра и зла идет концепция Достоевского о постоянной борьбе этих двух начал в душе человека, что и является внутренней психологической трагедией личности.

Обращаясь к древнерусской литературе, Достоевский видит в ней отражение духовной культуры народа, выражение его этических и эстетических идеалов.

«Вся тысячелетняя история России,— отмечал писатель,— свидетельствует об изумляющей деятельности русских, сознательно созидающих свое государство, отбивая его всю тысячу лет от жестоких врагов, которые без них низринулись бы на Европу» (Т. XI. С. 225).

«Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того... был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то, что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа»,— писал Достоевский (Т. XI. С. 184). Эту красоту писатель видел в нравственном идеале смиренного, терпеливого, несущего безропотно свой крест страдания русского мужика. Писатель был убежден в неистребимости «в сердце народа

нашего жажды правды, которая ему дороже всего». Он отмечал, что в народе «есть положительные характеры невообразимой красоты и силы» (Т. XII. С. 395). Таков Илья Муромец — «подвижник за правду, освободитель бедных и слабых, смиренный и непревозносящийся, верный и сердцем чистый» (Т. XII. С. 71).

Высшим нравственным идеалом народа Достоевский считал Иисуса Христа, образ которого русский народ «любит по-своему, т.е. до страдания» (Т. XI. С. 37).

Следует отметить, что во второй половине XIX в. в России христологическая проблема приобрела особую остроту, что было порождено общим кризисом, переживаемым христианской культурой.

Появление знаменитой картины художника А. А. Иванова «Явление Христа народу» вызвало горячий отклик в русском обществе. Картина И. Н. Крамского «Христос в пустыне» была воспринята в качестве своего рода манифеста передовой революционной молодежью.

Новую трактовку евангельскому образу дал в своем христологическом цикле Н. Н. Ге («Тайная вечеря», «Выход в Гефсиманский сад», «Поцелуй Иуды», «Что есть истина?», «Суд синедриона», «Голгофа»). Пытался очистить христианство от церковных искажений Лев Толстой.

Достоевский связывает с образом Христа веру в конечное торжество царства света, добра и справедливости.

«Дитя века, дитя неверия и сомнения», Достоевский стремится убедить, уверить, прежде всего, самого себя, что «нет ничего прекраснее, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа» (Т. П. С. 31).

В Христе Достоевский видел воплощение идеала гармонической личности — «бога-человека» и противопоставлял его болезненно-самолюбивой, раздвоенной личности эгоцентриста — «человека-бога».

Христос Достоевского весьма далек от ортодоксального церковного образа и гораздо ближе апокрифическому образу, отразившему народные представления об идеальном человеке. Это прекрасно понял К. Леонтьев, который писал, что о Христе Достоевский говорит «не совсем православно, не святоотчески, не по-церковному» *(Леонтьев К.* Восток. Россия и славянство / Сб. статей. М., 1885., Т II. С. 295).

Ставя в центре своих романов философские и нравственные проблемы смысла жизни, добра и зла, Достоевский переносил их решение из временного плена в план «вечных истин» и прибегал с этой целью к характерным для древнерусской литературы приемам абстрагирования. Этой цели служат используемые писателем евангельские и агиографические сюжеты, мотивы и образы.

Так, в романе «Преступление и наказание» большое внимание отводится евангельской притче «Воскрешения Лазаря», используется жанровая структура жития, изображающего путь грешника от преступления к покаянию и нравственному воскресению. Большую роль в романе играет символика креста.

Встреча Христа с Марией Магдалиной лежит в основе сюжета романа «Идиот», где мастерски использован также сюжет особенно любимого Достоевским «Жития Марии Египетской».

Обобщенно философский смысл придает Достоевский притче об исцелении Христом бесноватых в романе «Бесы».

Идее всеобщего разложения, разъединения людей, «когда все врозь, даже дети врозь», противопоставляет Достоевский идею братского единения людей, носителем которой являются странник Макар Иванович Долгорукий в романе «Подросток». Странничество и «покаянные подвиги» — характерные жизненные явления народной

жизни»,— утверждал Достоевский. Они порождены неистребимой жаждой правды, живущей в русском народе.

В романе «Братья Карамазовы» Достоевский синтезирует, обобщает философские и нравственные идеи своего творчества и широко использует текст евангелия, сюжеты и образы русской агиографии, а также апокрифической литературы.

В поисках новых жанровых форм в последний период своего творчества Достоевский обращается к «Житию великого грешника», к замыслу романа-притчи «Атеизм» и тем самым намечает новые пути в развитии русского романа. Этим путем пошли писатели 60—70-х гг. XX в., в частности Чингиз Айтматов («Белый пароход», «И дольше века длится день»).

Л. Н. Толстой шел к освоению традиций древнерусской литературы через «книгу детства человечества «Библию». На эту книгу писатель обратил серьезное внимание в конце 50-х—начале 60-х годов, в период своего первого увлечения педагогической деятельностью. Библия, по мнению Толстого, открывает человеку новый мир, заставляет его «без знания... полюбить знание». «Каждый из этой книги в первый раз узнает всю прелесть эпоса в неподражаемой простоте и силе» *(Толстой Л. Н.* Пол. собр. соч.: В 90 т. Т. 8. С. 89).

Толстого-педагога интересует, «какие книги распространены в народе, какие он любит и читает более других?» (Т. 8. С. 28). На собственном опыте писатель убеждается, что народ «с постоянной и новой охотой читает произведения фольклора, летописи и все без исключения памятники древней литературы» (Т. 8. С. 61). Народ читает не то, что мы хотим, а то, что ему нравится... и своим собственным путем вырабатывает свои нравственные убеждения» (Т. 8. С. 363). Нравственные убеждения народа становятся объектом пристального внимания писателя, органически усваиваются им и становятся решающими при оценки писателем различных явлений современной жизни.

Обратившись к событиям Отечественной войны 1812 г., Толстой в романе-эпопее «Война и мир» использует эпические традиции русских летописей и воинских повестей[1].

Глубоко интересоваться древнерусской агиографией начинает Толстой в 70-е гг. при создании своей «Азбуки». Он внимательно читает «Четьи-Минеи» и обнаруживает в наших житиях «русскую настоящую поэзию». Для славянского отдела «Азбуки» Толстой отбирает материалы из Библии, летописей и житий. В первую книгу «Азбуки» Толстой включает из Четьих-Миней Макария: «О Филагрии мнихе», «О дровосеке Мурине», из Четьих-Миней Дмитрия Ростовского «Житие преподобного Давида». Во вторую книгу «Азбуки» — «Житие преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, нового чудотворца», в третью книгу — «Чудо Симеона Столпника о разбойнике» и в четвертую книгу «Слово о гневе» из макарьевских миней.

Все эти произведения были переведены на современный русский язык «по возможности подстрочно» с сохранением особенностей синтаксиса древнерусского оригинала, отличаются простотой и ясностью изложения, доступными для понимания ребенка. Они раскрывают духовную красоту христианских подвижников: честность, трудолюбие, бескорыстное служение людям, пагубность гнева и ненависти.

В процессе работы над «Азбукой» у Толстого возникает замысел издания отдельных житий для народного чтения. Обращается к знатоку древней письменности архимандриту Леониду (Кавелину) с просьбой «составить список наилучших, роднейших житий из Макарьевских (Четьих-Миней), Дмитрия Ростовского и Патерика» (Т. 62. С. 120).

В письме Леониду от 22 ноября 1847 г. Толстой писал: «В предполагаемой мною книге (или ряде книг) я разделяю две стороны: форму — язык, размер (т. е. краткость или

длину) и содержание — внутреннее, т. е. нравственно-религиозные основы, и внешнее, т.е. описываемые события» (Т. 62. С. 126). Свое издание Толстой намеревался начать с кратких, более простых по языку Макарьевских житий, постепенно переходя к более «сложным по внутреннему содержанию» житиям, от более простых подвигов мученичества «до более сложных, как подвиги архипастырей церкви, действующих не для одного своего спасения, но и для общего блага» (Т. 62. С. 126).

Примечательно, что житийная литература интересует Толстого своим внутренним нравственно-психологическим содержанием.

Ознакомившись с научным трудом архимандрита Леонида «Благовещенский иерей Сильвестр и его писания», Толстой писал: «Судя по нем, я догадываюсь, какие сокровища,— подобно которым не имеет ни один народ,— таятся в нашей древней литературе» (Т. 62. С. 161).

Замысел издания житий для народа Толстым осуществлен не был. Сохранился лишь набросок начала «Жития и страдания мученика Иустина-философа» (1874—1875 гг.).

Библейский эпиграф «Мне отмщение и Аз воздам» предпослал Толстой роману «Анна Каренина». Этот эпиграф обобщает многозначность нравственно-философского содержания романа. В тексте романа Толстой использует символы, восходящие к древнерусской литературе: «свечи», «железа», «машины».

Интерес к древнерусской агиографии усиливается у Толстого в период перелома его миросозерцания. Четьи-Минеи, Прологи становятся любимым чтением Толстого, о чем он и пишет в «Исповеди». Это чтение открывает писателю «смысл жизни» (Т. 23. С. 52).

Судя по записной книжке, Толстого особенно интересуют жития Пафнутия Боровского, Саввы Сторзжевского, Симеона Праведного, Лаврентия Калужского, Елеазара Анзерского, Александра Свирского, Макария Великого, Варлаама и Иосафа. Пристальное внимание Толстого привлекает личность и «Житие» протопопа Аввакума. Он делает выписки из жития, работая над историческим романом «Петр I».

В повести «Отец Сергий» Толстой использует эпизод «Жития» Аввакума — исповедь блудницы. Аввакум мирил «блудное разжение» пламенем свечи, Сергий у Толстого —
отрубает палец.

Обращает на себя внимание общность мотива «путешествия» в «Житии» Аввакума и Нехлюдова в романе «Воскресение». Только у Аввакума это «подневольное» путешествие опального ссыльного бунтаря, у Толстого — добровольное хождение по этапу кающегося дворянина.

В своих философских трактатах Толстой часто использует средневековые притчи: в «Исповеди» притчу о единороге, притчей иллюстрирует трактат «О жизни», работает над драмой-притчей «Петр-хлебник». Характер притч носят многие народные рассказы Толстого.

Евангельские притчи и символы широко используются Толстым в философско-публицистических трактатах, усиливая их дидактическую сторону и обличительный пафос.

В 1900-е гг., когда писателя волнует проблема «ухода» из семьи, его внимание привлекает «Житие Алексея, человека Божьего», где эта проблема занимает важное место.

Новый этап в освоении традиций древней русской литературы наступает в XX в. Эти традиции осваиваются по-своему русским символизмом, Максимом Горьким, Маяковским, Есениным.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основой изучения студентом истории древнерусской литературы является вдумчивое прочтение основных рекомендуемых текстов. Их минимальный объем представлен в Хрестоматиях, составленных Н. К. Гудзием, Н. И. Прокофьевым: Хрестоматия по древней русской литературе / Сост. Н. К. Гудзий. Науч. ред. Н. И. Прокофьев. 8-е изд. М., 1973. Древняя русская литература. Хрестоматия / Сост. Н. И. Прокофьев. М, 1980.

Тексты в хрестоматиях опубликованы на древнерусском языке, что порой отталкивает студента «трудностями» прочтения, а точнее, понимания.

Следует посоветовать не пугаться этого, а постараться вникнуть в смысл читаемого. Для этого нужно читать очень медленно! Вникать в смысл каждого слова и обращаться к словарям: Материалам для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского, или Полному церковно-славянскому словарю Г.Дьяченко, или Словарю русского языка XI—XVII вв. АН СССР. Институт русского языка (изд. не завершено, вышел 21 выпуск). Можно также использовать Словарь «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1—23.

Работа со словарями позволит студенту постигнуть не только смысл древнерусских слов, но и их значение для современного русского языка, эстетические свойства старославянского языка, облегчит усвоение такого трудного для филолога предмета, как старославянский язык и история русского литературного языка.

Студент, конечно, может облегчить свою задачу и обратиться к переводам текстов на современный русский язык. Такие переводы он может найти в изданиях серии «Литературные памятники», «Всемирная литература», «Памятниках литературы Древней Руси» в 12 т. Однако переводы не дают возможность глубоко постигнуть красоту и глубину древнерусских текстов.

Помимо хрестоматии, каждому студенту необходимо полностью прочитать «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» в любом издании (М., 1960; Иркутск, 1979 и др.).

Любознательному студенту можно рекомендовать научно изданные тексты древнерусской литературы в серии «Литературные памятники»:

Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949.

«Повесть временных лет». М.; Л., 1950. Ч. 1, 2.

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Л., 1986.

Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Послания Ивана Грозного. Л., 1951.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.

Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965.

Русская демократическая сатира XVII века. Л., 1977.

Повесть о Горе-Злочастии. Л., 1974.

Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л., 1953.

«Слово о полку Игореве». М.; Л., 1950.

В издательстве «Советская Россия» в серии «Сокровища древнерусской литературы» изданы:

«Слово о полку Игореве». М., 1981.

Древнерусские предания XI—XVI вв. М., 1982.

Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV вв.

Записки русских путешественников XVI—XVII вв. М., 1988.

Красноречие Древней Руси (XI—XVII вв.). М., 1987.

Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М., 1984.

Русская бытовая повесть. XV—XVII вв. М., 1991.

Сатира XI—XVII веков. М., 1987.

Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1980.

Для желающих ознакомиться с более полным объемом древнерусской литературы рекомендуется: Памятники литературы Древней Руси: В 12т. / Общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1978—1994.

1. XI —начало XII века.
2. XII век.
3. XIII век.
4. XIV — середина XV века.
5. Вторая половина XV века.
6. Конец XV — первая половина XVI века.
7. Середина XVI века.
8. Вторая половина XVI века.
9. Конец XVI — начало XVII века.
10. XVII век. Книга первая.
11. XVII век. Книга вторая.
12. XVII век. Книга третья.

Учебники и учебные пособия

Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 7-е изд. М., 1966.

Древнерусская литература в исследованиях. Хрестоматия / Сост. В. В. Кусков. М., 1986.

Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд. Л., 1987.

История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1985.

Справочники

Литература и культура Древней Руси. Словарь — справочник / Под ред. В. В. Кускова. М., 1994.

Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев.

Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.

Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Часть 1. «А» — «К». Л., 1988.

Часть 2. «Л»— «Я». Л., 1989.

Вып. 3. (XVII век). Часть 1. «А» —«З». СПб., 1992.

Часть 2. «И» — «О». СПб., 1993. (Издание не завершено.)

Монографии, статьи Обязательные

Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974.

Лихачев Д, С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979.

Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. Л., 1985.

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966. *Федотов Георгий.* Святые Древней Руси. М., 1990.

Дополнительные

Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения агиографического стиля Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20.

Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л, 1968.

Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Грихин В. А. Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV—XV вв. М., 1974.

Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М., 1984.

Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977.

Демин А. С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993.

Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума. Творческая, история произведения. Л., 1974.

Демкова Н. С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 302—316.

Демкова Н. С. Средневековая русская литература (поэтика, интерпретация, источники). СПб., 1997.

Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.

Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960.

Дмитриева Р. П. «Сказание о князьях Владимирских». М.; Л., 1955.

Дмитриева Р. П. «Повесть о Петре и Февронии». Л., 1979.

Державина О. А. «Великое зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

Державина О. А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962.

Древнерусская литература: Изображение общества. М., 1991.

Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М., 1995.

Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969.

Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров, сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.

Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970.

Класс Б. М. Русские летописи / Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.

Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых ключей. М., 1964.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973.

Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975.

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

Лурье Я. С. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 185—195.

Мещерский II. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978.

Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVII веков. М : Л . 1945

Панченко Л М. Русская стихотворная культура XV11 пека Л . 1973

Панченко Л. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л . 1984.

Прокофьев П. И. Хожение: путешествие и литературный жанр//Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV веков. М., 1984. С. 5—20.

Прокофьев II. И. О некоторых гносеологических особенностях литературы русского барокко // Проблемы жанра и стиля в русской литературе. Сб. трудов кафедры русской литературы МП1И им. Ленина. М., 1973.

Позднеев А. В. Русские песенники XVII—XVIII веков // Уч. записки ВГЗПИ. I958, Т. 1.

Робинсон А. И. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии М , 1980.

Робинсон А. П. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М .1963.

Ромодановская II. К. Русская литература на пороге нового времени. Новосибирск, 1994.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники». М., 1971.

Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Итореве». М., 1991.

«Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы// ТОДРЛ. Л.. 1976. Т. 31.

«Слово о полку Игореве» и его время / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1985.

Исследования «Слова о полку Игореве» / Огв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986.

«Слово о полку Игореве». Комплексные исследования / Отв. ред. А. Н. Робинсон, М., 1988.

Синицына М. В. Максим Грек в в России. М., 1977.

Шахматов А. А. Повесть временных лет Пг., 1916. Т. 1.

+++